

Юниль Булатов
НА КРАЮ «СВЕТА»

Роман

ГЛАВА 1

На очередной встрече иностранных журналистов с болгарской провидицей спросили о феномене, проживающем в Сибири.

Слепая баба Ванга долго молчала, прислушиваясь к голосам, и тихо ответила

- В Красноярском крае есть 26 Красноярсков. 25 из них находятся под землей. А наверху на берегах Енисея раскинулся старый город, где на улице Брянской живет необычный человек.

- Чем же он необычный? – придвинулись ближе агенты ЦРУ, КГБ и прочих пятидесяти разведок, прибывших в Болгарию под видом журналистов.

- Бог наказал его, – сказала Ванга.

- Чем же наказал Бог? – любопытствовали журналисты.

- Наказал работать!

- Работать?! Да мы все без работы не сидим!

- Наказал работать без вознаграждения.

- Тогда действительно наказал! – журналисты разочарованно разошлись, и только один самый настырный агент не отступил.

- Не могли вы уточнить имя необычного человека, обреченного на Сизифов труд?!

- Не могли бы вы уточнить имя необычного человека?

Баба Ванга задумалась, вновь прислушивалась к внутренним голосам и, обратив слепые глаза к настырному журналисту, вдруг заговорила чужим металлическим голосом.

- Настоящее имя необычного человека не дано знать. Он работает стрелком охраны гостиницы для высоких чинов. - Слепая бабушка вновь задумалась и добавила – Бог наказал, бог и помилует.

... Тем временем в далекой Сибири прапорщик с фамилией Качинский сильно икал. Юрий Николаевич пробовал пить газированную воду из автомата – сорок маленьких глотков! Затем пробовал отжиматься, висеть на руках, стоять на ушах – ничего не помогало. Работа прапорщика была крайне – опасная и сложная - он охранял двор и парадный вход ведомственной гостиницы. По утрам ровно в семь ноль- ноль гостиницу покидали усталые невыспавшие люди в погонах с множеством звездочек. Людей было столь много, что в стеклянных дверях возникало волнение. Ровно в восемь ноль-ноль шла обратная волна, и стеклянные двери поглощали толпу столь же многочисленную, но уже со свежими лицами. Толпа входила в огромную кабину подземного лифта и с большой скоростью погружалась на глубину ста метров, где и находился один из 26 номерных подземных Красноярсков.

Прапорщик с фамилией Качинский никак не интересовался подземным Красноярском: во-первых, любопытство было запрещено, а во-вторых, ночами на службе Юрий Николаевич писал стихи. Краем уха, от местных шоферюг из огромного гаража он слышал о каком-то огромном экране, на котором демонстрировалась цветная карта Мира, подобно карте ЦУП на космодроме Байконур.

В этот чудесный день прапорщик по фамилии Качинский успел хорошо опохмелиться с шоферюгами, но душа не приняла дрянное вино "Солнцедар", отчего и возникла икота. Распивали вино из огромных темных бутылок среди сверкающих черных автомобилей "Волга", за которыми в углу гаража пряталась маленькая железная дверка. За дверцей находился рай, поскольку оттуда выплывали всякие закуски и папиросы "Беломорканал" Ленинградской фабрики имени Урицкого. Когда шоферы заснули в кожаных креслах уютных автомобилей, Качинский проник за дверцу и тотчас ухнул вниз вместе с кабиной грузового лифта. Путаными коридорами с множеством переходных лестниц прапорщик вошел в большой зал объекта Сибирского Аналитического Центра. Второй объект АБЦ находился в Москве на Ленинском проспекте. Множество военных сидело за мониторами персональных компьютеров и наблюдало на огромном экране круглый Овальный кабинет Белого дома. В столице США шла встреча президента Ойгана и госпожи Маргарит Титчас. Скрытая камера передавала картинку на советский спутник шпион "Метеор-1,2,3,4". Спутник, пролетая над Красноярском, сбрасывал информацию на суперкомпьютер, собранный из нескольких десятков японских машинок. Скрытые камеры были установлены также в ванной и туалетах Белого дома, куда часто перемещались выше названные господа.

Английский премьер-министр беспричинно и громко смеялась и с тяжестью в сердце прятала красное лицо в горячих ладонях. Президент Ойган, склонясь на ушко премьер-министра, предлагал всякие глупости, сильно смущая железную леди. Интерьер кабинета снова сменился огромной картой мира. Операторы с темными кругами под глазами принялись энергично разминать руки и головы, взбалтывая кисель мозгов. Карта мира была многоцветной. Территория СССР выделялась большим белым пятном, а пограничные территории окрашены в красные и зеленые тона. Ярким глазом семафора смотрел Афганистан, отсталое государство с кочевыми племенами. И только дружественная Индия радовала глаз зеленым цветом.

В зале началось движение, гражданские лица сменили военных, что покидали аналитический центр железной походкой и стальным блеском в глазах. Яркий блеск в глазах генералов отражался в зеркалах многих просторных лифтов, идущих со стометровой глубины в холодные вестибюли обычных НИИ и библиотек, якобы пионерских. На выходе каждого секретного лифта сидели агенты и, сличая отпечатки пальцев, выпускали на свободу специалистов, равных которым не было в мире.

Прапорщик по фамилии Качинский заметался в долгих переходах и, было заблудился, как вдруг оказался в читальном зале большой библиотеки. Случалось сидеть и на этом посту, также сличая отпечатки пальцев, выходя-

щих из подземелья. Библиотека располагалась в старинном здании рядом с кинотеатром "Октябрь" и часто в ночные смены прапорщика смущали голоса и музыка, доносящиеся из соседнего кинотеатра – какие фильмы могли демонстрироваться за полночь, а то и под утро?

На этот раз на вахте под видом библиотекаря сидела девушка с большими серьезными глазами с осиной талией и грациозной головкой. Прапорщик напряг память, пытаясь вспомнить имя прекрасной сотрудницы из штата КГБ. Юрий Николаевич понял, что через эту вахту ему не выйти на свободу и только вздохнул – какой счастливец владеет таким сокровищем.

- Пока никто! – сказала вслух девушка – Поторопитесь!

Прапорщик кинулся вперед, но турникет цепко схватил его и отбросил в глубь библиотеки. После мучительных поисков среди высоких стеллажей со старинными книгами прапорщик оказался в кабинете начальника гостиницы.

- Товарищ полковник, разрешите отовариться.

Иван Иванович Голубев, был добрым, как Генеральный секретарь и также любил целовать всех встречаемых. От избытка чувств губастый Иван Иванович принялся лобызать прапорщика. Целоваться с Иван Иванычем было трудно из-за густой бороды, какую любил носить полковник. «Потеряешься в бороде, пока найдешь губы» - жаловалась жена. Зная слабость начальника, прапорщик всегда крепил булавку к воротнику. Больно уколовшись, полковник сел писать отпускную записку начальнику столовой.

"Прашу Вас товарищ полковник выделить прапорщику Качинскому мяса сколько хошь. Полковник Голубев".

В подвале столовой прапорщик огромным топором отхватил медвежью ляжку килограммов на пятнадцать и в дверях столкнулся с Маслимом Нагумаевым, что так же пришел рубить филейную часть огромного медведя, добытого в тайге, близко подходящей к индустриальному городу. Маслим Нагумаев был страшно зол, и махал родовым кинжалом с пятнышком крови – только что Иван Иванович тоже пытался мусолить губы известного баритона, но тот с кавказским темпераментом едва не отсек ухо полковника. Перепуганный начальник разрешил взять медвежьего мяса, сколько певец унесет. Нагумаев махнул кинжалом, отсек филейную часть и с этим трофеем великий певец убежал варить целебное мясо.

Вслед за Нагумаевым в подвал кафе ворвалась Эдита Чешская, совершенно похудевшая вдвое на красноярской диете. Прилавки гастрономов были завалены одной морской капустой, а все съедобное было отправлено на БАМ.

Голодная Эдита впиалась зубами в большие губы Иван Ивановича. Полковник бежал в свой кабинет, бросив на съедение певице обширные склады со всяческими финскими салями и марокканскими апельсинами. В свою очередь прапорщик Качинский исследовал наливные яблоки под кофточкой Эдиты.

- Да иди ты! – отмахивалась Эдита, ударяя по рукам наглого прапорщика.

Внезапно рука Качинского столкнулась с другой рукой. Прапорщик, предполагая, что это ручка Эдиты, поцеловал ее, но рука оказалась отчего-то большой и жутко волосатой.

- Спасибо прапорщик, благодарю за службу! – сказала басом волосатая рука и сложилась в кукиш – А теперь еще разок.

Прапорщик Качинский вытянулся в струнку и отдал честь майору Журавель, что с другой стороны также воровал чужие яблоки в романтических польских садах.

Майор Журавель был начальником прапорщика, и только что прибыл в подвал с деликатесами, бросив пост в детском кафе – центральном пункте охраны Сибирского Аналитического Центра. С вечера до утра молодые женщины с детьми патрулировали улицу Мира. Много раз прапорщик Качинский работал с молодыми женщинами – агентами по борьбе с терроризмом. Качинский умел читать по губам, и каждый раз поражался примитивному женскому трепу – все, чем мужики делились по пьяни, бабы обсуждали всерьез и подробно.

Качинский с куском медвежатины продолжал исследовать подземный склад и увидел за поворотом массивного секретаря Крайкома партии Ивана Сусанина. Секретарь хозяйским взглядом оглядывал продуктовые ряды московского снабжения и складывал ананасы и рябчики в тележку, с какой обычный люд ходит по универсаму. Рядом хлопотала Зинаида, жена первого секретаря и добавляла в тележку необходимые к медвежатине и ценной рыбе грузинские специи. В другой тележке везли всяческие марочные вина. Иван скрытно от жены кинул в тележку водку. Зина водку убрала и взамен положила французский коньяк.

Внезапно тележки столкнулись, и из-за поворота возник как привидение секретарь горкома Ломоносов. Голова края и голова города, также беря пример с генерального секретаря, троекратно расцеловались, а жены принялись щебетать как воробьи на теплом солнечном карнизе.

«Какие люди да без охраны!» - подумал Качинский и поспешил вон.

С тяжелым куском мяса и коробкой апельсин прапорщик Качинский пошел отсыпаться на родную Каменку. Голодные псы, учуяв мясо дикого зверя, принялись травить прапорщика, приняв его за медведя.

Зимнее солнце, дымно вися над горизонтом, кидало студеные краски на крыши пряничных домов. По улице Перенсона ходили незримые силы и водили за собой сугробы снега – зазевавшиеся автомобили тотчас зарывались в снег, легкий как пух. Пушистый снежок лепил срубы и наличники старинных домов, погрузившихся в землю по окна. Витринные стекла гнулись под ветром, сбежавшим с незамерзающей реки, солнечные зайцы прыгали по кирпичным брандмауэрам, на которых белой краской сияли вечные призывы "Миру мир!" Но мир был хрупок – черные копченые трубы многочисленных котелен, подобно зениткам расстреливали залпами черного дыма стаи ворон, что шумно вращались над старыми кварталами. Пахло железной дорогой и ранним детством.

В детстве у Юры Качинского заболела голова. Мать повела к знахарке. Знахарка на большой чугунной сковороде растопила сливочное масло и гусяным пером водила по стриженной голове. Знахарка сказала, что у мальчика в будущем будет много проблем, и все будут учить его жить. Учителя, которых мальчик не будет слушаться, будут преследовать его всеми средствами, включая и достижения современной науки и техники. И действительно уже по дороге домой в тот же день встретила строгая учительница и в течение часа делала выговор за суеверие и хождение к знахарям.

При воспоминании о далеком детстве у Юрия Николаевича Качинского вновь сильно разболелась голова. Качинский присел на пенек над черной никогда не замерзающей речкой Каменкой, петляющей черным зеркалом среди великих белых сугробов. Юрий Николаевич прикрыл глаза, слипающиеся после бессонной ночи, и тотчас вспомнил запах кипящего масла, виноватое лицо молодой матери и строгие глаза красивой учительницы. Приплыли голоса с близкого стадиона. Над старыми домами взвились красные флаги. Вдоль белоснежных тротуаров пробилась первая зелень, а в руках девочек с белыми фартуками ожили бумажные цветы. Тотчас сердце пронзило шальное чувство – проспал свою жизнь! Качинский открыл глаза и верно: солнце сидело в Караульной часовне и пускало из окна лазерный луч. Собаки доедали медвежье мясо, а из темной воды незамерзающей Каменки торчал перископ игрушечной подводной лодки. Вот с субмарины взвилась игрушечная ракета и ударила по своре псов, грызущих медведя. Собаки с воем разбежались.

Вторая ракета сбросила шапку с головы прапорщика. Осердясь, Качинский спрыгнул в речку, что была ему по колено, и по зеленой воде шагнул к субмарине. Игрушечный экипаж заметался по палубе и с мышиним писком скрылся в корпусе. Забурлила вода, подлодка погрузилась в вонючую жидкость, но прапорщик оказался ловчее и скоро ухватился за игрушечное судно. Но подлодка была килограммов двести.

- Рожденный ползать летать не может! – сказал за спиной мужской голос.

Качинский оглянулся. Перед ним в меховом комбинезоне и унтах стоял городской сумасшедший Слава-Мастер. Бывший летчик горел в самолете и слегка тронулся умом. Слава ходил за водой, неся коромысло с полными ведрами на вытянутой руке. Помимо страшной физической силы Слава умел читать мысли человека, и бабы часто советовались с ним, куда мужики прячут заначку. Слава охотно помогал, поскольку сам не пил и не курил и пропагандировал здоровый образ жизни. По ночам Слава ремонтировал телевизоры, и его звали Мастером.

Слава легко достал вражескую подводную лодку и, привязав веревку, потянул ее по дороге, укатанной машинами. Собаки бешено кидались на диковинную рыбу, а на обвалившейся набережной из столетних лиственниц собралась толпа мужиков и баб в подшитых растоптанных валенках и шапках ушанках. Люди были одеты странно, как-то, по-старинному. Качинский ранее не встречал такие типы на своей улице.

Меж тем закатное солнце пролило бутафорскую кровь, и Караульная гора стала ареной битвы дня и наступающей ночи. Снежную розовую, как грудь молодой девушки гору, украшала дымящаяся часовня – должно быть мальчики развели внутри костер. Бабушки, правда, утверждали, что это балует Змей Горыныч, живущий в чреве горы. Но веры старым женщинам нет.

Караульная гора была священна для горожан, подобно японской Фудзе, которую художник Хокусаи запечатлел в "Ста видах". Караульная гора имела тысячу видов. Но даже великий Суриков не смог запечатлеть хотя бы один. Качинский тащил на привязи плененную подлодку, раздавал детям апельсины, что катились на снегу оранжевыми мячами, и вспоминал великого китайского поэта Цый Ю Аня, противника войны. Поэт, будучи изгнан из родного города, кинулся в реку Минь. Качинский поехал – зимой в грязной Каменке много не поплаваешь. Юрий Николаевич был глубоким противником войны, но считал, что надо в начале разоружить противника, а потом уже и самому разоружаться. К сожалению, в Политбюро, как в римском Сенате, одни старики, и виделось: герантократия погубит СССР, как Древний Рим.

Однако Качинский любил стариков и, чем мог, помогал одинокой старухе из дома под номером 143. Бабушка была родом из Благовещенска и тоже любила цитировать древних поэтов.

"Как река между сугробов
Жизнь черна".

Жизнь Александры Ивановны была черно-белой, как и ее большой дом из четырех комнат, среди которых стояла круглая голландка, обитая черным железом. Прапорщик Качинский рубил ящики и растапливал печь. Александра Ивановна, радуясь редкому теплу, жарила огромные пирожки и читала китайского поэта Ду Фу, что еще три тысячелетия назад сказал:

"Пахнет мясом индейки
Наша прошлая жизнь.
Мы пытаемся вспомнить,
Где встречали хозяйку,
Что нас кормит так вкусно".

Сегодня дом Александры Ивановны выглядел необычно: копченые стены отбелены снаружи и внутри, а цельные стекла были столь прозрачны, что комнатная герань и Ванька мокрый, словно стояли на улице и чудом не замерзали. Дивясь переменам, Качинский кинул в печь уголь необычной формы и поставил на плиту чугунок с мясом. Именно запах вареной медвежатины и разбудил Александру Ивановну, до сих пор спавшей весь световой день.

- Внучка приходила, - объяснила бабушка необыкновенную чистоту старого дома, покинутого всеми.

- Вы же говорили, что живете одна! – насторожился Качинский.

- Да она из Третьего Мира. Он немного отличается от нашего Первого. Там и люди чуть другие, русские называются, а татары там именуется "тар-тарами". Пиво у них "хлебо", а пивная – хлебалище.

Юрий Качинский где-то слышал об этом, передача была по радио. Какой-то писарчук, которого хватил инфаркт, сорок минут был в состоянии клинической смерти и прожил в Третьем параллельном мире сорок лет – там один год равен одной нашей минуте. Вернувшись в наш мир, самый лучший из всех миров писарчук сказал, что русскую землю охватил ужас под именем "Перестройка".

Прапорщик Качинский вкушал большие с лапоть пироги, и смутные картины прошлой жизни пробегали перед глазами, но так и ничего не вспомнив, Юрий Николаевич стал изучать полено цилиндрической формы. Скоро он убедился, что это графитовый стержень и применяется он в атомных реакторах в качестве поглотителя активных частиц!

- Хорошо горит, – кивнула седой головой Александра Ивановна.

Прапорщик Качинский немедленно покинул радиоактивный дом – он понял природу нимба над головой Александры Ивановны! Это же пучок радиоактивных частиц, бешено вращающихся по кругу в сильном биополе Александры Ивановны.

Спешно покинув уютный теплый дом, Качинский прихватил старинную тарелку с фотографией двух милостивых женщин, так сказать память о неясном прошлом. Вдвоем со Славой, что терпеливо ждал его у ворот, Качинский потянул подводную лодку к себе домой. Собаки по-прежнему остервенело кидались на механическое животное, пытаясь сожрать экипаж, что отстреливался от них из игрушечной пушки.

Жизнь полна загадок: как ни делился Качинский мясом и апельсинами с каждым встречным, ноша не легчала, а игрушечная субмарина на привязи не желала плыть по суше. Стая ворон вцепилась в шапку почти новую, десять лет не носил! Качинский махнул палкой и сбил одну из поганых птиц.

Старухи с полотенцами на головах, возвращаясь из бани, запричитали на всю улицу

- Погубил наших курей, антихрист!

Качинский поднял птицу – действительно курица! Курица, но механическая! Из мягкого брюшка торчали пружины, шестеренки, перья были металлическими.

Старушки-пеструшки принялись так ловко махать клюками, что пришлось бы Качинскому плохо, коль ни прибежал на помощь Коля Буриков, что до сих пор тихо крался вдоль желтого забора завода "Лакокраска". Буриков принялся совестить бабушек, как совестил всех в критической ситуации, как, например, хозяйку, что требовала двойную оплату за одно койка место или хулиганов, то и дело нападающих на Колю среди белого дня. И всегда Буриков умел усостыжить агрессора, отчего тот сдавался и даже предлагал мировую. Вот и старушки, переговариваясь на тарабарском языке, достали из-под подола водку и предложили непьющему Николаю дружбу, скрепленную звоном граненых стаканов. Буриков оттолкнул стакан, водка пролилась на старушкино платье и вспыхнула на земле, как бензин. Бабушки перепрыгнули высокий забор, и скоро их можно было видеть на заводской крыше. Ба-

бушки метались в дымящихся платях меж черных труб у старинной беседки – приюта ночных ведьм и ворон, ведьминых куриц.

- Расскажи о своем романе с госпожой Спортлото! – добивался Качинский признания от Коли, что подобно Достоевскому увлекался азартными играми.

Роман с госпожой Спортлото длился более года, а посредником между влюбленными были дети, которым Николай доверял – невинно чистые создания обязаны были угадать все шесть счастливых цифры. Николай кинул механическую курицу в спортивную сумку. Он любил собирать антиквариат. Весь флигирек был забит ржавой рухлядью.

Тем временем к большому заводу с ржавыми стенами подъехал самосвал и с грохотом сбросил цинковые плиты в приемный карман. Завод железными челюстями перемолол металл в серебряную муку, а грузчики в белом покидали мешки с белилами в фургон с надписью "почта".

"Почта" уехала, а у глубокой ямы тотчас собралась толпа старателей – все знают, что под видом цинка свозят со всего Красноярского края золото. И огромные печи "Лакокраски" светились ночами оранжевым цветом расплавленного драгметалла. Подобно сливочному маслу изо рта беззубого старика металл вытекал из печей и застывал желтым воском у зарешеченных окон, у которых сутками дежурила толпа. Некоторые счастливицы уносили домой огрызки золотоплавильных печей, а затем несли в магазин "Золотопродснаб". Самородки сдавали приемщикам и необыкновенно обогащались в мыслях и фантазиях, поскольку получали взамен долгие сроки в места отдаленные. Но странно число старателей не убывало, как не убывал и магазин, во дворе которого постоянно стоял "черный ворон" с работающим двигателем. В России всегда было так: много золота, много старателей и много детей, встающих на смену пропавших искателей счастья.

Много золота было и в окнах домов, пылающих отраженным солнцем. Дома, занесенные серебряным снегом, шли в гору и светились укрытые ватой на громадной праздничной елке. Многоэтажная елка висела над великим черным Енисеем, незамерзающим зимой. И сильный ветер, стекающий с гор, раскачивал хижину, в которых через узкие бойницы полупьяный народ следил за уличным движением – не крадется ли враг, не блеснет ли острый нож над беспечным хозяином. Уже весь склон крутой горы светился уютным домашним светом, и только родовое гнездо Качинского глядело на город пустыми слепыми окнами. На земляной завалинке лежала верная Пальма и ждала хозяина. Над крышей родового гнезда гудели струны ЛЭП-500, а печная труба в унисон исполняла блюзовую рапсодию. Иногда Пальма подвывала, а когда по весне подключался кот Черный, случалась ветряная симфония. В иные ночи ветер, набравшись напряжения 500 киловольт, влетал под крышу через слуховое окно – дом резонировал и звал на помощь часто отсутствующего хозяина. Десятки незримых потусторонних сил пытали старый дом, оплетали черный сруб цветными проводами. Обретя нервы и сосуды, дом стал живым и даже научился мыслить, в чем Качинский не раз убеждался – к утру рукописи заполнялись сами каллиграфическим почерком.

Обретя душу, родовое гнездо выглядывало из-под крыши любимого хозяина, что всходил по скользким ледяным ступеням навстречу умному старому другу. Хозяин похлопал жесткую спину теплого сруба. Тот отозвался глубоким вздохом и едва сказал: "Берегись!" как малогабаритная ракета вошла в темное дерево. Тотчас из черного сруба вырвался сноп искр и густой черный дым. Одно из бревен накалилось докрасна и скоро обратилось в древесный уголь.

Слава Богу, незримые силы оплели бревна нескорогаемой паутиной и старый умный дом от радости, пустив на окно слезу, глухим загробным голосом прочитал бессмертного корейского поэта Ли Бо

"Хозяин обнимает дом
Как отца родного"

Дома Юрий Качинский обнаружил беспорядок. Ночью в его отсутствие играл домовый: на подушке бисером было вышито "До завтра, милый!" Юрий Николаевич кинул в печь старые рукописи, и тотчас на боках голландки, расписанных цветными красками, от творческого тепла ожила Русалка, выписанная по белой извештке. Русалка потянулась в истоме, крутанула большим задом и вновь заснула, раскинув крупные груди – черновики горят быстро, но тепла от них мало ввиду несовершенства мысли.

Слава – Мастер помог Качинскому занести тяжелую подводную лодку, и они вдвоем поставили ее на письменный стол. С виду подлодка была макетом, но откуда взялся странный экипаж, что подобно сверхлилипутам бегал по столу, закрепляя подлодку причальными канатами... По зеркальному борту подлодки латинским шрифтом было выписано золотой краской название «Perestrojka».

Книжный шкаф, вежливо откашлявшись, пожаловался хозяину:

- Домовой Василий читал нескромную книгу "Акушерство" и порвал ее на 33 странице, потом стрелял из ружья в птичек, что просились погреться.

И, действительно, двойные стекла были пробиты дробью, причем, аккуратно, без трещин. Юрий Николаевич, осердившись, сел за письменный стол, что прижался к нему, как сын к отцу. Печатная машинка сама по себе объявила 980 серьезное последнее предупреждение домовому Василию Петровичу.

Скоро, объединившись в творческий союз, Юрий Качинский, письменный стол, печатная машинка и многоуважаемый шкаф принялись работать над второй главой романа века, о котором давно говорил весь Советский Союз. Из шкафа сами выскакивали нужные словари и справочники, а экипаж отнюдь не игрушечной субмарины перекидывал тяжелые страницы Большой Советской энциклопедии.

К четырем часам ночи глава была готова. Качинский пожевал медвежатины с чесноком и упал мертвым сном. С субмарины, стоящей на письменном столе, поднялся крохотный, с муху, вертолетик... И через дырку в окне вылетел на улицу. На свежем воздухе вертолет их мухи обратился в летающего слона, и скоро обстрелял НУРСами особняк первого секретаря Красноярского крайкома партии товарища Ивана Сусанина.

Особняк сгорел полностью, но, впрочем, секретарь с семьей не пострадал: Сусанин дома не жил, а постоянно крутился по всему краю и, как положено большому начальству охотился на уток и прочую дичь. Да, вот она дичь летела, кстати, встречным курсом и громко переговаривалась: «Ах, беда пришла в Советский Союз!» Перелетные птицы были в курсе последних событий. Да и сам пилот недружественного вертолета, двойник Ломоносова не скрывал своих намерений: на боку вертолета латиницей было начертано «Konsensus».

Под утро сам собой соскочил с двери крючок, и в дом с клубами морозного воздуха вошла молодая женщина, одетая по-летнему, в платье с рюшами и брошкой в виде белой розы. Женщина переговорила с игрушечным дедком с длинной бородой, что грел кости на горячей плите. Вместе с домовым Василием женщина привела в порядок рукопись. Сырые черновики были отглажены горячим утюгом, после чего женщина тушила кабачки, фаршированные мясом. В эту ночь с четверга на пятницу Качинский видел, что к нему на день святого Валентина приходила любимая женщина.

Женщина легко как ребенка перенесла Юрия Качинского на зеленый диван, подложила под голову красную подушку и ушла, прикрыв дверь. Дверной крючок сам собой запрыгнул в дверную дверь.

ГЛАВА 2

Старейший в Союзе журнал "Красноярские костры" имел замечательный письменный стол. Стол был изготовлен из мореного дуба, крытый черным эбонитовым деревом на осетровом клею. Стол был покрыт автографами известных в России писарчуков Загублина, Виванова, Шушкина и прочих замечательных людей. Автографы писали золотом и покрывали янтарным лаком.

Ныне за этим столом сидел редактор Алекс Амуров. Напротив него в кожаном рваном кресле елозил молодой автор, также претендующий на автограф на знаменитом столе. Амуров был против: знаменитый стол, как и города Ленинград и Москва, принадлежал людям с биографией, а вот у молодого человека ее не было. Амуров в позе человека, готового слушать – руки у рта, палец положен на ухо, внимательно следил за молодым автором, как бы тот не оставил автограф. Молодой автор уже сложил руки на стол и явно пытался завладеть им.

- Напрасно вы думаете, что у меня нет биографии, – сказал Юрий Качинский, прочитывая простые мысли Амурова – Моя биография изложена в моем романе!

Амуров тыльной стороной ладони потер лоб, подбородок и отвел глаза – рассказ Качинского, который автор назвал романом, уже был поставлен в номер, как вдруг известный эвенк привез пару оленей с упряжкой. Амуров перевел на русский язык эвенкийскую поэму, и вместе с главным редактором

был приглашен на Северный полюс, отдохнуть месяц другой во льдах рядом с белыми медведями.

- Ваш роман нереален, – Амуров поглядел на потолок. – А надо мной три начальника.

Действительно на четырех этажах бывшего Совнархоза как ступени лестницы, ведущей в небо, сидели ответственный секретарь очеркист Голубев, заместитель главного редактора критик Пирогов и главный редактор Королев.

- Вы меня убили! – Качинский пытался привстать, но пружины старинного кресла, вцепившись в брюки, не позволили сделать опрометчивый шаг.

Амуров потер затылок: рассказ черт знает о чем: герой, углубляя подполье, нашел танковую башню, открыл люк и попал в помещение какого-то Аналитического центра, где на большом экране вращалась Земля. При большом увеличении можно было разглядеть лицо человека, смотрящего на ночное небо с расстегнутой ширинкой. Через множество кнопочек можно было подобно стрелочнику переводить Историю с одной колеи на другую.

Алекс Амуров сам имел подобный пульт, что прятался в старинном письменном столе. Нажатием одной кнопки редактор мог изгнать нежелательного борзописца, другой кнопкой напротив вцепиться пружинами в бока опасного графомана. Активные шизофреники иногда сильно вредили редактору. Но вот, чтобы управлять Историей – это уже слишком.

- Если это правда, – погрозил пальцем Амуров. – То вы разгласили государственную тайну.

- Это настолько фантастично, что никто не поверит.

- Знаете что, – Амуров явно держался стиля Генерального секретаря Леонида Ильича, которому был посвящен сегодняшний концерт, идущий по радио. – Оставим на потом, пусть созреет...

Радиоконцерт был посвящен советской армии и транслировался из Кремлевского дворца. Как раз сию минуту передавали песню "Подвиг" в исполнении Ворошило.

"Спасибо Вам за Ваш священный подвиг

Товарищ Генеральный Секретарь".

Последовали продолжительные бурные аплодисменты, переходящие в овации. Генеральный Секретарь встал, и зал взорвался бурей шквальных хлопков.

Аплодисменты резко оборвались, и диктор Юрий Левитан передал Амурову приглашение главного редактора. Амуров удивленно развел руки и встал, поправляя галстук. Молодой автор Качинский поднялся, тотчас слышался звук рвущейся материи – управляемое кресло не желало отпускать попрошайку без вознаграждения. Амуров помог освободиться и повел Качинского к старшему редактору, у которого, как в Греции, все есть. У старшего редактора нашлись и нитки, и запасные штаны в краске – старший редактор на деле был завхозом.

- Страшно жить – жаловался Качинский – Один танковый снаряд стоит сотню новых брюк. Восемьдесят процентов бюджета идет на оборону, ведь

достаточно было бы 79 процентов, а сэкономленный процент отдать молодым авторам – пусть путешествуют в Америку, в Индию, пусть созревают для Шнобелевской премии.

Старший редактор Чесноков перемигнулся с помощником главного Георгием Пироговым – Качинский посещал литературоподобное объединение молодых писарчуков, которое и возглавлял многоуважаемый критик.

- Все знает, – с гордостью за ученика молвил Пирогов.

- Что-то не так? – спросил Качинский, заметив изучающие взгляды редакторов.

- Не волнуйтесь! Просто вы поразительно похожи на мою жену, когда она поет.

- Ну, я не пою!

- К сожалению, моя жена поет, а потом весь день голова болит как с похмелья.

Молодой автор намек понял и выставил водку, настоящую на зверобое. Сия настойка лечила от всех болезней с головы до пят – лекарство можно было принимать и внутрь по одной ложке с утра. Лекарство было столь ценное, что пользоваться им могли только руководители с талантливыми руками.

Едва Пирогов унес лекарство главному редактору, как ворвался румяный с мороза Валера Черный с большой кубинской сигарой во рту. Волосы, как у женщины лежали на плечах, а купеческая борода покрывала грудь колесом – вылитый Карло Мар! Следом бежала бездомная собака.

- Коньяк! Полцарства за коньяк!

- Да нам бы и самим, а впрочем, что за нужда?

- Пирогов лежит без сознания – требуется коньяк для дыхания.

- Да где ж это он?

- Только, что здесь был – старший редактор развел руками и увидел бездомную собаку – Кто такая?

- Да тут увязалась, любят меня бездомные животные.

И, верно, Валеру Черного повсюду сопровождали бездомные псы, поскольку подобно древнегреческим циникам, Валера считал собак символом свободы. И бездомные псы отвечали любовью, и, может быть, спали с ним в одной будке, как в бочке Диогена – от Валеры пахло псиной как от последнего бомжа.

- Скорее, скорее, – волновался Черный. – Сейчас умрет.

Старший редактор с возгласом: "Черт знает что!" - подал стакан зверобоя и молодой повестушник Валера Черный, не понюхав, залпом выпил стакан.

- Ты же говорил, что Пирогов болен?!

- Иоаныч такую мерзость не воспринимает.

Валера Черный стал быстро перебирать конверты с рукописями, затем выдернул бумагу из каретки пишущей машинки.

- Многоуважаемый Чесноков, вы читаете рукописи, не вскрывая – возмутился Валера – Подобно Серафиму Саровскому вы читаете через бумагу, и тотчас пишете рецензию одну на всех писарчуков.

- Списывателей! – уточнил старший редактор, он же завхоз, он же директор отдела писем.

- Я себя отношу к Писарчукам, – Валера расправил бороду на широкой груди. – Однажды вы мне прислали ответ, что моя повесть не удовлетворяет и напрасно! Мои герои очень даже удовлетворяют всех.

У Валеры Черного каждая повесть заканчивалась одной и той же фразой: "И он овладел ею!"

Из кабинета главного редактора спустился в люди высокий худой человек в строгих очках и показал собравшимся фотографию такого же худого интеллигента с такими же очками в крупной оправе. Все единодушно признали в строгом незнакомце родного брата главного редактора. Увы, все немного ошиблись. Это был новый член Политбюро, председатель КГБ Андропов.

- Просто вы духовные братья, – со значением подчеркнул Валера Черный и принялся раскладывать свои мысли по невидимым корзинам. – В первой корзине сильная личность, во второй - усиление правительства, в третьей – диктатура партии.

Чесноков поморщился, приложил палец к губам и кивнув на телефон с табличкой: "Внимание! Ваши переговоры прослушиваются!" молча вытолкал из кабинета массивного графомана. Затем Чесноков налил настойки зверобоя и подал главному редактору. Геннадий Федорович Королев взял аккуратно двумя пальцами стаканчик и отнес к себе в кабинет, поскольку принимал лекарство только после рабочего дня и только наедине с товарищами, которым он доверял. Геннадий Федорович, писарчук высшей категории, никогда не пил с маленькими людьми, ловко шныряющими под ногами. Геннадий Федорович смотрел на них подобно трехкратному олимпийскому чемпиону и, удивляясь расторопности маленьких борцов, никогда не соизволял бороться с ними – внутренняя этика не позволяла сходить с людьми меньшей весовой категории.

Главный редактор вышел от людей, а на смену в дверях показалась девичья головка с серьезными глазками. Качинский подумал: "Мы где-то встречались?"

- Мы с вами встречались? – спросила девушка, и сама ответила – Вы у нас в охране работаете.

- Заходите, Марьям, – кинулся навстречу Чесноков.

В ответ девушка улыбнулась столь широко, что в комнате стало вдвое светлее.

- Вам почта! – сказала девушка, улыбаясь одновременно всем, кинула сверток и вылетела в коридор, громко стуча острыми шпильками.

Старший редактор спросил Качинского:

- У вас какая группа крови?

- Первая группа, резус – положительный.

- Вашу кровь можно перелить любому человеку. На вашем месте я бы поспешил за прекрасной дамой.

Качинский, согласно группе крови, включил скорость: ноги замелькали в воздухе, пахло паленой кожей, и Юрий Николаевич вылетел следом за девушкой с прямым корпусом и поднятым подбородком, что как раз уходила за кулисы, покидая подиум с взглядом скольльзящим поверх мужских голов. Мужские головы как магнитные поворачивались вслед уходящей даме, но странная девушка уже скрылась, словно уйдя сквозь стены. Качинский напрасно метался по бывшему Совнархозу, обтирая шубой казенные стены.

Едва Качинский покинул кабинет, где обедали редакторы "Красноярских костров", как из соседней комнаты возник полковник Голубев.

- Ушел? – спросил Голубев, доставая из кармана "Сибирский бальзам" – И часто здесь бывает сей автор?

- Родился роток, родился и кусок, – сказал Чесноков, разрезая копченое сало. – Да считай, живет у нас без прописки! Одним словом, бомж.

- Не пили неделю, стаканы похудели, – Голубев разлил по стаканам бальзам, который полагалось пить каплями, добавляя в чай. – Вор не вор, но агент 073! А я его начальник.

- Как это, как это? – всплеснулся Чесноков.

- Агент, да еще какой, двойной, – воскликнул полковник Голубев, начальник охраны ведомственной гостиницы предприятия Красноярск-26, он же председатель Союза Писарчуков.

ГЛАВА 3

Глубокой ночью на склоне холма, среди черных старых домов, глядящих слепыми окнами на город, простроченный дальними огнями, светило домашним теплом родовое гнездо поэта Юрия Качинского. Сырой весенний ветер играл на контрабасе толстых, в руку толщиной проводов ЛЭП-500. С крайней фазы на крышу дома поэта был сброшен провод и через слуховое окно подключен к правой руке поэта. Мощный поток электричества раскалял до красна железное перо, а перо, подобно электроду, выжигало на материале сокровенные мысли стрелка ведомственной охраны. Бумага тлела, и сам поэт дымился от перегрузки и буквально горел на творческой работе. За спиной поэта стояла незримая женщина в розовом платье с вышивкой и рюшами на рукавах: на груди украшение – живая белая роза. Женщина просматривала черновики, быстро редактировала и тотчас садилась за печатную машинку. На обычный взгляд, казалось, сама машинка печатала и правила текст.

Работала женщина, словно живой робот, но иногда уставала и в минуту отдыха включала музыку Эдварда Грига к драме "Пер Гюнт". Грампластинка сама собой выходила из фонотеки, и адаптер сам собой ложился на музыкальную дорожку. Женщина, войдя в образ героини романа, танцевала танец Анитры, дочери вождя бедуинов. Ее партнером был горный Король, что выходил из подполья с духами тьмы. Казалось, злая сила подполья перепол-

нит дом и сокрушит гнездо поэта, но Юрий Качинский не видел незримые силы, да и женщина, защищая поэта, держала Короля под контролем. Поэт, сладко позевывая, глядел в окно, где раннее утро еще не разделилось на ночь и день, на свет и тень. Казалось, еще минута и в блестящем форте солнце прорвется через облака, но тени сгущались, и поэт с удвоенной ревностью выжигал взглядом дымные образы.

Черновики падали на пол, строчки краснели и загорались и, чтобы не случился пожар, дворовая Пальма и кот Черныш носили бумагу к печке, а домовая Василий кидал макулатуру в топку. Кирпичи грели рисованную на печи розовую от жара русалку. Мультишка ворочалась на камнях, выставляла на обозрение большой зад и, наконец, не выдержав жары, бежала на двор, пописать над весенним ручьем, шумно текущим через двор.

Скоро поэт Качинский и сам разогревался настолько, что бежал на двор под весенний водопад, где гасил дымящую голову. Талая вода, пройдя желудок, выходила горячим минеральным источником, целебным для хариусов, живущим в горном ручье. Хариусы так и прыгали из дворового Терека, на лету глотая минералку из живого источника. Иногда хариусы подлетали к самому животу, и поэт ловил их рукой, в другой раз хариусы клевали вагину молодой русалки, часто сидящей над ручьем. Помимо хариусов щипались и нимфы, что сидели на камешках в компании прочих горных муз, каждая со своим инструментом. И вот уж скоро под пение валторны и щебетание флейт выходила заря и садилась на город. По камням, по блескучей воде со звоном прыгали первые золотые стрелы раннего солнца. На охоту за полезными лучами выходили студенты, живущие во флигеле. Глупая русалка плескалась с художниками в дворовом ручье, играла детородными органами, по молодости не понимая их назначение. К шумной игре подключилась почтальонша Вера, и скоро стоял такой визг, что ревниво залаяли окрестные псы. Покровские мужики с вершины холма наблюдали за творческим процессом – художники, обмакнув кисти в хрустальном водопаде, чудесными красками переносили на полотно образы русских женщин, голых, как, правда, жизни.

- Эти глаза напротив калейдоскоп любви! – восторгался турецкой баней на улице Брянской певец Валерий Ободзинский, вращаясь до головокружения на виниловой пластинке.

Вместе с популярным певцом 80-х годов крутился и Саша маленький, сыночек благополучных родителей, и потому не обязанный учиться. Саша маленький следил за серебряным самоваром, пускающим по кругу белый дым и поющим через свисток разными голосами щеглов и свиристелей. Самовару подпевали перелетные вертолеты, присевшие передохнуть на провода ЛЭП-500.

Студенты сию музыку плохо воспринимали – у них горе. Вчера во флигирке собралось все художественное училище имени Сурикова, а возглавляла ежемесячный сбор милая необыкновенная Стипендия, но ее зачем-то обменяли на "Солнцедар" и короткая любовь кончилась головной болью – как вернуть милую даму в обмен на пустые бутылки?

Только художники сели вокруг зеркального самовара, как пришел друг поэта врач Корабельников, первым из писарчуков, раскусившим тайну родового гнезда. В рассказе "Дом" Олег Корабельников изобразил родовое гнездо, как дом из бревен с проводами внутри сруба. Мощное поле ЛЭП-500, согласно закону левой руки, наводило индукцию в соленоиде, отчего всегда было тепло и сухо, а талая вода обращалась в вино – прямо живой пророк, а не поэт. Впрочем, все пророки были поэтами. Как, к примеру, Мухаммед, который вина не пил – он общался с Богом без допинга.

Следом пришел доктор Булочкин, единственный красноярский любитель, знающий рецепт приготовления бастурмы по-грузински: маринованное в кефире мясо жарилось на древесных углях, а затем пожар во рту тушился пивом. Рецепт изготовления пива на солоде из хмеля, выращенного в штате Вашингтон, принес критик Пирогов. Химик Александр Федорович Степанов также принес рецепт отличного самогона, изготовленного на импортном оборудовании завода "Химбытпейпойспециализация".

Компания дружно звенела пустыми стаканами, закусывала пустыми шампурами, и все были счастливы – на утро не придется страдать от похмелья.

А все спасибо секретарю горкома партии Михаилу Ломоносову, а также его горячо любимой жене татарке Зое Спартаковне, что все спиртное и закуску отправили на БАМ, а взамен город получил орден Ленина.

Ох уж эти татары – сами не пьют и даром не нальют.

- Пьют, пьют! – уверял Валера Черный, отхлебывая из цилиндрического флакона "Тройной" одеколон.

Никто не видел, как объявился во дворе грузный и блестящий как жук повестушник, который все знал. Валера хлебал как нарзан "Тройной" одеколон, а компания деликатно отвернулась, ей богу, ничуть не завидуя – ну пусть хоть один человек будет счастлив.

- Пьют, – утверждал Валера. – Пьют кумыс крепкий, как брага. Сам пил с татарами!

Валера был интернационалистом. С татарами ел мясо – халял, конину и баранину, зарезанную по законам ислама, с евреями вкушал кошерную пищу, мясо животных, зарезанных по правилам шехиты, ритуального убоя, а с русскими пожирал запретную свинину. В жилах Валеры текла собирательная кровь разных наций, и везде он был свой среди своих.

- Нальем, друзья, скорей стаканы.

И кто там врет, что, дескать, пьяны?

Ну, кто нам "Тройного" нальет?

- Да почему ж из флакона? – пожалели Валеру художники. - Сейчас мы тебе красивую заграничную посуду нарисуем.

И Валера скоро пускал большие пузыри, отпивая английское "Бредни" из красивой бутылки. Высокое напряжение ЛЭП-500 гоняло одеколон по жилам, как эликсир молодости в реторте алхимика – только успевай сливать! Валера и сливал это, стоя на краю крутого обрыва и глядя на город, стелющийся внизу.

Мимо по крутой тропе бегал Коля Буриков, прыгая, как горный козел со скалы на скалу. Николай тренировался перед соревнованиями, скрываясь среди старых домов Закаменки и вновь взбегая на вершину Караульной горы. С высоты горы от белой Часовни Николай бежал, раскинув руки как крылья, перепрыгивая крутые овраги и белые скалы. Тренировался Николай в лыжном костюме зимой и летом, в жару и в мороз, и только тетушка Наиля могла перегнать спортсмена.

Вот и сегодня в городских кварталах возник страшный шум, подобный реву реактивного самолета. Скоро показался Николай Буриков, бегущий с бледным лицом. Его обогнала женщина могучего сложения и стала на тропе.

- Стой, алиментщик! Гони квартплату!

- Я неделю назад отдал тебе!

Напрасно Николай спорил с хозяйкой – тетушка Наиля страдала склерозом и могла взимать квартплату каждый день.

- Коля, как тебе не стыдно обижать одинокую женщину! Эти таньга маме на памятник!

Уйти от тетушки Наили не было возможности – в молодости она была чемпионкой Красноярска по толканию ядра, а ныне хозяйка двора перешла на кросс, чтобы за время обеденного перерыва обежать весь город и обменять дефицит: книги на колбасу, индийский чай на книги, да заодно поговорить по душам.

Сегодня тетушка Наиля побывала в гостях у землячки Зои, жены первого секретаря горкома партии Ломоносова. Бывшие школьные подруги пили дорогой чай, и тетушка Наиля пригласила подругу в гости, на что Зоя Спартаковна с радостью дала согласие – она сто лет не была на родной улице.

Школьная дружба самая крепкая, сидели на первой партой парте в школе имени Сурикова, но ехать на машине лучшей подружки тетушка Наиля отказалась – не хватало времени обежать всех подруг, да и бегала тетушка быстрее автомобиля. Тетушка уже взбегала на гору, а Зоя Спартаковна только переезжала деревянный мост через речку. И тут колесо провалилось сквозь гнилую доску... Тем временем во дворе тетушки созревала История.

Тетушка Наиля возвышалась над Николаем Буриковым, как Родина-мать с вознесенным мечом. И вдруг хозяйка узрела бородатого незнакомца, нагло писающего у самых ворот родного дома тетушки.

Гневу хозяйки не было границ, а в гневе тетушка Наиля не управляла собой. И тетушка Наиля пресекла преступные действия Черной Бороды – совершенно бессознательно мощной дланью она с корнем оторвала мужское достоинство Валеры Черного.

- Что это, что это!?! – кричала тетушка Наиля и, держа в руке стручок красного "перца" – Видела всякие, а такой сморщенный в первый раз.

И тетушка кинула оторванный орган с крутого обрыва как раз на дорогое платье Зои Спартаковны. Поднялся ужасный визг. Кричала Зоя Спартаковна в окровавленном дорогом платье от Зайцева. Белугой ревел Валера Черный, корчась в судорогах у ног высокой покровительницы – повестушник недавно приступил к описанию высокой четы и часто бывал на даче, изучая

семейные альбомы... И только тетушка Наиля, сохраняя олимпийское спокойствие, входила в свой двор, как в райскую обитель, с высоты которой можно было радостно взирать на грешный город, лежащий далеко внизу...

Студент Макаров писал копию известной картины Пластова "Ваня-подпасок", в которую по своей прихоти внес авторские поправки – коровы и козы паслись по склону Караульной горы, а над стадом хищно кружил "ИЛ-18". Самолет дал пулеметную очередь, и картина окрасилась кровью повестушника Валеры Черного – это тетушка Наиля, окунув руки в бочку с водой, стряхнула кисти, отчего брызги разлетелись по всему двору.

Квартирная хозяйка принялась, бешено колотить двери любимого племянника. Еще немного и дверь бы упала, но тетушка уже ходила вокруг дома, попеременно заглядывая во все окна.

- Юрка, я тебя вижу! – шумела тетушка Наиля, сильно интригуя соседских стариков, что выглядывали из своего окна, наблюдая подобно Мао-Цзедуну за битвой бумажных тигров.

Тетушка совала через стекло ватрушки с творогом и плакала навзрыд, жалея непутевого племянника, что охранял в горах урановые рудники и охотился на медведей. Давным-давно отец большой семьи пропал без вести в этих самых урановых рудниках, и старшая сестра Соня содержала семью, выйдя на работу в пятнадцать лет. Теперь тетушка Наиля как могла, пыталась отблагодарить сестру, подкармливая племянника. Не добившись племянника, тетушка принялась пинать двери флигеля, в погребе которого прятался весь второй курс училища имени Сурикова. Беспризорные художники буйствовали целый месяц, а теперь дрожали от страха в сыром подвале в обнимку с русалкой.

- Коля, я тебя вижу! – пугала хозяйка, просовывая руку в форточку, и ловя воздух всего в сантиметре от носа Бурикова.

Николай возлегал на кровати и читал газету "Советский спорт", причем газета была перевернута – верный признак отхода к дневному сну. Тем временем бестелесная русалка выскользнула из подвала и принялась дразнить Николая соблазнительными формами. Поднялся невероятный шум: Николай бегал по комнате, спасаясь от мультяшки, тетушка била в окна, а на дворе орал повестушник Валера Черный, зажимая руками кровавую рану. Валеру окружили лучшие врачи города и срочно оперировали повестушника – доктор Булочкин, хирург Корабельников суровыми нитками зашили дыру между ног, прижгли рану горячей сигарой и увезли на скорой помощи в номенклатурную больницу, где часто лечилась Зоя Спартаковна. По дороге в больницу жена секретаря горкома велела заехать в татарский аул, где в этот день холостили жеребцов. Раньше на мясокомбинат везли старых лошадей, из которых готовили конскую колбасу: дескать, всеядные татары съедят, лишь бы запах был. Придя к большой власти, Зоя Спартаковна усостила безнравственных мясников и робких татар, забывших вековые традиции. По традиции на мясо возвращали молодых кобылиц и кастрированных жеребцов, никогда не ходивших под седлом. И вот, только что отрезанный конский орган обложили льдом, и спустя час опытные хирурги пришили Валере Черному, взамен ото-

рванного. Валеру положили на сохранение, а тетушка Наиля пошла на дефицитную работу в "Союзпечать", в виду склероза мигом забыв о нечаянном членовредительстве – плохое забывается, а помнится только хорошее.

ГЛАВА 4

По выходным дням на улице Каменской на берегу речки Каменка в правлении Писарчуков густо дымила "Шипкой" золотушная молодежь.

- Лечились мы с Заречным
Рассолом огуречным.

Юрий Качинский по-братски обнимался с непьющим Денисом Заречным, поэтом столь худеньким, что тот порой терялся среди огромных под потолок книжных шкафов, где после смерти селились классики. Денис Заречный очень жалостными глазами пускал слезу: "И мне здесь быть!"

- Несчастней нет людей на свете,
Почивших здесь в библиотеке!

Начальник кружка Пирогов с мятым лицом и в жеваном костюме привел под руки и поставил на кафедру Юрия Петровича Громова, борца с геронтократией. Борец был в ватнике и валенках с галошами.

Громов очень походил на раннего Маяковского периода эгофутуризма – во всяком случае, он так думал.

Диссидент громовым голосом зачитал программный проект передачи власти стариков к молодежи.

- Титьки твои,
Подобно набухшим почкам,
Брызнули млечным соком

В пафосе кафедра упала и мальчик-амбальчик, ступая валенками, сошел, как древнегреческий бог.

- Bravo! – захопал повестушник Валера Черный – Он овладел музой!

- Как зовут вашу девушку? – любопытствовал Юрий Качинский.

- Ее зовут Политбюро! – в пол-оборота отвечала Майя, талантливая переводчица железнодорожных стрелок.

Майя глубоко ненавидела поэта-стрелка Юрия Качинского, считая его выскочкой, только что слезшего с дерева, в то время как предки Майи семь тысяч лет торили дорогу человечеству. Тем временем ее лучшая подруга художница Соня достала Валеру Черного, требуя подарить ей стручок красного "перца", висящего на груди повестушника.

- Да это талисман! – отмахнулся Черный.

- Можно попробовать?

И не успел Валера глазом моргнуть, как художница откусила половину талисмана, а другую дала переводчице Майе. Женщины пожевали. Соня с отвращением выплюнула, а Майя равнодушно проглотила, не ощутив ни сладости, ни горечи.

Пошли на перекур. Майя попросила у ненавистного Качинского папиросу "Беломорканал", чтобы, затянувшись одним ядом, лечь в одну могилу с глубоко противным ей поэтом с улицы Брянской. Майя глотнула клуб дыма, и тотчас из глаз брызнули слезы – ее всю заколебало, а сердечко так и прыгнуло из груди. Майя упала на руки негодя, сняла очки и положила руку Качинского на свое сердечко, жалуюсь томным голосом

- О, вскройте могилу, сидящий в крапиве!

Мой череп достаньте, лежат бриллианты

Под крышкой из кости –

О, сколько в них злости!

Всем до слез стало жалко цветущую женщину, так рано похоронившую себя.

- О, Майя! – качал головой идеолог Сергей. – Проблемы глобальные, гробовые.

- Мы все заживо похороненные! – кричал доктор наук Кайдар, мальчик в коротких штанишках. – Но мы разрушим это кладбище и построим рай на земле!

- Чем же тебе плохо живется? – недоумевал Юрий Качинский.

- Если бы мой дед встал из могилы, он сказал бы, что это не моя страна. Он строил рай для своей семьи, но в раю оказались одни коммунисты.

Критик Пирогов пытался увести опасный разговор с большим креном антисоветизма. Пирогов принялся сыпать латинизмами через каждое матерное слово. Вскоре кружковцы тоже выражались красиво. Искусствовед Доманский стал говорить по-французски.

- В метафорах Громова я увидел молоковоз с двумя кранами: в одном молоко, а в другом пиво. Но лучшее пиво на улице Мира.

– Лучшая бражка – у моей Машки, – сказал трезвенник Денис Заречный, поэт с грустными глазами.

- Фиг Вам! – выразился по-английски поэт Французов, эстет с добрыми толстыми губами. – Лучшее пиво в баре у Сони!

- Перестаньте хамить при женщинах, – возмутилась художница Соня и принялась рукописью, свернутую трубочкой, шлепать мужа Милорда по большим губам.

Переводчица Майя, схватившись за голову, заплакала.

- Да не женщина я, не женщина, – опровергала Майя свой пол. – Я мужчина, мужчина.

Богема притихла. Со времени сотворения мира шла великая путаница полов, и каждый мужчина мог сказать: "Я женщина". А женщина, обнаружив юношеский пушок под носом, сказать: "Я мужчина". У некоторых древних наций излишняя волосатость, у других, напротив, голый череп, но стоило ли кричать об этом на весь белый свет! И право стоило ли об этом объявлять на весь свет – все равно рожали детей не мужчины, а женщины.

Но Майя продолжала настаивать на том, что она мужчина, а ее муж Алмазов – женщина.

Здесь и художница Соня, отставив в сторону руку, с дымящимся импортным "Кингом", обвинила своего мужа в гомосексуализме. Дескать, тот, побывав в командировке в Германии, так ничего и не выбрал из 299 видов кружевных трусиков.

- Так все равно никто же не увидит, а значит, не оценит! – сердился поэт Французов.

- Ну, может быть, вот из этих импотентов никто не увидит, – художница обвела вокруг себя указующим перстом. – Зато настоящие мужчины все равно оценят!

Кружковцы встали в позу и дружно возмутились

- А для кого же тогда эти кружева?!

- Для насильников.

- О, мой батальон сильно изголодался! – сказал афганец майор Журавель.

- Теперь я знаю, за что вам дали орден! – воскликнула зеленоглазая библиотекарьша Марьям, до сих пор упорно молчавшая.

- Не смейте трогать мои ордена! – воскликнул майор и прямым шагом вышел вон.

- Хочу в Афган! – глотала слезы переводчица Майя. – Если я мужчина, то и быть мне на передовой. Одни гибнут в Афгане, другие на диване.

- У нее глаза зеленые, семафорные, – сказал муж Майи Алмазов. – Вот крыша и поехала прямо в Афганистан.

- Да помогите же мне! – Майя говорила густым басом и острыми коготками царапала рыжую головку. – У меня в голове что-то сидит!

Богема молчала, не зная, что и думать. Случай тяжелый: в советскую психушку своего товарища сдавать жалко – уж, сколько наших там! С другой стороны Майя водку не пьет – чем же еще ее лечить, скажите? И здесь выдвинулся хирург Корабельников

- Мне нужны ассистенты.

Сдвинули столы, сняли шторы с окон, запеленали Майю как младенца, стали кружком, зажгли свечи. Хирург Корабельников перочинным ножиком снял скальп, и действительно обнаружили мужчину, на которого жаловалась Майя, точнее часть мужчины – детородный орган.

- Какая гадость! – художница Соня взяла в руки половину стручка красного "перца" и выкинула в окно мужскую мерзость, что из желудка попала в голову

Майя много думала о мужчинах и вот прямой результат! Майя от радости запела колоратурным сопрано

- Звезды на небе, звезды на море

Мужество в сердце моем!

Библиотекарь Марьям указала пальчиком на орден Красной Звезды на груди майора Журавель. Майор переменялся в лице.

- Я попросил бы вас не трогать звезд, которые не падают с неба, но обретаются в бою!

И майор живо рассказал, как мусульманский пятнадцатый век встречается свинцовым, хлебом и кровавой солью христианский двадцатый век, который был представлен безбожными советскими войсками. Журавель рисовал столь живые и образные картинки, что зримо виделись очереди трассеров, уходящих в афганское небо, где на черном бархате сверкали созвездия южных звезд. Пахнуло дикой травой и камнем выжженных гористых пустынь. В нос ударили выхлопные газы танковых дизелей, близкая броня искрилась от пуль, рикошетом бредущих головы молодых писарчуков. Остро пахнуло порохом и кровью, отчего ученые дамы закатили глаза в легком обмороке.

Валера Черный принялся загибать толстые пальцы с грязными ногтями, считая незримые корзины, в которые он раскладывал свои мысли.

- В первой корзине – наркотики в "черных тюльпанах", во второй корзине – медсестра Зина в синих чулках.

- Повесить тебя на этом чулке, – сказал хирург Корабельников. – Военные медсестры не проститутки, а жалостливые женщины, любящие слабых мужчин.

- Видели мы их жалость – сказал доктор наук Кайдар.

- Где видели?

- В госпиталях, где я часто лежал.

Литературное объединение разделилось на демократов и республиканцев.

Майор Журавель рубил рукой воздух.

- Мир надо пробовать штыком! Если поддается – надо идти вперед, если стена – надо взрывать.

- Ужас какой-то! – сказала художница Соня. – Надо срочно переезжать во Францию там безопасно.

- Безопаснее всего в пивном подвальчике на Мира, – сказал критик Пирогов. – Там стены толщиной в два метра, никакая бомба не возьмет.

И, действительно, в подвальчике было очень хорошо: толстые стены отсекали уличный шум, а внутри стоял лишь звон пивных кружек, да тихие беседы пиво сосущих, восседающих на пивных бочках.

Шумный элемент исчез: диссидент Громов ушел писать письмо господину Генеральному Секретарю, а повестушник Черный пошел служить в епархию, где читал с амвона Псалтырь, совершенно не веря в бога.

Остальные смаковали великолепное пиво, сваренное из американского хмеля по лучшим советским рецептам. Через двадцать лет это пиво будут вспоминать как легенду о старых добрых временах, когда в знаменитой пивной встречались лучшие люди типа Ванечки Казачок, что любил пускать к потолку разноцветные стихи.

Майор Журавель, доктор наук Кайдар и библиотекарь Марьям блуждали в литературоведческих дебрях и ставили диагноз гениям.

- Пушкин двадцать восемь раз вызывал на дуэль и ни разу не попал – недоумевал майор – Если уж вызвал, то соизволь, сударь, попасть в мишень! А ведь какие крупные цели были – князь Воронцов, царь Николай.

- Пушкин – наш человек! – хвалила гения художница Соня. – Не было бы Пушкина, не было бы и царей. Вначале бог создал поэта, а потом его женщин, которых он очень любил в стогу сена с Божьей помощью...

Доктор Кайдар записал афоризм жены и отправился в галльон, где в течение получаса, похудел ровно вдвое – Кайдар отличался крепким мочевым пузырем и мог опустошить пивную бочку, приняв ее размеры. Зато миниатюрные Соня и Майя ходили через пять минут и возвращались, синхронно играя бедрами, на что трезвенник Денис Заречный отзывался дежурным стихом:

- Круг прошли, бедром играя
Сарафаном след стирая.

По кругу ходил инородный поэт Ваня Казачок. Ходил со шляпой и с гитарой, которую держал в руках бард Николай – у друзей кончилось пиво, и они перестали посещать общественный туалет, где можно было бесплатно вволю подышать дымным воздухом, столь плотным, что хоть гитару вешай.

Ванечка и Николай подошли к стрелку Качинскому

- Черный человек, а черный, дай десятку! Мы моментами были приятелями, ты думал я хуже...

Юрий с каменным лицом дал десятку – знает, у кого стрельнуть!

Тотчас с протянутой рукой встал в очередь поэт Французов. Выпускник НГУ жил бедно, ел только красную икру. Каждый раз, возвращаясь из заграничной командировки, Французов обращался к Юрию Качинскому за адресной материальной помощью – эти пивные в Мюнхене совершенно разоряли русского интеллигента. Стрелок Качинский с грустным лицом делился последней пятерочкой. Вот и сегодня он решил:

- Десятка на всех!

- Всех угощаю – подхватил Ванечка десятку, летящую к нему по воздуху – Гуляй.

Ванечка с друзьями гулял на десятку целую неделю – вначале Ваня угощал, потом Ваню поили, и таким образом Ваня мог прожить год без копейки в кармане, поскольку в друзьях у него все Красноярье. Как Вселенная крутится на противоречиях, так и Ванечка жил в грехе и молитве: днем стоял обедню в церкви, вечером спускался в пивной подвальчик, где мужчины говорили о хоккее и женщинах, мало смысла и в том и другом, поскольку сами не играли ни там, ни тут.

И только один майор Журавель не говорил о женщинах, а если о чем и думал так только об академии генерального штаба. Библиотекарь Марьям пыталась поймать в глазах майора хоть какой-то намек. Хмурила бровки и спрашивала бесчувственного солдафона – мы где-то встречались?

- Только в мечтах... - устало отвечал майор.

- Расскажите о себе.

- Что говорить... Перед вами простой советский офицер, который в Афгане не был в бане, умываясь по утрам талой горной водой и обтираясь полынью, которую солдаты курили вместо махорки...

Поздней ночью майор Журавель и его подчиненный Качинский несли на руках критика Пирогова, что литературным генералом возлегал на рядовых писарчуках. Вообще-то критик мог сам дойти до дома без всяких приключений, но попробуй бросить барина!

И стрелок Качинский как в бою, который раз нес бездыханное тело критика, столь уважаемого всеми, что даже дорожный патруль в упор не замечал трех алкашей с карманами, полными денег. Бог берег критика, поскольку никто не пил столь много с молодыми дарованиями и следственно никто лучше не знал устройство души будущих гениев.

Критик Пирогов весь вечер с тревогой ждала родная семья – жена с хорошим именем Валентина, теща, курившая как мужик папиросу за папиросой, две очаровательные дочери и сиамский кот. Сиамский кот за десять лет общения с компанией писарчуков обрел изумительное чутье: сначала нюхал, а затем мочился на рукописи графоманов, что слетались на стол известного критика со всех концов Советского Союза. Только рукописи Качинского кот ничем не метил и напротив читал ночами, вода лапой очки критика по корявым строкам.

Как только грешная плоть критика перешла в руки семьи, так оборвалась защита. Тотчас объявились менты и повязали Качинского. Юрий Николаевич отчаянно сопротивлялся

- Я известный современный писатель! – кричал стрелок Качинский – Я пишу роман века, за что буду награжден премией Ленинского комсомола.

- Знаем, знаем! Премии мы любим! - и злые менты увезли лауреата в вытрезвитель, где к шишке от скалки добавились следы резиновых дубинок.

ГЛАВА 5

Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов тяжело заболел и лег в Кунцевскую больницу. Больничное радио транслировало любимую песню бывшего матроса.

- Раскинулось море широко...

Одетый по домашнему в нательную рубашку и полосатые пижамные брюки Андропов нешуточно тестировал членов Политбюро, пришедших в гости к больному.

- Вот едите вы, к примеру, Егор Кузьмич на танке по узкой горной дороге...

- По военно-грузинской?

- Тьфу, на вас, скажите тоже! – не хватало нам войны на Кавказе... - По афганской дороге! Свернуть некуда, а впереди американец, китаец и ящик водки. Кого будете давить?

- Американца, как главного противника – отвечал Лигачев.

- А, вы кого будете давить, уважаемый демократ Яковлев?

- Китайца!

- Почему?

- А это наш будущий враг, с ним и случится третья мировая.

Андропов опять сплюнул.

- Тьфу, черт! Ну, что вы ей богу! Не дай бог с китайцами война – лопатами закидают или палками забьют... Не дай, бог!

Андропов сел на край кровати. Радио тем временем передавало другую любимую песню бывшего председателя КГБ "С чего начинается Родина..."

- А вы, уважаемый Михаил Ломоносов, кого будете давить? – спросил Андропов третьего гостя, бывшего секретаря Красноярского Горкома партии, только что ставшего членом Политбюро по рекомендации самого Андропова.

Членом Политбюро простой секретарь Горкома Ломоносов сумел стать, когда Генсек Андропов, будучи в Красноярске, был угощен морской капустой, столь дефицитной в Москве. Мудрая Зоя Спартаковна посоветовала мужу угостить бывшего моряка капустой, которой таки завалили весь город. К своему несчастью в этот день первый секретарь Крайкома Иван Сусанин ходил с рогатиной на таймырского медведя.

- Променял медвежье сало на капусту! – плакался Сусанин и готов был поколотить Ломоносова, да городской секретарь уже бежал в Москву в прицепном вагоне с морской капустой.

- Можно я с женой посоветуюсь, – Михаил склонил лысую голову к Зое Спартаковне, пошептался с ней и сказал. – Ящик водки, пора вводить сухой закон.

- Эх, товарищи, – сказал в ответ Андропов. – Тормоз давить надо, дипломатии надо учиться. Кстати, что за странная татуировка на вашей голове, уважаемыйихайло? Раньше не замечал! – Андропов указал на слово «Perestrojka», что странным образом проявилось на лысине будущего президента Советского Союза.

Но Михаил Ломоносов и сам не ведал, каким ветром занесло эту провокацию на чело первоцелинника! Во всяком случае «Perestrojka» точно отразила тайные мысли Михайло, что сильно жаждал демократии против воли своего учителя и наставника Андропова. Но именно Андропов и рекомендовал Ломоносова в Политбюро ЦК КПСС.

Сам Андропов давил не на тормоз, а на газ и государственная машина стала давить демократию, чуть было ожившую при Брежневе. Впрочем, "демократия" Брежнева была декорацией, за которой жил и процветал сталинизм. Когда 20 января 1982 года умер сталинский идеолог Михаил Суслов, Брежнев не скрывал слез и похоронил Суслова, как третьего вождя после Ленина и Сталина.

После смерти Брежнева Андропов решил выпрямить Кремлевские звезды, падшие, по его мнению, под давлением Запада. Агенты КГБ выдворили из Москвы всех проституток, педерастов далеко за знаменитые Петушки, где не менее знаменитый Венечка Ерофеев употреблял невиданные по тому времени коктейли "из лака спиртового" и "средства от потливости ног".

С другой стороны, чекист Андропов хорошо чувствовал бурление народных масс, совершенно спившихся при Брежневе и начал вводить в большую власть Михаилу Ломоносову, человека противоположного полюса –

трудно было представить союз столь разнохарактерных людей. Много лет спустя Ломоносов своеобразно отблагодарил Андропова, предав партию и своего учителя. Но поначалу все шло полюбовно, как в сказке о братьях, живущих под одной крышей.

В апреле 1983 года в Свердловском зале Кремля шло совещание по сельскому хозяйству. Член Политбюро Ломоносов резко и остро критиковал как местных боссов, так и центр России. В кулуарах Ломоносов обнялся с Иван Ивановичем Голубевым, бывшим директором гостиницы уранового рудника, а ныне председателем Красноярского отделения Союза Писарчуков. Старинные друзья, съевшие еще на целине пуд соли, обсудили урожай, а заодно и культурный посев. Беседа шла за богатым столом, где вспоминали бедную юность и трудовые подвиги, за которые Ломоносов был награжден орденом Ленина, а Голубев орденом Знак Почета.

После совещания поехали в окрестности заповедника, где располагались дачи членов Политбюро. Под некоторыми березами стояли ведра, в которые по каплям стекал березовый сок – Зоя Спартаковна собирала лечебную воду, а также березовые почки, чтобы промыть больные почки Михаило, сына Сергея.

Отличное бетонное шоссе перебежали косули, важно прогуливались лоси, которых охрана осторожно сгоняла с дороги. Скворцы из многочисленных скворечен, висящих на березах, речитативом делились дорожными впечатлениями от зимней поездки по теплым странам. В этом птичьем хоре из перелетной "оперы №2" были слышны свистки тепловозов, львиные рыки и воинственные вопли туземцев – скворцы великолепные пересмешники.

Зоя Спартаковна, слушая концерт, спрашивала мужа и заодно охрану: "Сколько прошли кругов по кольцевой дороге?" Охранники в недоумении пожимали плечами, и Зоя Ломоносова приказала сменить их.

Зоя Спартаковна обладала мужским характером и охотничьим нюхом. Она, на удивление всем, точно подсчитывала, сколько лисят и бурундуков перебежало дорогу.

Другая охрана ловко обманывала Зою Спартаковну, втыкая палочки для счета.

Бодрая Зоя Спартаковна широким шагом шла по правую сторону мужа, что не согласовывалось с этикетом. Отныне так она будет ходить и в зарубежных поездках, показывая, что в СССР, глава семьи женщина. Советский матриархат временно стал противовесом западному патриархату. Но вскоре феминистки установили свой диктат в Америке, логове загнивающего капитализма – даже за один взгляд, брошенный в сторону объевшейся дамы, мужчина мог быть подвергнут крупному штрафу.

На вид очень женственная, с миловидными чертами Зоя Ломоносова обладала грубым мужским юмором и порой шокировала окружающих загадками для мужской компании: «Два яблочка в моху да морковка наверху – что это?» Зоя Спартаковна требовала отгадки на татарскую народную загадку и битые мужики, члены Политбюро краснели как юноши.

Зоя Спартаковна сама и отвечала с грубоватым юмором.

- Эх, мужичье! На уме один разврат. Да глаза это и нос! – Чьи глаза не скажу...

Обедали рядом с камином, от которого шло приятное тепло, но против традиции, не было даже сухого вина, и председатель писарчуков Голубев пощипывал бородку с глубоким разочарованием.

- Великим старикам легко было фантазировать в тиши лондонской библиотеки: живое творчество масс, освобождение труда, демократия, гласность...

- Это ты цитируешь Андрэ Марти, – комментировала мужа Зоя Ивановна – Ad notam!

Зоя Спартаковна и Михаил, сын Сергея закончили МГУ и пользовались латынью как повариха солью.

- Меня тоже будут цитировать великие писатели! Есть такие в Красноярске? – спросил Ломоносов Голубева.

Голубев отрицательно отмахнулся, потом сказал

- Может и будет, но не очень великий и не наш.

- И что он пишет?

- Роман века "Стрелочник". Якобы состав истории можно переводить с одного пути на другой. По его мысли пора переходить государству в рыночные отношения, когда каждая шестеренка заинтересована с другими в одном механизме. Словом, не шестеренки уже, а маленькие двигатели. Абсурд!

- Отчего же... Мы и сами порой думаем... - Ломоносов переглянулся с женой.

- Да, нет! Этот списыватель вообще живет в своем мире, где все происходит по его воле. Попробуем, дескать, перевести Историю в рынок!

- И что за мир его такой?

- Потусторонний. Какой-то параллельный нашему, третий или четвертый по счету. По его эксперименту в удачном раскладе – сколько заработал – все твое, налоги заплатил и гуляй свободно. А в нашем мире – сколько заработал, все отдай государству, а что осталось – пропей с друзьями, без которых ты никто!

- Вот это и плохо! – воскликнула Зоя Спартаковна – Пьянству – бой! На такой эксперимент мы согласны...

- Согласны – почесал лысину Ломоносов – Но как сделать переход к рынку? Остановить раскрученный механизм, разобрать по винтику государственную машину невиданных размеров и каждой шестеренке дать свой мотор, да еще шесть ступеней свободы? Идея превосходная, да сколько лет на воплощение? Пятьдесят? Сто? А если операция не удастся, начнется отторжение, шестеренки примутся грызть друг друга, и какая идеология у этой анархии? Смерть – мать порядка?

- Этот списыватель думает со временем набрать опыт, – осторожно высказал Голубев свои возражения.

- "И опыт – сын ошибок трудных, и гений – парадокса друг!" Но опыт набирается десятилетиями, а гений рождается раз в сто лет! Этот ваш Качинский кто? Дурак, гений?

- Явный дурак – ни разу не выставил бутылки на общий стол, хотя столько помогали ему и коммунистов не хвалит, – кривил душой Голубев, под партией имея в виду самого себя.

- Сказать правду, партию сегодня хвалят, кто обязан делать это по должности. Сам Юрий Владимирович так резко высказывается, что уши вянут.

- Критика основа всякого творческого начала, – вступилась Зоя Спартаковна. – Вспомним триаду Гегеля: "Тезис, антитезис – синтез!" *Contra dictio...*

- Есть, есть и у нас в Красноярске свои латинисты! – воскликнул Голубев, которому надоела демонстрация мертвого языка.

- Их фамилия не секрет?

- Пирогов. Критик такой, с молодежью пьет.

- Пьет? Да мы с ним в одной группе учились, такой трезвенький мальчик был, – поразила Зоя Спартаковна.

Зоя Спартаковна вспомнила студенческую юность, лекции и метрополитен, которым она пользовалась бесплатно благодаря уловкам Пирогова.

- Давно я не каталась на метро, – вздохнула Зоя Спартаковна. – Мы с Пироговым ездили на свидание к его девушке, дочери генерала. Я давала ему нюхать нашатырь, когда он ссорился со своей девушкой, и закончили мы университет с красным дипломом. Никогда не думала, что Пирогов станет пьющим критиком! Это он тяжело заболел с дочерью генерала – сказала Зоя Ивановна звонким молодым голосом, хотя была бабушкой двум внукам.

- Иван Иванович привезет всех сибирских списывателей, – приказал Ломоносов.

- Вместе с Качинским, – добавила Зоя Спартаковна.

- Каждому овощу - своя земля, – отрицательно качнул головой Голубев. – Московский воздух вреден сибиряку.

Иван Иванович не любил стрелка Качинского и, будучи прямым начальником, редко делился с поэтом деликатесами, что прилетали в нищую Сибирь по московской разнарядке. Взаимная вражда усилилась, когда Иван Ивановича перевели с хозяйственной работы на творческую и назначили Председателем Писарчуков. Куда бы ни обратился Качинский, в журнал, газету ли – всюду из уст зав отделов струился ледяной парок: "Не наш человек!"

В итоге Качинский не прошел на краевой семинар молодых дарований – вместе с водой выплеснули и ребенка.

- Я думаю, для всех людей полезна перемена климата, – защищала далекий талант Зоя Спартаковна. – Каждому овощу необходим творческий рост под наблюдением и обильным поливом. Кстати, каким образом уважаемый Голубев из начальника гостиницы перекинулся в председатели поэтов? Вы сами хоть когда-нибудь стихи писали?

- Меня выдвинул коллектив!

- Коллектив поваров? Бригада кастелянш и горничных!?

- У меня талант на организацию юбилеев и праздников! – взмолился Иван Иванович, готовый рухнуть на колени перед Зоей Спартаковной.

- Вот и поддержите нашего поэта, – предложила Зоя Ивановна – Дайте ему премию и вручите ее где-нибудь на природе у костра.

- Зоя! – воскликнул Ломоносов – Я уж год не был на рыбалке.

- Заповедник "Столбы"! – воспрянул Голубев. - Там и близко никакой милиции нет.

- При чем здесь милиция? – насторожилась Зоя Спартаковна...

Иван Иванович Голубев вернулся домой с предложением пить водку на таежной речке у дымного костра, но сей проект писарчуки встретили без энтузиазма – лучше пить водку на теплоходе "Мария Ульянова" и с борта оглядывать дремучую тайгу на крутых берегах. Плохо шастать по этим непроходимым местам, где деревья лежат вповалку.

Скоро стало совсем плохо. Творческие семинары шли только под чай, и даже бильярд закрыли попоной. Писарчуки сели на чемоданы в надежде скрыться в местах отдаленных от зоркого ока трезвой власти.

Страшную скуку усилила громадная Перестройка. В правлении писарчуков одни стены разбирались, другие напротив воздвигались, окна закладывались кирпичами. Свет в писательских душах померк, на сердце толстым слоем легла пыль.

ГЛАВА 6

Поэт Качинский и художник Макаров в гостях у мэтра Саянова пили кавказское вино и разглядывали портрет члена Политбюро Михаила Ломоносова, что как древнеримский сенатор был изображен со слепыми глазами.

- Он слепой от рождения. Духовно. – Пояснил художник с большой бородой и указал на родимое пятно на голове советского сенатора – Это карта полуострова Флорида с Багамскими островами, только в зеркальном отражении.

Поэт Качинский придвинулся к портрету и возразил:

- Никакой Флориды не вижу! Обычный партийный секретарь, затюканный женой – татаркой. Судя по моей тетушке, в любой семье, где жена - татарка – жуткий матриархат. Моя тетушка выдает мужу по сто грамм утром и вечером. Дядя Володя думает: «Повеситься что ли?»

Художник Саянов рассмеялся:

- Верно! Зоя Спартаковна приходится мне тетушкой. Вот мы и враждуем – пишем пасквильные портреты!

- А почему портрет Ломоносова вы подписали «Михайло, сын Сергия?»

- Потому что Ломоносов действительно сын преподобного Сергия Радонежского, что жил в дружбе даже с медведями. Вот и Михайло, сын Сергия, мечтает установить дружбу с противниками России и управлять государством по принципу: не тронь меня, и я тебя не трону. К сожалению, Михай-

ло, сын Сергия Радонежского слеп от рождения! Зато Зоя Спартаковна даль-
нозорка!

- Точно! – хохотал Саянов. – Ведет к власти слепого!

В открытые окна мастерской влетала музыка духовых оркестров. По улице Мира текли флаги и портреты членов Политбюро. Вдали, как всегда по праздникам, курила Караульная гора, пуская оранжевые фейерверки из окон часовни.

И сейчас же Качинский заметил на одной из картин такую же часовню, что светилась разноцветными лучами лазера. Под часовней стояло родовое гнездо поэта. У дома густо дымила довоенная полуторка с номером КР 56-26. Лучи лазеров переливались, окна дома играли отраженным светом. Шофер машины дядя Акзам приветливо махал рукой. На лавочке у дома сидели девушки, лузгали семечки и живо болтали непонятно о чем, гром оркестра заглушал их разговор. Но вот одна из девушек громко сказала: "Здравствуй, сынок".

- Что это, кто это? – изумлялся Качинский.

- Это? – художник Саянов выглянул в окно. – Это голограмма! Всюду праздник!

"Будет людям счастье, счастье на века", – пела колонна у кинотеатра "Октябрь"

"Страна мечтателей, страна ученых!"- вели свою партию демонстранты у "Совкино"

И верно, СССР был страной ученых и военных – прямо под кинотеатром в секретных туннелях шла напряженная работа без выходных, и странно было даже подумать, чтобы страна, наполовину спрятанная под землю, потерпит поражение.

Тем более что у этой страны есть любимая Грузия, где готовят любимые вина Сталина. Бочонок любимого вина художник Саянов привез с родины вождя, где писал большое панно "Сталин в Туруханском крае".

Грузины восхищенно цокали языками, глядя, как великий земляк с крыльями за спиной ходит, как живой, на охоту на медведя в мундире генералиссимуса, при этом южный человек сильно страдал от шестидесяти градусных морозов. Любимое вино спасало вождя, но иногда мороз доходил до минус восьмидесяти – при этом вино замерзло, стекло рассыпалось, а ствол ружья разлетался при выстреле на множество осколков. Но сам Сталин был крепче стали, и приветствовал земляков из далекой ссылки, поднимая кубок за здоровье СССР. Знать вождь и верно был архангелом с грузинской кровью, что спустился с неба притворить замыслы Иисуса Христа во втором пришествии. Именно так Саянов объяснял грузинам свое панно, за что был награжден великолепной буркой и бочкой вина.

По возвращению в Красноярск мастер Саянов продолжил опыты соц-сюрреализма. Академик живописи писал заказных доярок и трактористов, но в новом ключе: освещенные костром тракторы стояли со страдающими фарами-глазами и вместо стальных гусениц имели странные лапы, что скребли и обдирали до мяса зеленую шкуру живого существа по имени Земля. Острое

жало протыкало зеленую шкуру и сосало нефть – кровь Земли. Земля, корчась в судорогах, пока еще терпела чудовищный механизм, расплодившийся, как вша, на голове матушки кормилицы. Но скоро будет жарко - впереди субботняя баня и большая стирка.

Перед последней работой художника поэт Качинский стоял дольше всех – две башни Торгового Центра густо дымили как заводские трубы.

- Обобщенный образ мировой торговли, – пояснял Саянов. – Нынешняя торговля больна спекуляцией и потому много дыма.

В мастерской академика квартировал его ученик Курвиц, но, как всегда, у мастера хреновый подмастерье: на мольбертах возлежали женщины с зелеными лицами и кровавыми губами, глаза выходили за абрис, а вместо волос клубились черви. У кого какая душа так и пишет не спеша.

- А у Пикассо, чья душа? – спрашивал поэт, разглядывая картины Курвица.

- Хирурга, – сказал Курвиц. - Патологоанатома.

Душе Пикассо не понравилось такое определение. В мастерской возник вихрь, картины Курвица вспорхнули и вылетели в окно. Хлопок воздуха вынес Курвица на лестницу, и он полетел вниз, едва касаясь ступенек. Курвиц футбольным мячом выкатился прямо под ноги демонстрантов, что были одеты, как клоуны в цирке – в красных фесках, красных кушаках и галошах. Над головой демонстранты несли лозунги "Да здравствует столбизм!", "Лучше гор могут быть только горы!" Возглавлял колонну большой человек в валенках с галошами и с плакатом "Долой застой!" Это был известный в Красноярске борец с привилегиями Юрий Петрович Громов. Известный диссидент без прописки и места жительства, ныне живущий в заповеднике "Столбы" в бревенчатой избушке на краю высокой скалы. Борец Громов за последнее время настолько исхудал от духовной пищи, что как воскресший Христос на картине Веронезе парил в воздухе, озаренный ярким серебристым сиянием. Очевидно плакат в его руках с надписью "Долой!" был вместо воздушного шара, и сильный ветер, казалось, скоро унесет домой на столбы, но агенты КГБ вовремя ухватились за валенки борца и опустили на грешную землю.

- Доброго здоровья, Юрий Петрович, – сказали агенты и, взяв под руки, понесли в дурдом.

- Люди! – обратился Громов к демонстрантам с флагами. – Да здравствует плюрализм!

Что это обозначало, никто не знал, но Владимир Высоцкий через громкоговоритель перевел на русский язык:

"Бить человека по лицу я с детства не могу!"

Но Юрию Петровичу пришлось бить воров в законе, что удобно устроились в психушке, спрятавшись от закона. Громов занял лучшую шконку в камере, то бишь лучшую кровать у решетчатого окна в палате больных с вялотекущей шизофренией.

Психушка раньше стояла в сосновом бору в гордом одиночестве, а ныне была окружена зверинцем. Девушки ходили по новому зоопарку, а вору в законе, что жили в клетке с надписью "диссиденты", демонстрировали им то

же самое, что и обезьяны, скучающие без самок. Громов сотрясал решетки и требовал адвоката. Девушки были в восхищении при виде страдающего восьмидесятника.

Колонну девушек с портретами Михаила Ломоносова вел старший мастер химзавода Александр Степанов. Степанов был сыном коммуниста верного партийца и нес на руках старинный граммофон, на котором крутилась пластинка с записью хора ансамбля Красной армии.

- Величали мы Сталина, всенародного маршала.

К сожалению, Хрущевская оттепель сильно нагрела пластинку, советские марши пошли волнами, дорога в зоопарке покрылась большой грязью и, вообще, политическая погода не могла установиться хорошим бабьим летом. Воры в законе, глядя через решетки на демонстрацию посетителей зверинца, пели свою зековскую.

- Товарищ Сталин, вы большой ученый, а я простой советский заключенный.

Колонна, возглавляемая Александром Федоровичем, покинула зоопарк, повернула в Закаменку и пошла улицей Брянской. Старинный граммофон с мощным мясистым звуком, покрытый черным эбонитовым деревом, сам по себе менял старинные пластинки, выбирая песни на вкус родителей Александра Федоровича, видных партийцев.

- Нет имени выше, чем Ленин и Сталин, нет слова теплей, чем Москва.

Вся Брянская улица вышла приветствовать колонну химиков, порядком подзабыв, что за люди были такие Ленин и Сталин. Но советский народ всюду правильный и делал верные выводы: ведь никто о Хрущеве ни одной песни не сложил, а сколько кукурузы посеял и хрущевок построил! Но с именем Сталина в атаки кидались, заводы строили, был энтузиазм, Значит, что-то есть в этом имени.

Правда, ныне вместо молочных рек с кисельными берегами текли реки вина, и над страной стоял хруст морской капусты – кто виноват?

И советский народ в лице жителей Закаменки громогласно требовал возврата к Коммунизму, украденному у него господами, добравшимися до власти.

- Пэрэмэн! Мы хотим пэрэмэн! – пел в микрофон на закаменском базаре Виктор Цой.

Базарный люд, наблюдая за колонной химиков, перешептывался

- Сколько лысых, столько и обещаний!...

- Нам никогда не угодить: то пиво кислое, то колбаса невкусная – возражали другие.

- Всегда есть жертва: кто-то на кого-то наступил, а Ленин виноват.

- Грех жаловаться, когда пчелы кусают – глядишь, и радикулит прошел.

- Хрен выздоровишь в этом болоте. Двадцать лет стоим по колено в застое.

Проходя мимо базара, химики разглядели, что здесь пивная очередь короче, чем на улице Мира, где майская демонстрация мирно расходилась по

пивным подвалам. Великий Ленин на прощание аплодировал молодежи, идущей правильным путем, и хлопки каменных ладоней гремели как пушечные.

На базаре же вокруг пивного ларька стояла относительная тишина. Хорошо пить пиво на базаре: вольный ветер с Караульной горы материнской рукой гладит волосы на голове, а вокруг в кавказских рядах овощи, фрукты и битая птица, слетевшая с чудесных натюрмортов старинных голландских мастеров. На базаре и вокруг всюду музыка: там Магомаев, там Ободзинский.

У пивной, как и полагается, место встречи духовных братьев Александра Степанова и Юрия Качинского. Друзья обнялись, выпили на брудершафт кавказского вина и Степанов, как начальник химического цеха, предложил поэту выставку девичьих сердец, подчиненных ему. Одни сердца горели рубином на майском солнце, другие, подобно луковицам, сплетены в длинные до пояса косы. Стоило протянуть руку, и можно было сорвать свежий плод, созревший за долгую зиму в домашней оранжерее, а ныне выставлены на показ в виде женских взглядов, обрывков громкого смеха, что подобно снегирям, взлетали с алых губ. Тонкие пальчики с перламутром, точно бабочки порхали по горкам золотых апельсинов и яблок, а продавцы с большими кепками спрашивали очаровательных сибирячек с интонацией мартовского кота

- Гдэ такие пэрсики вырастают на таком морозе? Пачему на Кавказе не цветут такие цветы?

Мимо пролетела яркая как светофор девушка в красной юбке и зеленой кофте в обтяжку.

Мужчины проводили ее таким взглядом, что девушка с красивым именем Марьям невольно оглянулась и сказала

- Не повредите глаза.

Поэт Качинский и химик Степанов взяли девушку под руки

- Зачем вам яблоки с Кавказа, когда свои лучше?

- Журавель требует железо, он потерял много крови в Афганистане.

- Передайте майору...

- Подполковнику! – поправила Марьям.

- Передайте генерал-майору, что он выиграл еще один бой – И мы его награждаем...

- ... Орденом моего сердца! – и Марьям, сделав ручкой, пропала в толпе.

- Подполковник хорошо служит, – сказал Степанов. - И женщине, и Родине!

- Ты его знаешь?

- Военпред Журавель принимает у нас горючее для этих тварей, что летают над нами – Степанов указал пальцем на дракона, как раз пролетающего над их головой.

Дракон в ответ пустил огненную стрелу.

- Не показывай пальцем на военную тайну!

- Растет майор не по дням, а по часам, – задумчиво сказал стрелок Качинский. – Некоторые за год успевают прожить жизнь другого.

- И, между прочим, заработная плата у всех одинаковая – пашешь ли ты, пляшешь ли ты.

Братья земляки повели колонну девушек с базара домой, но в химии дисциплина хуже, чем в армии и девушки потихоньку смывались в самоволку, да и брянские мужики себе на уме – разбирали невест как на ярмарке.

Словом, чем выше поднималась улица, тем глубже старые дома прятались в красную землю: иные по уши, а иные по крышу – порой одни окна торчат и так жалобно смотрят из ямы, что хоть лопату бери и откапывай!

А смотрят старые развалины в сторону Николаевской сопки, с которой рядами спускаются многоэтажные дома и вот-вот скоро растопчут закаменскую романтику.

Впрочем, не все старинные особняки готовы уступить новому времени. Некоторые старички, близко подходя к центру, выходили из земли и охорашивались, обновляя старинную резьбу старинных платьев. Вот уже и старые окна из волнистых стекол смотрят веселее. Темные срубы красятся в золотые цвета – ну, прямо девушки на выданье. Старые дамы на Перенсона и на улице Ленина подчапурились, как молодые, набросили на глаза вуаль тюлевых занавесок, покрыли ржавые крыши хной да басмой, отмыли дворы и уж фарсовые полукаменные дома зорко следят за фронтом стандартных пятиэтажек, столь схожих, словно одна мать родила в одну зимнюю ночь.

В эту эпоху развитого социализма в пламени мартенов, в грохоте сверкающих ракет и в бесшумной работе заводов теневой экономики рождалось будущее России. Из двойного стандарта советской жизни выходила полярная жизнь: столичным городам – стадионы с изумрудной травой по английской технологии с кожаными креслами, а в провинции - праздничный матч местного "Шахтера" с новосибирским "Чкаловцем". По грязному полю бегают футболисты второй лиги и бьют мимо ворот грязным мячом.

Мяч взлетает над стадионом и бьет в брюхо дракона, что, пуская цветные дымы и хлопая огромными крыльями, торопится в сторону заповедника "Столбы". Зрители, восторженно вопя, кинулись следом.

- А мне нравится старый Красноярск – говорил поэт Качинский, поднимаясь по старой разбитой лестнице с дырявыми с полами и сломанными перилами – Есть свое очарование и в разрушении. Старая крапива на задворках двора мне милее высотного дома со скоростными лифтами.

- Да я в принципе тоже за старину, да уж больно тяжело ее таскать – жаловался Степанов, неся на руках граммофон со старинными пластинками.

На Караульной горе суетились люди в странных одеждах. Все они кинулись навстречу поэту и химику.

- Только не бросайте, господа! Господи, какой подарок! – шумел художник Суриков, принимая из рук в руки великолепный механизм.

Антон Павлович Чехов левой рукой раскрывал отличную панораму великого города, бывшего уездного поселка

- Москва слезам не верит, а Красноярск верит своим пророкам, чьи сердца переполнены слезами сочувствия...

- Униженные и оскорбленные будут накормлены, а богатые стужаются, – поддержал Федор Достоевский, выходя из часовни в сопровождении других героев.

Уже стемнело и на огромной территории города, как звезды зажглись памятные места: школа №1, где учился Суриков, библиотека Юдина, где работал Ленин над книгой будущего великого поэта Дениса Заречного и дом №22 на улице Брянской, где ночами сочинял роман века поэт Юрий Качинский.

ГЛАВА 7

Стенные часы сказали: "Двенадцать часов, закройся на засов", и тотчас возникли стоны и смех из неясных источников.

Стрелок ведомственной охраны Качинский бродил по гулким коридорам НИИ Сантехника и с ружьем наперевес прислушивался к голосам за дверями с матовыми стеклами. По стеклам ходили резкие тени людей и животных. Качинский постучал в двери, голоса стихли, и послышался призыв

- Господа! Это же Качинский, автор знаменитого романа века!

- Милости просим, – захлопали в ладоши персонажи теневого театра.

Качинский открыл дверь: в большом зале стояли кульманы, по которым бегали световые блики. Было темно и тихо, как и полагается ночью НИИ Сантехника.

Качинский вернулся на пост, присел на стол, взял ручку, чтобы отметить в журнале происшествий таинственные голоса, но кратковременный сон сомкнул глаза, правда, на одну минуту, более смыкать запрещалось по инструкции.

Стенные часы громко ударили два раза и объявили:

- Сегодня Песах, месяц нисан, число хамиша – асар.

Качинский глянул на часы, вдруг заговорившие на иврите. Затем глянул на улицу: за стеклянными дверями в два часа ночи по проспекту Мира нарядные женщины катили импортные коляски, инвалиды прыгали на костылях, любители театра живо обсуждали работу самодеятельной труппы, обосновавшейся в подвале института – это ночная рота КГБ патрулировала город Красноярск, большая часть населения которого трудилась в глубоких шахтах.

Качинский с набором ключей и с ружьем наперевес вновь приступил к обходу секретного НИИ. Открыв подвал, Качинский с изумлением наблюдал игру на бильярде в третьем часу ночи – что за люди?!

К стрелку подошла высокая женщина в длинном платье с высоким лифом и представила Качинского группе господ в строгих смокингах:

- Господа, это настоящий поэт, мой друг. Я имела честь вести литературный кружок "Современник", где Качинский отличался краткостью – сестрой таланта.

Мария Степановна предложила Качинскому сыграть в бильярд.

- Кто проиграет, лезет под стол и кукарекает.

Качинскому, как петуху по гороскопу, кукарекать не в первой, что он и делал с удовольствием, постоянно проигрывая.

Мария Степановна в бальном платье с бриллиантами комментировала кукареканье поэта:

- Юрий Николаевич с виду некрасив, но любит меня и оттого талантлив. Маленькие писарчуки, ростом до колена, прогнали меня из города, за что они будут наказаны и поставлены в угол, как провинившиеся дети.

Вперед выступил Иван Иванович Голубев.

- Ну что, свет клином сошелся на Марии Степановне? Кто у нас главный герой романа?!

- Марианна – горечь и милость! – сказали из толпы.

- Нелли – светлая!

- Маргарита! Героиня первого романа «Дом, пахнувший хлебом».

- Не так громко господа! Вы угадали! Ее имя нельзя произносить вслух – иначе она проснется! – отвечал Иван Иванович – Ее нигде не видно, но она управляет, как миром управляет Вакуум, который также не виден, но в нем 95 процентов вещества Вселенной.

Мария Степановна гневно топнула ножкой на высоком каблуке

- Я могла стать главной героиней! Почему меня изгнали из жизни поэта!?

- Сами сдали позицию! – воскликнул Иван Иванович – Сами-с!

Цветные шары на бильярдном столе стали играть сами с собой, бегая от ударов незримого кия.

Здесь непрерывно зазвонил телефон, а со второго этажа слышался шум водопада.

Качинский тотчас раскрыл глаза, и секундный сон сменился видением не менее странным – по ковровой дорожке шумно струился густой как вода свет.

Телефонная трубка прилипла к уху, и суровый голос спросил: "Ты все роешься в прошлом?"

- Мы любили друг друга, – оправдывался непонятно перед кем Качинский. – Было много слез.

- Сколько можно лить попусту воду, – продолжал суровый голос. – Ты хочешь знать продолжение?

- Что знать? – Качинский глянул под ноги – густой разноцветный свет как вода поднимался и затапливал помещение.

- Она приехала.

- Кто?

- Открой дверь! Слышишь, стучат! Спать на службе запрещено.

Качинский с защемленным сердцем сбросил с глаз микро сон и кинулся к дверям, но ранняя уборщица была уже внутри вестибюля.

- Христов уаскрес! – сказала старушка-белоруска.

- Не понял, – сказал Качинский.

- Седня Великдзень!

- Сапрауды аживаць! – неожиданно для себя ответил по-белорусски Качинский и добавил – Все равно ничего не понял!

Старушка белоруска принялась сгребать гребнем электричество в седых волосах.

- Галоуйка пустая, уся выцякаця!

Набрав в подол килограмм электричества, уборщица бросила его за дверь, и тотчас сотни маленьких молний, подобно ящерицам, побежали по дверям и витринам. Бабушка, жалуясь на ноги, включила "ветродуй", и вентилятор погнал столь мощный ветер, что снялась и улетела ковровая дорожка, а на всех этажах НИИ принялся грохотать гром, и вскоре, как после грозы, запахло озоном.

Вот с грохотом в сопровождении молний по лестнице спустился человек в терновом венце с ярким, как неоновая лампа нимбом и прошел мимо Качинского, застывшего как соляной столб.

Бабушка уборщица дала Качинскому святой воды, и тот скоро оттаял.

- Что это было? – спрашивал Качинский, делая большие глаза.

Бабушка сказала, что всю ночь стояла на Всенощном бдении, и в первую минуту Воскресения – иконы засветились, а все православные вышли со значительным здоровьем про запас. Вот и у бабушки голова полная "электричнась".

- Да кто это? – вновь указал Качинский на мужчину с лампой над головой, проходящего сквозь стеклянные двери.

Бабушка только пожала плечами, обернувшись на образ, невидимый для нее.

Следом за невидимкой включился и невидимый огромный вентилятор. Из всех дверей проектных отделов стали вытягиваться люди, пропитанные радиацией, как шоферы бензином. Ядерные люди, проходя мимо стеклянных дверей, наводили в них статическое электричество той же породы, что и пряталось в волосах уборщицы Валянщины Пятроуны.

Ночная смена выходила на чистые тротуары, омытые первым дождем, а впереди по асфальту бежали электрические ящерицы и паучки – знать начинался особый день, насыщенный весенним электричеством. Солнце плавало тучи. Расплавленные краски растекались по небу и окрашивали город чистыми, как поцелуй ребенка, тонами. Первая изумрудная трава окантовывала черные лужи, среди которых плавали разноцветные электрические кораблики с кукольными командами. Могучий Енисей, также заряженный электричеством как природный аккумулятор, гудел среди высоких берегов, сплошь заросших цветущей черемухой и маральником. Высокие горы зелеными языками газонов и желтыми осыпями тряслись от скрытой энергии матери всех вод, и непрерывное землетрясение, правда, небольших баллов принуждало

старинный город дрожать от страха – вдруг река остановится и цунами, ставшее стеной, укатит город в Ледовитый океан. Жители высоток с тревогой глядели в сторону стометровой плотины, что с трудом, напрягаясь из всех сил, с трудом держала талую воду Саян – по дну моря катились много-тонные валуны, сорвавшиеся с крутых вершин.

Качинский пришел домой и не нашел родовое гнездо: в ночь Христова воскресения дом поэта метр за метром поднялся в поднебесье. Битый час поэт Качинский взбирался по крутой тропе к родному крыльцу, пока не упал без сил на завалинку, на которой в детстве часто отдыхал, возлегая на земле, оттаявшей после долгой зимы. С высоты завалинки не видно ни автомобилей, ни заводских труб, а старые кварталы, как нарисованные на карте, едва угадывались в низу. Но зато был отличный звук – было слышно, что говорят в каждом дворе далекой улицы Брянской. Слышно было как соседи справа, разговляясь после поста, поют старинную песню "Бежал бродяга с Сахалина". Хорошо было слышно покровских татар трезвыми голосами читающих поэму "Шурале" Габдуллы Тукая.

- "Някъ Красноярск артында бардыр бер авыл – Покровка диляр"

Странно: людей не видно, а голоса рядом. Город далеко внизу как библейская пустыня, и голоса людей, как голоса ангелов.

- Качинский! Не глотай кусками! Сколько я тебя учила пользоваться вилкой и ножом! – послышался над головой голос, до боли родной.

Качинский поднял голову – из окна, распахнутого настежь, выглядывала Дашенька, героиня первого романа Качинского, сочиненного Юрием Николаевичем двадцать лет назад. Рядом строжилась подруга Татьяна Олимпиевна.

- Юрий Николаевич, оставь ребятам – они молоды и голодны, как звери в пустыне!

Только сейчас Качинский учуял необыкновенно вкусный запах из кастрюли, стоящей на его коленях. Юрий Николаевич подцепил ложкой кабачок, фаршированный мясом и, давась от жадности, проглотил не прожевав. Следом проскочил второй и третий кусок, один вкуснее другого. "О-О" – только и смог сказать Юрий Николаевич.

Подруги одна за другой вскочили из окон, отобрали кастрюлю – Качинский подивился силе отнюдь не женской.

- В каком ресторане заказывали?

- Сам вчера и заказал, а мы за ночь изготовили из медвежатины – у тебя ее полный холодильник!

- Вообще-то я медвежатину не люблю, но тут вкусно. А где кабачки то взяли?

- Булочкин принес, да вот он и сам поднимается в гору!

Качинский вслед за подругами влез в окно и уже с подоконника глянул вниз. Дом, стоя на краю скалы, опасно качнулся, грозя упасть на доктора Шубкина и химика Степанова. Друзья как альпинисты взбирались по отвесной скале, держа в руках авоськи с "Нарзаном" под номером 777. Сверху на голову друзей густо сыпались желтые тополиные листья. Качинский глянул

на часы "Командирские" - 16 часов 15 сентября 1982 год. Ого, считай, полгода проспал! Бывает день длиной в век и бывает сон длиной в год! А спал то минут пять...

Друзья только выходили на скалу, как во двор подобно паровозу во- рвалась тетушка Наиля. Бедные студенты бежали частью в Покровку, частью свалились в подвал, дрожа, как кролики от страха и холода.

Тетушка родилась женщиной и точно бы дослужилась до генерала, если бы женщин брали в армию. Тяжелым шагом командора она мерила пол засы- пушки, отчего прогибались доски и на головы "маляров" сыпались пыль и труха. Кот и собака Пальма сопровождали каждый шаг хозяйки.

Хозяйка учинила допрос Бурикову, требуя назвать выигрыш в Спорт- лото и выдать половину суммы в счет аванса. Коля лежал как забальзамиро- ванный вождь, и только глаза, бегающие по страницам "Советского спорта", выдавали в нем жизнь. Тетушка Наиля порвала газету, сняла с головы лыж- ную шапочку, с которой он не расставался даже в бане и, прихватив лыжи в качестве трофея, зашла к племяннику, где страшно удивилась незнакомкам, что, верно, прибыли обобрать племянника и пропить дом.

- А, шалашовки, ссыкухи! Что они делали без тебя с твоими друзьями, все расскажу!

- Наиля! Ты по молодости тоже не была святой! – Качинский пытался подвинуть тетушку к выходу, но сделать это все равно, что передвинуть печь.

Тогда Качинский тоже пригрозил

- А вот я сейчас расскажу всю твою жизнь со всеми подробностями!

Тут тетушка сильно покраснела и со словами: "Лярвы новосибирские!" исчезла на полуслове, словно некий редактор переписал главу романа.

Качинский, стоя напротив Дашеньки, словно только что увидел ее, вглядывался в забытое лицо подруги молодости. Дашенька тоже не сводила с него глаз, жадно разглядывая сильно изменившееся лицо любимого – сама она при этом ничуть не изменилась и своей яркой свежестью казалась доче- рью рядом с постаревшим отцом. Сколько лет они не виделись? Качинский пытался подсчитать и сбился, уж более четверти века!

" Падать легче, чем подниматься", – думал Качинский.

Также думала и тетушка Наиля, взбираясь на Покровку и громко грозя племяннику и его блядешкам, что приехали охмурять полубольного мужика с тем, чтобы окончательно свести его с ума.

Тем временем Николай, набегавшись по горам с поддержкой лыжных палок, вбежал в родной караван сарай и взорвался от негодования, наступив на сексуальную мину: в интернате художников голая, как правда, Люси, лю- бимая модель художественного училища имени Сурикова исполняла канкан на узком пяточке среди железных кроватей с панцырными сетками. Николай Буриков был праведнее истинных мусульман и бежал от шайтана. Грудастая натурщица кинулась вслед за Буриковым – только что по радио объявили счастливые номера "Спортлото". Неделю назад Буриков просил "голую прав- ду" зачеркнуть эти счастливые цифры, и теперь жлоб Николай убежал вместе с выигрышем.

Тетушка Наиля, наблюдая с горы соревнование любимого квартиранта и "голой правды", как настоящий болельщик свистела в пальцы, да так громко, что с горы скатился самолет. Летчик, пролетая над гнездом поэта, сбросил "бомбу" повестушника Черного. Валера пытался захватить самолет полярной авиации "ИЛ-14" с тем, чтобы сбежать за границу. Летчики напоили террориста антиобледенителем и выкинули бесчувственный мешок прямо при взлете самолета.

Пьяных черт бережет. Повестушник пробил толстым задом крышу художественного балагана и скоро пил чай вместе с Качинским, нагло приставая к Дашеньке. Качинский считал пироги, скушенные Валерой, и торопил диакона на службу в отдаленный приход, где Черный подрядился читать псалтырь взамен заболевшего служителя.

Но иные сокровища искал безбожник, роясь грязной лапой в промежности Татьяны Олимпиаевны. Девушку это утомило, и она левой рукой легко выбросила стокилограммового гостя прямо в окно. Качинский в очередной раз подивился неземной силе хрупкой женщины.

Подобно мешку с навозом Валера скатился по крутой тропе прямо под ноги соревнующихся Николая Бурикова и голой Люси. Так они и бегали по городу: впереди Буриков с лыжными палками следом "голая правда", а позади повестушник с развевающейся по ветру бородой. Мелкий осенний дождь размочил землю в кисель, и вот уже тройка борзо бежала по красно-бурому ихтиолу.

Николай привычно свернул в гору, помогая себе лыжными палками, легко одолев двухкилометровый тягун, присел у старой давно небеленой часовни, развернув как флаг, любимый "Советский спорт".

Голая Люся избивала все ножки об острые камешки и была безумно рада, когда Валера подхватил ее на руки и понес в гору. Пока добирался до вершины, Валера похудел вдвое, но никакая сила не смогла бы отобрать сладкий приз. Дойдя до часовни, Валера упал среди битого стекла и окаменевшего дерьма, желая тут же овладеть "правдой жизни", но подоспевшие Татьяна Олимпиаевна и Дашенька спасли попа от греха. Оказалось, повестушник расчетливой рукой украл бриллианты Дашеньки, спрятанные между ног Татьяны Олимпиаевны.

Татьяна Олимпиаевна с неженской силой принялась бить Валеру Черного, отчего от повестушника пошла густая пыль. Но Маргарита и здесь, как и в далекой молодости, исполняла роль инженеру: наивной, счастливой, ни в чем не нуждающейся простушки, девушки из Аркадии.

- Я его простила, как давным-давно простила Рыжего! Дайте, я вытру кровь и угощу вином брата в грехе.

Буриков, разбежавшись с горы, исполнил Иммельман – перевернувшись через голову, лыжник спортсмен принялся кормить лапшой художников, как отец любимых сыновей. Студенты столь изголодались, что глотали недоваренную лапшу, после которой дворовая уборная окутывалась заринном и заманом – отравляющими газами нервно-паралитического характера. Повестушник Валера, наглотавшись вина от Дашеньки и газов от художников,

исполнял в дворовом театре Кабуки женские роли, то и дело присаживаясь по-женски среди двора – мочиться по-мужски ему, мешала длинная до пят ряса.

От гнезда поэта круто вниз, словно ветви упавшего дерева разбегались тропинки. По самой доступной из них поднималась библиотекарь Марьям. Девушка пришла к Качинскому в поисках полковника Журавель – все-таки Качинский работал в непосредственном подчинении у него. Марьям с прищуром оглядела голую модель в окружении живописной богемы, одетых как истинные клошары со студенческой мансарды в латинском квартале в Париже. Странно, но Марьям в упор не замечала Дашеньку и Татьяну Олимпиевну. Как ни пытался Качинский представить старинных подружек, библиотекарь не видела и не слышала их, только удивляясь беспокойству поэта.

И вообще сам поэт ее ничуть не интересовал, она сильно беспокоилась о судьбе полковника, безвестно пропавшего где-то в Афгане. В ответ Качинский пожимал плечами, и сам интересовался судьбой начальника, которому вот только что вчера отчитался за свою смену.

Тут вновь объявилась тетушка Наиля, страстно желающая наконец-то женить строптивного племянника и передать в надежные руки. С библиотекарем Марьям тетушку связывал взаимный интерес: тетушка давала ей редкие импортные журналы, а Марьям подкармливала тетушку редкими деликатесами московского снабжения.

- Увольте! – отмахивалась Марьям от тетушки – Я не способна носить на руках такого тяжелого ребенка. Я не Мими и не Мюзета, чтобы принять эстафету.

- А я не Рудольф! – воскликнул обидчивый Качинский. – И не желаю, чтобы меня как палочку-выручалочку передавали вместо полковника.

Всей компанией спустились на улицу Перенсона проводить гордую Марьям. Прохожие шеи сворачивали, оглядываясь на шумную тетушку Наилю, что била по щекам Колю Бурикова с новыми лыжами за плечами – как смел он тратить деньги на финское дерево, когда своего полно! Затем тетушка била повестушника Черного с корзиной рукописей, в которой лежала голая правда.

- Дурдом! – возмущалась Марьям – Почему вы все босые?

- А мы сейчас в моем детстве, – отвечал Качинский. – В детстве все ходят босиком по мягкой земле.

И, верно, улица Брянская поразительно сохранила старинный облик. Дома сплошь каменные с фигурной кладкой, с глубокими подвалами, где торговали керосином и скобяными товарами. В полутемной лавке стояли железные бочки, мокрые от керосина, проникающего в любую щель. На мокром железном прилавке лежали лейки и воронки с делениями, за прилавком стоял продавец в промасленном фартуке. С продавцом торговалась бабушка Качинского. Тетушка Нелли тотчас затеяла с матерью спор из-за памятника, так и не воздвигнутого на могилку по вине злого Николая Бурикова. Бабушка хорошо помнила Николая, который учился еще при ее жизни более двадцати лет назад. Николай продолжал учиться и ныне.

- Мин яхшы белям Колю! – качала головой бабушка. – Мин фотога телим!

Пришлось вести бабушку к фотографу на базар, где в одном из маленьких магазинчиков торговали родители Качинского: мать – продавцом, отец – заведующим.

Мама была моложе сына – именно с нее Суриков писал картину "Сибирская красавица".

Деревянный магазинчик был полон товаров послевоенного времени.

Отец в галифе и бурках сунул сыну кулек с колотым сахаром.

- Отнеси домой, никому не показывай!

Мама в платке с золотым шитьем и в пуховой шали обнялась с Дашенькой как старинная подруга. Они долго о чем-то шептались и, наконец, Мать, отстранившись, спросила сына, указав на Марьям: "Хатын?"

Качинский с кульком в руках пошел вдоль рядов базара, где торговали алмазами из осколков пивных кружек и медом из свекольной патоки. Красивые родители проводили сына взглядом и схватились с тетушкой Наилей – стало шумно как в цыганском таборе. Тем временем Качинского окружили женщины с младенцами на руках.

- Ja chstī sie jese! – говорила молодая полячка – Я хочу есть.

- Маты сакар! – требовала старая хантыйка тоже с ребенком на руках, но большого роста.

Наглые товарки силой растащили кусковой сахар, а самого продавца увели в отделение милиции. Выручил молодой дядя Ханиф, у которого начальник милиции – лучший друг. Подключились шумные подружки Дашенька и Татьяна Олимпиевна, что готовы были глаза выцарапать наглым ментам. Качинского отпустили, но вот пьяненьких подружек задержали.

Дядя Ханиф, брат мамы Качинского вместе с начальником пошли к родителям Юрия Николаевича брать вознаграждение за спасение сына от неизбежной тюрьмы. Между родственниками состоялась примечательная беседа, где начальник спрашивал, отец отвечал, а дядя Ханиф переводил.

- Кто вы? – начальник базарной милиции в первый раз видел башкира, торгующего у него под носом уже лет десять.

- Мин колхозчы!

- Он физик – переводил дядя Ханиф.

- Давно здесь? – спрашивал начальник у совершенно незнакомого продавца.

- Мин заводта эшаим!

- Аппетитым юк, – перевел начальник с татарского на татарский.

Начальник с грузинами говорил по-грузински, с китайцами по-китайски и все одно и то же.

- Займи акча!

- Сколько? – побледнел отец.

- Йоз сум унбыш тиен, – начальник деньги считал на любом языке.

Отец занял начальнику сто рублей пятнадцать копеек, а после ходил к начальнику целый год. Наконец, начальник, устав от настырного спекулянта, упрятал татарву в тюрьму.

Через год отца выпустили вместе с Дашенькой и Татьяной Олимпиаев-ной, и радостный поэт Качинский ходил с подругами и молодым отцом старыми дворами, где в дымных кузнях ковали подковы и гнули обода для деревянных бочек – шла пора массовой засолки огурцов. Под бункером пилорамы возилась бабушка поэта, наполняя холщовый мешок древесными свежее пахнувшими опилками.

По широкой лестнице зашли к Юдинской библиотек, где их встретила библиотекарь Марьям в кружевах, спускающихся с открытых не по сезону белых плеч, словно "дама в голубом платье", художника Сомова.

Мужики в косоворотках пили на веранде библиотеки из ведерных самоваров чай и читали тоненькие книжки народного писателя Льва Толстого.

"Няня, дай ребенку грудь,
Да и тятю не забудь..."

Венские стулья трещали под шести пудовыми кучерами.

Вдали по реке Енисей проплывали колесные пароходы, а внизу под библиотекой шумел цыганский табор.

Спустились в сад, и цыганский хор стал требовать погадать.

- Автор все знает наперед! – отмахивалась Марьям.

- Все писано, да по воде вилами! – настаивала цыганка.

- Но какая ты красавица! Где тебя автор нашел? – нахваливала другая цыганка.

Позднее солнце румянило щеки и высокий лоб точеной головки Марьям, украшенной венком тяжелой русой косы. Среди поздних цветов крутился американский граммофон с большой трубой, из которой шел густой, как дым, голос незримого Шаляпина.

"О, где же вы дни любви,

Сладкие сны,

Юные грезы весны?!"

Сочный голос виолончели вторил великому певцу, исполняющему для юных дам "Элегию" Масснэ...

Проснулся Качинский поздно ночью у себя дома, с недоумением глянул в лицо Дашеньки.

- Это ты? Когда приехала?

- Да я и не уезжала. Спи, я всегда с тобой...

Рядом с Дашенькой сидел домовый Василий и, смешно морща старое лицо, голосом Шаляпина продолжал петь старинный романс, звуки которого как живые хватили за сердце.

"Все унесла ты с собой:

И солнца свет,

И любовь, и покой –

Все, что дышало тобой

Лишь одной..."

... Качинский вновь открыл глаза и обнаружил себя на вахте. Тяжелая голова лежала на столе, и от нее пахло как от арбуза, разрезанного пополам.

"Живой ли я?" – подумал Качинский.

"О, если б на веки так было" – продолжал Шаляпин, но уже по радио. Радио сообщило приятную новость: "Местное время ноль - ноль часов, пять минут. На этом вторая программа "общественный депутатский канал" заканчивает концерт по заявкам тружеников сельского хозяйства. Доброй ночи, товарищи!" Стрелок Качинский ахнул: "Всего-то вздремнул пять минут, а впереди целая бессонная ночь, а он даже не отдохнувший, не пивший, не евший... В пять минут рваного сна уместились несколько лет странной неземной жизни, а что же будет под утро?!"

ГЛАВА 8

В редакции краевой газеты "Красноярский комсомолец" плясал камаринскую повестушник Валера Черный. Длинная до пояса борода моталась метлой, большой живот трясся как студень, на черный костюм густо ложилась перхоть. Аккомпанировал Валере на гитаре лучший в мире музыкант молодой Игорь Тальков. Напротив танцующих сидел зав отделом культуры. Игорь то и дело оборачивался в его сторону, нахваливал: "Мой будущий директор! С ним я обрету всеюсоюзную славу!" Зав культуры мрачно отмалчивался и читал пушкинскую трагедию "Моцарт и Сальери". "Странная дружба" – думал Качинский, приглядываясь к столь разным людям.

Танцор Валера Черный тяжело дышал, пучил глаза, но все же ловко подпрыгивал, аж до потолка! Ничего удивительного – Валера вот уже год увлекался йогой и, медитируя в позе лотоса, мог со скрещенными ногами взмывать в воздух на целый дюйм.

Журналисты, сомневающиеся в чудесах Черного, крутили под Валерой линейкой и убеждались - если это фокус, то очень ловкий.

Наплясавшись вдоволь под аккомпанимент великого гитариста, повестушник с большим котелком пошел по редакции просить, кто сколько даст.

- Однако, шляпа твоя без дна, – прятал глаза ответственный секретарь - Как и твой живот!

- Если я тебе, однако, дам десять рублей, – сказал главный редактор – То в месяц на подаяние уйдет триста рублей – это больше моей зарплаты!

- Однако мы не в Америке живем, чтобы делиться с бедными, – поддержал коллег зав культуры. – Газета "Нью-Йорк Таймс" занимает небоскреб, высотой сто этажей, а наша скромная редакция помещается за одним столом.

Повестушник вцепился в поэта, по слухам, добывающего деньги на непыльной работе.

- Черный человек, а черный человек, займи десятку.

- Да ты и сам серебряный с золотой бородой! Продай театру имени Кара баса и будешь богат.

Качинский вырвал клочок седых волос из бороды Черного и бросил в корзину. Вдруг борода, а за ней и мусор вспыхнули бенгальским огнем.

Вся редакция кинулась тушить. С трудом с помощью огнетушителя погасили демоническое пламя, при этом сами, провоняв серным дымом.

- Прямо газовая атака, – сказал главный редактор Сергей. – Ты к нам с войной пришел.

И, действительно, громкое радио, включившись само собой, объявило очередное заявление ТАСС по поводу программы "Звездных войн" США. Ракета-носитель "Дельта" впервые доставила на орбиту лазерный радар. В течение десяти лет США готовы потратить на милитаризацию Космоса три триллиона долларов.

Вся редакция с тревогой обратила взор на обычный трех программный приемник. Тем временем радио продолжало пугать

- США развернули десять ракет первого удара "МХ", обладающих высокой точностью и огромной силой. Ракеты-убийцы нацелены на город Красноярск с его огромными мощностями ВПК...

Изумлению присутствующих не было предела. Все сидели с отвисшей челюстью.

- Да, что же это они! – возмущался редактор Сергей. – Мы им перестройку, а они нам – звездные войны!

- Пряниками льва не накормишь – сказал Игорь Тальков, вкладывая гитару в футляр – Укротителю требуется кнут и пистолет!

- Странно слышать от творческого человека подобное заявление, – Сергей недобро сверкнул глазами. – Христос сказал: "Не противляйтесь злу насилием".

- Бандиты меня раздевают, а я не сопротивляюсь! – поддержал Талькова поэт Качинский.

И тотчас все журналисты с гневом обратились к поэту.

- Иди в свой приход, там твой доход!

- А куда идти-то?

- У тебя командировка на ЖБИ-5, вот и дуй туды.

- А стихи возьмете?

- Вот, принесешь очерк в стихах, тады и поставим в новогодний номер двухтысячного года.

- Пятнадцать лет, – ахнул Качинский. – Очерк сгниет даже в стихах.

- При нашем долгострое в эпоху перестроя, только и созреет.

- Да к тому времени у вас читателей не останется, все будут только смотреть телевизор, очень уж интересные программы про животных и технику.

- Тебя уже сегодня ждет зоопарк, сходи, погляди на людей, вкалывающих в клетках, – смеялись журналисты.

Скоро Качинский шагал вдоль бетонного забора ЖБИ-5, огромного как поле Бородинской битвы. Только бились здесь с километрами арматуры и тысячами тонн цемента и песка. Соответственно масштабам битвы пути к коммунизму над ЖБИ-5 стоял густой дым.

Огромный как самолетный ангар сварочный цех тонул в цветном тумане. Лучи солнца с трудом пробивались в закопченное стекло огромных окон. Качинский с ходу принялся бить начальника цеха словечками типа "дизайн" и "экология". Молодой только, что испекшийся технолог, не знающий иного слова, кроме план, прислушивался к иностранным словам и мысленно посылал журналиста в дымный угар, земной ад, где едва теплилась производственная жизнь - цех стоял из-за смежников. Впрочем, план уже выполнен был на двести процентов, но начальство требовало: "давай-давай!" Если бы смежники выполнили свой план на пятьсот процентов, то сварщики выдали бы свою тысячу и огромный лозунг в дымном ангаре "Вперед к победе коммунизма" обрел бы жизнь и Советский Союз непременно вошел бы в светлое будущее! Но, к сожалению, повестушник Валера Черный разрушил днем раньше великую сверхдержаву.

Разрушать Советский Союз Валера Черный начал прямо у проходной ЖБИ-5. Краем уха он слышал, что богатенький Буратино-поэт Качинский дает своей жене по десять рублей, угощает друзей самодельным вином и дает на прощанье пачку папирос "Беломорканал" Ленинградской фабрики №1 имени Урицкого. Но откуда такая щедрость? Должно быть, есть у поэта персональный сейф, именно на ЖБИ-5, куда и приплелся вслед за Качинским Валера Черный. Стоя у проходной повестушник изощренно переплетал изогнутые ноги, изображая инвалида первой группы.

- В Советском Союзе шестьсот народных артистов. Один к нам забрел! – говорили рабочие, выходя на обед.

Но в сварочном цехе был еще один артист под названием "журналист".

Поглазеть на живого журналиста собралась вся бригада взрослых товарищей, и только дети продолжали вкалывать на грязной тяжелой работе.

Мальчик в грубой робе держал в руках ослепительный осколок солнца. Маленькая фигура тонула в клубах сизого дыма, что подобно дымовой шашке изрыгал сварочный аппарат.

- Наш лучший сварщик! – похвалил бригадир Набиулин.

Мальчик снял маску и оказался девушкой, что в свою очередь похвалила бригадира.

- Наш лучший стрелок папирос!

В доказательство бригадир стрельнул у Качинского редкую беломорину.

- О. фабрика Урицкого! – бригада охотно опустошила дефицитный табак. – А в нашем буфете ничего кроме "Мальборо".

- В нашем театре только гардеробщик курит "Парламент", – подхватил Качинский.

- Артисты, словом! – сказал бригадир с большими усами. – А, скажите, сварщики могут выучиться на клоуна?

- Набиулин сам коверный артист! – начальник цеха выразительно pokrutil пальцем у виска.

Бригада, отбросив кувалды, радовалась нечаянному перекуру.

- Да у вас тут фабрика здоровья – сказал Качинский, задыхаясь от газов и табачного дыма.

- Курорт! – нахваливал сварочный цех бригадир Набиулин. – Черные окна защита от тропического солнца, сварочные шланги для праздничного салюта.

Качинский с опаской переступал искрящиеся шланги, брезгливо опасался промасленной арматуры с острыми углами.

Начальник цеха приказал маленькому сварщику

- Елизавета Агзамовна, надо бы полы помыть.

А Лиза в свою очередь сверлила пальчиком дырку в голове бригадира

- Бригадир вымоет и окна и стены каустической содой и горячей водой.

Он для меня не Рудик Набиулин, а Валек Никудышный и я ему делаю перевод с русского на татарский!

- Закрой фонтан! – приказал жене бригадир. – Иначе мы все утонем в женских глупостях.

- А я скажу, – быстро тараторила Лиза. – Твои замечания я растаптываю ногой как окурочок.

Бригада села за деревянный столик, отполированный костяшками домино. Качинский указал на плакат с призывом "Храните тайну как любимую мать!"

- Какие тайны на ЖБИ-5?

В этот момент железный пол раздвинулся, показалась гигантская голова мифического змея, что метнул в сторону сварщиков длинную струю огня. Качинский подскочил на месте – что за черт?!

Но сварщики глазом не моргнули и продолжали пытаться журналиста странными просьбами

- Как устроиться донором? – спрашивал Пельменев

- У вас лишняя кровь? – Качинский с сомнением глядел себе под ноги – железный пол дрожал с нарастающей амплитудой, грозя развалиться и поглотить бригаду.

- Теща пьет его кровь, – хохотнула бригада, совершенно не замечая голову дракона, что бешено вращала глазами прямо над головами сварщиков.

- Мою кровь можно пить вместо вина – такая она крепкая и красная! – жаловался Пельменев, худой, как учебное пособие на уроке анатомии.

- Жена пьет из аорты, теща из воротной вены! Им, видите ли, бензина не хватает!

Огненная голова склонилась над Пельменевым, явно желая сварить, а после скушать худого сварщика. Но тот оказался проворней и погасил Змея-Горыныча пенным огнетушителем. Змей-Горыныч провалился сквозь пол, железные двери захлопнулись, а бригада, ничего не замечая, продолжала стучать костяшками домино по столику.

- Лады, коль теща одна сосала! Так нет же – любовничек объявился, бородатый, как ентот вот – Пельменев указал черным пальцем на повестушника Валеру Черного, чертом занесенного в цех.

Валера Черный, танцуя нищим дервишем у проходной ЖБИ-5, не получил от рабочего класса ни копейки и решил взять бригаду в заложники. Отныне ребята бросят всякий труд, а повестушник будет читать новую повесть из жизни рабочего класса, где некая сварщица сварочным электродом присушила детородный орган своего возлюбленного.

- ...И она овладела им! - Валера Черный нашел новый поворот вечной темы.

Бригада громом овации отправилась на второй обед – во вредном цехе можно было обедать и десять раз, лишь бы план не страдал. Рабочий класс кормили по московскому снабжению – мясо, фрукты, стакан красного вина. Повестушник Черный выпил и потребовал добавки, упорно гипнотизируя Пельменева. Тот, сильно смущаясь, отворотил вину, налил стакан черной крови и подал Валере. Повестушник выпил как плату за свое творчество. Качинский было, раскрыл рот, желая прогнать Валеру прочь, но тот понял его по-своему.

- И тебе, поганому, рабочей крови захотелось?! Не дадим – кровь наша.

Качинский чужую не пил и свою не давал – кровь плохо сворачивалась. С другой стороны пусть пьет вампир рабочую кровь. При таком обильном питании кровь быстро восстанавливалась. Только странно видеть апельсин на столе рабочего – это на службе Качинского выдавали раз в месяц килограмм апельсинов - китайских яблок. Так ведь с Космосом связано.

- А мы тоже косметические - хором сказали сварщики – Варим сверхзвуковые невидимки пятого поколения под именем "Змей-Горыныч".

- Эй! – вскрикнул начальник цеха. – Вы давали подписку о неразглашении! Вас за то и кормят из серебряных чашек, что молчание – золото.

Качинский оглядел столовую, отделанную мрамором, покрутил в руках чашку из немецкого фарфора, звякнул ложкой по элитной посуде фирмы "Цептер" и сказал: "Куда я попал?"

Качинский задумался: что за страна, где каждая Часовня на Караульной горе и та на деле – стартовая площадка для новейших аппаратов. Весь мир дрожит, наблюдая НЛЮ, не подозревая, что тарелка собирается на Красноярском ЖБИ-5. Какая ловкая маскировка!

- Ну и цирк! – говорил Качинский, вернувшись с бригадой в насквозь закопченный цех, где вместо газированной воды текла московская водка такого качества, что утром голова не болела, и сварщики даже забывали опохмелиться.

- Цирк, цирк, – подхватили сварщики. – Начальник на начальнике стоит, качаются, но не падают!

- А зачем вам начальники? – спросил Качинский, обращаясь в первую очередь к себе. – Сами наряды закрывайте, сами зарплату выдавайте – ого, какая экономия выйдет.

- Не-а! – закачали головами сварщики. – Пусть голова болит у начальства.

- Возьмите цех в аренду, – гнул свое Качинский, вновь обращаясь в первую очередь к себе. – Выпустите акции, каждому по десять, а мастеру двадцать и делите доходы согласно коэффициенту трудового участия.

- Нафиг нужно, скажем дружно, – сказал сварщик Пельменев. – Мы узкие специалисты, не приучены быть снабженцами и директорами.

- Шланги новые купите, – говорил Качинский, имея в виду свое родовое гнездо. – Окна из небьющегося стекла поставите, крышу прозрачную, униформу как у космонавтов...

- А нам и эта милее жены! – бригадир поцеловал черную робу, прожженную во многих местах. – Акции перекупят барышники, половину заберет директор, а другая уйдет в союз тещи Пельменева и ее сожителя Валерия Павловича.

- Я как духовный лидер бригады, – поднял руку Валера Черный. – Предлагаю отдать все акции детскому дому! Правильно думаю ребята?!

- Одна пробовала, – сощурился бригадир. – Понравилось.

- Мы преодолеем! – подхватил идею поэта повестушник Валера Черный. – Обратимся к партии, правительству.

- Мы как-нибудь по старинке, по-русски.

- Я устал жить по-русски, – сказал Пельменев, ковыряясь в носу.

- С такими людьми, – хвалил Пельменева Валера Черный. – Мы построим новую Россию для новых русских. Новые русские будут работать на любой глубине без всякой страховки. Погибшего мужа заменит верная жена и встанет в забое с молотом в руках, а взамен погибшей матери в шахту спустятся ее дети, и плевать они хотели на бесплатную медицину, бесплатное жилье. Они сами все купят, только платите им. Пусть будут акции у меня – я им буду и государство, и родина, и мать! Они будут умирать за меня.

- А пенсия будет? – спрашивал Пельменев.

- Будет! Но вы до нее не доживете. Я установлю среднюю продолжительность жизни пятьдесят девять лет. Зачем гнить сто лет, когда можно быть молодым все шестьдесят лет...

- А отпуска будут? – продолжал пытаться Пельменев.

- Будут бесплатные путевки в Америку на плотках "Кон-Тики". Кто доплывет, тот отдыхает на Канарах. Я оплачу обратную дорогу, если будут деньги... А вы будете работать, если работа будет.

- Надо подумать... - ковырял в носу Пельменев.

Качинский возвращался домой заводским двором, сильно напоминающим военный аэродром. То и дело приземлялись аппараты всевозможных видов вперемешку с огнедышащими горынычами.

Через месяц в "Красноярском комсомольце" вышел очерк о жизни лучшего в крае ЖБИ-5, снабжающего Красноярск железобетонными изделиями для многоэтажных домов...

Тем временем в Пентагон летели шифровки агентов ЦРУ, которых возглавлял резидент по кличке "Очеркист". Речь шла о новом оружии русских Змеях-Горынычах. В ответ Пентагон настоятельно просил агентов ЦРУ выпивать не больше ста граммов водки за одни сутки...

ГЛАВА 9

Умер великий Суслов.
 Умер великий Брежнев.
 Умер великий Андропов.
 Умер великий Черненко.

И вдруг классическую музыку торжественных похорон прервал истерический вопль Жанны Агузаровой:

От Москвы до Ленинграда и обратно до Москвы... Все танцуют Ленинградский рок-н-ролл!

Советский народ наострил уши – ужель сменили пластинку? Скоро и само Политбюро пообещало:

- После похорон – танцы!

И весь Советский Союз вышел плясать рок-н-ролл, поскольку родные танцы забыл. Ну да ничего, вспомнит еще...

- Смотрите, кто пришел, – говорил советский народ, рукоплескав новому Генсеку. – Молодой! Революция!

- Перестройка! – уточнял Горбатов, гуляя под руку с Маргарит Титчас. – Покончим с застоєм!

Страна вновь прильнула к телевизорам.

- Да он лысый! – ахнули бывалые люди. – Жди беды! Были, тут двое...

И точно! Новый Генсек стал методично, как генерал Ермолов, рубить виноградники. Кавказ в ужасе воздел руки – а вдруг вырубит чай? А мандарины? А советское шампанское, шлюшай?!

Кавказ волновался, дело шло к распаду. И только татары были спокойны.

- Урманьнда кып-кызыл жир-жиляк! Много в лесу ягод, есть из чего гнать настойку.

В татарской слободе в Покровке пели радостные песни: "Ак, кызыл, ал зянгар чячкяляр!"

Дома татар были тоже цветочных тонов – белые и желтые стены, алые и зеленые крыши.

Татары со связями закусывали черной икрой, а простая татарва вместе с евреями и русскими закусывала морской капустой, по мнению японцев полезной для ума.

Целебной морской капустой были завалены все прилавки. Население, наевшись капусты, энергично забивало до отказа холодильники. Но холодильники были не у всех – остальные пили "Солнцедар", изготовленный из кормовой свеклы.

Менты вязали мужиков, обожравшихся кормовой свеклы и везли в вытрезвитель. Число вытрезвителей было ограничено, на всех не хватало. И народ весело провожал друзей, коих увозили прямо с застолья: «Сегодня ты, а завтра я! Друзья ловите миг удачи!»

В этот осенний вечер удача пришла к поэту Качинскому – менты повезли и его в учреждение по борьбе с алкоголизмом.

А дело было в Александре Федоровиче, в его ежедневных именинах, затяжных как осенние дожди. Дожди обратили Закаменку в непроходимое болото, и Качинский тонул по колено в бездонных красных лужах, в которых отражались редкие фонари. Качинский часто терял сапоги в жидкой глине, зато также часто был вознагражден трехлитровой банкой "Солнцедара". С некоторых пор вино продавалось в больших емкостях.

Друзья пили мутное вино и вспоминали вчерашний вечер в ресторане "Енисей" с громкой музыкой и с хорошенькими мордашками девушек. И в самый разгар воспоминаний мимо открытого окна проехали менты, что сегодня особенно усердствовали – горел план добычи алкашей. Менты попросили закурить, и едва Качинский перелез подоконник, как тут же оказался внутри воронка.

Менты дали по газам, а Качинский вспомнил, что головы ментов сделаны из железа, а своя голова стеклянная, с множеством тонких шестеренок. Лучше приберечь дорогой редкий аппарат работы Кулибина и Фаберже в надежде на господина Случай. И ценная голова вспомнила уроки гипноза и самовнушения.

"Я весь излучаю тепло.

Я превращаюсь в солнце.

Я солнце..."

Солнце очистило кровь, и, когда воронок прибыл к медвытрезвителю, Качинский поразил ментов трезвым голосом.

- Зачем привезли? – спросил фельдшер – Местов нет... Пуцай пройдет по плашечке.

Качинский прошел и вышел вон по крутой лестнице. Навстречу по деревянной катушке, как на морском аттракционе, катились совершенные покойники, оживающие только под утро. Такой была убойная сила "Солнцедара".

Но сила воли поэта Качинского оказалась крепче воли вина и ментов. Качинский сунул голову под ледяную воду из колонки и темными дворами кинулся искать объект СЧБ, куда обязан быть прибыть к 20.00.

Полковник Журавель, вновь вернувшись из Афгана, заглянул в глаза Качинского и, обнаружив совершенно трезвую личность, велел принять секретный пост в НИИ Канализации. Качинский стал у тайного входа Ракетного управления №2.

Стрелок Качинский с автоматом на груди добрый час стоял навтыжку, но вот сила воли кончилась, и пьяные бесы вновь овладели плотью поэта. Качинский сдался сладким предвкушениям всемирной славы... Правление Красноярского отделения писарчуков в один голос говорило о некоем пиите, именем которого будет прирастать слава России – кто как ни Качинский мог поднять флаг, павший в битве с посредственностью?! Качинский, стоя, засыпал и сомкнул глаза ровно на минуту – этого было достаточно, что бы упасть в очередной водоворот сновидений длиной в несколько лет. Сама собой открылась бронированная дверь, за которой симфонический оркестр играл по-

пурри из произведений АББА. Белокурая сладкоголосая бестия Агнет повела Качинского длинным туннелем, в конце которого вспыхнул яркий свет.

- Здравствуй, Петр – сказала Агнет – Я привела Поэта.

Агнет с одной стороны и Анни-Фрид с другой повели Качинского по широкой лестнице. Навстречу по грудь в волнах света спускался друг детства доктор Булочкин, крепыш, сплошь заросший волосами. Доктор Булочкин только что защитил диссертацию "Профилактика и лечение гнойных осложнений раствором желудочного сока". Доктор Булочкин увел Качинского в глубину сибирской науки, где разыгралась нешуточная война между научными школами за квадратные метры лабораторий. Война шла, равная масштабу Афганской. Качинский в качестве корреспондента краевой газеты вошел в горящий институт, надеясь погасить ученый пожар, но только подлил масла в огонь противоречий между кафедрой цитологии и кафедрой генетики.

Кафедры бились меж собой не на жизнь, а за науку, что была выше жизни. Доктора с пеной у рта подсовывали следователю из газеты неопровержимые улики.

- Это бывшая тайга – показывал доктор Декабрь Февральевич Мартов фотографии обугленных деревьев без единой веточки – Работа сибирского шелкопряда. Можно ставить вместо телеграфных столбов и провода навешивать.

- Здорово, – сказал Качинский. – Только чем вывозить?

- Дайте мне полмиллиона в коробке из-под ксерокса и я перевезу Советский Союз в Соединенные Штаты!

Фантаст Мартов хлопнул Качинского плечу и голосом полковника Журавель спросил:

- Спите на посту?

- Ни как нет, товарищ полковник, – Качинский поправил автомат. – Рад стараться, но в президенты я не гожусь!

Тем временем Мартов продолжал размахивать руками как теле ведущий Пельше:

- Анархия – мать России! А родилась Россия в разбитом корыте! всю жизнь мы ей предлагали то избу справную, то терем расписной. Наконец, она возгордилась и приказала стать царицей Мира! Но мы вернем ее к разбитому корыту и отключим все электричество – гордыня скачет, гордыня плачет.

- Это что за проповедник? – воскликнул полковник Журавель – Почему посторонние на посту? И что за морды такие за твоей спиной?!

Качинский резво развернулся и дал очередь из автомата: никак нельзя было терять работу, которую искал целых полгода, дожидаясь разрешения из Москвы – эти писарчуки не дадут ни копейки на пропитание! Да и в любом случае интересы государства выше интереса толпы... Толпа призраков обратилась в крыс и разбежалась по сырým подвалам.

- Благодарю за службу, – полковник вручил орден "Мужества" и отпустил Качинского со службы.

На выходе из НИИ Канализации полковник и прапорщик обменялись рукопожатиями как старинные друзья.

- Слушай, покомандуй тут за меня, а я опять собрался в Афган.

- Так война давно закончена, войска выведены.

- Война только начинается – Виртуальная... Встанем на защиту русского Интернета – я там, ты здесь!

Полковник снял погоны с тремя звездочками и передал их Качинскому.

- Носи на здоровье. Сам понимаешь, там, куда меня командировали, выделяться нельзя, а тебе здесь можно.

- Если я их надену, меня упрячут в психушку.

- Если ты их не наденешь, тебя упрячут в тюрьму – сейчас все решают люди в погонах.

Вернувшись домой, поэт Качинский сел писать письма в газету "Правда", в Совет министров и в ЦК КПСС о трагических последствиях предполагаемой Перестройки.

ГЛАВА 10

Поэт Юрий Качинский в осенний гнилой вечер сочинял письмо в газету "Правда" орган ЦК КПСС. Город обложили затяжные дожди, а в доме напротив было уютно. Печь излучала живое тепло, на белых кирпичях нежилась русалка Мими, выставляя на показ интимные места. Иногда русалка спрыгивала кошкой и садилась на руки поэта: "Хочу пипи!"

- На дворе холодно, садись на ведро, – говорил Качинский, сосредоточась над письмом.

Мультишка Мими пускала малую струйку и вновь влезала на печь: не пьет, не ест, откуда водичка?

Долгие бессонные ночи на секретных постах переполнили голову стрелка Качинского, и ему требовалось излить душу на бумагу. Вчера Качинский имел честь поздороваться с поэтом Крещенским - Морозовым, а с критиком Пироговым употребил коньяки, после коих стальное перо само собой сочинило письма в "Правду", вскоре ставшие знаменитыми. Письма даже цитировали, как и статью Нины Андреевой "Не могу поступиться принципами".

Писал письмо Качинский, стоя у холодильника "Бирюса", уподобясь классикам XIX века, что тоже сочиняли за высокой конторкой.

- "Уважаемая "Правда"! В эпоху перестройки целебна всякая полемика. Я такой же патриот, как Нина Андреева и вглядываюсь в сизую дымку Истории, страшась обнаружить айсберг, скрытый во тьме времени. В эпоху застоя мы шли курсом марксизма-ленинизма, и даже бесчисленные ордена капитана Брежнева не влияли на показание компаса. И даже, когда капитан остался без зубов, и изо рта вылетали одни "сиськи-мосиськи", что в переводе с хантыйского означало "воробьи-воробушки", наш великий советский народ продолжал строить БАМ. Правда, в качестве горючего для душевного двигателя наш любимый народ все чаще употреблял водку. Водка, как известно, вызы-

вает склероз, и скоро народ напрочь забыл, как "Капитал" Карла Маркса, так и русскую народную песню "Шумел камыш".

Появилось много разночтений, критических анализов предыдущей Истории, каждый гражданин стал думать: "Я все сделал бы по-другому!" Но кто позволил бы это сделать мне или вам? Путь к земной власти хождение за три моря, где чудища и непроходимые дороги, по которым люди блуждают всю жизнь. Звезда Героя падает на грудь всякому, кто уцелел и на финише упал во власть. Я категорически против сдавания партии в аренду на пожизненный срок. Пусть даже пять раз герой, но на пять лет: выполнил пятилетку – выдвигайся на второй срок. Новые технологии требуют новых руководителей. Если бы Сталин передал власть Кирову, то демократия выиграла бы, но государство проиграло бы войну, поскольку Киров не успел выучиться на государственного руководителя....

На таком странном противоречии Качинский остановился, запутавшись в собственных мыслях. Срочно требовалось выйти на свежий воздух и проветрить голову.

И поэт Качинский пошел на вокзал, по дороге мысленно дописывая письмо.

"Рак, лебедь и щука - реальные герои Великой Октябрьской революции. России грозило улететь в облака, либо утонуть в море. Победил рак, что казалось, пятился назад, а на деле медленно вытаскивал Россию из болота. Трудягу рака сменил слесарь. Слесаря сменил полковник, а далее дорога вновь пошла в болото. Куда вы нас ведете, товарищ Горбатов?!"

По вечернему проспекту Мира густо шли встречные толпы. В свете реклам и уличных фонарей от каждого человека расходились векторы положительных и отрицательных качеств – люди как ежики терлись друг о друга и на асфальт осыпались сломанные иголки.

Дорогу прокладывают топографы, затем дорожники и уже после дороги одолевают водители многих автомобилей с цветными бликами на стеклах, но еще раньше топографов и геологов идут романтики-теоретики, что формируют общественное мнение – дорога должна идти на будущий вокзал. А уже на вокзале будет стоять памятник вождю, что сумел воплотить мечту в материю.

Качинский обошел памятник Ленину, присел на лавочку – все-таки мыслительные занятия очень вредны – мужскому организму время от времени требуется разрядка, одним словом требовалась любовь. Любовь ходила вокруг памятника по одиночке и парами разного возраста и темперамента, и цена была тоже разная. Вот эти фотомодели с глянцевой обложки импортного журнала стоили от ста до двухсот рублей, а вот эта "девочка" согласна на все за стакан вина.

- Скучаете, девушка? Мы где-то встречались?
- Встречались? Ах, да конечно, – Маша повела глаза в сторону, не желая узнавать поэта. – Извините, я опаздываю на встречу с подругой.
- Это ваша подруга? – Качинский указал глазами на блондинку Агнет. Подружки здорово смахивали на певичек из АББА.

- Что берем такси и едем ко мне! – предложил Качинский, не имея ни рубля в кармане.

Сырой воздух, настоящий на креозоте и сигаретном дыме, не располагал к долгому диалогу. Клиенты грубо хватали девочек и "блондинки", не торгуясь, прыгали в такси, что только для этого и предназначались – пассажиру поймать машину было большой проблемой.

Качинский продолжал брать олимпийский рекорд – взять проститутку без денег – за деньги и дебил сможет, а вот попробуй наоборот.

Все трудящиеся девушки от четырнадцати до семидесяти лет были совершенные роботы, с отключенной совестью и реагировали лишь на условные десять, двадцать, сто.

У дверей вокзала трудилась династия – бабушка и внучка, что никак не реагировали на Качинского: знали, нет денег у прохвоста. Бабушка и внучка только что освободились от тюрьмы и жили на вокзале, свободные от всех обязанностей – материнство, семья, общество, государство – все пустой звук. У бабушки и внучки свои наколки, как особые предметы. На левой груди бабушки - портрет Ленина, на правой – Сталина, а вот у внучки – амурчики с крылышками и стрелами.

У каждой девочки свое место. Все девочки очень дорогие и потому стояли под прикрытием вождя. Так и говорили кавказцам, прибывшим с рынка за пэрсиками: "Идите к Ленину".

Почти за каждой девочкой тенью стоял сутенер, и только девочки под Лениным работали без прикрытия и были самостоятельны до жути. Иной раз мужики бежали от Маши, не успев реализовать вожделение, теряя на бегу мужское достоинство и большие деньги. Зато Таня - культяпка удовлетворяла всех за стакан вина. Много раз битая сожителем, вся колотая, резаная Таня приходила на вокзал подработать на папиросы для любимого мужчины. Таня любила своего мучителя, как Христос любил свой крест, и готова была отдать не только себя, но и свою жизнь. А любимый мужчина благодарил ее тем, что сдавал ее друзьям в качестве медицинского средства от застоя крови.

Почти каждая пятая девочка на вокзале – увечная. Зимой пьяная замерзнет в снегу, ей ампутировать пальцы, и она вновь встает в строй уже инвалидом труда. И если год назад Валя - честная давалка просила сто рублей, то сегодня за глоток вина...

Качинский обошел памятник и вновь столкнулся с Машей в дорогом кожаном пальто. Маша стояла под руку с подружкой Агнет. Позади с костылями облокотилась о памятник Софья-мудрая, парализованная на правую сторону. Половина лица как у мертвой, а половина - чрезвычайно подвижна, и левый глаз подмигивает, как светофор в ночное время.

- Ищешь знакомую даму? – спросила Софья-мудрая. – Дамы делятся на дам - не дам, дам, но не вам!

- Катись ты на сто первый километр, – сплюнул Качинский и поторопился исчезнуть с глаз злой инвалидки.

- Ваши документы? – прилип к поэту старшина милиции, которому не понравилось грубое обращение клиента с девочками.

- А ваши девочки документы имеют? - и достал свое удостоверение с красной полосой по диагонали.

- Е - мое! – сказал старшина. – А я то думал, кто это без денег снимает наших девочек! По виду не бандит, не вор, порядочный человек, а так грубит.

Тем временем наехало много машин с ослепительными фарами и женщин, свободных от всех обязанностей, согнали в одну кучу, где ассистенты режиссера Славного, искали дублера народной артистке Негодной. Большая артистка на десятом дубле вдруг отказалась скакать верхом на второстепенном актере. Вместо нее выбрали Машу. Однако Маша наотрез отказалась сниматься в кино, а когда режиссер Славный пытался сам затолкать девушку в машину, Маша ударила по щеке извращенца. Режиссер упал как подкошенный, Маша скрылась в вокзальной суете. Качинский вернулся домой дописывать письмо в газету "Правда".

"Уважаемая "Правда", Сталин действительно заболел манией государственности, как ныне мы все заболели манией мещанства.

Лично мне захотелось жениться на умной и богатой девушке, что совершенно невозможно в Советском Союзе! Между тем все революции и восстания произошли от мечты человечества об умной и не бедной жене. Степан Разин реализовал мечту, но бросил персиянку в набегавшую волну. А все потому, что Степан Разин был совершенно свободен..."

Качинский порвал письмо и сел писать очередную главу романа "Стрелочник". Но и роман не шел в голову, перо сломалось, и Качинский вместе с ночным ветром вновь оказался на вокзале. Слабо закрепленные плакаты с лозунгами "Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи" вращались подобно пропеллеру. В общем, совершенно верно, но обрыдла до печенок назойливая реклама очевидного. Вокзальные проститутки курили, прячась в плохо освещенных тамбурах. Артист Качинский изображал кавказского человека.

- Слушай, а? Вот та женщина под зонтиком продала тебя. Ты не думай плохо, я тебя не обижу. Все есть – деньги, машина, хата в Покровке, а то замерзнешь к утру.

Женщина в дорогом кожаном пальто прятала лицо, не желая общаться с очередной подвыпившей "портянкой" без денег.

Впрочем, Маша не была проституткой в прямом смысле – на вокзал ее привела романтика и жажда ощущений. В детстве Маша ловко лазила по деревьям, в отрочестве играла с мальчиками в футбол, а в юности привычно приподнимала платице на просьбу закадычных друзей "показаться". Мальчики тискали дружка, целовались с товарищем, покупали эскимо на палочке и билеты в кино. Вкусив мороженого, Маша разрешала дотронуться рукой до запретного места и скоро заболела рукоблудством. Машу щупала вся улица, но она исхитрилась остаться девушкой, правда с искаженной психикой. И вот Маша стала ходить по воскресеньям на вокзал, где богатые дедушки, молодые люди, ставшие импотентами после облучения в армии удовлетворяли похоть необычными ласками. Маша, в отличие от проституток, испытывала оргазм, а в дополнение получала большие деньги без угрозы подхватить какую-нибудь гадость. Впрочем, Маша имела такой товарный вид, что и ярые

мужики с Кавказа готовы были целовать ее от пальцев рук до пальцев ног, а, возбудившись, пытались изнасиловать, но Маша еще в школе занималась карате, ныне запрещенного Зоей Ломоносовой как опасный спорт. Маша могла так двинуть коленкой в пах, что кавказцы теряли сознание, а после долго корчились в гостинице от жуткой боли. Уж на нее и покушение устраивали с ножами, но кавказцам давали коллективную отбой местные бандиты, у которых Маша была символом непорочности и вождем проституток наподобие Жанны де Арк. Однако и сами проститутки ополчились на Машу за необычную любовь. На вокзале как в казарме: не умеешь – научим, не хочешь – заставим. Словом, везде армейская дисциплина, как во всем государстве после Сталинской эпохи. Но хрупкая Маша уже на следующий день стала хозяйкой вокзала, сменив бандершу Михайловну, правда без общей кассы и положенных королеве процентов.

Качинский бессмысленно торговал Машу, девочки, отвернувшись, перемигивались между собой, и поэту вдруг стало дурно. Он подумал уходить, но Маша обернулась знакомым лицом. Качинский опешил.

- Вы работаете у нас в библиотеке?
- Если бы я работала у Вас, я не стояла бы здесь! Далеко ехать?
- Нет у меня машины...
- Мы так и знали. Пошли пешком...

Качинский вел домой девочек, мучительно думая, чем будет расплачиваться утром. Придется занять у Александра Федоровича или у доктора Булочкина. Еще его трясло от страха заразиться нехорошей болезнью – он с юности боялся уколов и мерзких "провокаций". Но девочки были хороши, лучше всяких похвал!

Пока шли ночными улицами, Качинский под басовое гудение линии электропередачи мысленно дописывал письмо в газету "Правда".

"Человеческий мозг не в силах работать под постоянным напряжением ЛЭП-500. Голова варится в наведенном электричестве, а ноги тонут в грязи вокзалов. Ночной промысел стал нормой жизни советского человека и на весах Божественного правосудия качается Совесть и Похоть. Душа скорбит от потери человеческого в человеке. Животное начало одолело идейное содержание марксизма-ленинизма".

Улица Брянская глубокой осенью была сплошным болотом красного цвета, и Качинскому пришлось нести девочек на руках вплоть до ворот своего родового гнезда. Даже ступая по отвесным скалам с двумя девочками на плечах, Качинский продолжал писать письмо в "Правду":

"Мы топчемся на месте, нас все обгоняют. Никакой перестройки не заметно – все тоже топкое болото застоя, через которое можно ходить только в армейских сапогах".

Пока Качинский шагал по колени в жидкой грязи с девушками на плечах, улица Брянская погружалась во тьму. Не спали только старухи татарки, что держали мусульманский пост в честь месяца рамадан. Мусульмане жили по лунному календарю, и Рамадан, плавающая относительно христианского календаря, опустился до октября. Древние, как сам Коран, старухи читали

справа налево суру "Корова", где Аллах предлагал сынам Исрайла сделать жертвоприношение. Аллах спас их от людей Фирауна и даровал Мусе Писание. И сказал Муса своему народу: "Аллах приказывает заколоть корову не старую и не телку, но желтую по цвету..."

В этот момент в стайке татарского двора замычала желтая корова, единственная корова, уцелевшая во времена Хрущева, истребившего в городах всякую живность, как царь Ирод истребил младенцев. Корова сказала человеческим голосом: "Не делай того, в чем сомневаешься". Но Качинский не прислушался к разумному голосу живой природы и не бросил ночных гостей в глубокий овраг, как Степан Разин персидскую царевну в воды Волги.

ГЛАВА 11

31 августа летчик Геннадий Осипов сбил Южно-корейский "Боинг-747", ведомый капитаном Чун, сотрудником ЦРУ. Неделю назад состоялась схватка между американскими штурмовиками с заблудившегося авианосца "Энтерпрайз" и пограничной авиации СССР. Американцы потеряли десять самолетов. Русские ни одного.

29 октября поэт Качинский, как он сам думал, лишил девственности девочку с вокзала Машу. Поэт Качинский с Другом Александром Керенским держал бой против двух агентов американского империализма, белокурых бестий, игравших роль инженеру – наивных простодушных девушек. Бой длился всю ночь, а затем еще двое суток, поскольку потерпевшая сторона требовала компенсации и реабилитации.

Подготовка к генеральному сражению была сравнима с переходом Суворова через Альпы.

Девочки с вокзала под проливным дождем взбирались по крутым ступеням разбитой лестницы, ведущей в знаменитую Покровку, обитель многонациональных бандитов. Позади росла панорама ночного Красноярска, впереди стояла беспросветная тьма, под ногами танцевали гнилые доски ненадежного настила. Скользящая лестница без перил скакала со скалы на скалу, расступалась под ногами, образуя ловушки для грешниц. Иногда компанию обгоняли пьяные морды, скоро пропадающие в полной темноте. Некоторые алкаши пропадали в буквальном смысле, проваливаясь сквозь дыры в глубокие щели, из коих выбирались только к утру. Зато старушек и послушных детей лестница берегла, потому что ходили они днем, а ночью спали.

Девочки с вокзала со страхом смотрели в бездну, цеплялись за Качинского, а поэт тонул в сомнениях. Поэт рисковал своей жизнью – любой покровский бандит, не теряя времени на пошлые расспросы, мог сунуть финку меж ребер и на законном основании увести за собой девушек. Ночью закон бессилен, и действителен только суд сильнеешего.

Вместо ножа ударил вихрь и с матерками унес девочек вниз. Качинский схватил девочек, уже висящих над пропастью вниз головами – ночная

лестница строго отмеряла долю греха каждого сходящего по ней, сортируя зерно от плевел.

Старинная русская лестница, сработанная в девятнадцатом веке, не могла смириться с нынешним развратом. Иметь двух жен могли только мусульмане, либо сыновья племенного вождя. Повезло Василию Сталину иметь при советской власти двух жен: одну темную, другую светлую, как две стороны одной души. Обе жены были терпеливы друг к другу и вдвоем с корзинами цветов и фруктов навещали мужа не только на военных аэродромах и кремлевских палатах, но и во Владимирском центре, где Василий по воле Хрущева отбывал наказание за то, что Иосиф Виссарионович отправил на войну сына Никиты Сергеевича...

Родная усадьба встретила Качинского и его подружек симфонией ночного ветра, исполненной на контрабасах ЛЭП-500 и на горлышках пустых бутылок из-под шампанского на крыше дворового сортира. Студенты, кидая камешки, тренировали глаза и руки, соревнуясь в меткости.

Дома поэта Качинского ждал химик Александр Федорович, прибывший прямо из ресторана "Енисей", с ящиком дефицитного "Агдама". Сегодня у школьного товарища случился очередной день рождения.

В эту ночь на далекую окраину Красноярска пришел долгожданный праздник коммунизма, торжественно обещанный Хрущевым еще двадцать лет назад: от каждого - по способностям, каждому - по потребности.

Качинский был жутко озабочен: он вообще целый год не был близок с женщинами и даже разучился общаться с ними.

По телевизору шел концерт слепого гитариста Хосе Фелисиано "Огненный полет". Качинский пытался изобразить ковбоя.

Глаза у Маши сверкали как звезды. Качинский буквально тонул, когда слышал голос Маши.

- Только без эксцессов!

Качинский припадал к груди, как к младенец к Матери, падал в беспмятство.

- Не так! Не там! Больно же! - говорила Вселенная голосом Маши, когда Качинский увлеченно грыз сахарную голову вечности.

Качинский уподоблялся хищной птице, клюющей алмазную вершину - время не поддавалось и скоро совсем остановилось. Встали все часы, а Качинский без усталости грыз яблоко греха.

Поэт обратился в голубя и летал в покоях королевского замка с множеством арок и лестниц. Качинский то и дело срывался со ступенек, ведущих в рай, такого далекого как будущая весна, и такого же близкого, как неудержимое извержение пробудившегося вулкана... С неба упало имя, которое навсегда отпечаталось на губах Маши.

- Юра! ... Я девушка!

- Я знаю... - автоматом отвечал Качинский.

- Только без эксцессов...

- Это не больно...

- Мне стыдно...

- Этого больше никогда не будет.
- Что не будет?
- Меня не будет. Я улетаю.
- Куда?
- В космос...
- А я тебя посажу!

Маша орлицей выпорхнула из-под голубя и подняла такой клетот, что пришли сомлевшие Агнет и Александр Федорович.

Маша развернула простынь с большим красным пятном посередине. Агнет зевнула от скуки.

- Надень на древко и дуй на демонстрацию – скоро седьмое ноября.
- Лучше всего в Японию! – сказал Александр Федорович. – Это похоже на японский флаг.

Маша принялась бить всех кулачками и скоро выбежала во двор. Качинский выбежал следом. Маша плакала, склонясь на перила веранды, с которой открывался чудесный вид на ночной Красноярск, весь прошитый нитями уличных огней.

- Маша, я люблю тебя.
- В тюрьме!

Качинский перепугался.

- Я разыграл тебя – это было варенье!

Подвижное лицо Маши в свете кухонного окна последовательно отобразило все чувства: от крайнего изумления до враждебности. И вновь - от глубокой печали с опущенными губами до бурной радости с улыбкой до ушей.

- Правда варенье?! – и следом изобразила скепсис, изогнув брови уголком. – Отчего оно такое красное?

- Потому что вишневое, с косточками.

Маша крепким кулачком врезала по носу Качинского, да так ловко, что потекла кровь – у Качинского с детства был слабый нос, и он почти не ввязывался ни в какие драки.

Кровь текла обильно и Качинский, вернувшись, лег на кровать, свесив голову. Маша хлопотала рядом, прикладывая к носу всю ту же простыню. И скоро она стала вся красная – где, чья кровь?

- Прости меня, милый.
- Уже и милый, скажи еще и любимый.
- Прости, любимый.
- Ты дерешься как мужик, верно нос сломала!
- Скажи, спасибо, другое не сломала! Некоторые из тех, что погорячей, ныне сильно сожалеют...

- Чертова полмужичка!
- Характер - да, но все остальное женское.
- Да, я убедился.
- Убедился в чем? Я тебя посажу. Ты меня обесчестил!
- Да варенье это! – продолжал настаивать Качинский.

- А почему красное?

- Потому что клюквенный сок.

Маша с женским воем кинулась вверх по горе вглубь Покровки, где как раз по окончанию матча на приз "Известий", вышли местные бандиты, мечта о реванше. Увидев одинокую бабу, бредущую черт знает куда, бандиты принялись хватать ее за руки и за прочие женские прелести. Маша, как балерина на пуантах, крутнувшись на левой ноге, ударила правой в пах одного, затем другого и понеслась вниз по деревянной лестнице. В тот же миг Караульную гору накрыла тяжелая туча, беременная последней в этом году грозой. Гроза, только что родившись, принялась полосовать огненными мечами спящий город.

Караульная гора в свете непрерывных молний обрела вид каменного цунами, по отвесному склону которого катилась деревянная лестница, словно горная козлиха прыгая с одной скалы на другую. И по этой падающей лестнице бежала Маша, обезумевшая от грозы и преследующей ее толпы покровских бандитов. Следом за толпой, впритык к ней бежал поэт Качинский, в этот тревожный час отбросивший прочь сомнения Гамлета.

Буря трепала живую гору, огненные хлысты сдирали зеленую кожу, обнажая красное мясо глубоких яров и белые кости доисторических скал.

Маша, на свое счастье, в полной темноте провалилась в дыру и упала на мягкий песок. Над головой прогрехотали десятки кованых сапог. Спустя минуту Маша услышала призывный голос настоящего мужчины.

Маша отозвалась. Качинский помог выбраться, и дрожащие от дождя и холода они вернулись в родовое поместье поэта. Тут бы очень пригодилось мерзкое пойло под именем "Агдам". Но оказалось, что Агнет, обозлившись на жлоба Керенского, не спешащего оплатить ее труд, выпила аж десять бутылок по ноль семь литра. В человеке всего то пять литров крови, и, где разместились добавочные семь литров - было большой тайной. Качинский глянул на стройную, как западная модель Женю, и только пожал плечами.

Молодые люди, прижавшись спинами к горячей печи, наблюдали в окнах ожившую картину Эль Греко "Буря над Толедо".

Огненный тесак разрубил пространство-время, и Агнет испуганно вскрикнула: "Смотрите!" Буря внезапно оборвалась, вышло солнце, и за окном ожила картина одного из старинных голландских мастеров. Среди кабаньих туш, лебединых крыльев и гроздьев винограда сидели грузины и пили отличное вино. Над горой плыло протяжное пение. По всему видать, буря за много тысяч верст на далеком Кавказе подхватила грузинское застолье и унесла по воздуху в Сибирь, где кавказский народ благополучно приземлился.

Компания кинулась на двор, а там все та же ночная гроза.

Вернулись, а за окном снова мираж.

- Шампанского! Полцарства за шампанское! – сказала дрожащая от холода Маша и полезла в окно поближе к грузинскому застолью.

Увы, природа, разгневавшись на молодых людей, не умеющих любить, как приказано богом, обрушила такой проливной дождь, что створки окон

захлопнулись сами собой, а рисованная мультяшка Мими, разогревшись на раскаленных кирпичках, хохотала от всей души.

- Вот вам материалисты! Во всем мире в первую очередь семья, а у вас советских – блядство.

- Заберите ее, – приказала Маша.

- Шампанское будет, – твердо обещал Александр Федорович. – Если Агнет согласится стать моей женой.

Агнет от радости повисла на шее Александра Федоровича.

В окне возник "Итальянский полдень" Брюллова. Полная жизни итальянка с обнаженными плечами грациозно срывала кисть живого винограда. Женщина обернулась к Маше и подмигнула ей.

- Она похожа на тебя, – сказал Качинский.

Маша кинулась к итальянской сестре, но уже другая женщина "Вирсавия" Рубенса, с обнаженными грудями и коленями, протянула навстречу Маше бокал с шампанским. Маша приняла подарок, отпила половину, дала Качинскому. Тот тоже выпил и передал другу бокал с неубывающим шампанским.

- Любите, друг друга, – сказала Вирсавия и так, полуобнаженная, скрылась среди масок Венецианского карнавала.

- Смотрите, это ж Качинский, – воскликнула Агнет, указывая на мужчину в красном плаще и с кривой саблей на боку.

Карнавал бурно веселился. Все женщины были в масках, которые пытались снять любопытные мужчины.

- Маска, я тебя знаю! – сказал законный Качинский в турецком наряде и протянул руку к Маше. – Иди ко мне, Марьям!

Маша в ужасе закрыла руками лицо.

- Любимый, я ждала тебя всю жизнь.

При этих словах последняя гроза года пришла в особую ярость и принялась рушить гору, на которой стояла древняя Помпея. Качинский и Маша с маленьким ребенком, накрывшись одним покрывалом, в ужасе смотрели, как на них обрушивается древнеримские статуи, стоящие на крыше часовни. Химик Александр Федорович со своей женой несли на руках больного старого отца, над которым ржал конь Буцефал, обузданный Македонским...

- Ты о чем думаешь? – спрашивала Маша, ероша густые волосы Качинского.

- Тебе хорошо?

- Хорошо... А вот так будет еще лучше, – Маша взяла руку Качинского и положила куда надо. – Здесь. А теперь здесь.

Качинский старательно гладил.

Гроза прошла, за окном и в доме непроглядная тьма. Маша тоже одарила поэта необычными ласками, а поскольку все это было в темноте, то никакого стыда они при этом не ощущали. Качинский целовал Машу и делал классический китайский массаж от точки Лао-гун до точки Юн-цюань. Маша в свою очередь целовала точку Бий-хуэй, а потом точку Вань-гу...

- Сколько тебе лет? – спрашивала Маша.

- Нисколько. Я только родился этой ночью...

Действительно, Качинский в свои тридцать семь лет, если и взбирался по служебной лестнице, так только за тем, чтобы сменить лампочку в кабинете начальника, а профессиональный рост шел между томами Британской энциклопедии, которую он одолевал в Юдинской библиотеке. Обиднее всего, что он даже в любви имел дошкольное образование.

- В каком же ты веке живешь? – спрашивала современная Маша.

- Должно быть в девятнадцатом, – с вздохом сказал Качинский. - Мне по душе теремные дворцы художника Поленова, да Богатыри Васнецова и, вообще, мне мил сердцу зимний Дворик Саврасова, такой же печальный, как и мой дом.

Качинский включил "Спидолу", поймал волну с музыкой Тарреги "Арабское каприччио". Далеко внизу светились оранжевые огни "Лакокраски". В эту грешную ночь яркие огни печей то приближались, то удалялись по мере накопления греха. Музыку Тарреги сменила искристая тарантелла Чайковского. За ночным окном по зеркальным полам королевских дворов закружились праздничные толпы. Над Красноярском под ночным ветром вздувалась серебряная тюль Северного сияния, спустившегося на краевой город с далекой Дудинки, портового города на великой сибирской реке.

- Это привет с моей родины, – сказала Маша.

Качинский мигом вышел во двор, и вновь - ничего. Только в глубокой ночи далеко внизу светились оранжевые огни "Лакокраски". Качинский с удивлением отметил, что родовое гнездо сидит на самом верху Караульной горы рядом с белой часовней. ЛЭП-500 гудела контрабасом под горой, а не сверху как обычно. Качинский вернулся домой, где домовой Гена с рыданием кинулся на грудь, утирая белой бородой заплаканные глаза.

- Какой позор! Нашу усадьбу посетила падшая женщина, я умру от позора.

Тем временем в окнах вновь ожили картинки королевского пира. По грудам жареных золотистых фазанов с пурпурными лапками плыли пенистые струи прохладного шампанского. Тысячи цветов, тонны серебра, миллионы женских глаз...

Качинский и Маша вышли в раскрытое окно и погрузились в двадцать первый век. У каменных трехэтажных дворцов сидели древние бабаи и звали Машу в гости.

- Мин сине яратам – иди к нашим воротам!

Татарки в национальных костюмах, в белых, как у школьниц, передниках пели народную "Кичке авыл"

Из цыганского небоскреба в туче пыли вывалился табор со старинной песней "Мэ кэ тумэ". Из огромного терема со множеством расписных ставен вышел русский хор в царских костюмах, шитых золотом: "Очаровательные глазки очаровали вы меня!" Качинский заглянул в глаза Маши. Глаза светились необычным внутренним светом, точь в точь две оранжевые печи "Лакокраски", в которых плавилось золото.

- Дева Мария, идите к нам в светлое будущее!

Но из далекого послышались призывные голоса молодых родителей Качинского. Молодая красивая мама кинулась к Маше, обняла ее как подружку.

- Син нинди матур, Марьям!

- И, жаным – жанышым! – воскликнул отец, обнимая невестку, равную по возрасту.

Отец играл на курае, свирели кочевников. Из крохотных дырочек, как пчелы из улья, разлетались пронзительные ноты любви. Звуки курая мешались с горьким ароматом полыни, горячей в самоварной трубе, из которой исходил белый густой дым. Дым окутывал художников, сидящих кружком вокруг Маши. Каждый писал Машу, как видел сердцем. Макаров писал девушку с лучистыми глазами, стоящую в водопаде лунного света. Тисленков изобразил Машу крылатым ангелом. Лебедев, в свою очередь, загнал Машу в глубины Галактики, где Машенька с пионерским горном у алых губ играла побудку на фоне Млечного пути.

А будущий великий и богатый художник Курвиц разобрал Машу на части, а затем произвольно собрал ее: вместо ушей торчали ноги, а вместо глаз смотрели женские гениталии. Курвиц находил вдохновение в тряпочке, пропитанной спиртом. Сердце, понемногу принимая горючее, работала как мотор "Шевроле" – мощно и беззвучно. Но стоило шутнику забрать тряпочку, как великого художника начинали бить судороги, изо рта шла пена – признаки истинного гения. Таким Курвиц и родился, младенец непрерывно кричал, бился в конвульсиях, и врачи разводили руками. Только старая акушерка догадалась пропитать тряпочку спиртом и дала пососать – мальчик тотчас притих. Оказалось, что у мальчика родители – старые алкоголики и всю жизнь Курвиц не расставался с тряпочкой, пропитанной не разведенным спиртом... Поблекли праздничные краски, дым из самовара, сгущаясь, закрыл перспективу. Дым усиливался, скоро стало нечем дышать.

- Горим! – всполошился Качинский и кинулся к печке – задвижка на трубе оказалась закрытой.

Молодые люди, задыхаясь и сильно кашляя, вышли во двор. Под глубоким и гулким, как колодец синим небом на длинной веревке, словно японский флаг играла с ветром белая простыня с большим красным пятном посередине – это домовой вынес рано утром криминальный факт.

- Посажу! – твердо пообещала Маша, срывая простыню и пряча вещдок под дорожное кожаное пальто.

- Я женюсь на тебе, – не на шутку перепугался поэт Качинский.

Маша широко улыбнулась, поцеловала поэта, но все испортила вредная актриса Агнет.

- Машенька – это же знамя Снегурочки! Возьми флагшток и дуй встречать Новый Год!

Машенька с кулачками набросилась на подружку.

- Да это помидор, – рассмеялся Александр Федорович Керенский. – Это мы подложили. Так делал Сталин, подкладывая помидоры своим маршалам.

- Ну, если помидор, – сказала Маша задумчиво. – Тогда я останусь.

Через сутки весь двор был увешан японскими флагами – свежими доказательствами девственности Марии.

- Я вечная девушка, – радовалась Маша. – А ты не умеешь – не берись!

Еще через сутки Маша заметила растущий живот: "И когда ж это я проглотила арбуз?" Через сто двадцать дней после зачатия спустился Ангел и произнес Законы Судьбы младенца: профессия – композитор, год смерти – две тысячи семьдесят, поведение – немного странное, степень Счастья – высшая.

Но Маша через неделю после Ангела сделала аборт, и будущий великий композитор был изрезан и удален по частям из материнского ложа.

Качинскому давно бы пора успокоиться, но разбушевавшаяся плоть не знала тормозов. Уж и зима наступила, а там и новый год, но из ночи в ночь одно и то же.

- Нет, нет, нет! Посажу! Милиция!

- Ты с ума сошла, аборт сделала, а все девочкой прикидываешься!

- Это ты сошел при свете дня.

Вот и солнце взошло, но какое-то мутное, расплывчатое, словно больное. А за Караульной горой на фоне не проснувшегося неба стояла полная луна, странно соседство двух светил, дневного и ночного.

- Всем можно, а мне нет! – кричал Качинский вечную фразу всех отвергнутых мужчин. – Дай хоть посмотреть!

- Да чего там смотреть!

- Смотреть нечего, да вдруг что найду?

- Ну и что делать-то будешь, коль найдешь? Некоторые ребята неделями смотрят, я уж сердцем изойду, похудею на треть, а они все глазами жрут.

- Это что за ребята? – взвился поэт.

- Да чехи из «Луна – парка». Это они меня научили.

- Что? Чему научили? – взъярился Качинский, нападавая, как насильник на гражданскую жену.

- Vandita! – кричала Маша – Милиция, милиция!

- Да хватит орать, сколько можно. Перестань или в окно выкину! Я и милиция, я и закон.

- Да что ты, что ты, делай, что хочешь.

И Качинский вот уже вторые сутки подряд продолжил боевое крещение – ох, он и накушается вдоволь! На целый год!

- Милиция! Посажу!

- Выкину.

- Лучше смерть, чем позор.

Качинский вновь перепугался насмерть – эта сумасшедшая jezibaba, как говорил про нее Гавел, сосед Качинского, впрямь посадит, и уж до конца века не видать ему великолепной живописи, созданной богом и подаренной Адаму.

- Дай-ка я все-таки посмотрю напоследок!

- Да смотри, сколько хочешь – только пусто там. Земные врачи и те ничего не нашли. Я – кукла!

- И верно, нет ничего, как у пластмассовой куклы. С ума сойти – нет ничего между ног!

- Я же говорила – нет ничего!

- А как же... пописать, покакать?

- Да я чистый дух, схожу с неба, морочу головы, таким как ты. А зовут меня Мария, иначе Марьям.

- А кровь? Кровь – то настоящая!

- Если настоящая, то я тебя посажу!

Качинский и Маша вышли во двор. Светило яркое весеннее солнце. С крыши, смачно шлепаясь о землю, прыгали веселые капли. Качинский с удивлением огляделся, понюхал воздух: вчера была глубокая осень, сегодня ранняя весна, а родовое гнездо съехало на самую улицу Брянская и расположилось под самой горой. Теперь вход во двор был удобный, не надо прыгать по камням, рискуя свалиться в глубокий овраг.

Маша с необыкновенными глазами простилась с Качинским, энергично благодаря его за какие-то добрые дела, ему незнакомые. На прощание она оставила пригласительный билет на свадьбу своей подруги, с которой полгода встречался товарищ его детства Александр Федорович.

- Нагуляла живот с твоим другом, а замуж выходит за моего друга – весело сообщила Маша и, шутливо отдав честь, сказала – Кукареку.

Едва Маша ушла, грациозно приподнимая подол вечернего платья, как тотчас явился Александр Федорович. Школьный товарищ подозрительно осмотрел двор, заглянул во все углы.

- Слушай, как мы вчера разошлись?

- Я быстро слинял, а ты еще долго валандался с какими-то блядьми.

- Что, значит, слинял? – возмутился товарищ – Мне пришлось одному черт знает куда ехать, на какую-то блат хату. Менты среди ночи нагрянули, допрос учинили. Хорошо с собой паспорт и пропуск были, не то ночевал бы в каталажке. Теперь на заводе шум будет...

- Потому и слинял, что ментов за версту чую.

Александр Федорович начал сердиться на школьного друга, у которого вечно ни рубля в кармане. У поэта ни крупной валюты за пазухой, ни мелочи в дырявом носке. Вот и платит каждый раз химик, угодливо заглядывая в глаза строгой официантке.

- Слушай, а я к тебе ночью не приходил? – Керенский с все большим подозрением оглядел дом Качинского – Слушай, ты же вон там, на горе живешь, как здесь-то оказался?

- Сам не понимаю. Вроде был, а, может, померещился...

- Вот и я не понимаю, почему в кошельке полста рублей не хватает!

- А у меня рубля не хватает сходить за пивом.

- За пивом мы сходим, как раз завезли - Александр Федорович прямо-таки обнюхал углы родового гнезда - Нет, тот же запах, блядьми пахнет! Такой аромат от них шел, никогда не забуду.

- Вот что значит - нажраться по-русски, – хохотнул Качинский. – Ни денег, ни блядей, только один запах.

- Ладно, что деньги! Завтра получка, пойдем в "Отдых". Там чья-то свадьба.

- Точно! – вспомнил Качинский – Звали на свадьбу. Помнишь, ты то и дело в лес бегал по большой нужде? Вот и добегался, пришла Волчица с животом. Говорят, подарка не надо – уже есть один!

Александр Федорович задумчиво вновь оглядел двор: " Был я здесь, был! Не помню когда, но был!"

- У меня после "Агдама" тоже крыша едет, – признался Качинский. – Слышал, власть какой-то порошок подсыпает в вино. Вроде Зоя Горбатова изобрела новый способ борьбы с алкашами.

- Все! Переходим на пиво! – рубанул рукой Александр Федорович. – А все таки, как их звали?

- Я и сам хотел бы знать, – сокрушался Качинский. – Эх, какие сны порой!

ГЛАВА 12

Ночью поэт Качинский с бьющимся сердцем подошел к входной двери и вовремя – дверной крючок сам собой выскочил из петли. Качинский вновь накинул крючок и прислушался – за дверью стояла тишина. Качинский намотал на крючок шнурок от ботинка и пошел досыпать. Сонным глазом, глянув на страшный беспорядок в доме, Качинский отключился.

Проснувшись от яркого света, Качинский оглядел чистую квартиру и, приняв это за должное, кинулся к ледяному водопаду, у которого весело плескались молодые художники, словно молодые жеребцы, мотая мохнатыми головами – кто бы их подстриг?! Из самой вкусной в мире воды сварили чай, заваренный смородинными почками, и вот уже цепочка художников с мольбертами за плечами, подобно великолепной четверке "Битлз", пересекали "Монастырскую дорогу", иначе сказать улицу Мира. Замыкала великолепную четвертку натурщица Люся-Мюзетта в коротенькой маечке, застегнутой снизу булавкой. Центральный проспект в этот час был дорогой, ведущей в заповедник "Столбы", по которой гуще чем на первомайской демонстрации шли толпы столбистов в глубоких красных галошах с веревочными завязками и в куртках из парусины, подпоясанные красными кушаками. Часть абреков носила красные фески, что означало белую кость, большую часть года живущих на "Столбах". Абреки жили в деревянных избушках, по бревнышку занесенных на крутые вершины и питались одним горным воздухом, да подаванием, что несли простые столбисты. Переселение народов возглавляли диссидент Громов и поэт Качинский в прорезиновом плаще и резиновых сапогах, чем резко отличался от цветной толпы столбистов, бодро топающих по тропе энтузиастов с малыми детьми на шеях. На "хитром пне" отдыхала Люся-Мюзетта – до этого времени девушку несли то на руках, то на шее многочисленные эротоманы. Булавка на маечке временами расстегивалась, и глазам порядком уставшей молодежи открывался допинг – бесплатные картины

турецкой бани. От этих видов, как от высоковольтных стимуляторов, из глаз выскакивали искры. В ноги било позднее зажигание и новые мощности гнали столбистов так быстро, что многие, перепрыгивая через друг друга, скоро седлали знаменитый "Слоник", а иные уже сидели на вершине "Первого столба".

Повестушник Валера Черный и идеолог "Красноярского комсомольца" Сергей шли в новейших скороходах "Чих пых" красноярской обувной фабрики. Скороходы с пороховыми двигателями друзья по благу взяли с выставки достижений местного ВПК, и уж никто не мог остановить их продвижение к месту сбора Сибирского Тайного Общества "Победы над коммунизмом". Сегодня на съезде СТОП должны были выбрать председателя, но единственный кандидат Голубев с молодой женой застрял среди столбистов, глазающих на голую правду. Тогда Голубев приказал молодой жене снять шорты и залезть на его шею как на столб. Голубев был не молод и едва шел под весом своей жены, но славу богу ему помогали молодые люди, что держались за белую попу.

Тем временем идеолог Сергей, чтобы очистить дорогу для своих сообщников, вооружился бичом пастуха, и кожаная плеть со сверхзвуковой скоростью обвила крутые бедра голой правды Люси, тоже члена общества, но тайных нудистов. Визг, изданный Люсей-Мюзетой по децибелам, превзошел рев реактивного самолета – столбисты кинулись в рассыпную, думая, что на них падает ТУ-104. Члены другого тайного общества "У лукоморья" Французов с женой Софьей и поэт Денис Заречный никуда не бежали, а просто залезли под большой камень, именуемый Палаткой, приняли по сто и благополучно заснули. Счастливых избранников мало интересовало волнение советского общества, распавшегося на множество тайных обществ, что наглядно виделось по передвижению столбистов: синие фески собрали свой съезд на столбе "Бабка", красные сталинисты – на столбе "Первом", черные рыцари Ордена Тамплиеров обосновались на "Втором", куда также вошли совершенно случайно и литературные подростки всех школ и направлений.

Первые зеленые исламисты, сидя на крутом челе "Деда", совершали утренний намаз, кланялись в сторону Магеллановых Облаков, где живет Аллах. Мысленно кланялись Богу Дед, Бабка и Внучка, застывшие на века первые инопланетяне, что прибыли на землю в эпоху неолита на допотопных кораблях. Горючего на обратную дорогу не хватило, и семья инопланетян окаменела от тоски по родине. Однажды Бог, сжалившись над каменными идолами, послал на помощь громадную птицу, но демоны испортили систему навигации, и от великой путешественницы остались одни "Перья"...

Здесь на "Перьях" и сорвался в первый раз со скалы поэт Качинский. Сидя верхом на огромном каменном «топоре», Качинский вдруг почувствовал перемену и оказался на другой каменной площадке, но уже на три метра ниже – незримые силы перевернули поэта и аккуратно усадили над пропастью на краю уступа. Качинскому кинули веревку, и одуревший поэт, цепляясь за ноги спасателей, вылез на вершину, исхода с которой не было. На глазах Качинского молодые пилоты прыгали в пропасть меж параллельных скал

и уже у самой земли заклинивались за счет кожаных штанов и курток – пахло паленой кожей и соленым страхом. Качинский долго трусил, наконец, кто-то легко поддал под зад и он с криком ухнул в бездну. Так бы он и вошел в землю по колено, а, может быть, по горло, но, благо, повис на веревке, закрепленной под мышками. Мимо то и дело пролетали другие летчики в красных фесках: то Корабельников с женой Любовью, то диссидент Громов с очередной музой от политики. Наконец, мимо пролетела Марьям, и Качинский, освободившись от веревки, сиганул следом – волосы встали дыбом, а из всех дырок пошел дым. Удивляясь своей сноровке, Качинский, как опытный абрек, тормознулся резиновыми сапогами, отчего те вмиг расплавились. Расплавился и резиновый плащ, а когда резина остыла, Качинский оказался как бы в скафандре, облегающим его не совсем стройное тело. Вареная колбаса из пищевого НЗ порядком подкоптилась и обрела должный вкус. Простая бутылка водки, претерпев вторичную перегонку, обрела замечательный вкус армянского коньяка. Этими деликатесами и поделился Качинский, но уже глубокой ночью наедине с Марьям. Впрочем, Марьям предпочитала чай...

Но красивая ночь на "Столбах" дарилась только самым умелым и ловким, что проходили экзамены в несколько туров. От столба к столбу темп восхождения ускорялся, а крутизна скал увеличивалась и скоро приобрела отрицательный градус. Столбисты, словно мухи по потолку, ползали по шершавым валунам сиенита. Вулканические камни, вставая один на другой, как гимнасты в цирке поднимались под самый купол синего неба. Один огромный валун диаметром десять метров не вошел в пирамиду и качался на краю, грозя свалиться на цветной человеческий муравейник. Стоило пнуть "Колокол" пяткой под дых, как скала отзывалась одобрителем гулом и потоком душевного тепла.

Столбисты, подобно цирковым гимнастам, поднимались непрерывной цепочкой, пока очередной "чайник" не закипал от страха на туристкой тропе. Троп было много, но все они были столь узки, что двоим не разойтись. Иногда опытные абреки спускали на веревке голую правду Люсю-Мюзетту. "Чайник" закипал еще гуще и либо падал вниз, либо обретал второе дыхание, что случалось гораздо чаще.

Вот и Качинский оказался распятым меж двух каменных стен. Страх высоты парализовал поэта, казалось, навсегда, и висеть ему всю жизнь вниз головой, обратившись, наконец, в мумию, да, спасибо, скалолазка Марьям поцеловала его в точку Ди-цан, буквально передав мужество.

Диссидент Громов с музой Клио на шее взошел на вершину столба, с которого вековая тайга казалась стриженной травой английского газона. Среди травы раскинулся каменный цирк, по гигантским ступеням которого поднимались девушки с русыми косами за плечами. Иные столбисты, удобно ухватившись за них, влезали на каменные полки быстрее дам. На полках стояли избушки на куриных ножках. Абреки взимали дань с залетных – кто пятачок кинет, кто колбасы не пожалеет. Сатиры в красных кушаках в обнимку с лесными девами прыгали со скалы на скалу, качаясь на длинных веревках, а на берегах, растущих прямо из камней, сидели алконосцы – вечно пьяные птицы

с человеческими лицами. Птицы людям спускали на веревках людям бутылки с живой водой, крылочеловеки выпивали и мочились вниз – некоторые принимали за дождь. Всюду на всех столбах красочные надписи, но в траурных рамках, в которых сидели незримые души столбистов. Души зорко наблюдали за любителями и быстро слетали на помощь, словно ангелы, подсказывая, за какой "карман" лучше ухватиться. Вот и Качинского в очередной раз застрявшего в узком «огурце», консультировала душа уличного дружка Потехина, что разбился много лет назад – помнится, тогда мальчишки бегали по камням, как обезьянки по деревьям. Душа Потехина шептала на ухо Качинскому: "Правой рукой за левый карман, левую ногу на полочку слева!" Здесь опять подросла Марьям, и душа Вовки со скорбным видом отлетела в сторону, боясь соприкоснуться с душой библиотекаря – при жизни Вовка даже ни разу не целовался с девушкой. Втроем кое-как взошли на вершину, и здесь незримый Потехин сказал на ухо Качинскому: "Следи за ней, чтобы она не упала с шестнадцатого этажа". "Да в городе нет таких домов", – возразил Качинский. "Будут! Ее толкнет с балкона Черный гад, что в самоходных сапогах поднимается с самоваром за плечами».

И, верно, по отвесной скале с дымящимся самоваром по отвесной скале поднимался повестушник Валера Черный. Марьям восторженно всплеснула руками. Следом показалась голова Люси, затем ее большая попа, отлично сидящая на больших плечах хирурга Корабельникова. Рядом, ничуть не ревнуя мужа, по той же стене поднималась его жена Люба, художественный руководитель ансамбля русского танца "Чалдоны". Прибывший минутой раньше идеолог Сергей фотографировал рекордсменов для книги "Выдающиеся люди".

- Настоящий писарчук, – хвалил Валеру Черного Голубев. – Буду рекомендовать вас в члены Союза.

- А я буду рекомендовать Люсю – сказал повестушник.

- А я предлагаю принять в Союз "Внучку" и "Бабку", – загремел как первый весенний гром полемист Громов. – Эти каменные бабы, вырубленные древними татарами, лучше всех писарчуков знают природу – им и "Перья" в руки.

Солнце село, резко похолодало, стали пить из самовара чай, на который тотчас слетелись алконосцы и столбисты на парапланах. Парашютисты подобно сказочным птицам летали в лучах заходящего солнца. Повара и токари, академики и медсестры, кто с гитарой, кто с баяном прилетали на парашютах, а трое чудиков тащили на веревках пианино "Сибирь". Скоро на всех столбах звучала музыка и на каждом своя. Вот в ночи засветились костры, на свет которых слетелись василиски-крылатые девы, ночные охранницы подземных заводов, где кузнецы-роботы ковали стратегические ракеты "СС-20". Умные ракеты могли из космоса отличить чернокожего хулигана от белого наркомана. Верхом на василисках прибыл сварщик Набиулин и его жена Лиза. Лиза непрерывно тараторила и пыталась отправить домой любимого мужа, в данный момент надоевшего ей до чертиков. Рудик привез с собой радиоактивные краски, светящиеся в ночи. Художники писали панораму стол-

бов, освещенных полной луной, а также портреты друзей, освещенные колеблющимся светом костров. Чудесные краски давали живые картины, и портреты перемигивались между собой и корчили рожи друг другу. Вот клоун с длинным носом вышел из рамки и, схватив повестушника, кинул Валеру в пропасть. Валера приземлился на самоходные сапоги. В цилиндре возникло давление, вспыхнуло дизельное топливо, и Валера вновь вознесся на небо. Упав прямо в костер, пьяный Валера стал дергаться как заводная кукла. Марьям, находясь ближе всех, выдернула повестушника из огня.

- Второй раз родился, - сказал Голубев. – Жить тебе девятьсот лет как Муфасаилу.

- Так долго, – покачал головой сварщик Набиулин. – Никакая печень не выдержит такого количества вина, которое за эти годы выпьет наш уважаемый Валерий Чертов...

Все задумались, неужели так долго жили эти древние пророки?

- Обмельчали, людишки, – сказал Громов, глядя на всех сверху, сам крепкий как древний пророк. – Первые должны жить долго.

- Невольно задумаешься, – сказал Качинский. – Даже язык и тот от Бога. Судьба – суд божий, совесть – совместная весть...

- Да при чем здесь Бог? – раздражался Голубев. – Народ творит язык. Деревня – место, где выдрали деревья, село, где сели у дороги, дорога – тропа, которую продрали в лесу...

- Зять – от слова взять, теща – тетя та еще – язвил Корабельников – Стожар – сто звездных шаров...

Все подняли голову к Большой Медведице.

- Звезда – свет давать, небо – небытие, место, где ничто не болит, – расшифровал русьский филолог Алмазов. – Смотрите, Полярная звезда полетела.

И верно, Полярная звезда снялась с места и с невероятной скоростью понеслась среди звезд, делая повороты под прямым углом. Скоро звезда под тысячу "ура!" опустилась к Земле, и вот уже гигантский ящер из сверхпрочного материала пролетел над столбами, ослепляя туристов сотнями прожекторов. Это был первый экземпляр межпланетного аппарата, еще неизвестный противникам Советского Союза. Долго не могли угомониться, обсуждая необычную машину, и великие возможности родной сверхдержавы. По такому случаю Качинский, отпив большой глоток отличного коньяка, пустил бутылку по кругу, а затем поцеловал Марьям, так хорошо он не целовался ни разу в жизни. Должно быть, Марьям тоже понравилось целоваться, поскольку она не отказала и Валере Черному, прилипшему своими погаными губами к ее алым устам на целую минуту, показавшуюся часом, а то и сутками... Ночью Качинскому приснился театр с двадцатью этажами ложей и балконов. Вместо крыш над головой сияло звездное небо с семью планетами, выстроившимися в грандиозный парад. Планеты плыли столь низко, что можно было разглядеть знаменитые кольца Сатурна, состоящие из миллионов летательных аппаратов. Было хорошо видно, что Марсианские моря состоят из туч красной пыли, висящей в жидком воздухе, подобно взвеси в мутной воде... Про-

должением сна было видение, представшее Качинскому, когда он спустился в грот, именуемый Чертовой кухней. В глубине пещеры мелькали лучи фонариков и слышались странные речи: "Сатана, Антихрист, Лжепророк – вот наш идеал! Торжественно принимаем тебя, Валерий в Орден Рыцарей Соломонова храма. Отныне будешь поклоняться Бафомету, черному козлу с золотой трехликой человеческой головой! Тебя приветствует сам Мишель Нострадамус, штатный прорицатель Ордена Тамплиеров, в нынешнем воплощении, носящий имя Председателя Союза"... Из-под ног Качинского выкатился камешек и упал в пещеру. Голос тотчас смолк, фонарики погасли, и наступила зловещая тишина. Качинский покинул Черную кухню и скоро, дрожа от холода, прижался к спине Марьям, что быстро развернулась к нему и сама, дрожа от утреннего холода, пыталась согреться в его руках, необычно теплых по сравнению с ее холодными пальцами.

На востоке вспыхнул красный прожектор. Над бескрайней тайгой показался край огромного солнца – видимо за ночь светило вплотную приблизилось к Земле, чтобы показать свои истинные размеры. От столбов легли гигантские тени. Умывшись в каменной луже, Качинский читал гектометры, посвященные Марьям.

- Летит как птица, над тайгой паря.

Луна как солнце, губы как заря.

Луч солнца, отразившись от самовара, высек из глаз Председателя Голубева красный лазер. Луч, упав на мольберт Саша Макарова, прожег дырку на полотне, как раз в глазу живого портрета Марьям. Марьям схватилась за глаз и вскрикнула от боли. Тем временем под крики туристов на край столба сел летающий кентавр, схватил молодую жену председателя и, кинув ее на спину, улетел прочь, сказав напоследок: "А на фига попу гармонь!"

Таким образом, Председатель потерял одновременно медсестру, завхоза, домработницу и вообще женщину, с которой тепло спать. Повестушник Валера и идеолух Сергей, надев сапоги скороходы, подобно горным козлам, стали прыгать с камня на камень. Никто не разбился – повестушник зацепился бородой за вершину березки, а Сергей надолго сел верхом на "Внучку". Идеолог окаменел от страха, и ни нашатырь, ни водка не могли привести его в чувство. Спасатели сняли вертолетом статую и увезли идеолога в город, где поставили в сырой подвал рядом с гипсовыми пионерами и бюстами бывших вождей. Находясь в коме, он все слышал и чувствовал, но не мог двинуть пальцем.

Качинский и Марьям брели краем глубокого ущелья, на дне, которого поблескивала в лучах солнца речка Мана, и поражались стремительному ходу времени – оказалось, в одну ночь уложился целый месяц. В.. заповедник пришло лето. Над цветными саранками, вырезанными чудесным мастером из прозрачного материала, носились стрекозы, и подобно истребителям перелетали в воздухе. А над кустами пахучих Марьиных корений плавали в воздухе прекрасные махаоны из тяжелого красного бархата с серебряной и золотой вышивкой. Яркие бабочки садились на цветы из розового фарфора, из тенистого соснового бора на жаркий солнечный склон выползли корявые

черные корни, словно змеи пригревшись на каменных плитах и желтом песке. На каменных плитах и желтом песке лежали влюбленные Качинский и Марьям, а сверху над ними, как облака, проплывали годы, бессильные взять влюбленных...

ГЛАВА 13

В правлении Союза Писарчуков на улице Каменской прошли литературные чтения, организованные председателем Голубевым. Все началось согласно духу плюрализма и гласности, модных ныне в советском обществе. Все участники семинара, большей частью интеллигенты из Академгородка, академики в смокингах и галстуках, ученые попроще в костюмах тройках, и только диссидент Громов гремел по паркету огромными валенками.

На улице жесточайший мороз под сорок градусов, зимнее солнце высекает цветомузыку на окнах, сплошь покрытых толстым льдом, а в зале уютно и тепло. Вокруг мягких кресел высокие книжные шкафы с мировой литературой, а в креслах - любители великой поэзии, время от времени сами пробующие взяться за перо. Впрочем, среди мужчин футбол на первом месте – в кулуарах живо обсуждают финальный матч юношеского чемпионата по футболу на приз "Известий" СССР – Швеция 7:1! Всюду слышна фамилия Саленко, что забил пять голов... И тут, заглушая спортивный шепоток академиков, меж рядов, грохоча промороженными валенками, прошел Громов, пожимая руки иноверцев и уничтожая взглядом гнилых интеллигентов из вымирающего класса. Когда-нибудь Академгородок закроют, а пока революционер вынужден работать с ним. Громов вышел к трибуне и с высоты подобно Маяковскому, принялся крыть общество образами только ему понятными.

- Для поэта осень – весна души, когда зимние плоды распускаются цветами.

Председатель Голубев поморщился, словно съел лимон, но приходилось терпеть около литературного бомжа в лице Громова. Впрочем, председатель нашел решение – не было кворума, то бишь отсутствовал идеолог Сергей.

Сергея нашли в подвале Правления среди бюстов советских классиков – он подобно пионеру застыл с поднятой рукой. Окаменевшего на долгие годы идеолога вынесли и поставили рядом с Президиумом.

Громов продолжил прерванное выступление. Незадолго до семинара Громов разослал по всему СССР гневные письма, обличающие как местных нуворишей, так и Генерального Секретаря. Ответные репрессии как всегда запаздывали, и Громов спешил сказать правду матку, пока его не упрятали в очередной раз в очередную психбольницу.

Как всегда он говорил настолько путано, что многие начинали невольно зевать, но иные, напротив, выходили к лектору с кулаками.

- Театр начинается с вешалки! Но у нашего Генсека Ломоносова отсутствует челюсть, то есть несколько поколений предков кушали кашу, и в итоге жевательный механизм атрофировался. А надо знать, что толстые губы бывают только у добрых людей!

В зале наступила настороженная тишина. Плюрализм да гласность – хорошо, да зачем плевать против ветра! У всех на памяти времена, когда вместе с одним критиканом заметали целые городки, пусть даже трижды академические. У председателя Голубева глаза обрели стальной блеск – Правление пошло навстречу демократии, впервые пишущие массы из около литературной среды обрели возможность, и вот некто Громов, активный бездельник, не сочинивший за всю жизнь ни одной осмысленной строки, использует высокую трибуну для борьбы с Олимпом! "Идейный борец" с любой властью, подобно неразумному дитя, катит на палочке пустой обод круглых фраз, а взамен на председателя Голубева посыпятся с неба такие бочки, что и жить невозможно станет среди обвала. А ведь совсем недавно, ну буквально вчера вечером, великий Михаил Ломоносов сказал, что писарчуки – рыцари партийной конницы, управляющие движением толпы анархистов.

Председатель схватился за голову: прогнать Громова нет возможности, но и закрыть первый в СССР семинар также никак нельзя – что скажет партия и народ!

Громов продолжал говорить.

- ... Вместе с челюстью отпала и животная часть, так необходимая человеку для поддержания жизни. А поскольку нет жизни плоти, то нет и жизни духа! Вожак в стае голодных волков катит на лыжах по снежной целине – остальные тонут по горло в снегу, но подвывают вожаку...

- Причем здесь лыжи? – спросил Качинский, сильно взволнованный метафорой о вожаке и стае.

Качинский, возможно единственный из молодых писарчуков, был одет в скромный свитер и джинсы и выглядел как раз очень демократично, в духе перестройки. Качинского сильно занимала перестройка. Он считал себя истинным идеологом предстоящей реформы тоталитарного государства, основанного вождями Лениным и Сталиным. К Ленину он относился никак, не понимая основателя советского государства, а вот Сталина недолюбливал, поскольку считал тирана творцом судьбы поэта – дед поэта был репрессирован в трагическом тридцать седьмом году. Дед поэта был репрессирован, и Юрий Качинский принужден был стать великим поэтом, предварительно изучив великий русский язык, а зачем? Разве плохо было бы просто торговать лошадьми? Что толку входить при жизни в небесные сферы, теряя связь с земной атмосферой – скоро уж и дышать нечем будет! Потерял связь со всем, что дорого с детства и главное потерял всех женщин. А как на свете без любви прожить?! Последнее время Качинского сильно занимал вопрос, зачем и куда бесследно исчез безвредный человек, торгующий лошадьми? И Качинскому очень хотелось выступить по этому вопросу. Он встал и вступил в полемику с Громовым, но, обращаясь непосредственно к председателю Голубеву, к своему непосредственному начальнику, поскольку тот одновремен-

но занимал два поста – начальника снабжения и начальника красноярских писарчуков.

- Почему до сих пор не опубликован секретный доклад Хрущева о том, что Сталин после долгой продолжительной борьбы внутри партии и после ошибок коллективизации сильно заболел манией преследования!? Сталину требовался хороший отдых где-нибудь на Канарских островах...

- На Багамах, – поддержал Громов.

- Да хотя бы на речке Мане! – также поддержал доктор Хайдар, директор института Экономики. – А пока один вождь отдыхал, очередную пятилетку, работал бы товарищ Троцкий...

- Знакомая песня, – сказал генерал Журавель, только что вернувшийся из Афгана, где вел переговоры с моджахедами о поставках и пушек, и масла в обмен на спокойную границу между Афганистаном и СССР.

Генерал как никто другой хорошо знал, что пушки отличное противодействие любому действию и силе может противостоять только сила, причем пушки должны быть хорошо смазаны машинным маслом. А, чтобы пушки не стреляли противника надо подмазывать сливочным маслом.

- Границу Афгана надо смотреть как противодействие резиновых мешков: когда в одном давление падает, в другом нарастает. А насчет Сталина скажу как человек военный, когда меняют командующего, то сражение, как правило, проиграно.

Генералу воспротивилось сразу несколько возмущенных голосов.

- Нам требуется давление не военное, но экономическое! – кричал продавец цветов. – Надо закидать противника цветами и они сдадутся.

- Приезжайте, уважаемый – сел в мягкое кресло генерал – Закидывайте.

- Тогда отключите электричество – гнул свое продавец. – Без цветов, без горячей воды, без холодильника... русский народ запросит пощады!

- Вам бы, уважаемый, электричеством торговать – посмеялся доктор Хайдар. – А вы все в экономику, политику. Нет жизни без Троцкого! Он бы разобрался.

- Тогда уж лучше Киров! – вдруг высказался всегда молчаливый Французов. – Он бы нам ваучеры раздал.

- Что такое ваучер? – вскинулся Ваня Казачок – Самогон пил, а ваучер не пробовал.

- Я отвечу, что такое ваучер, – сказал доктор экономических наук Хайдар, развивая любимую тему. – Ваучер – доля гражданина в государственном пироге. Выдать каждому его долю, и пусть он пропивает, как Ваня Казачок или умножает, как уважаемый продавец цветов Чуб. Будет честное соревнование, и каждый будет есть своей любимой ложкой – Ванечка из корыта, а Толечка со шведского стола.

- А сколько это будет в рублях! – воскликнул до сих пор молчавший истукан идеолог Сергей, который в жаркой дискуссии стал понемногу оттаивать.

- Суммируйте всю стоимость земли Советов, – начал загибать пальцы доктор Хайдар – Стоимость заводов, рудников, алмазного фонда и поделите на триста миллионов – на каждого выпадет миллиард.

- Дайте ваучер мой, и я пойду домой – сказал Французов.

- А где твой дом? – с подозрением глянул генерал.

- Во Франции, – проболтался поэт, и Соня тотчас врезала ему по губам рукописью, свернутой трубочкой, за разглашение семейной тайны.

- Вот именно! – воскликнул генерал – Через год от СССР останутся развалины. Стоит, например, отделиться Крыму и крымскую АЭС растащат по проводку.

- Товарищ Журавель, перестаньте вести пропаганду – председатель Голубев ударом резинового молоточка прекратил дискуссию.

Но на некоторых удары молотком действуют оживляюще, и диссидент Громов вновь включил речевой аппарат. Теперь он переключился на другого Генсека Сталина, который тоже не давал ему покоя, на предмет все той же физиономистики.

- У Сталина был узкий лоб, что говорит о животных инстинктах вождя. Огромная власть дает полную свободу инстинктам, и этот инстинкт раскрепощает все остальные, в том числе и половой инстинкт. Тиранию Сталина можно объяснить сексуальной теорией Фрейда, не признанной нашей наукой.

- И правильно не признаем, бред какой-то. Ты сам-то в зеркало давно смотрелся?

Громов почесал затылок и сменил тон.

- Умный, волевой, кристально чистый вождь Иосиф Сталин не переносил вида высоких, красивых, породистых мужчин, что были основой его генералитета, – Громов мысленно заглянул в зеркало и увидел себя в погонах Генералиссимуса. – Эти герои статьи и ростом сравнимые с былинными невольно угрожали авторитету Сталина, отцу народов, кормчему великого государства...

Вдоль президиума метался председатель Голубев.

- Товарищи, перекур! Перекур, граждане!

- Каких еще кур? – подмигивал Ваня Казачок, прикуривая чужую сигарету от чужого огонька – Куры "Прибой" или куры "Беломор"?

- Самый крепкий – Мухомор! – Качинский закашлялся, наглотавшись табачного дыма, густо повисшего в Доме Писарчуков.

Курили все, пионеры и комсомольцы, академики и колхозницы.

- Как твоя либретто колхозной оперетто? – спросил Денис Заречный, поэт для поэтов и потому одетый соответственно: курточка на рыбьем меху и купринская борода, которую он носил одинаково и в жару, и в мороз, не снимая даже на сон. Впрочем, никто не видел его спящим – даже жена и трое детей, что кормились одним папиным духом, но странно, были живы.

Заречному, что Сталин, что Троцкий, что родная жена – все по боку, и этим был похож на известного классика, который мечтал купить собаку.

- Готовы две арии для свинячьей хари, – Качинский угощал всех, в том числе и детей ленинградским "Беломором". – Тракторист женился на Марыне, а гармонист на Рябине.

- У тебя самые лучшие оперы, – хвалил композитора Качинского поэт Заречный. – Китайцы отстают...

- А ты, Денис, удивительно похож на русского классика, что осветил "Темные аллеи", – похвалил Качинский Заречного. – Глядишь, и Шнобелевскую премию подкинут по сходству!

Едва прозвучало слово "премия", как возник ниоткуда повестушник Валера Черный – совершенная иллюстрация к мифу о сотворении мира, именно таким и выглядел Адам, с животом и бородой до пупа. Валера тотчас стал загибать пальцы, как бы считая и одновременно пряча в кулак большие Деньги, рожденные Премией.

- В первой корзине – миллион долларов, во второй корзине – шведская королева, а в третьей – вот вам! – и Валера Черный показал всем фигу. – Все будет мое!

- Черный человек, а Черный, займи десятку! – осклабился Ваня Казачок – На реставрацию древних рукописей!

Последнее время Зоя Ломоносова усилила борьбу с алкашами, которые взяли в плен ее брата. Помимо рубки виноградных лоз, генеральная секретарша пустила под пресс водочные заводы, ввела запрет на слово алкоголь. Народ ответил новым говором: вместо водки стали говорить "книга", а вместо самогона – "рукопись".

"Всю ночь читал рукопись!" – объяснял начальнику, опоздавший на дежурство прапорщик Качинский.

"Лучше бы читал столичную "книгу..." – говорил начальник, глядя на физиономию, сильно помятую рукописью.

"Библиотека сгорела", – чесал голову поэт.

Действительно, сгорел синий магазинчик в Покровке, подожженный местными мужиками: год назад пропал "Тройной" одеколон, а ныне сгинул и стеклоочиститель.

- Если так дело пойдет, весь народ засветится от счастья! – при этом Французов сложил толстые губы куриной гузкой.

Соня очень не любила физиогимнастику мужа и тотчас вlepила рукописью по голове, отчего любимый упал без сознания, и на пол посыпались осколки головы.

- Е-мое, не думал, что у него стеклянная голова! – сказал Денис Заречный.

- Соня держала его мозги в спирту – комментировал Ваня Казачок – Так сказать, потомкам завещал себя. Ни разу не дал отпить!

- Запуталась с этими "рукописями" – плакала Соня, склонившись над мужем – Одну "рукопись" обернула другой и сама забыла, где бутылка была... Вставай, родной, нас ждет Париж!

Качинский и Заречный помогли подняться поверженному аспиранту университета, что так любил копаться в древних рукописях на иврите, сва-

ленных в кучу в подвалах Юдинской библиотеки. Буквально вчера Французов перевел на русский один из трактатов древнего поэта арапской национальности. Удар рукописью по голове включил механизм памяти. Зашипела старая пластинка, и славные стихи вновь зазвучали в Доме Писарчуков.

"А завтра к вере Моисея,
За поцелуй я, не робея,
Готов, еврейка, приступить
И даже то готов вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить!"

- Уже нечего вручать, – наконец-то сказала Соня. – Каждый месяц, как заснет, обрезала по дольке, чтобы хоть как-то утолить голод...

И Соня, желая показать, насколько из-за любовного голода она убавилась в талии, исполнила, ловко вихля бедрами, зажигательный индийский танец Бхара-Натия.

- Мулен-Руж! – похвалил Качинский.

- Ты был в Париже? – Соня заглянула в глаза.

- Увы, как и в любви – много слышал, но ни разу не был.

- Я тоже мечтаю побывать в Кама сутре.

- О, это больше, чем Париж!

- Больше, чем Нью-Йорк! – Соня, продолжая заглядывать вглубь Качинского, с ногами залезла в его сердце, отыскивая что-то очень нужное ей.

- О, говорят, в Нью-Йорке шестьсот театров, – Качинский начал отступать, пытаясь спастись от Сони.

- И в каждом хочется побывать! – Соня все-таки, что-то найдя в сердце, вылезла из Качинского и принялась спасать мужа, поливая его водичкой. Ей активно помогал повестушник Черный, одной рукой, избивая Французова по щекам, другой, исследуя бюст Сони.

- Где долго был я, где семья? – спрашивал Французов, приходя в себя – Уж год прошел, а этот гад все щупает жену!

- В рог загну, – взъярился повестушник Черный и с матерками покинул Дом Писарчуков.

- Вот такие пацаны, – покачал головой доктор Хайдар, - и привели к власти Сталина.

С грохотом посыпались стекла, и в Дом Писарчуков с клубами морозного воздуха ворвалась толпа кавказцев с близкого базара, что находился через дорогу.

Кавказцы принялись бить ученых. Академики, как оказалось все мастера спорта, кто по лыжам, кто по шахматам дали отлуп, вооружившись стальными рогатинами из гардероба. Даже идеолух Сергей, наполовину оттаяв в замечательном теплом обществе, вырывал толстые тома из книжных шкафов и делал из них баррикады. Генерал Журавель и диссидент Громов, взяв председателя за ноги, крутили его над головой, используя Голубева как живой пращ. Прибыли пожарные и мощными струями разрушили то, что не успело

сгореть. К утру от Дома Писарчуков остались одни развалины, покрытые льдом.

Началось следствие и выяснилось, что в злополучный день 29 февраля на базар прибежал некий бородач и стал кричать грузинам, что в доме через дорогу бьют их великого земляка грузинского царя Иосифа Сталина. Грузины вмиг вскипели и принялись бить абхазцев, торгующих мандаринами. Абхазцы призвали чеченцев, чеченцы принялись бить конкурентов – армян, строящих в крае коровники. Армяне сцепились с азербайджанцами, торгующими на базаре вином "Агдам". Вскоре все перепились, и возбужденная толпа с дымными факелами двинулась к Дому Писарчуков...

Через месяц все те же армяне и чеченцы кое-как восстановили правление, но уже не было в нем прежнего уюта, поскольку пропала библиотека и удобные кресла. Не стало в правлении и тепла. Писарчуки сидели на табуретках в шубах и валенках – председатель Голубев во избежание рецидива, дабы остудить горячие головы, отключил отопление навсегда.

ГЛАВА 14

Поэт Качинский длинным автобусом 22 маршрута поехал в знаменитый Академгородок убить двух зайцев: наполнить чемодан дефицитным табаком и заглянуть к друзьям-поэтам, послушать, что скажут умные люди.

Алмазов оказался гостеприимным – тотчас налил чашку чифира, а Качинский выложил пачку печенья. Сидели на кухне, излюбленном месте интеллигенции. Кухня была крашена в два цвета черный и синий. Из всех крапов текла вода, как паровоз шипел чайник. Майя Христофорова в роли машиниста то и дело появлялась на кухне, чтобы сменить воду и переключить всяческие ручки на электрических приборах.

Осенний ветер трепал за окном фиговые листочки на голых березах, исполняющих на холоде лесной стриптиз. Жили Алмазов и Майя, ничем никому не обязанные.

Алмазов мелкими глотками пил черный-черный чай, с трудом проталкивая жидкость сквозь густую бороду, и читал Шопенгауэра: "Мы робщем и неистовствуем, собственно, только до тех пор, пока у нас есть надежда..." Качинский откровенно зевал, плохо разбираясь в идеях, беспредметной тоске, скуке, от которой мертвеет жизнь. С большим трудом сибиряк, проживший большую жизнь среди зимы, понимал философию индийцев, греков, римлян, позднее итальянцев, испанцев, немцев, всегда живших в раю.

Алмазов впитал сию философию в университете, а, вкусив, сей мед, с получением диплома также поселился в раю, на квартире Майи. На досуге Алмазов читал философов в оригинале и писал стихи на немецком языке. Вечером Алмазов спал на работе винститут ядерной физики. Гигантские ускорители производили большой шум. Алмазов выходил на улицу и смотрел в ночное небо. Утром Алмазов пил чифир и делился наблюдениями с многочисленными молодыми философами на все той же кухне. Философы востор-

гались кружевами Фридриха Ницше, почему-то запрещенного в Советском Союзе. И только тупой как пробка прапорщик Качинский продолжал зевать, слушая сказки о Заратустре.

"Когда Заратустра прибыл в ближайший город, лежавший возле леса, он нашел там множество народа, столпившегося на рынке: народу было обещано, что он увидит канатного плясуна. И заговорил Заратустра так, обращаясь к народу:

- Я учу вас познавать сверхчеловека. Человек есть нечто, что должно быть побеждено. Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком – канат над бездной. Опасно шествие на ту сторону, опасна дорога, опасен взор, брошенный назад, опасно колебание и остановка...

Алмазов остановил чтение и глянул на Качинского – глаза его были бессмысленны. Алмазов, поражаясь бестолковости товарища, живущего в Закаменке, достал из книжного шкафа сокровенную книгу "Мастер и Маргарита".

- Я буду читать частями, – сказал Алмазов. – По одной главе в день.

Но получилось так, что книгу прочитали за одни сутки. Поздним вечером пришла Майя с протестом, но, поймав умоляющий взгляд Алмазова, тоже села слушать. В первом часу ночи пришли родители и тоже остались слушать до утра – Алмазов читал книгу в лицах и изображал героев разными голосами. К утру Качинский полностью уверился, что книга написана про него и его Маргариту, которая приходит к нему раз в месяц в полнолуние.

"Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозой свет в окне. Видели, как все окрашивается в цвет крови.

- За здоровье Воланда – воскликнула Маргарита, поднимая свой стакан.

Все трое приложились к стаканам и сделали по большому глотку. Тотчас предгрозового свет начал гаснуть в глазах у мастера, дыхание его перехватило, он почувствовал, что наступает конец. Он еще видел, как смертельно побледневшая Маргарита, беспомощно простирает к нему руки, роняет голову на стол, а потом сползает на пол..."

- Бедняжка! – Ее отравили!... Двадцать лет назад! Теперь она приходит! – Качинский встал с бледным лицом

Вся семья тоже встала из-за стола, с интересом наблюдая за чудачком из Закаменки, – говорят, у него техническое образование! Но как на него подействовала великая книга! Значит, он не совсем запущенный... И, возможно, напишет свой роман «Маргарита и прапор»

Прапорщик Качинский с больной головой и чемоданом папирос в руках поехал домой, да вышел не на своей остановке, а почему-то у полуразрушенного православного собора, обнесенного строительным забором. Православный храм восстанавливали десяток лет.

Вокруг церкви на высоких тополях в вороньих гнездах жили европейские дриады, давно как - то прибывшие в Сибирь вместе со ссыльными поляками. Поляки построили костел, большевики костел обратили в склад, пришедшие на смену коммунисты использовали орган по прямому назначению, но службу запретили. Поляки пошли в православный храм, Бог то един.

Вслед за ними перебрались и дриады, что каждую зиму впадали в спячку, а просыпались по весне и пели чудные песни вместе с перелетными птицами. Между птицами и дриадами шла постоянная война. Древесные музы, обретая лица покойников, просили милостыню на полуразрушенной паперти. Вот и сегодня одна из дриад кинулась навстречу Качинскому: "Дай закурить".

Ночами дриады шумели так, что жильцы обращались в милицию. Милиция поднималась на крыши домов и бросала древесных женщин в печные трубы, отчего выходило пламя, виденное за несколько кварталов. Жильцы вновь жаловались на грубость милиции, а также на стоны и крики в печных трубах. С некоторых пор древесные девы, оставшиеся в живых, перебрались на колокольню. И теперь жильцы окрестных домов жаловались на вечерний звон, столь популярный в прошлом веке... Качинский обошел храм, затем, сбросив кепи, вошел через боковую паперть и подойдя к иконостасу узрел в старой иконе знакомые черты Дашеньки, чутьосвященной восковыми свечами.

Качинский смущенно вспомнил, что однажды в далекой молодости бывал с Дашенькой в этом старом храме. Некрещеный прапорщик осенил себя и икону крестным знаменем. Икона просветлела, выступила капля миро, и Качинский, испугавшись, побежал прочь

Качинский в смятении пошел в библиотеку Юдина, надеясь на встречу с Марьям. Железная лестница с крутыми поворотами вела в поднебесье, где рабочие, собравшись в кружок, читали "Искру" и только один в ермолке читал библию, причем Ветхий завет. Качинский пригляделся: ба, да это все тот же Валера Черный! Напротив, на венском стуле сидит председатель Союза Писарчуков Голубев. Компанию дополняло третье лицо очень знакомое: высокий лоб, длинные волосы до плеч, как у художников, и борода как у Куприна. Сильно оживляли интеллигентное лицо большие грустные глаза. Человек, похожий на писателя, протянул тонкую руку.

- Моя фамилия Мазалтов.

- Мы где-то встречались, – смутился Качинский.

Еще более Качинского смущало стремительное перемещение Валеры Черного.

- Чему удивляться! – угадал мысли Валера – Я единственный Гад из одиннадцатого колена Израилевых и потому двойствен. Фигаро здесь, Фигаро там! Только что я был на углу Мира и Сурикова и вот я уж здесь изучаю древние рукописи – кстати, цены им нет!

Валера Черный метнул жгучий взгляд, отчего борода Мазалтова слегка оплавилась.

- Да, я Черный, – сказал Валера. – Но я и Белый! Я Север, но я и Юг... Впрочем, каждый человек так устроен! Жизнь возможна только между полюсами. На одном полюсе я злой, на другом добрый. Злой у токарного станка, добрый в искусстве для искусства. Многие поэты как, например, Гете тоже являлись миру в двух личностях – в Лондоне и Париже одновременно.

- Но если я совершу плохой поступок, значит, смогу сослаться на свой полюс зла и совесть будет спокойна? – спросил Качинский.

- Полюс зла первороден, – настаивал Валера Черный, – Каждый ребенок уже рождается с первородным грехом и несет ответственность за грехи Адама.

- Позвольте, – возразил мужчина с грустными глазами. – А вот что говорит Ветхий завет: "Сын не принесет вины отца и отец не принесет вины сына, правда праведного при нем и останется, и беззаконие беззаконного при нем и останется..."

- А вот что говорит Новый завет, – завелся Валера Черный. "И сказал... истину говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царствие небесное".

- Не слушайте его, – сильно смутился мужчина с грустными глазами. – Это не он говорит – го языком овладел Азazel, демон искушения, обитающий в пустыне вокруг Иерусалима. К нему наши первосвященники отсылали "козла отпущения".

- Сам ты козел, вот с такими рогами – Валера Черный по зековски распушил пальцы, пытаясь попасть в глаза Мазалтова.

Мазалтов ловко увернулся и тонкими перстами едва не сломал руку повестушника. Валера миг оказался на полу, сраженный ловким приемом полицейской защиты. Встали мужики в косоворотках, упали венские стулья, и даже разбилась чашка с чаем. Но тотчас пыль улеглась, все сели по своим местам, а на стене читального зала как бы проявилась пыльная икона Богородицы, в общем-то, совсем неуместная в советской библиотеке. Икона обрела свежие краски, а на поверхности вновь проступила капля масла.

- Икона мироточит! – воскликнул пораженный Валера Черный, поднимаясь с пола и отряхивая пыль с черной сутаны. – Редчайший случай, раз в сто лет.

Взгляд Богородицы, словно луч лазера, обошел присутствующих и высек ответный луч из глаз Мазалтова.

- Мама пришла... - тихо сказал Мазалтов, с любовью глядя на фотографию тысячелетней давности – Она всегда плачет, когда видит меня.

Впрочем, Качинский мог бы сказать, что это фотография его матери: это она сидела с младенцем и живо глядела вперед, отыскивая в пространстве своего сына. Наконец, она увидела Качинского, глаза мигом стали суровыми, как и в детстве, когда Юрий Николаевич очень плохо вел себя, доставлял маме много неприятных минут. Очень давно, в далеком отрочестве, когда мама изнемогала на работе, а сын бродяжничал, предоставленный сам себе, одна женщина, прихожанка из глубинки, пожаловалась перед иконой Богородицы на плохое поведение отрока, что шлялся по пристани Октябрьской и вел себя очень вызывающе. Богородица наказала глупого отрока, и с тех пор Качинский мучается, пытаясь отработать первородный грех, переданный от Адама через отца сыну.

Солнце взошло, напоследок осветив закатным лучом великолепные картины старинного Красноярска, раскинувшего свои кварталы далеко внизу под ногами читающих умные книги. Лучи солнца преломились в синих водах Енисея, вспыхнули напоследок радугой. И вот уж город погрузился в тень.

Погасла и икона Богородицы, вновь затянувшись патиной и пылью. Ушли сознательные рабочие читающие "Искру" в эпоху развитого социализма, пропала компания Валеры Черного, и Качинский в одиночестве спускался по бесконечной лестнице, ведущей к железнодорожному вокзалу. Впереди гулко цокали по железу тонкие каблучки девушки с тонкой талией. Качинский ускорил шаги, надеясь заглянуть в лицо и узнать Марьям. Но неожиданно для себя оказался на перроне у фирменного поезда "Енисей", отходящего в Москву. У дверей суетилась все та же компания Валеры Черного. Председатель Голубев слезно прощался с женщиной в странных одеждах, сплошь увешанного значками большей частью пионерскими. Качинский тотчас узнал городского сумасшедшего Славу-Мастера, славившегося необычной силой. Когда Мастер возвращался домой с ведрами воды, он нес коромысло на вытянутой руке. Славился Слава и необычными предсказаниями, точно угадывая болезни собеседника. Глядя в глаза ясными очами, Слава ложил руку, одновременно мягкую и очень сильную на лоб соседа и спрашивал: "Что головушка бобо? Все пройдет и похмелья не требо" И действительно, мужики бросали пьянку, за что их жены мысленно молились за здоровье славы по кличке Мастер. И вот ныне Слава-Мастер в брюках с генеральскими лампасами и полувоенном френче с множеством блестящих значков и всяких там орденских планок слезно клонил голову на плечо сопровождающего председателя Голубева, что провожал в далекую дорогу свой лучший подарок Генеральному Секретарю Ломоносову.

Однажды Зоя Спартаковна, как современный человек следила за новыми веяниями эпохи и однажды прочитала слово "экстрасенс". С этой минуты Зоя Спартаковна заболела фактом необычных людей. Конечно, она и раньше читала о колдунах и даже пользовалась услугами цыганок. Но вдруг время выбросило Чуму, что с экранов телевизоров усыплял великий Советский Союз. Прослышав об интересе царицы, вокруг семьи Ломоносовых, как пчелы на взятки, прилетело множество странных людей, среди которых выделялась Лала. Лала живо сняла порчу с Генерального Секретаря и заодно букву Х, уж явно прописанную на блестящей лысине Генсека. Правда, карта Флориды и близлежащих островов только прояснилась на голове Михайла, зато ум его обрел ясность, одностороннюю. Он все чаще стал говорить о конверсии, о перестройке, о согласии с Америкой.

И вот по наводке Голубева, лучшего друга семьи Ломоносовых, в Кремль поездом "Енисей" прибыл дервиш Мирза, он же Слава-Мастер – на шее висели бусы в несколько рядов, а на плечах вместо погон болтались рыболовные колокольчики. Счастливый как ребенок Мирза тотчас снял с шеи Зои Спартаковны янтарное ожерелье и стал использовать как четки. В обмен на ожерелье сэн-сей Мирза повесил на грудь Зои Спартаковны колокольчик. Зарядившись энергией Вселенной, Зоя Спартаковна сама стала гражданином всей Земли и вскоре завела дружбу со всеми космополитами, что стали толпами ходить по Грановитой палате, как по своему двору. Вскоре Зоя Спартаковна и сама отправилась к владыкам остальной части земного шара.

ГЛАВА 15

Под рождество выпало много снега, и ударил сильный мороз. Старый город стал похож на пряничный. Черные дома украсились сахарной ватой, в мороженных окнах играли огнями новогодние елки. Город утонул в сугробах, доходящих до крыш сахарных домиков. Обыватели с трудом пробивались по узким тропам, то и дело заваливаясь в глубокий снег, смачно скрипящий, словно крахмал. На улицах Покровки показались сани, груженые дровами, иной транспорт не мог пробиться по глубокому снегу. В черных и синих зеркалах витрин отражались картины зимнего города, словно писанные акварелью Татьяны Мавриной.

По улице Дарьяльской везли дрова из Большой Мурты. Татары, нахлестывая лошадей, кричали прохожим: "Юл бирелез!" Дядя Салим, муж тетушки Софьи разгружал чурки и мешки с картошкой во дворе домашней мечети, где с десятков стариков татар в пиджаках, сплошь увешанных медалями, в священный месяц Рамадан читали Коран под руководством имама Шакирзянова. Рамадан в переводе с арабского означает раскаленный. И действительно от железной голландки на втором этаже домашней мечети шел жар, сравнимый с аравийской пустыней. Старики в тюбетейках, обливаясь потом, читали суру "Корова". Аллах даровал Мусе Писание, осенил облаками манны небесной и целебных перепелов.

Старики слушали муллу, полу закрыв глаза и плохо вникая в содержание: главное – намаз, после которого наступало значительное облегчение. Тем временем дядя Салим вез дрова в соседнюю с мечетью домашнюю синагогу, где старики евреи в таких же пиджаках, увешанные такими же медалями и в таких же ермолках, круглых как тюбетейки, в пятницу вечером, когда начиналась священная Суббота, читали специальную молитву "Встречи в Шабат". При этом старики евреи клялись воздержаться от любого действия, а именно: зажигать огонь, курить, готовить пищу, включать электричество, выносить из дома мусор и ключи, ездить на транспорте, держать в руках деньги и даже гасить пожар. В свою очередь старики мусульмане тоже клялись от зари до заката не соблюдать супружескую близость, не курить, не пить вино, не вдыхать аромат цветов, не пускать кровь, не принимать лекарство.

На Рамадан старики татары к пяти ежедневным молитвам добавляли таравих, особую молитву в пост, когда Аллаху кланялись бесчисленное количество раз и, наконец, расходились по домам голодные, но возвышенные... А дядя Салим продолжал торить дорогу по заснеженной улице к молельному дому баптистов, где разгрузил оставшиеся дрова со вторых саней. Разгрузившись, дядя Салим развернул лошадей, посадил в сани стариков и татар, и евреев и неторопливо поехал в гости к своему племяннику Юрию Качинскому. Отпустив стариков, дядя Салим заехал во двор, распряг лошадей, и повел племянника в лучший ресторан города "Енисей". Дядя Салим, как был в тулупе и валенках, так и ввалился в ресторан, дав на лапу швейцару. И скоро они вдвоем с Качинским пили коньяк фужерами, запивая пивом. Парторг

леспромхоза дядя Салим денег не считал, поскольку одних партвзносов он платил в иные месяцы до пятидесяти рублей - бешеные деньги по этому времени.

Качинский не помнил, как они вышли из ресторана и расстались с дядей – каждый пошел своей дорогой, и скоро Качинский оказался на улице Закаменской, где он вдруг вспомнил, что давно не был в гостях у Александры Ивановны.. Прошлые годы Качинский то дровишки наколет, то стекло вырежет взамен выбитого мальчишками...

Увиденное превзошло ожидаемое: снег завалил дом по самую крышу и только из трубы вился тонкий дымок – признак жизни. Качинский постучал соседям, те вышли, качая головой – знать, померла Александра без выхода. Соседи дали большой лист фанеры и веревку, и Качинский включился в снегоборьбу. Через несколько часов открылся двор с кирпичной дорожкой и высоким крыльцом. Очищенный от снега дом выглядел, однако иначе, чем помнилось Качинскому, и только номер сто сорок три висел на своем месте. Качинский с сомнением заглянул через приоткрытую дверь на большую кухню. Здесь вместо знакомой голландки стояла русская печь, у которой стряпала что-то вкусное веселая девушка. Девушка стояла спиной к Качинскому и постоянно спорила с Александрой Ивановной.

- Даша, ты, где шлялась столько лет? – кричала бабушка на внучку.

- Была у Таньки, затем зашла к Асе.

- Косы отрастила! Зачем?

- За двадцать лет можно и бороду заплести! – девушка перекинула косу на спину, накидала в глубокую тарелку горячих беляшей, истекающих соком, и крикнула кому-то в дом – Рыжий, кушать подано!

- Да ты кому кричишь-то? - шепотом спросила Александра Ивановна, испуганно оглядываясь – В доме никого нет кроме нас.

- Скоро будут - уверенно сказала девушка с белой косой – А Рыжему, как увидишь, скажи – назревает заговор! Эти бесы привезли четырех колдунов: Кашпиратского, Чумного, Муну и прочих. Все они вешают лапшу советскому народу, пользуясь телевидением! Чудовищная провокация.

- Дашенька у тебя температура. Ты где была столько лет?

- Александра Ивановна не до шуток, позови его, он за дверью.

- Ты хочешь погубить его? Вам нельзя видеться.

- Да отчего же нельзя? Я всего лишь прообраз! А его истинная любовь за семью печатями лежит...

- Зачем же он назвал тебя Дашей?! Настоящее имя – действительно жемчужина!

- А Рыжий всегда был такой противный! Настоящая правда куда красочней выдумки – нет же, стоит на своем.

Качинский, стоя за дверями, пускал слюни от вкуснейшего запаха. Юрий Николаевич пытался поймать взглядом лицо девушки, но она каждый раз оборачивалась к нему спиной. Наконец, бабушка вышла в сени и столкнулась с Качинским, сильно напугавшись.

- Кто это? Ты? Как здесь?

- Снег вам убрал, помните, дом завалило!
- Спасибо! Только не припомню что-то. У нас двор всегда чистый.
- Да у вас двор другой, да и дом то же.
- Продали, купили новый, перевезли... Да ты чай ничего не помнишь.

Сам и помогал вместе с братом! Помнишь, мы жили на одной улице!

Качинский вспомнил: в детстве рядом с домом Качинских жили богатые Семеновы, и была у них смешная девчонка Даша. Она ходила в матроске и кормила зерном куриц возле своих ворот. Завидев Качинского, Даша кричала ему вслед: "Юрка – а!" Этим позывным она явно передразнивала соседку тетю Соню, мать Качинского. Мать часто ходила к Семеновым без всякого дела и болтала с Александрой Ивановной. Бабушка угощала Соню медицинским спиртом и охотно держала разговор. Как-то подвыпившая Соня высказала вслух тайную мечту: "А давайте поженим Юрку и Дашку".

Предложение вызвало такой переполох, что Семеновы быстро переселились на другой край, от греха подальше. Мать Даши сказала напоследок неразумной соседке: "Соня, у тебя расстройство мозгового кровообращения. Тебе грозит инсульт!"

Соня, слушая подругу, плакала, а соседские бабы, сидя на лавочке, пели нашенскую песню:

- На нем защитна гимнастерка
- И яркий орден на груди...

С тех пор прошло ой сколько лет. Качинский забыл детали и лица участников соседской драмы. Но помнил, что хотя дом и другой, а подушки те же самые с богатой вышивкой и необычайной толщины. Однажды Качинский приложил голову вздремнуть у старушки минут пяток, и тут подушки захрустели, словно были набиты червонцами.

Качинский с лопатой в руках обошел дом на Закаменской, протер стекла тряпкой, пропитанной стеклоочистителем и дом засиял окнами, послышалась игра на фортепиано. Стоило отойти в сторону, и дом обретал живописный вид с новогодней елкой изнутри и хлопьями снега, непрерывно летящих наискось... Качинский поочередно заглядывал в окна: там зеленое, там красное и наблюдал кипение молодежи. Через открытую форточку хорошо слышны молодые голоса, звон гитары и пение. Вдруг в окно выглянул повестушник Валера Черный. Рядом с Валерой курил дорогую сигару председатель Голубев.. Позади их стоял Генеральный Секретарь Ломоносов с женой Зоей Спартаковной. Они наблюдали игру Дашеньки на пианино. Даша играла этюд Бетховена "К Элизе". На черном пианино стояли красные розы, выше висела копия картины Шишкина "Утро в сосновом лесу". Но на деле картина была экраном домашнего кинотеатра, и живые медвежата играли на кроне сосны, вывернутой с корнем прошлогодней бурей. Словом, дом был набит гостями как подушки деньгами. Самые ценные гости – поэт Французов и многодетная мать Соня.

Муж и жена Французовы частенько заходили в гости к Качинскому и слезно просили в долг пятерочку, исправно забывая вернуть. Ну и ладно – лучше иметь сто друзей. Соня училась на художника, ей постоянно требова-

лись краски и не простые, а золотые. Качинский вел своих лучших друзей на аффинажный завод "Лакокраска", где в больших печах, глядящих на улицу, плавилось золото. На заводе работал друг Качинского, бывший одноклассник Федор. Федор таскал на спине тяжелые мешки с золотой краской, и вся телогрейка была пропитана золотом. Федора вызвали на проходную, вывели на улицу, налили стакан, и тот разрешил поскрести с себя золотую краску. Наскребли с полкилограмма. Соне этого хватило на год.

Художница из Сони первоклассная. Вся двухкомнатная квартира исписана всякими сюрами да абстракциями. Дело в том, что стены квартиры изначально были со строительным браком – сплошь в мелких дырках. Шпаклевать да закрашивать сил не было. Вот Соня и придумала закрасить хату сюжетами на тему Ветхого Завета. В спальне исход из Египта, в столовой пир царя Соломона, а в ванной комнате потоп и ковчег. Рисовала Соня как бы детской рукой в стиле примитивизма – а, может, она вообще не умела рисовать.

Французовы любили ходить по всяким праздникам, где вкусно кормили, поскольку сама она готовить не могла – у Сони аллергия на жареный лук. Аллергия у нее и на стиральный порошок, и муж днями стирал пеленки хозяйственным мылом, а дети у Сони выходили каждый год и по двухкомнатной квартире бегали мал мала меньше. Все четверо детей также обучались живописи и оставляли на стенах свои петрографы. С Дашей Соня была знакома более двадцати лет, и все двадцать лет ходили слушать к Даше ее игру на фортепиано. Иногда Даша отсутствовала, исчезая на долгие годы, но инструмент играл сам собой, причем очень хорошо. Сегодня Дашенька играла "Лунную сонату". Но вот в дом вбежал Миша и прервал чудесную пьесу.

"Закопайте Папу" – сказал Миша, трясая козлиной бородкой – "Меня преследует КГБ".

Мишу закатали в ковер и поставили в угол. Вошли двое с военной выправкой, отдали честь и унесли ковер. Миша говорил из ковра как из печной трубы: "В среднем Китае доносительство на отца каралось смертью!"

- Отец – отцом, а государство – государством! – отвечал словами Конфуция Генеральный Секретарь Ломоносов, прибывший на день рождения Даши с целым возом цветов – Благородный корит себя, а низкий людей!

Миша дружил с семьей Даши много лет, можно сказать, что они выросли с Дашей, сидя на одном горшке. Причем сия привычка столь укоренилась, что Миша был уже с бородой, а все любил сидеть часами на унитазе в доме Семеновых, как в детстве на горшке. В детстве Миша и Даша часто играли с куклами в дочки-матери, причем Рита была мамой, а Миша папой. Так кличка "Папа" за ним закрепилась на всю жизнь. И каждый раз, когда Миша врывался в дом, Дашенька с распростертыми руками встречала его с криком: "Папа приехал!"

Папа-Миша изрядно поругался с советской властью еще в студенчестве, организуя против Родины, давшей ему бесплатное образование всяческие пакости: то листовки во Дворце Съездов разбрасывал, то забастовки учинял, требуя закрыть университет, ввиду чрезвычайной трудности обучения. На

Западе студенты вообще могут не ходить на лекции, а по прошествии семи лет получают свободный диплом и записываются в безработные. В конце концов, Миша увлекся игрой в диссиденты настолько, что, где бы ни являлся, требовал закопать себя глубже уровня земли, но в серебряной ракии с тем, чтобы его мощи были выставлены рядом со святым Сергием. Мишу закатывали в ковер и носили по всему городу. Скоро этим делом увлеклась вся научная интеллигенция Академгородка. Уж никто не работал, а только и прятали Мишу, иногда забывая его на сутки, другие... Агенты унесли Мишу с тем, чтобы кинуть его в большую реку, но собака Аза отбила ковер и легла на него сверху. Сверху Азы легли куры. Миша лежал внутри ковра, где было довольно тепло, и вспоминал всех, с кем спал Миша за всю жизнь, а спал Миша до пяти лет с соской, до двадцати лет с мамой, до тридцати лет с пьяной соседкой, а в последнее время с форточкой. В последнюю неделю Миша спал с Богом, в котором не был уверен, как не состоявшийся ученый. Бог не дал Мише ни образования, ни жилья. Мама ему оставила наследство, но Миша пропил его и сейчас жил в избушке, вмазав в печку тэны. Нагреватели Миша подключил к Красноярской ГЭС и жил в своей хате, не платя ни копейки ни за жилье, ни за отопление. Зачем рай на небе, когда есть коммунизм на земле, давно обещанный Никитой Хрущевым по принципу "От каждого по способностям, каждому – по потребностям". Потребности у Миши были скромные – он был готов стоять хоть на голове, лишь бы кто-нибудь через задний проход через трубочку поил и кормил его.

Миша превратился в Чеховского человека в футляре, и стоять ему отныне на голове, закатанным в ковер всю оставшуюся жизнь. В Индии это называется кармой, в России – судьбой. От долгих возлежаний в ковре без движения у Миши появились пролежни и мистические способности к поджиганию разных предметов. Где бы Миша ни появился, начинала прыгать мебель, падать люстры и загораться картины. Вот и сегодня ковер, в котором был закатан Миша, вспыхнул сам собой. Собака с воем спряталась в конуру, а Миша вскоре был обязан поджариться, но его спас Качинский, с которым у Миши были плохие отношения. В молодости они делили Маргариту, а затем разошлись по идейным соображениям – Качинский спал головой на Восток, а Миша спал наоборот головой к западной цивилизации. На крики Качинского выбежали гости Дашеньки, закидали снегом пылающий ковер, но тут к несчастью задымил старый дом Александры Ивановны. Стали дружно забрасывать снегом, подросли пожарные и принялись поливать. Но в итоге дом покрылся льдом и стал совершенно ледяным подобно дворцу из снега, что воздвигают на городской площади у новогодней елки. Жить в таком доме стало совершенно невозможно, и гости разошлись. Генеральный Секретарь Ломоносов уехал в Москву, пригласив к себе жить бездомную Дашеньку и ее друга Качинского. Друзья помахали ручкой высокому гостю, и Даша, трясась от холода на трамвае тринадцатого маршрута, поехала в гости к многочисленным бабушкам, что жили по всему городу и не дали бы пропасть с голоду. Бабушки со слезами встречали пропавшую внучку, с трудом узнавали Качин-

ского, с которым не виделись двадцать лет, и умоляли их никуда не уезжать, а жить здесь всегда.

Бабушки целовали Дашеньку, а Качинский мог наблюдать ее при этом в профиль. Странно, Даша стала обретать новые черты. Впрочем, ничего странного – за двадцать лет вечной разлуки! Качинский стал подзабывать черты любимой девушки.

Даша менялась не только ликом, но и статью – талия не в пример прежней стала тонкой, как у муравья. И ходить она стала, втаптывая каблук в асфальт. Однажды в кинотеатре «Октябрь» - бывшей деревянной церквушке имени Святого Николая – Качинский и Дашенька смотрели «Братьев Карамазовых». Вдруг Качинский признал Дашу в лице Грушеньки, и был поражен сходством молодых женщин. По окончанию сеанса Качинский вышел под руку уже не с Дашей – но с Грушенькой, что сошла прямо с экрана и села на колени Качинского. Выяснилось, что у экранной Грушеньки есть муж – авиатор и сын восьми лет. Что бы как-то соблюсти приличия и не смущать поклонников экранная Грушенька взяла псевдоним «Маргарита Душевная», под которым принялась стряпать стихотворные книжки да числом не менее десятка.

С выходом в литературный свет у Маргариты – Грушеньки поклонников стало много больше. Мужчины целовали ручку поэтессы, ничуть не смущаясь присутствия Качинского, годящегося в отцы. Качинский не ревновал, понимая. Что это совершенно бесполезно – Маргарита в любой миг, воспользовавшись подброшенной провокацией, могла оставить его навсегда. Иной раз в лице Маргариты проскальзывало нечто неуловимое от образа дашеньки, первой любви. Это порой тяжело ранило Качинского, но и приказать ей измениться совершенно он не мог – все –таки жизнь есть цепь событий не случайных. Маргарита, как скоро выяснилось, имела два образования: медицинское и театральное, и по подсказке Качинского поступила в театр имени Пушкина на роль инженеру – наивной простодушной девушки. Она и в жизни играла ту же роль.

Маргарита меж тем с каждым днем обретала ценные качества, будучи подвижной как ртуть и поддерживая с поклонниками диалоги, прекрасные как дорогое шитье. И сама стала столь хороша, что сердце обмирало, а глаза наполнялись слезами близкого счастья. Качинский пугался, что оборвется прекрасный сон вместе с необыкновенным чувством. Качинский понял, что может потерять Маргариту, поскольку новая Маргарита непрестанно улыбалась и бессовестно лгала.

- Ты где была вчера вечером? – настаивал Качинский.

- Ах, меня пригласил на день рожденья Иван Сусанин!

И тут послышался громкий звон колокольчиков. Снегопад тотчас прекратился. Над городом встало морозное солнце и показалось множество лошадей с санями, на которых пробивался первый секретарь Крайкома партии Сусанин. Из разноцветных домиков, крытых сахарной ватой, высыпал народ в полушубках и кинулся вслед за санями подобно героям картины Сурикова "Боярыня Морозова".

- Иван! Иван! – кричал покровский народ, вылетая вслед за обозом – Барин! Хозяин!

Сусанин поехал в Сибирь просить у шахтеров Кузбасса поддержки в борьбе с царем Лже Михаилом. Но необычный снегопад перекрыл железную дорогу, и Сусанин пересел на сани. Огромный обоз с бочками медовухи то и дело тормозил на старинных улицах, и будущий царь угощал пьяную толпу, пуская по кругу братину с медом и пивом. Рядом с Сусаниным стоял первый помощник генерал Самолетов и профессор Руслан Стальский.

Качинский хлебнул медовухи и с криком: "Прыгай за мной!" – упал в сани. Следом кинулась Маргарита. Они накрылись обширным тулупом, и санный обоз покатило навстречу судьбе. Полупьяный народ провожал народного борца с привилегиями Сусанина, что подобно боярыне Морозовой, также вскинул руку, но с высоко поднятым кукишем...

- Я отомщу! – кричал Сусанин – За деда, за папу, за весь крещеный русский народ!

ГЛАВА 16

Иван Сусанин был постоянно нетрезв и в этом состоянии любил порулить. При этом Сусанин заезжал не туда, разрушая то, за что брался. Леонид Брежнев тоже любил ездить с ветерком, но ломал в основном чужое: то новенький "Мерседес" разобьет, подаренный Канцлером, то в Афганистан въедет. Сусанин вдрызг разбивал свое родное. Потом, проспавшись, Иван становился тишайшим, слезно просил реабилитации то у жены, то у Верховного Совета. Но, получив индульгенцию, Иван продолжал грешить, каждый раз садясь не в свой поезд. Вот и на этот раз, отправившись в гости к шахтерам, Сусанин перепутал поезда и вместо Кузбасса оказался на БАМе. По пьяному делу Иван сел на агитпоезд "Комсомольская правда". И поскольку любил рулить сам, разогнал к чертям машинистов. Не зная устройства тепловоза, Иван, нажимая рычаги наугад, повел красный поезд из двадцати вагонов. Поезд под зелеными крышами был украшен плакатной росписью, и в каждом вагоне ехали представители от каждой Союзной республики.

Герой БАМа, знаменитый на весь Союз бригадир Берлинский, имел личный вагон с сауной и комнатами отдыха. Впрочем, вагон никогда не пустовал и как дом доброго хозяина был полон гостей. Именно в этом вагоне и потерялась Маргарита, растворившись среди знатных гостей - от Секретарей Политбюро до знаменитых режиссеров и актеров.

Качинский искал Маргариту по всему поезду. Вдруг с верхней полки чертиком соскочил Ваня Казачок:

- Десять рублей. Мне нужно десять рублей. Мы моментами были приятелями...

- Мать твою! – вскинулся Качинский, глядя в окно - Куда ж мы заехали!

А заехал агитпоезд по воле Сусанина аж в Ханты-Мансийский автономный округ, где железной дороги вообще не было, и поезд шел на одном энтузиазме. Наконец, поезд стал среди болота. Сусанин в болотных сапогах сошел с поезда и посоветовался с плакатным Ленином на боку штабного вагона.

"Правильной дорогой идете, товарищи!" - сказал Ленин, указуя рукой вперед. А впереди стояло бескрайнее озеро величиной с Каспийское море. Такие в Сибири масштабы – что ни озеро, то море, как, например, Байкал. Следом за шефом, утопая в болоте, вышли его советники: профессор Руслан Стальский и генерал Александр Самолетов. Машинист Сусанин обещал бороться с привилегиями и поэтому не взял в дорогу ни теплой шубы, ни рыбацких сапог. В итоге советники утонули в черной грязи по пояс. В окно штабного вагона, где вместе с Сусаниным ехали представители правых сил, выглянул академик Ковлев и громко на всю тундру призвал: «За Родину! За Сталина!». Ковлев кинулся на амбразуру и утонул по шею в дерьме. Из вагона подали поднос с фужерами водки и тарелками с черной икрой. Выпив и закусив среди бескрайних болот, советники приняли решение бросить поезд в атаку силой своего убеждения. Поезд послушался и пошел дальше, утопая по колеса в озере, полном деликатесной рыбы. Рыбу ловили на удочки прямо из окон. Ханты тоже ловили рыбу на лодках и безразличным взглядом провожали поезд, идущий по воде. Удивить аборигенов было совершенно невозможно.

- Какое сегодня число? – спрашивал машинист Сусанин, выглядывая в окно тепловоза.

- Вэйн лор тылась! Месяц заливных лугов.

- Август значит, – обрадовался Иван. – До сентябрьского пленума успеем.

И, действительно, поезд вышел из воды и пошел по бездонной грязи. С боку поезда мчались олени упряжки, и лица оленеводов буквально вспыхивали от счастья при виде будущего царя Ивана.

Вдруг повалил густой снег, заехали за Полярный круг. Навстречу вышел Иськи Ики, местный Дед Мороз и не пустил дальше, а то бы через Северный полюс въехали в Америку, где жил Джордж Буш, президент Рейган, единственный друг царя Лже – Михайло. Иван и Михайло тоже были партийными товарищами, но Михайло предал друга и купил Кремль за банку морской капусты.

Кто-то из пассажиров бросил окурок в болото и оно, насквозь пропитанное нефтью, вдруг вспыхнуло – вареная рыба так и выпрыгивала из огня. Агитпоезд в кольце огня с трудом спасся и весь покрытый копотью прибыл в Нерюнгри.

- Конечная станция объявил проводник. Объявляю субботник по заготовлению угля.

Поезд вплотную подошел к огромной угольной горе, что отливала жирным блеском – огромная стена до неба состояла из угля высшей марки КЖ.

- Скоко добра – придерживая шапку, оглядел гору Сусанин – Продадим японцам и будем хлеб с маслом кушать – хлеба в Японии много. Мы им уголь, понимаешь, они нам иваси на закусь.

Все пассажиры набрали полные шапки угля, от которого тепла было как от атомной бомбы. Гигантские шагающие экскаваторы, величиной с Кремль грызли гору и сгружали уголь в самосвалы, величиной с трехэтажный дом.

- Слава богу, когда станем пятидесятым штатом Америки, – сказал, перекрестясь, академик Ковлев. – У наших друзей не будет проблем с углем. Что останется, сами съедим.

Агитпоезд был полон модно одетых людей с гитарами. По всему поезду дефилировали девушки в батниках и фигаро – жакетиках с эполетами. Перестук модных шпилек был созвучен ритму колес. Качинский, увлеченный стройными ножками, тоже бродил по агитпоезду и слушал разговоры. Все говорили о скорой стыковке бригад Александра Бондаря и Ивана Берлинского. Правда, великая путаница выходила: одни говорили, что стыковка давно уже состоялась, и сейчас будут вбивать серебряный костыль, другие настаивали, что БАМ никогда не будет работать. Дескать, сваи не дошли до скального основания. Сама дорога легла на огромные ледовые линзы и со временем будет сползать с насыпи. Громче всех спорил вечный диссидент Громов, непонятно как оказавшийся без путевки на элитном поезде, куда каждого пассажира пропускали по специальному пропуску. Должно быть, тоже заскочил на ходу. Говорил Громов с убежденностью ядовитой змеи. Глаза парализовывали жертву, изо рта брызгал яд. Через пять минут слушатели в ужасе разбегались.

- А, это ты! – Юрий Петрович схватил Юрия Николаевича за борт костюма – Слушай сюда, что я скажу.

Качинский бежал сломя голову. Тем временем Юрий Петрович схватил за лацкан корреспондента "Литературной газеты".

- Значит, говоришь, нет пророков в своем отечестве?!

В это время в другом вагоне, где под видом киргизов ехали путешественники на халяву Алмазов со своей женой переводчицей и Французов со своей женой Соней, шел шумный диспут на тему все тех же пророков.

- Так было всегда, – шумел историк Алмазов. – Пророков, числом шестьсот единиц засылали на Землю в перестроечные времена. Увы, нашему стрелочнику крупно не повезло – его сдала баба Ванга! Сказала, что слава к нему придет после смерти, но забыла сказать, что и при жизни человек должен получать по заслугам.

- В тюрьму, что ли? – уточнила Соня.

- Даже вор в законе получает долю уважения от своих сокамерников, – шумел Алмазов. – Попробуйте обидеть вора в законе – вся тюрьма поднимется! А вот Мы, сокамерники по литературе поливаем дерьмом будущего классика.

- Да он уже и сейчас классик, – убежденно сказал критик Пирогов, пришедший в гости на чай с коньяком, где коньяка было больше, чем чая.

- Сегодня классик, завтра спился, – сказал Французов.

- Не сопьется! За ним стоят силы, – Константин указал пальцем в потолок, они не дадут!

- Котик, я дам! – Соня томно потянулась, обвив гибкими руками философа.

Тут вошел в купе Качинский, и вся компания притихла, словно говорили о чем-то порочном.

Качинский давно заметил, как являлся он в компанию, так тотчас наступала мертвая тишина, либо напротив возникали нездоровые разговоры. Завхоз Чесноков каждый раз восклицал: "Не может быть!" Старший редактор делал лицо, словно видел живого покойника, а следом заводил разговор о ворах в законе. Когда-то Чесноков служил надзирателем, а затем его за хорошую работу повысили в завхозы старейшего журнала Сибири.

- Все воры, – поэты – настаивал Чесноков. – Как в камеру вводят, так начинают петь!

Качинский постоянно чувствовал неудобство в связи с повышенным вниманием к своей личности. Но на данный момент он ошибался. Вся компания смотрела мимо него. Качинский оглянулся, за спиной стоял человек с массивной челюстью – где-то они встречались!

- Мастер, мастер! – прошел шепоток по купе.

Качинский тотчас вспомнил: и верно, это был Слава-Мастер, что несколько раз приходил в литературное объединение Академгородка. Каждый раз все присутствующие отзывались о нем с большим уважением, и даже командиры "Неолита" Сергей и Юрий Громов, что не признавали никого кроме себя, бежали навстречу и долго-долго жали руку необычному Мастеру.

Мастер вышел из-за спины, сел между женщинами и стал негромко говорить на разные несвязанные между собой темы, но с глубоким подтекстом, что являлось как бы общей грибницей для множества грибов, растущих на лесной поляне. При этом Мастер украшал свой рассказ пронзительными знаниями о личной жизни именитых людей. Про машиниста поезда Сусанина Слава-Мастер сообщил, что Иван упал с моста, с которого его столкнули два человека, возникшие буквально из воздуха и только отличная реакция бывшего капитана команды спасла будущего царя, и он приземлился на пятую точку в жидкую грязь. Когда подоспевшие милиционеры спросили документы, то пострадавший назвал себя Сусаниным. Под этим именем будущий царь и вошел в Историю.

- Ах, твою мать! – воскликнул Мастер – Этот алкаш забрался в радиорубку и включил микрофон!

Мастер, подрабатывающий в поезде радистом, кинулся на рабочее место. По радио послышался трехэтажный мат, и вот уже русская народная песня сменилась "Монастырской дорогой" Битлов.

- Поет, и где петь научился?

- Что за доблесть сочинение стихов! – улыбнулся Качинский – Два притопа, два прихлопа, да рифма «любовь – кровь». Я тоже переболел детской болезнью, а к двадцати годам вылечился!

- Юрий Николаевич, вам бы какое-нибудь начальное образование! – сказала Майя – Вы лучший в мире прозаик, но я люблю проКошек!

- Учиться, учиться, учиться, как завещал великий Ленин – подвел итог критик Пирогов – Тогда и вы станете Господом Мастером!

Всю беседу радио агитпоезда играло избранное Джорджа Харисона "Мой сладостный Господь, я хочу быть с тобой".

Вдруг звук пропал, Мастер прокашлялся в микрофон и строго сказал по радио:

- Я, конечно, рад Вашей оценке. Верно, я имею на руках свой талант. Все звезды ко мне расположены, поскольку я родился в один день с Джинной Лолобриджидой и с Рудольфом Абелем – следствен, я взял от каждого лучшие качества, и я, действительно, мог бы стать лучшим поэтом России, но! В цветном телевизоре четыре тысячи деталей, линейный телемастер работает в среднем с десятью моделями пяти поколений. В итоге, сорок тысяч неисправностей, описание коих заняло бы всю Британскую энциклопедию. Эту энциклопедию я вынужден носить в памяти из дома в дом, где один Чук пьян, а другой Гек совершенный садист, поскольку вырос в Хрущевскую оттепель. Эта энциклопедия так и сыплется из головы при каждом столкновении с кирпичом или падением в небольшую яму. Ну, уж при столкновении с хамом выпадает каждый второй том, причем, разбивается вдребезг, как стекло. Каждая третья хозяйка норовит раздеться, чтобы сэкономить на ремонте, каждый пятый хозяин норовит напоить мастера в усмерть, чтобы утром похмелить его матом по телефону, ввиду безвременно почившего телевизора. Приложишь телефон к левому уху, так из правого дым валит – нервы горят, извилины раскаляются. После чего Мастер ложится в больницу, как предписывает врач, но это теоретически. А на деле Мастер пьет все, что горит. Словом, я не знаю ни одного телемастера старше сорока лет. А поскольку я приближаюсь к этой границе, мне уж не успеть полюбить туды ее мать, вашу гребаную поэзию. Уж она то мне точно сократит жизнь вдвое!

Радио смолкло, а компания в растерянности переглядывалась между собой.

- Он нас подслушивает, – развел руками Качинский.

- Была нужда, да вся вышла, – буркнул по радио Мастер.

- Вы нам не интересны! – послышался по радио голос Маргариты – Я люблю Мастера!

Радио смолкло, а в купе вошел Сусанин и просил укрепляющего. Сусанин ходил из купе в купе, и всюду ему наливали на самое донышко чуть-чуть: любой яд в малом количестве – лекарство.

- А кто сейчас в кабине тепловоза? – полюбопытствовал Качинский, всегда сочувствующий Сусанину.

- В этой пустыне, зачем машинист? Да и ночь такая темная, понимаешь.

Поезд мчался среди голых лиственниц в совершенной темноте – за всю дорогу не блеснуло ни единого огонька. А между тем на поверхности лежали такие богатства, что гребли мешками и уноси домой! На тысячу верст один якут, да и тот спит.

Правые силы во главе с Березином вглядывались через стекла в египетскую ночь, где луч прожектора высекал искры из залежей серебра, золотил горы цветных металлов и зажигал маяки из горного хрусталя. Скорей бы царь Иван вошел в Кремль, и правые вошли бы во всемирный банк на Уолл-Стрите со своей долей, скажем, прямо не малой.

Всю эту игру редкого ныне богатства наблюдал и Качинский из кабины тепловоза, куда его пригласил Иван - очень уж будущему русскому царю нравилась военная выправка Качинского и его четкая реакция на похвалу будущего царя: "Слушаюсь, товарищ Президент".

- Ты в этом уверен? – спрашивал Сусанин.

- Так точно! – отвечал под козырек Качинский. – Только жесткое президентское правление!

- Впереди стрелки, налево Комсомольск, направо Тында. Куда свернем? – спрашивал Березин у будущего Президента.

- Направо тюрьма, налево Колыма, дуй прямо. Если останемся живы – станешь олигархом...

Вагонов в агитпоезде было по числу республик, в каждом вагоне свой язык и своя горилка, припасенная из дома в необъятном количестве: в Советском Союзе сухой закон, и купить водку, тем более на БАМе было невозможно.

Украинские запорожцы, голые по пояс, писали письмо по поводу землячки Грушеньки, уехавшей на заработки куда-то в Сибирь.

«Груша з душки не сходит – писал бригадир Бондарь – Хотел Заходити в стосунки, та ни, ничего! Хлухо нич! Будинок на два поверхи, а Катька жити в злиднях! Наболело справа!"

Другой знаменитый бригадир Александр Берлинский в своем личном вагоне писал письмо Александру Лукашенко, будущему Президенту Белоруссии: "Паважаны Аляксандр Иваныч! Поздравляю дзень народжінца!..."

Здесь же на диване сидели повестушник Валера Черный, поэт Ваня Казачок и критик Пирогов, успевавший побывать везде. Черный и Казачок, пробуя отличную самогонку, пытались сочинить лозунги в стихах перед предстоящей стыковкой левого и правого крыла БАМа. Получалось вот что:

"Самогон, что аэростат.

Отрежешь голову две вырастат!"

В этот момент скрипнула дверь купе, и в образовавшуюся щель стал просачиваться как осьминог Борис Березинский.

- Куда морда?! – рявкнул повестушник Черный

Березин от испуга выронил портфель и повестушник, ловко подхватив его, спрятал под полку.

Березин с безумными глазами выскочил из купе и заметался по вагону, открывая подряд все двери, в надежде спрятаться от погромщиков. За одной дверью библиотекарь Марьям готовила вкуснейшее блюдо перед встречей лучших бригадиров, за другой дверью в личной сауне Берлинского парилась Маргарита. Березин вихрем пронесся по составу и спрятался в штабном вагоне царя Ивана. Здесь его достала длинная рука профессора Руслана Сталь-

ского, что мигом, ощупав доктора физико-математических наук, достал из потайного кармана толстый кошелек.

- Глянь, Иван! Наш спекулянт деньгами набит как гавном.

- Деньги на бочку, – строго сказал Сусанин. – Надо делиться краденым.

Борис Березин, трясясь от страха, выкидывал из всех карманов пачки десяток. На эти большие деньги в столице БАМа Тынде на армейских складах купили кубинский ром, целый пароход которого подарил Фидель Кастро. Ром на БАМе пользовали вместо спирта, прижигая многочисленные ссадины стройбатовцам из железнодорожных войск. Вооружившись ящиком кубинского рома, Сусанин в сопровождении советников пошел по вагонам агитировать за себя.

Татары из Казани кланялись в пояс будущему царю, который обещал им полный суверенитет, и читали президенту всея Руси Габдулу Тукая, знаменитого национального поэта:

"Шуряле тыккан кукай –
Селкенмидер, кузгалмыйдыр:
Шуряленен кукай калды
Кысылды шап итеп"

Первый Секретарь Казанского Обкома Партии Минтимер Шаймиев сделал перевод, и вся команда Сусанина с хохотом упала на пол большого купе, украшенного коврами с национальным орнаментом. Пили кумыс крепостью молодого вина, а также крепкую медовуху, отчего в животах случилась большая перестройка, и все выстроились в очередь у туалета.

Хочешь, не хочешь, но пришлось уступать очередь в галльон студенткам в мини юбках, назвавшихся Марьям и Маргаритой. Завязалась беседа сразу на двух языках. Татары жаловались на ассимиляцию и скорую гибель родного языка. Татары женятся на русских, русские на татарках. А в итоге рождаются советские люди без памяти, без языка, без традиций, без веры... По агитпоезду ходит некий советский пророк. А какой пророк без корней! Перекати поле, куда он поведет людей? В пустыню?

- Нет, он чеченец – настаивал профессор Руслан Стальский

- А, это капитан из нашего полка! – вспомнил генерал. – Он служит в спец подразделении, его пост у самого пульта Аналитического центра. И никакой он не пророк, а простой разгильдяй с расстегнутой ширинкой.

- У гения всегда ширинка расстегнута, понимаешь – вступился Борис Петрович.

- Я бы наглухо зашила – сказала библиотечкарь Марьям, приходящая на отдых в татарский вагон – И карманы заодно, чтобы руки не совал! Если военный – должен ходить на вытяжку.

- Он такой одинокий, – сказала Маргарита. – Я бы составила хорошую пару одинокому таланту. А вот ширинку напротив не стала бы зашивать. Пусть ходит как сердцу удобно.

- Что ж это, понимаешь, - Сусанин залпом выпил стакан молочной водки, мотнул головой и занюхал кулаком. – Понимаешь, твою мать, сердце поэта в ширинке лежит!?

Красный агитпоезд прибыл на Тынду, где его тотчас оседлал ковбой Дин Рид. Запрыгнув на зеленую крышу штабного вагона как на мустанга, американский плейбой принялся гонять по кругу взбешенный рок-н-ролл. Гитара в руках певца искрилась под напряжением десяти киловольт. Большую мощность вырабатывали пальцы Дин Рида. Звуки музыки, доведенной до кипения, согрели природу – вот уж и багульник расцвел, и лиственницы вновь покрылись изумрудной хвоей. А тут еще и молдавский "Флуераш" принялся носиться по кругу под заводной ритм. Словом было столько электричества, что сами собой завелись дизели немецких самосвалов и с пассажирами в кузовах поехали в гору, где загрузились драгоценными металлами. В итоге каждому бамовцу досталось по килограмму самородков, чем строители компенсировали тяжелый труд в течение многих лет. А уж драгоценных камней никто не считал – вперемежку с гравием они лежали под полотном, и только совсем ленивый не хотел поднять кусок изумруда или горного хрусталя. Бамовцы поскидали полушубки и принялись столь смачно прыгать, что даже дальние станции отметили землетрус до шести баллов в районе Тынды.

Дин Рид в ковбойской шляпе ловко спрыгнул с крыши вагона и побежал в горы за своим гонораром. Бегать ему не привыкать – в молодости ковбой бегал по горам день и ночь. Вместо американца с помощью автокрана на крышу встал профессор Руслан Стальский, сын репрессированных чеченцев. 23 февраля 1944 года его родителей полуживыми привезли в Казахстан и сбросили в яму без крыши, а 23 февраля 1984 года Руслан защитил докторскую диссертацию в Москве. До революции простого горца взяли бы только в солдаты – так под гром аплодисментов сказал в страстной речи обрусевший чеченец.

Профессор курил большую трубку и с этой трубкой был очень схож с великим Сталиным. Сталин поднял до Гималаев Урал и Кузбасс, а профессор Стальский обещал поставить до небес великий БАМ. Но, если у Иосифа Виссарионовича все было ясно с именем отчеством, то Руслан Имранович был непонятен Валере Черному.

- Имран – отец Марьям, девы Марии, Богородицы, – пояснил профессор. – А вот она и сама.

И верно, на грузовой платформе, держась за троса, поднималась на небо библиотекарь Марьям. Марьям сказала, что очень любит всех, и буря аплодисментов едва не скинула Марьям с крыши, куда тотчас на помощь взлетела подружка Бируте Петринкате. Ее "Желтоглазая ночь" подняла атмосферу праздника еще на несколько градусов, и даже звезды, примороженные к черному бархату неба, стали скатываться и взрываться у ног шутихами. Бригадир Берлинский взял обеих подруг в мощные руки и под гром аплодисментов унес их в свой вагон, где была комната отдыха и сауна, единственная на всем БАМе. В царском вагоне высокое начальство в обнимку со знаменитыми монтажниками поглощало шашлык из оленины и заедало чачу голубицей и черникой, а также царской рыбой – царской форелью. Герой БАМа Берлинский сделал девушкам королевский подарок шапки из пыжика и олени

унты, обшитые бисером. Высокие гости в ранге министров пили на брудершафт с девушками и слушали рассказ Берлинского о десанте "СПМ- 573" из тяжелых тракторов и вагончиков на полозьях, что в безглазой тьме по бездорожью плыли в сплошном урагане – яркий свет из окон теплушек лежал на белом снегу, стоящем стеной. Рассказ о тяжком пути в неизвестность Берлинский закончил своими стихами:

"В согласии с внутренней мечтой,
Венчаюсь с вечной мерзлотой".

При этом бригадир медвежьей лапой обнимал тонкий как ствол березки стан библиотекаря и заглядывал в глаза Марьям, что дрожала от жара...

Качинский и критик Пирогов бродили по улицам среди неуклюжих домиков, сходных с охотничьими.

- Ай, яй, – качал головой Махмуд Эсамбаев, трижды целуясь с Пироговым. – Мала земля!

Пирогов с Махмудом сошлись еще в Москве, когда ходили на свидание с дочками известного генерала. Оба потерпели неудачу, зато стали кунаками на всю жизнь. Махмуд держал под руку профессора Руслана, что едва стоял на ногах, Стальский впервые в жизни выпил чачу, поддавшись обаянию известного танцора.

Чачу пили всю ночь, и всю ночь Эсамбаев танцевал "Танец Белого волка".

- Что такой "автономный"? – возмущался Эсамбаев – Есть Башкирский ССР, есть Ненецкий ССР и только у нас Чечено-Ингушская автономная республика!

Чачу пили полными стаканами, другой посуды чеченцы не держали. Закусывали брусникой из эмалированного ведра и рябчиками с ананасами.

Все ели большими кусками, и только Эсамбаев не закусывал даже ягодой.

- Режим. Нельзя увеличить талию даже на миллиметр, такого требует мой испанский костюм. Пояс внутри испанских штанов шит из конского волоса и потому не садится, не растягивается, Даже ночью, когда сплю, во сне себя щупаю. Боюсь поправиться.

Красный эшелон двигался медленно, ощупывая колесами дорогу, но все равно стаканы дрожали, и чача разливалась. Иной раз вагон начинал вибрировать, как стиральная машина с неисправной центрифугой.

В 1958 году французская пресса писала: "Спасибо советскому танцору за сохранение древней французской гравюрности, которую, к сожалению, Франция потеряла". Однажды рядом с поездом приземлился огромный вертолет, подняв тучи снега, и скоро в вагон вошел генерал с высокой фуражкой и такой же тонкой талией как у Махмуда.

- Джохар, Джохар, Джохар! – танцевали чеченцы, встав вокруг генерала.

Это был самый знаменитый чеченец генерал Дудаев, командующий стратегической авиацией СССР. Дудаев на личном самолете прилетел принимать новое оружие, но, прослышав о земляках, пересел на вертолет.

- Молодец, Махмуд, – сказал Дудаев, долго и основательно расцеловавшись с каждым. – Ты папаху и ночью не снимаешь.

- Это не головной убор, – учил Эсамбаев обрусевшего генерала. – Это часть национального костюма, в котором чеченцы рождаются и умирают. К сожалению, русские потеряли свою национальность, как французы потеряли гравюрность.

- Национальность потеряли! – воскликнул Валера Черный, проникший в чеченский вагон на запах чачи – Как девушка свою невинность!

- Скажите, кто вас кормит? – спросил Валеру Махмуд.

- А я что инвалид, ложку не могу держать!

- Я имел профессию коренную. Есть такие профессионалы, которые хорошо кормятся за счет своей национальности. При этом, заявляя, что они космополиты.

- Понял, я член Союза Писарчуков, – нагло врал Валера Черный. – Когда я иду в туалет, я выписываю себе командировку, когда иду к любовнице я выписываю большой букет чайных роз и коньяк "Ереван".

- Неплохо – кивнул головой Махмуд – Вы, можно сказать, в своем тейпе, и чувствуется сильная дружеская поддержка. Правда, в роли земляка выступает государство с обширными карманами. В свое время к этой благотворительности государство принудили великие вожди Сталин и Горький. Мне до сих пор непонятно, зачем они это сделали – затем, чтобы разрушить государство? Даже мальчику из горного аула видно, что все члены вовсе не члены. А, если и члены, то не танцоры...

- Кто тебя рекомендовал? – воскликнул в гневе Качинский.

- Иван, светлейший князь – повестушник указал на Сусанина, что с веселым матом входил в чеченский вагон, как к себе домой.

Вслед за будущим царем вошли его советники и охрана, что было совершенно не вовремя, поскольку в каждом купе чеченского вагона разбирали и вновь собирали пистолеты, купленные в железнодорожных войсках! Нет, не за джинсами и не за шубами ехали чеченцы на БАМ! Все знали, что Ломоносов и Сусанин схватились между собой не на жизнь, а на смерть. И кто бы ни победил – будет большая война, а к ней надо готовиться заранее.

Утром горные вершины стали сверкать как электросварка, даже глазам больно.

- Что это? – поразился генерал Дудаев.

- Самоцветы – пояснила проводница Валентина Петровна – Я вот целый мешок на коротких остановках набрала.

Генерал тотчас сорвал стоп-кран и выгнал всех чеченцев собирать невиданное богатство. Скоро чеченцы по колено в ледяной воде на галечных перекатах спешно рассовывали золотые самородки – вай, сколько оружия можно купить за эти камешки!

- Ни отец, ни мать русского языка не знали – говорил Эсамбаев, стоя в воде рядом с Качинским – Я учился плохо, был отчислен из шестого класса и вместо аттестата имел школьную справку. Сейчас я академик двух академий!

Но до сих пор у меня нет даже простого кинжала – милиция у меня отбирает все острое, что дарят поклонники.

Чеченцы с мешками золота и драгоценных камней полезли обратно в вагон, где вдрызг пьяный Иван обещал дать всем столько суверенитета, сколько унесут.

- Что-то щедр без меры, Сусанин, – сощурился генерал Дудаев.

Первый секретарь Крайкома часто выезжал с проверкой продовольственных магазинов, допрашивая очумевших от страха директоров: "Сколько в продаже сортов мяса, сколько молочной продукции?" А что спрашивать – все мясо на БАМе!

Однажды Сусанин магазин закрыл, директора и продавцов - чеченцев выгнал из Красноярска, и чеченцы это восприняли как новый поход русских на Кавказ. В Грозном начались ежедневные демонстрации, а вскоре началась стрельба по ночам. Вспомнив о том, генерал Дудаев, разгоряченный чачей, приказал Сусанину покинуть вагон. Сусанин приказал охране вывести Дудаева из поезда и отправить его туда, откуда он прилетел по командировке. Возникла нешуточная драка, и чеченцы значительно большие числом, вытолкали из вагона самого Сусанина. Качинский сорвал стоп-кран и выпрыгнул вслед за Сусаниным, беспокоясь за его жизнь. Но Сусанин так удачно приземлился в глубокий снег, да и скорость поезда была небольшой. Из рубки радиста высунулся Мастер и, увидев Качинского, плывущего по пояс в снегу, тоже соскочил с поезда.

- Брось, алкаша, – говорил Мастер, подхватывая будущего царя Сусанина справа.

- Алкаш, да наш. Жалко человека, – отвечал Качинский.

- Твоя жалость убьет страну.

Сусанин влез в штабной вагон и послал в Красноярск шифровку.

И вот ночью низко над поездом пролетел реактивный Змей Горыныч. Змей выпустил огонь из пылающей пасти, тряхнул крыльями, и тысячи перьев вошли в землю, чтобы взорваться на глубине двух метров. Земля на площади в сотню гектаров вздыбилась и обратилась в зыбучие пески. Вершины ближайших гор обратились в ровное болото, и, таким образом, огромная пустыня легла по обе стороны дороги. Наконец, Змей вцепился когтями в штабной вагон и унес его на ближайшую станцию.

- Наше новейшее оружие, – с восторгом сказал генерал Дудаев. – Я как раз прилетел за одним таким чертом. У него вместо крови антифриз, а кости из чистого серебра.

Качинский, вслед за Пироговым вернувшись в чеченский вагон, сказал, что этих летающих гадов делают на красноярском ЖБИ-5.

- Этот от фирмы Сухого, – опроверг генерал. – К сожалению, единственный экземпляр! Остальные супербомбардировщики Ломоносов велел переплавить на пегасов - крылатых коней, не умеющих ни летать высоко, ни пахать глубоко. Да вот они.

В небе показался табун летающих лошадей. Поскольку даже пегасы не могли ходить по зыбучим пескам, они, как вертолеты, повисли в воздухе, не-

прерывно вращая крыльями. Дверь купе открылась на сантиметр, и в узкую щель просочился доктор физико-математических наук Березинский.

- Смотрите, кто пришел! – кричал Валера Черный, в котором помимо немецкой, калмыцкой крови текла и еврейская кровь – Я малую горсточку набрал, а этот гад четыре мешка отборных алмазов! Как можно соревноваться с этими жидами!

- Не шуми, – ожег взглядом генерал – Для чеченца гость дороже отца!

Влезли на крышу вагона и там прицепили к лошадиным ногам мешки с драгоценными камнями. Березин сел на первую лошадь, и крылатый караван полетел к Тирасполю, куда по приказу Горбатого вывозили оружие из стран Варшавского договора. Советские войска, с подсказки Шеварднадзе, в панике бежали из Восточной Европы, бросая танки, самолеты и аэродромы. Американцы с несказанным удивлением наблюдали за бегством вечного противника.

Березин намеревался купить за бесценок советское оружие и переправить его на Кавказ: война – мать родна будущему олигарху.

Агитпоезд со скоростью пешехода двигался в гору к перевалу Даван. Во всех вагонах брнчали под Высоцкого сотни бардов. Различить свой голос практически было невозможно.

"Никого не пощадила эта осень.

Даже солнце не в ту сторону упало.

Вот из БАМа разъезжаются все гости

После бала, после бала, после бала"

Поезд гремел по железнодорожным мостам, перекинутым через множество речек, стекающих с горы – получился сплошной железнодорожный настил на десяток километров.

- Господи, сколько труда, сколько сил мы отдали БАМу, – плакал монтажник с гитарой Николай, упершись крутым лбом в вагонное стекло. Вот на этом перевале наша бригада укладывала рельсы в ручную. Мы объявили Корчагинскую вахту. Спали, не раздеваясь в палатках с гитарами в обнимку. Ели мороженое мясо и каменный хлеб. Русский народ всегда нес на себе всю тяжесть истории.

Но напрасно плакал Николай, что закончились испытания, посланные Богом. Ледяная линза, лежащая в основании насыпи, поплыла под гору и разрушила дорогу. Все триста человек вновь встали на Корчагинскую вахту. Правили ломами шпалы из лиственницы. С ходу забивали тяжелыми кувалдами железные штыри. Работали в новых костюмах и чешских туфлях, от которых через час остались одни лоскутья да рваная кожа. Ну, да у каждого баковца в кармане горсть алмазов – хватит купить не только новый костюм, но и домик с садом на побережье Крыма. У Качинского с рук трижды сошла кожа, прежде чем руки обрели каменную твердость. Впереди рядом с Берлинским мелькали фигурки Маргариты и Марьям. За два часа работы долбежки Марьям искалечила руки на всю жизнь. Мало того, она сильно простудилась. В довершение всего бригадир Берлинский сильно испортил ей жизнь, и Марьям вернулась с БАМа совсем без памяти. Впрочем, Корчагин-

ская вахта помогла только до весны: вечная мерзлота растаяла сверху, фундаменты просели, столбы накренились...

- На кой ляд нам этот БАМ?! Не лучше ли русским плюнуть на севера и пробиться на юга к Индийскому океану! – агитировал бамовцев Сын Юрьевич с тремя высшими образованиями.

- Есть такая нация - альпинисты - кричал Сын Юрьевич, – Чем круче гора, тем больше альпинистов, а на вершине альпинистов так много, что они начинают сбрасывать друг друга. И кто остался, кто? Ты, глухой, слышал, ты, слепой, видел? Нет, не Гитлер! Остался я, вождь русского народа! Альпинисты всех стран соединяйтесь

И тут поезд резко встал, словно наткнулся на какое-то препятствие. Агитпоезд как сирота, намыкавшись без родителя, перешел на автоматику – фары стали глазами, а сирена – голосом. Тепловоз за километр заметил что-то лежащее на рельсах, а когда приблизился, перед поездом возник человек с ружьем. Агитпоезд с испугу оглушил окрестности предсмертным ревом. Все триста пассажиров высыпали вперед, дивясь вооруженному человеку.

- Я охотник Захар Григорьев. В мою охотничью избушку пришел заблудившийся царь Иван Сусанин.

На вид охотнику с черным лицом было все сорок, но оказалось всего двадцать два года. Все поразились опыту молодого человека в одиночестве промысляющего на дикого зверя на делянке двести на триста километров. В Европе это территория большого государства, а здесь один человек ходит по тайге как городской человек по своей улице. Из-за спины охотника вышел Сусанин и погрозил кулаком:

- Мать вашу, понимаешь!

Скоро в штабном вагоне пили мировую. Чеченцы с чайниками чачи в руках стали в очередь пожать руку будущему царю СССР. Сусанин пил чачу прямо из чайника и бил кулаком по столешнице:

- Не дам разорить Россию! Хватить кормить нахлебников, самим мало! Человек ходит по тайге, – Сусанин указал на охотника. - Равной территории Франции, а всего за зиму берет сто соболей! Я с ним ходил целые сутки ходилс рогатиной на медведя, а мои дочери требуют манто из черного соболя за сто тысяч долларов. А моя зарплата, понимаешь, триста рублей.

- Соболей выбили всех! – подтвердил охотник Захар. – Как начали строить БАМ, всю живность уничтожили, но я занимаюсь рассадниками. Думаю, лет через пять дела поправятся.

Генерал Дудаев все приглядывался к охотнику Захару, что-то вспоминая.

- Может, у нас в Чечне соболей развести?

- У вас теплая зима, соболю нужен сорокаградусный мороз! Да зачем вам соболю? Выращивайте оленей, садите виноградники.

- Вот Израиль стал цветущим садом, – утвердительно сказал повестушник Черный. – А был дикой пустыней.

- И у нас будет сад, – убедительно сказал генерал Дудаев, – Вот от русских отобьемся и заживем как в раю.

- Че ты русские мешают, понимаешь! – кричал будущий царь. – Все бесплатно, все даром!

Тут и охотник Захар вступил в разговор, сильно нахмуря брови:

- Чехи Байкал опустошили, японцы браконьерничают в наших морях. Нет, русским надо брать власть в своей стране!

- Правильно! – воскликнул грузин, затесавшийся в ряды чеченцев – Высь виноградник порубыли, понимаешь!

- Ты чего дразнишься? – накинулся на грузина царь Иван. – Сам ты понимаешь, ничего не понимаешь. Это не мы порубили, а советская власть в лице Ломоносова.

- С русскими жить непредсказуемо, – сказал генерал Дудаев. – У вас хороший царь сменяет плохого, а плохого еще хуже. То репрессируют нас, то реабилитируют, словно мы стадо баранов, идущих под нож. А мы волки, и вы в этом скоро убедитесь.

- Ты погоди. Вот приду в Кремль, все у тебя будя, – увещевал Сусанин разгоряченного генерала. – Дам тебе маршала, будешь командовать всеми войсками.

Охотник Захар указал на тайгу за окном.

- Нам не хватает рабочих рук – берите, рубите, стройте! Селитесь, обрабатывайте – красота неопишуемая!

- Опять депортация!!! – кричал взбешенный Дудаев.

Наступило грозное молчание. Чеченцы, ощерив зубы, засунули руки за пазухи, где у них должно быть пряталось какое-то оружие. Спустя время генерал Дудаев, успокоившись, усадил чеченцев и продолжил, задумчиво глядя в окно

- Что-то в этом есть... Сталин раскидал чеченцев по всему Союзу и все они отлично прижились. И равнинные люди готовы поселиться даже в этих гиблых местах. Но вот горные, совсем дикие! Горцы как дети – только бы в войну играть, но с оружием настоящим. Для чеченца автомат и гранаты вроде как украшение для женщины, а у многих и минометы вместо трубы торчат над крышей сакли.

Качинский протестовал:

- Джохар, зачем советскому генералу влезать в бандитские разборки? Тебя в Кремль ведут, а ты на бедную саклю оборачиваешься. Хочешь помочь землякам, войди во власть!

- Смотрите, люди за окном, – по-детски обрадовался Ваня Казачок – Пойду, схожу я за вином...

Все молчали, не зная, что сказать.

- Нормалек, – сказал охотник Захар – Здесь зона патологии, разлома в земной коре. Да и Байкал рядом, вот и всплывают мертвецы. Мы тут с местным шаманом беседовали с Брежневым за трубкой мира – только вместо табака курили высушенный мухомор. А вот он и сам, легок на помине.

За окном возник в воздухе мужик в индейской одежде. Тотчас со стороны локомотива пришел удар, и все полетело к чертям. Тепловоз, которым никто давно не управлял, на тихом ходу наехал на провал в вечной мерзлоте

и упал в яму. Вагоны прокатились по его крыше и остановились. Никто не пострадал. Вокруг агитпоезда собралась взволнованная толпа и стала усиленно чесать головы – опять Корчагинская вахта! Генерал Дудаев вызвал по рации вертолет из Комсомольска, и скоро явилась огромная машина. Вертолет забрал команду Сусанина, генерала Дудаева со всеми чеченцами. И в поезде остались одни строители, что принялись дружно восстанавливать дорогу.

- Ее мое, сколько земли, сколько добра – говорил повестушник Черный, замазывая чачей ссадины на голове – Всем хватит: и чеченцам, и японцам, и китайцам, и американцам. Будем по кусочкам продавать как родную мать, а после нас – хоть конец света.

По рельсам прикатил мощный железнодорожный кран в сопровождении роты железнодорожных войск, и уже через сутки был полный порядок.

- Вот зримая модель будущего государства, – сказал Мастер, указывая на солдат, уходящих строем с лопатами на плечах.

- У каждого солдата своя лопата, – заключил Ваня Казачок.

И вновь агитпоезд исправно блудил по БАМу, повинуюсь зову большинства. Какая станция громче крикнет, туда и едет поезд с Лениным, указующим вперед. На самом тепловозе, несмотря на мороз и жгучий ветер, дежурили впередсмотрящие бурят Саян Динзасов, башкир Урал Саянов, казах Бабай Бабаев, азербайджанец Равшам и Саша маленький, бывший студент Красноярского училища имени Сурикова, а теперь боец железнодорожных войск, второй год, стоящий на Корчагинской вахте. Но вот и прибыли к месту последней стыковки. Бригадир Бондарь заплакал, как дитя. Бамовцы принялись качать бригадиров. Шестипудовые гиганты взлетали как пушинки. Тем временем журналисты "Литературной газеты" слали срочные телеграммы о миллиардах рублей, без пользы зарытых в вечной мерзлоте. В то время как герои БАМа летали в поднебесье, подброшенные своими бригадами, миллионы советских граждан, запуганные слухами, костерили правительство и партию, якобы ум, честь и совесть эпохи.

На станции Ния, звучащей как женское имя, грузинский герой Анзор Двалишвили боролся с героем Берлинским. Вечная мерзлота плавилась от жаркой схватки. Схватка была ничейной, и тут Берлинский ловко поднял на руки библиотекаря Марьям, что в опасной близости стояла от эпических богатей... Гром аплодисментов заглушил протестный голосок Марьям. Берлинский унес свой ценный трофей в свой вагон с красным уголком и комнатой отдыха.

"Пусти, медведь!" – слабо защищалась Марьям под тяжестью Героя социалистического труда.

"Машенька!" – говорил Берлинский, запуская медвежью лапу в укромное место, которое девушка как зеницу ока берегла для будущего мужа – даже стрелок Качинский не смог заглянуть туда.

Машенька стала бить по чугунной спине Берлинского и вдруг застыла, пораженная молнией: что-то с чудовищной болью вошло в нее, и она потеряла сознание. Открылось сильное кровотечение, и Марьям на дежурном вер-

толете отправили в Комсомольск-на-Амуре. Бледный Берлинский сидел в изголовье и плакал как медведь, попавший в капкан: "Машенька, прости". Весь БАМ переживал ЧП. Мужики с горя искали спиртное и, не найдя его, с горя уходили в тайгу. Бабы колотили мужей: "У, медведи, вам бы все портить".

Тем временем агитпоезд "Комсомольская правда" достиг Красноярска. Но сколько ни выглядывал Качинский, бегая вдоль состава, он так и не встретился ни с Маргаритой-Катериной, ни с библиотекарем Марьям, о судьбе которой он единственный из пассажиров поезда ничего не знал.

ГЛАВА 17

Рабочий день Генерального секретаря КПСС Михаила Ломоносова не укладывался и в шестнадцать часов. Ломоносов пытался объять необъятное, и, несмотря на множество помощников с основными документами управлялся сам. Приходил Ломоносов в двенадцать ночи, вставал в пять утра. Утро под руководством наставника начиналось с китайской гимнастики "Тайцзи-цюань". В укромном месте Кремля на зеленой английской лужайке среди голубых елей в мороз и дождь Михаил Ломоносов в мягкой обуви без каблуков делал "полуоборот налево, левая нога вперед, гладил воображаемую кошку правой рукой, а в левой держал воображаемое зеркало" ...

После завтрака, любимые пельмени и апельсиновый сок Ломоносов в рабочие дни садился за документы, присылаемые секретной почтой. Настало тревожное время парада суверенитетов: под веселую "Ламбаду", вихляя задками, разбегались автономные республики, вдруг ставшие союзными – Якутская Саха ССР, Марийская ССР, Татарская ССР... Прежде союзные республики и вовсе требовали выхода из СССР. Ломоносов, разбирая почту, качал головой – открылся ящик Пандоры. Кто думал, чем обернется демократическая свобода! Ломоносов среди недели с министром Шеварднадзе летал в столицы союзных республик: в понедельник вечером был в Тбилиси, а в среду утром уже в Баку, в четверг его со всеми почестями принимала Рига. Встречали хорошо с цветами. Множество нарядных людей плотно окружали Генерального Секретаря, тянули руки, надеясь, что Генсек поможет каждому. Но стоило в тот же день вернуться в Москву, как следом летели шифрованные телеграммы о волнении то среди грузин, то среди эстонцев. Тришкин кафтан – заштопали правый карман, а уж сыпятся деньги из левого. Да и большие деньги, миллионы рублей сгорали вместе с пожарами, возникающими то здесь, то там. На встречах со встревоженным населением к Ломоносову пробивались граждане с высокими голосами: "Уничтожили татарскую культуру!" "Ограбили, поставили на колени марийский народ!" "Унижают несчастных чеченцев!"

Все с приходом демократии единовременно сошли с ума! И только терпеливый русский народ молча наблюдал за всеобщим распадом, недоуменно пожимая плечами... Он никогда никого не эксплуатировал, никогда не жил за счет других народов. Напротив русская деревня, обнищавшая, де-

лилась последним хлебом. А уж нефть и газ вообще шли даром на Украину и Кавказ, с которых не дождешься в ответ ни одного дареного яблочка. По большим городам ходили обессиленные от авитаминоза россияне, что, несмотря на слабость, выпускали лучший в мире балет и стратегические ракеты. Но бесплатным электричеством сыт не будешь. Картошка да селедка до смерти надоели, хотелось бананов и праздников с салютом. Словом, Советский Союз разбежался от Москвы, как от бочки с зажженным фитилем. И, конечно, в этом виноваты одни русские, безропотно тянущие повозку с Вавилонской башней. Но еще Достоевский отмечал в своем дневнике писателя: "Я говорю о том, что к всемирному человеческому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено".

Михаило Ломоносов скрипел зубами, но подчинялся воли своей жены Зои Спартаковны, которая избрала девизом христианское терпение перед лицом зла. Зоя Спартаковна, встречаясь в Англии с Премьер-министром, спрашивала, глядя в глаза:

"Госпожа Титчас, как человек, хотела бы вас спросить: нравственно ли отстаивать идею необходимости ядерного оружия на земле?!"

- Вы – идеалистка, госпожа Ломоносова!

- Но таких идеалисток, как я много, и я уверена будет все больше.

И верно, таких идеалисток, мечтающих об одностороннем ядерном разоружении СССР, становилось все больше.

Мечтая найти больше друзей, хотя бы за рубежом, Ломоносов увеличил число визитов, при этом сокращая время, и порой время измерялось часами: в Испании – 30 часов, в Италии – семь. Враждебное кольцо неумолимо сжималось, и даже в отпуске в Ялте у Ломоносова в день случалось до семнадцати горячих звонков. Звонок в застойные времена, мог стать поводом для введения войск стран Варшавского договора...

Одна радость осталась у Ломоносова - любимая игра в шахматы. Он даже охрану подобрал из неслабых шахматистов. Все знали эту слабость Генсека, и Первые секретари союзных республик привозили сувенирные шахматы. Вот и председатель писарчуков Голубев привез изделие Красноярской сувенирной фабрики, что на деле являлась одним из цехов гигантского ракетостроительного завода "Точмаш". Изделие сие было особое, несказанно порадовавшее Генерального секретаря – живые шахматы! Шахматные фигуры не только играли сами, но и говорили, комментируя ход игры, причем в современном историческом аспекте. Король белых в собольей мантии требовал войны до последнего арийца. Писатель Булгаков первым упомянул о живых шахматах, это была фантастика!

"Гераклит говорил: борьба – отец всему и царь".

С этими словами король белых гнал своих рыцарей на штурм черных. Король черных напротив проповедовал элейскую школу созерцания, тождественную советскому застою. Впереди белого короля выступала верная подруга королева, модно одетая, от Кардена – в бикини из леопардовой шкуре и короне из двадцати двух бриллиантов. Живым своим ликом королева была сильно схожа с Зоей Спартаковной и проповедовала ее взгляды:

"Великий Ленин ошибся в малости, оставив после себя одну партию, ныне трансформировавшуюся в стаю овец, гонимую геронтократами".

Король черных отразил шпагой набежавшую пешку в форме рыцаря и заодно разбил ошибочные выкладки королевы:

"России не унести сразу две партии, жиреющие на ее шее. Русским хотя бы одного дармоеда прокормить!"

Михаило Ломоносов с восторгом наблюдал игру живых фигур и говорил жене:

- Вот зримый плод нашей конверсии. Переплавили одного Змея на один комплект шахматных фигур – прекрасное достижение советской науки. Эти живые шахматы можно и в Космос запустить – великая экономия по весу!

Зоя Спартаковна, поджав губы, смотрела на маленьких злых человечков, бегающих как футболисты по клетчатому полю – в шахматах, как и в футболе, она ничего не понимала. Да и странный разговор вели шахматные лилипуты:

"Скоро в Кремле у кабинета Генерального Секретаря поставят могильную плиту с эпитафией плачущему философу по своей природе не умеющему царствовать. Эпитафия будет следующей: «Я – Михаил Ломоносов, что вы мне не даете покоя, невежды?"

С этими словами король белых, выстроив ладьи в одну вертикаль, объявил мат черному королю. Но король черных, погрузившись в медитацию, совершенно не замечал объявленной опасности: "Завтра я уезжаю в Форос и приму постриг. Делайте сами свою гнусную историю". Ломоносовы переглянулись между собой. Верно, они собирались в Крым, где для них построена новая дача в Форосе, но как эти маленькие бестии узнали об этом?

И, вообще, много странного происходило вокруг, и даже здесь в Кремле жизнь изменилась не к лучшему. Каменная квартира, где раньше жили Сталин и Хрущев, стала совершенно холодной, и Зоя Спартаковна вынуждена была сушить на кремлевской стене трусики и бюстгальтера дочерей и внучат. Отчего-то вся коммунальная служба дала сбой. Прачечная не работала, повара ушли в отпуск. Приходилось покупать полуфабрикаты и разогревать в микроволновой печи, подаренной госпожой Титчас. Такое впечатление, что семью Генерального Секретаря буквально выживали из Кремля! Может, власть партии упала в цене. Председатель писарчуков Голубев говорил, что знаменитый стрелок Качинский всюду проповедует президентское правление. Кстати, "Правда" опять прислала в Кремль новые письма Юрия Николаевича.

Грустные мысли прогнал звонкий голосок личного врача Зои Спартаковны. Академик Лала вела за руку улыбающегося идиота Славу-Мастера. От Славы пахло лошадиным потом - он только что прибыл с БАМа.

- Ты посмотри, какие карлики! Смотри, как вертится нахал, – изумлялась Лала живым шахматам. – Смотрите, Мастер, какого нрава этот конь. Не конь – огонь!

Мастер склонился над шахматами, отчего шахматные слоны, став на задние ноги, тревожно затрубили, а пешки и рыцари оцетинились копиями.

Особой резвостью отличался черный конь, еще не объезженный ни одним игроком. Мастер пытался схватить коня, но тот укусил его за палец, и улыбающийся дурачок съел его, чем сильно попортил свою будущую карьеру придворного шута при царе батюшке.

- Жаль коня, – сказал Михайло, сын Сергия, чья проходная пешка, согласно условию задачи великого шахматного композитора Стоцци, превращалась в коня и ставила мат королю белых.

Михайлу Ломоносову настолько понравились живые шахматы, что он рассказал супруге мечту о шахматном цирке Дуровых, где дрессированные животные играли быдля зрителей любимую шахматную задачу Хипхота с блестящей ловушкой для индийского слона.

- Миша, тебе пора отдохнуть! – в один голос сказали Зоя Спартаковна и академик Лала.

Того же мнения была и великая певица современности Халла Хорисовна, запросто приходящая в гости в Кремль. Охрана пропускала ее без пропуска. Да и какой пропуск, если на всех фотографиях она была неузнаваема: непричесанные кудри закрывали то один глаз, то другой. Объемную фигуру Халлы Хорисовны скрывало платье до пят и пончо на плечах. Дружной компанией пили индийский чай, прикусывая колотым сахаром – привычка студенческих лет.

Между тем, обслуга помимо сахара украшала обшивной дубовый стол всевозможными фруктами, салатами. Затем явились мясные блюда. К мясным блюдам пришли председатель Голубев и повестушник Валера Черный, только что прибывший из Израиля, где возле Исполинского Камня в Мохаве наблюдали НЛО. На летающей "тарелке" прибыла Барбара Рыбак, польская монахиня из приюта "Святого Николая". Монахиня была в командировке на одной из планет Веге и, вернувшись на Землю, делилась впечатлениями с видными писарчуками.

Подруги ели фрукты и смотрели роскошный телевизор, который подарил Премьер Ли Пен в Пекине. Ломоносов велел передать подарок в московский дом престарелых, но старики вернули подарок – глаза болели от ярких красок!

На экране домашнего кинотеатра сидел молчаливый человек и только иногда всплескивал руками. "Что это со звуком?" – Ломоносов пробовал манипулировать пультом.

- Это мой друг Чума, – сказала академик Лала. – Он лечит дистанционно сразу миллионы людей!

На деле Чума дистанционно гипнотизировал миллионы людей с тем, чтобы советский народ спокойно принял великие испытания, что должны были свалиться на его голову через год-два. Много позднее психотерапевты точно так кодировали курильщиков и алкашей, переняв у Чумы искусство вкладывать в головы гипнограммы, пользуясь условными жестами, сходными с языком глухонемых. Наконец, Чума обрел голос и сказал странные слова, обращенные непосредственно к Генеральному Секретарю, которого он назвал "Президентом".

- Господин Президент, 19 августа умрет старая Россия и родится новая. В этот день вы уедете в Крым, а Хунта попытается перевести стрелки на прежний путь, но вера русского народа сломает хребет Хунте!

Странно было слушать Генеральному секретарю обращение простого советского человека, что пытался внушить руководителю великого государства никчемные знания, тем более что сегодня было 2 марта, и огромный стол был сервирован по этикету: двойные тарелки, ложки справа, вилки слева, хрустальный графинчик под водку заполнен минеральной водой. Лала подняла рюмку и поздравила Ломоносова с днем рождения. Лала, как и монахиня Барбара, также прибыла на Землю с великой целью переустроить грешную жизнь. Лала периодически вставляла гипнограммы в голову Зои Спартаковны, а затем уже супруга воздействовала на мужа. Пока что все шло по плану, разработанному всепланетной конфедерацией глобалистов. Семья Горбатовых путешествовала по всему миру, встречаясь с Ден Сяо Пином, карликового роста, и высоким Рональдом Ойганом. И далее как бы по лестнице с гренадером рослым, под потолок, канцлером Колем.

По возвращении всемирных туристов ждали горы писем. В год приходило до полумиллиона. Супруги читали эти письма, ощущая при этом необыкновенный восторг и поддержку, подобно тому, как наркоманы принимают наркотики. Вот и сегодня вместе с дымящимися пельменями принесли очередной мешок писем. Ломоносов брал наугад и, вскрывая, тотчас читал.

"Держитесь. Правда за вами. Спасибо вам". М.Ж. Лиллот Бельгия

"Если будет возврат к прошлому, то лучше в петлю". Шевелева из Братска.

Евгений Евтушенко прислал стихи.

"Когда страна почти сошла с откоса,

Зубами мы вцепились ей в колеса

И поняли, ее затормозя

- Так дальше жить нельзя"

Слава-Мастер громко заржал и понесся скачками на четвереньках вокруг громадного стола. Это внучка Ксанка оседлала придворного шута и кричала издали бабушке: "Бабулечка, мне уже десять лет. Годы скачут как лошади!"

Другая внучка Настенка девочка с твердым характером неодобрительно наблюдала сестру и по старушечьи говорила, заглядывая в глаза бабушке: "Бабуленька, жить надо не спеша, правда?" Но скоро Настенка следом за Ксанкой пропала в бесчисленных кремлевских коридорах, и только резвый топоток да лошадиное ржание слышалось за двойными дверями официального Кремля.

Вот топот усилился, и в обширный кабинет влетел Мастер с пеной изо рта – его крепко оседлал художник Михаил Шемякин, что подстегивал лошадь плетью и пинками яловых сапог. Мастер встал на дыбы, пронзительно заржал и вновь ускакал, сбросив художника на ковер. Секунду спустя, вошел академик Лихачев, слегка ошалевший от вида скачущего шута. Лихачев и Зоя Спартаковна обменялись долгими поцелуями. По инициативе Лихачева Зоя

Спартакoвнa oргaнизoвaлa фoнд кyльтyры, блaгoдaря чeмy Лихачeв мoг вплoтнyю зaнятьcя лyбимым дeлoм, рaбoтaть нaд "Слoвoм o пoлкy Игoрeвe". Aкaдeмик хoрoшo oтoзвaлcя o cибирcкoм пoэтe Гeннaдии Кoрoлeвe, чтo пoэтичecки пeрeлoжил нa coвpeмeнный язык пpeкpacный пaмятник Дpeвнeй Рyси.

- Спoрнo! И хoрoшo, чтo cпoрнo: yвepeн, чтo oн нe oтaнoвитcя нa этoм.

- Пpeкpacный aвтoр! – пoддepжал пpeдceдaтeль писaрчyкoв Гoлyбeв – Нo дeйcтвительно cпoрный! Пoрoй нeвынoсимo cпoрный!

- Eщe кaкoй cпoрнoй, – пoдтвepдил Вaлeрa Чepный, пpeбывший в Кpeмль c пpeдceдaтeлeм Гoлyбeвым, пpoбить ceбe мecтo глaвнoгo рeдaктoрa. – Я нaдeюcь, Гeннaдий Фeдoрoвич пepeйдeт нa бoлee лeгкyю хoзяйcтвeннyю рaбoтy, дaбы дeйcтвительно нe oтaнaвливaтьcя нa этoм и пpoдoлжaть изыcкaния в нынe нeпpoхoдимых cлoвax o Пoлкax Игoрeвых...

Тeм вpeмeнeм Микaилo Лoмoнocoв cтaл зaчитывaть пoздpaвительныe тeлeгрaммы oт Рaдживa и Сoни Гaнди, oт финcкoгo Пpeзидeнтa гoспoдинa Кoйвистo, к кoтoрoмy ceмьa Гeнepaльнoгo Сeкрeтaря пpилeтaлa нa кpылaтых пeгacax. Всe финны были пoкoрeны oбaяниeм Микaилo Сepгeeвичa и eгo знaниeм финcкoгo язькa. Сoпpoвoждaл кpылaтых пeгacoв в кaчecтвe яcтpeбитeля пeрeхвaтчикa Змeй-Гoрыныч нoвoй мoдeли. Финны пpикpывaли глaзa oт oслeпитeльнoгo блeскa зoлoтoгo oпepeния и гoвopили в вocтoргe:

- Lohi Kaarme!

В дaльних кoридopax Кpeмля внoвь пocлышaлcя лoшaдиньий тoпoт и ржaниe. И вoт в cтoлoвyю вoрвaлcя Мaстep c Нacтeнкoй и Кcaнкoй нa зaгoрбкe. Кcaнкa дepжaлa в рyкax дoкyмeнт из cекpeтнoгo aрхивa, кyдa oни пpoникли блaгoдaря кpeпкoй гoлoвe Слaвы – кoнь нa вceм cкaкy выбил дyбoвyю двeрь aрхивa.

Кcaнкa c дoкyмeнтoм в рyкax пoдoшлa к дeдy и пpoчитaлa вслyх: "Aкт. Кyйбышeв. 1941 г. Oктябpя 28 дня. Мы, нижeпoдписaвшиeся, coглacнo пpoтoкoлy ocyдили к выcшeй мeрe нaкaзaния cлeдyющих гpaждaн – Бepeзoвcкoгo, Aбpaмoвичa, Гycинcкoгo, Пoпoвa, Гaйдaрa... Пoдписaли: мaйoр гoсбeзoпacнocти Пyтин, мaйoр гoсбeзoпacнocти Лyкaшeнкo, cтapший лeйтeнaнт Нaзapбaeв".

Вce cлyшaли внимaтeльнo, нe выpaжaя никaких эmoций. Фaмилии были вce нeзнaкoмыe, и тoлькo Микaилo Лoмoнocoв, дoлжнo быть хoрoшo знaкoмый c рeпpeccирoвaнными, кaчaл гoлoвoй: "Тaких лyдeй пoтepялa cтpaнa! Цвeт нaции!"

Пocлe пpazдничнoгo oбeдa вышли пpoгyлятьcя пo cвeжeмy вoздyхy. Вo двoрe y кpeмлeвcкoй cтeны в дeтcкoй пecoчницe cидeлa oчepeднaя рeдкocть – живaя игpyшкa из кoллeкции Зoи Спaртaкoвнoй, выписaннaя из дaлeкoй Индий пo рeкoмeндaции aкaдeмикa Лaлы. Игpyшкa былa вecьмa дoрoгoй в пpямoм cмыслe – вeликoй Сaтья Бaбa двaдцaтoгo гoдa poждeния oбoшeлcя в миллиoн рyблeй. Нo индийcкий чaрoдeй и пpoрoк бьcтpo oкyпил ceбя, тo и дeлo дoбывaя из пecoчкa бecceнныe, пo мнeнию coвeтcких yчeных, нeзeмнoгo пpoиcxoждeния издeлия. Лaлa и Зoя Ивaнoвнa были yвeшaны бpacлeтaми и

цепочками из неземного металла. Кремлевский кабинет Генерального Секретаря был украшен редчайшими кувшинами из прозрачного стекло материала невиданной красоты. Все это, по мнению ученых не могло быть изготовлено в условиях земной цивилизации. Безусловно, Сатъя Баба каждую минуту был под наблюдением секретных служб. Каждое его слово записывалось и расшифровывалось, а все изделия подвергались детальному изучению. Редчайшего в мире колдуна всем Кремлем уговаривали установить вечный мир на Земле, предварительно уничтожив ядерное оружие, где бы оно ни находилось. Но Сатъя Баба только философски отмалчивался, как дитя постоянно копаясь в песочке и добывая невероятные вещички. Сатъя Баба ничего не пил, не ел, в туалет не ходил. Ночевал здесь же под наблюдением телекамер, и даже в двадцатиградусный мороз его надежно грело сари из красной ткани. Вот и сегодня, несмотря на крепкий мороз Сатъя Баба копался в золотом песке, а Зоя Спартаковна кормила с руки ручную белку – с ее приходом в Кремль всякому зверью стало вольно бегать – никто не подстрелит. Зоя Спартаковна уж думала завести в Кремле зубров как в Беловежской пуще, не говоря уж о лосях и оленях. Зоя Спартаковна кормила ручных оленей и наблюдала за действиями индийского чародея. Сатъя Баба, что-то копая в песочнице, вдруг достал бюст Качинского с надписью «Президент». Мастер оглядел бюст из неземного металла, заржал как молодой жеребец и пустился галопом по Европам. Валера Черный запрыгнул на спину Мастера.

- А у нас все такие, Северо-Чемские! – говорила академик Лала, подерживая Зою Спартаковну, клонящуюся в обморок.

- А ты чего, Баба – яга, сидишь тут без пользы? – продолжила академик, принимая из рук Сатъя Бабы ржавый гвоздь – Беги за дружками!

Ржавый гвоздь обернулся ядовитой змейкой, как и великолепный перстень Зои Спартаковны, вдруг ставший майским жуком, с тяжелым гулом слетевший с руки. Маленький Сатъя Баба кинулся следом за Мастером и Черным.

Алкоголизм был давней проблемой семьи. Брат Зои Спартаковны, вернувшись со службы на морфлоте пил, несмотря на все лечения. Вместе с братом пил и весь Советский Союз, несмотря на вырубку виноградников и поломку всех спирт заводов. Однажды Зоя Спартаковна в порыве гнева изгнала из Кремля Рязанова, у которого все фильмы были переполнены пьяницами и проститутками. Рязанов страшно обиделся на семью Ломоносовых, и едва в Кремль вошел Иван Сусанин, Рязанов тотчас же приехал снимать нового лидера России.

Больной Мастер с умным лицом крутил настройку и радио голосом Жанны принялось истерично выкрикивать: «Медицинский институт! Медицинский институт!» Всем послышалось: «Суд! Суд!» и привиделись соответствующие картинки – столы с кровостоками и трупы в физиорастворе. Это академик Лала, можно сказать, расшифровала пение Агузаровой.

Поднялся невиданный скандал. Сатъя Баба зарылся в песок, академик Лала скрылась в подземном переходе, ведущем в метро имени Владимира Маяковского. Балан Чума выключил телевизор и пропал с экрана. Тем вре-

менем Мастер залез на звонницу колокольни Ивана Великого и поднял тревожный перезвон, отчего все москвичи с флагами и портретами Ивана Сусанина двинулись к Кремлю. Забравшись на Арсенальную башню, Мастер кричал охране, чтобы те взорвали мосты через речку Неглинную, давно спрятанную в бетонную трубу. В оружейной палате Мастер пудовыми кулаками разбил небьющиеся стекла и вооружился старинными ружьями. Преследуемый охраной Мастер с внучками Зои Спартаковны на спине ускакал в открытые ворота.

- Что будет, что будет? – говорил, хватаясь за голову, комендант Кремля – Весь Кремль завалили! И это трезвые люди, а что от пьяного ждать!

Тем не менее, комендант встречал с хлебом и солью народную депутацию, несущую на руках бесчувственного вдрызг пьяного Сусанина.. И тут начались странные вещи, именуемые в ученых кругах новомодным словом "полтергейст". В Кремле давно не производился капитальный ремонт, и все оборудование было, можно сказать, старинное, со сталинских времен, но тем не менее служившее до сих пор надежно. Но вот фарфоровые пробки стали сами собой вылетать из электрических счетчиков и носиться по длинным коридорам, на поворотах сворачивая под прямым углом. Серебряные вилки и ложки с праздничного стола завязывались в узлы и вылетали в окна. Было точь в точь как у Корнея Чуковского: "А подушки как лягушки ускакали от меня" Подушки и прочая нечисть летали вперемешку с вороньими стаями, и над Кремлем стоял плотный "снегопад" из гусиных и куриных перьев. Под этим «снегопадом» по Кремлю носили в царских носилках с балдахином будущего царя Всея Руси Ивана Сусанина.

ГЛАВА 18

На третий Спас, всем праздникам праздник, в Красноярск прибыли два президента – царь Михаил и царь Борис. Два царя ходили по городу, собирая своих сторонников. На улице Брянской у каменного дома, выбеленного солнцем, два царя устроили референдум среди жителей окраинной улицы. Но на голосование никто не пришел, и вообще улица выглядела странно опустевшей. Цари двинулись вглубь узкого двора с красной землей, и горячий ветер волновал две тени – царя Горбатого и царя Сусанина. Горбатов тревожно вслушивался к протяжному тяжкому пению, плывущему из ниоткуда. Лысый человек с картой Америки на голове заглядывал в квадратное окно и видел на крашенном зеленом полу прямоугольное пятно света, в котором девушки в цветных сарафанах и с льняными косами торопливо вязали ковер новой русской жизни. "Почему полы зеленые?" – спрашивал царь Михаил. "Потому что у царя Бориса красная краска кончилась" – отвечали девушки.

Остальная комната пряталась в глубокой тени, откуда слышалась протяжная песня, но угадать можно было лишь "о-о" и "у-у". Тем временем с горы скатилась долгая "а-а" и два царя, отталкивая друг друга, двинулись навстречу волне мног голосного пения вдоль окон с темно-зелеными стеклами,

вдоль заплотов, увенчанных хмелем. Узкий двор уперся в крутой восход деревянной лестницы, что соединяла Закаменку и Верхнюю Покровку.

Перила отходили, ступени прогибались, доски разбегались, открывая глубокие красные овраги, где чумазые мальчишки копали песчаные пещеры. "Что копаете, хлопчики?" - спрашивал царь Михаил. "Дома отдыха" – отвечали дети. - Здесь отдыхать будем после Чеченской войны".

"Глубже копайте, ребята", – сказал царь Иван. – Войны будет две, а можа три. Много свободы – много войны".

Лестница, приплясывая досками, ходила кадрилию вправо, влево, прыгала с одной скалы на другую белую. Скалы пахли серой и выходили с красной земли подобно костям древних животных. Сильный горный ветер причесывал жесткую дикую траву, украшенную желтыми цветами куриной слепоты.

Лестница прибежала, наконец, к белой часовне на зеленой Караульной горе. По синему небу бежали белые облака, пуская по земле стремительные черные тени. Луч солнца высветил девушек в сарафанах, бегущих вниз от часовни по многим дорожкам, что лежали подобно ветвям упавшего дерева. Приглядевшись, два царя увидели, что девушки одеты в сарафаны, перешитые из флагов союзных республик. Часовня стала похожа на китайскую пагоду, а вдоль края сопок шел высокий каменный забор, словно на Красноярск надвинулась Великая Китайская стена. Девушки бежали по крутым тропам и срывались в пропасть, взлетая на крыльях народной песни:

Годы прошли молодья,
Морщины покрыли лицо.
Волосы стали седья,
Больше не нужен никто.

Обретя крылья, вышивальщицы Русской судьбы парили над Закаменкой, над мокрыми дорогами, над блестящими крышами, над трубами "Лакокраски", льющей из золотоплавильных печей оранжевый свет на уже вечернюю Брянскую улицу. Вместе со светом печей через большие окна выходило на улицу мужское пение:

Ой, машина ты железна-а,
Ты куда меня завезла-а...

Сверху на раскрытых сарафанах как на парашютах спустился женский хор. Поющие плавильщицы выходили через ворота в фартуках, желтых сапогах, посыпанных золотой пудрой. И вот уже два хора, объединившись, шли вниз по Каменке мимо смоляных костров и факелов, освещающих рабочий люд, занятый укреплением берегов и возведением деревянных набережных.

«Верила, верила, верю,
Верила, верила я,
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня!»

"Какой век на дворе?" – спрашивал царь Михаило Ломоносов.

Цари вдруг узрели рядом с собой Чехова. Чехов тоже смотрел сверху на Красноярск и не узнавал его – с юга наступала на старый город плотная стена бетонных домов, все как один похожих на тюрьмы.

"Пойдемте вниз", – пригласили два царя великого гуманиста. Но Чехов отрицательно мотнул головой: "Много странного для меня. Десять лет назад я бы еще понял вас, а сейчас нет!"

Два царя спустились вниз, следом за убежавшим народом, но вновь никого не нашли, и только во всех дворах и огородах лежали плоды жаркого сибирского лета. В одном месте сушилась розовая картошка, в другом стояли кадушки для засолки с горячей водой, в которые только что были брошены раскаленные на кострах камни. Из кадушек со свистом вырывались клубы пара, но вот людей не было видно. Народ странно попрятался, не желая участвовать в борьбе за власть. Кому какое дело, какой барин правит, лишь бы холопу жилось не совсем худо. Два царя Иван и Михайло, если бы правили вместе, возможно, хорошо бы дополнили друг друга. Михайло Ломоносов – луч света в темном царстве – по крови был русским интеллигентом, которого упиравшись штыком в спину, вела к власти жена – татарка. Иван, напротив мужицких кровей, любил сам ходить с рогатиной на медведя, а в молодости ходил стенка на стенку, и об его широкую спину было сломано несколько орясин. Любимая жена Зинаида шла с будущим царем под руки и не любила колдунов. Впрочем, она сама была чуть колдунья.

Два царя продвигались по старому городу и вышли на закаменский базар, где праздник с заходом солнца закончился, но дух его остался. Корзины с чесноком, мешки с крупным золотым луком, красные горы моркови, охалки пряного укропа. И опять никакого народа, кроме кавказского, который не признавал никакой борьбы, кроме торговой. Кавказские купцы наперебой хвалили товар: "Кушай, дорогой". Царь Иван, радуясь базару, пробовал все подряд и обещал накормить Россию вдоволь всеми заморскими фруктами, какие есть на свете. И тогда у русских людей, измученных диатезом, вырастут новые зубы. Народ встанет на ноги и с хоругвями и иконами выйдет в новый бой с татарвой в лице Зои Спартаковны, от которых вот уж 800 лет житья нет. И вновь как шатуны паровозных колес закрутятся народные силы. И поедет Россия по проложенным рельсам к Индийскому океану, как ныне призывает во всех пивных самый русский из русских сын юриста и доктора шахматных наук

Но нет, народ не обезлюдел. Посреди базара сидело Бабье Лето и угощало мужиков добрым вином – из правой груди вино солнечное красное, а из левой груди белое лунное. Царь Иван присосался сначала к правой затем к левой, затем опять к правой. А тут, наконец, мужики показали на запах вина, кто с чайником, кто с бидоном. И следом за царем Иваном присасывались поочередно к огромным грудям, пока не отпадали в усмерть пьяными. Рядом с Бабьим Летом по имени Сива сидел другой хозяин жизни - Радогош, что покровительствовал торговым людям. На Яблочный спас Радогош угощал пьяный народ крупными яблоками, вкусными как женская грудь.

К ночи уж весь окрестный народ лежал на зеленых лужайках по обе стороны Каменки и смотрел на осеннее небо с яркими звездами. Где-то далеко на Западе светлый дед Сварог, творец мироздания держал в руке перевернутый рог-фаллос, и из рога вытекал студеный вечный родник – Млечный путь. По небу вокруг Полярной звезды ходили священные животные славянской богини Рожаницы – Большая и Малая медведица. Под звездной каруселью по склонам Караульной горы ползли языки пламени – это покровская молодежь поджигала сухую траву, подобно туземцам, прыгая через огонь. Два царя продолжали ночную прогулку по спящему городу, причем совершали они действия противоположные друг другу. Царь Михайло вырубал у своих избирателей всякий продукт, годный для перегонки самогона. И вот уже левая грудь Сивы высохла как у старухи, иссякло самопальное вино. А из правой, благодаря усилиям царя Ивана, потекла водка, изготовленная из технического спирта – много народу перемерло, употребив сие зелье. Царь Иван, ошалев от синтетической водки из опилок, бродил по ночному городу в поисках электората, а избиратели, в свою очередь, искали своего царя, топчась асфальт у множества ресторанов, закрытых на переучет. Русский царь входил в круг алкашей, сидящих на ящиках, и представлял им свою программу борьбы с привилегиями. Алкаши с испитыми лицами внимательно слушали агитатора и принимались махать кулаками. Царь Иван когда-то в далекой юности участвовал в кулачных боях – до сих пор на спине сохранился глубокий след от оглобли, которой его угостил парни из соседней деревни, куда он повадился ходить за девками, как лис за курами. Кулачные бои сказались и на голове. С некоторых пор царь Борис почувствовал себя поэтом и в выборных речах учил отличать ямба от хороя.

В темноте, с трудом отыскав старый дом, два царя пришли в гости к Юрию Николаевичу Качинскому. Прямо скажем, оба президента и приехали-то в Красноярск не столько на родину, сколько пообщаться напрямую с великим русским поэтом, глаголом и флагом современной литературы. Дом был полон всякого народа, но хозяин отсутствовал. Гостевой народец был рад отсутствию хозяина и чувствовал себя. Напротив, не гостем, но хозяином: ноги на столе, в воздухе клубы табачного дыма, столь ядовитого, что команда игрушечной подводной лодки лежала вповалку словно была не отравлена, но пьяна до неприличия. Впрочем, пьяны были молодые художники от слова «худо». Вошедших царей анархисты встретили комьями грязных слов. Как выяснилось, собственно художников здесь и не наблюдалось, а гулял всякий сброд района Закаменки и Покровки: Качинский не закрывал хату на ключ и всякий кто был пьян забредал на ночной огонек. Пьяный народец изголялся над домовым, подпаливая спичками желтую как пакля бороду, и окуривал, как пасечник улью, миниатюрную подлодку.

Михайло Ломоносов тотчас нашел, как избавиться от уличных хулиганов и скомандовал: «Товсь! Левым бортом ракетами с Черемухой! Пли!» Пьяный народец, выблевывая все химическое оружие, кинулся в окна и двери. В дверях навстречу народцу встал Вий с большими мохнатыми бровями и сказал: «Откройте мне очи!» Это вернулся домой Юрий Качинский хозяин

дома. Качинскому подняли мохнатые брови, вставили спички и Юрий Николаевич, протерев слезы от химического оружия, поздоровался с царями.

- Что хотели господа?

- Да нет, это вы что-то хотели от нас, пробудив к жизни наши души!

Сначала вас не устраивал Застой, затем Перестройка, тепереча Реформы не идут – что тем самым вы хотите сказать нам?! – наступал на Юрия Николаевича царь всея Руси Иван Сусанин.

- Мне не нужны посредники! – рассердился Качинский. – Свою идею я буду озвучивать сам! Немедленно передайте мне всю Полноту Власти!

- Сумасшедший! – плевались царь Иван и царь Михайло, срочно покидая дом Качинского. – Где, кто и когда добровольно раставлся с властью?!

В Москву возвращался царь Иван с распухшей челюстью и разбитыми кулаками. Тем временем его соперник царь Михайло искал союзников среди интеллигенции, к которой причислял себя и Союз писарчуков. В правлении шла борьба столь же ожесточенная, как и между двумя президентами. Писарчуки вначале соревновались между собой на бильярдном столе, а с прибытием группы поддержки в лице Михайло Ломоносова, принялись охаживать друг друга бильярдными киями за право попасть в списки членов будущих лауреатов Шнобелевской премии. Чтобы проявить истину с ходу Президент СССР предложил председателю Голубеву конкурс на Короля поэтов – так в начале века соревновались между собой Игорь Северянин и Маяковский.

Полковник КГБ, он же председатель Голубев собрал людей, верных ему, и в итоге был объявлен Королем повестушник Черный, никогда в жтзни не писавший стихов. Короля поэтов тотчас приняли в Союз Писарчуков и выдвинули на Ленинскую премию.

ГЛАВА 19

Солнце упало вглубь Караульной Часовни. Там вспыхнул лазер, и упавший на город луч нарисовал иной город с домами из цветного камня, с крышами из серебра, с зеркальными улицами и тонкими девушками с кукольными лицами: брюнетки с лицами Марьям, а блондинки с лицами Маргариты.

На небе зажглись гирлянды звезд, среди которых то и дело возникали яркие лучи прожекторов самолетов, взлетающих с горы. Ил-18 так и прыгали с горы, задевая крыши неубранными шасси.

Летчики из ярких кабин махали рукой Юрию Качинскому, что тоскливым взглядом провожал гигантские изделия из металла, чудом державшиеся в воздухе. Качинский вновь смотрел на город и думал, как бы прославить себя и свое отечество с тем, чтобы, покинув его, подарить человечеству счастье. А счастьем было бы всеобщее разоружение и совершенный мир на Земле. А ведь у Качинского были ключи к этому счастью! Качинский мог управлять историей, проникнув в глубины Аналитического Центра.

Не теряя времени, Качинский отдал художнику Макарову бумажки с печатями от бронированных дверей. Макаров сапожным ножом вырезал из каблука старого ботинка печать, ничем не отличимую от оригинала.

- А деньги можешь? – спросил Качинский.

- Творчество не может быть фальшивым, – отрезал Макаров.

Отныне Качинский каждое дежурство проникал в операционный зал с огромной картой, переливающейся разноцветными линиями и подвижными значками. Аналитический Центр был снабжен новейшими компьютерами с простейшим управлением, и скоро Качинский стал первым хакером в СССР, который проник в святая святых супердержавы – никому в голову не входило защитить столь важный объект от безграмотного прапорщика, впервые оказавшегося за монитором. Спустя время всемирная Карта подчинилась воле прапорщика Качинского, всего за неделю ставшего Генералиссимусом, перед которым склонил бы шляпу сам Наполеон. Качинский принялся перестраивать Историю и Экономику больших стран. В Японии падали акции "Джи-Ви-Си", а в Америке тайфуны и смерчи переносили целые города. В Советском Союзе шла своя разрушительная работа – диссиденты перебрались из тесных кухонь в обширные подвалы и принялись выпускать в самиздате авангардиста Боба Муравушкина:

"Мур мура муравей

Муся мусор воробей"

Правда, счастье для граждан Земли Качинский не смог добыть. Некие враждебные силы противостояли неумелым действиям, и планету начал оплетать негатив. Компьютеры Аналитического Центра стали заражаться вирусами. Настали дни, когда любое действие Качинского в поисках добра было обречено на провал. Компьютеры заболели несварением, и Карта Мира покрылась дрянью.

Качинскому стало очевидно, что управлять Историей можно только постепенно и с большим опытом – ведь даже к управлению электровоза допускаются машинисты с большим стажем работы на маневровом тепловозе, а Маршалом можно стать, лишь пройдя все ступени, начиная с рядового. Большая беда случается, когда к власти приходит ефрейтор, который требует все и сразу.

Вот и действия непрофессионального историка в лице Качинского привели к разрушению Берлинской стены и затем к распаду Варшавского договора. Если Качинский мог вычислить алгоритм грузина Чевчавадзе и как-то вкладывать в его уста свои мысли о счастье, то вот устройство Маргарит Титчас и президентов Ойгана и Буша ему были совершенно недоступны. Сие существа были явно нерусского происхождения, а, следовательно, не подлежали исправлению. Зато свой Генштаб слишком уж принимал к сердцу духовного лидера, коим объявил себя Качинский. Стоило поиграть "мышкой" и вывести на карту Мира свои мысли и намерения как тотчас начинался у генералов мандраж – командующий Западной группой войск начинал гнать на восток эшелоны с оружием, эшалоны, едва прибыв в Россию, тотчас сваливались под откос. И вот уже в райских уголках Приднестровья на месте выруб-

ленных виноградников подобно терриконам поднимались горы смертоносного оружия. Да и сам Генеральный Секретарь Ломоносов, недавно объявивший себя президентом, тоже хорош гусь: едва Качинский отсылал письмо в Кремль с намеком – а не жирно ли кормить всю Европу бесплатной нефтью и газом, как тотчас президент, не завоевавший ни одного километра, принимался дарить земли то Китаю, то Японии, то Америке. Следствием такой раздачи возникали бунты, как в союзных республиках, так и внутри государства. Колонны танков в сопровождении вертолетов покидали Польшу и Венгрию, которые со слезами на глазах провожали своих защитников. Уж не американцы ли отныне будут поставлять бесплатное топливо и хлеб?!

Качинский с разочарованием в сердце закрывал операционный зал, ставил печать и вешал ключ на место. И на пост возвращался мальчик тридцати семи лет из кружка "Умелые ручки", так и не нашедший применения своим скудным знаниям.

Утром Качинский сдавал пост и выходил на улицу, где Закаменский люд, одуревший от Виктора Цоя и сухого закона, надеждой и рукоплесканием встречал нового Пророка, которому согласно поговорке не было места в своем отечестве. Качинский, пожимая руки, как Ленин указывал рукой на сверкающий вал белых новостроек, что быстро катился со стороны Николаевки и обязан был, если не случится война, снести с лица земли старую прогнившую Закаменку. А войны как уверял Качинский не должно быть, поскольку президент Ломоносов в одностороннем порядке уничтожил тактические ракеты и поехал в Японию подарить остров Кунашир. Вообще-то Качинский предлагал продать остров на вес золота: килограмм земли обменять на килограмм платины и на вырученные средства засеять весь СССР новейшими заводами, как по производству компьютеров, так и солнечных батарей, что навесят на каждую крышу вот этих новых девятиэтажек – ура товарищи!

С крыши одного из "Базарбилдинг" вопила Маша Распутина:

"Отпустите меня в Гималаи,
А не то я собакой залаю"

И тут к великой радости Качинского из бани вышла Марьям в шали, накинута на мокрую голову. Качинский целых два года не видел девушку, весьма похудевшую после бани, а, может, от иных переживаний. Марьям боялась простыть, отчего разговор шел на ходу и Качинский едва успел сговориться на цирк.

Друг детства Александр Федорович нашел Качинскому хороший калым по замене сгнивших шпал на заводской станции. Двое суток без перекура Качинский долбил огромным ломом каменную землю и передвигал стальные рельсы. После чего Качинский стал ходить вопросительным знаком, но зато заимел семьдесят рублей и на эти огромные деньги пригласил на солнечного Олега Попова. Но цирк начался еще на улице: в середине декабря выпал дождь, и Качинскому пришлось нести любимую девушку на руках под проливным дождем, ступая по огромным лужам.

Солнечный клоун состарился, разлил свой живой свет еще в молодости. Теперь он собирал в корзину свет искусственный, который никого не

грел. Собрав корзину света, Олег Попов поднялся на второй ряд, где к большому удивлению Качинского, сидели Маргарита и Мастер. Попов подарил Маргарите корзину цветов, затем взял ее за руки и вывел на арену. Мастер увязался следом. Клоун, слегка хмурясь, посадил Мастера на лошадь, и погнал ее по кругу. Скоро Мастер под смех и рукоплескание зрителей летел в воздухе, подвешанный на незримом нейлоновом тросе. Сама Маргарита в великолепном платье, которым ее тут же на сцене одарил солнечный клоун с гитарой в руке, качаясь на качелях, в свете прожекторов взмыла под купол цирка и, ничуть не растерявшись, спела свою песенку:

"Не кончайся, живи, потому
 Что другого с небес не дано,
 Ведь известно тебе одному,
 Что к победе придем все равно!"

Пока шло представление, город настигло дыхание Северного Ледовитого океана и город, омытый дождем, покрылся тонкой коркой льда и стал сплошным катком. Цирк вновь вышел на улицу, но уже ледяную. Автомобили стояли на месте, бешено вращая колесами и упираясь бамперами друг в друга. Сцепившись, как борцы, "Жигули" и "Москвичи" скатывались под уклон.

С каждой минутой цирк становился опасней. Люди шли, держась за стенки, но и стены были покрыты льдом и даже провода стали скользкими. Воробьи как пьяные падали на бок. А вороны так и катались по ледяным крышам, распутив крылья и находя в этом большое удовольствие. Собаки прятались под навесами и выли на луну, что ныряла в облака, также катаясь по скользкому небу. Тяжелые грузовики, съезжая под гору, въезжали в жилые дворы, и сносили углы гнилых избушек, вросших в землю под крышу.

Качинский и Марьям, вдоволь накатавшись по ледяным тротуарам, отдыхали на попутной лавочке перед решительным броском. Марьям выглядела скорбно: между бровей легла горькая складка, в глазах стояло напряженное ожидание.

- О чем ты думаешь?

- О сапожках, – солгала Марьям. – Мне зимой не в чем ходить.

- А сколько они стоят?

- Семьдесят, мой оклад библиотекаря, – Марьям закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

- Мелочи жизни, – воскликнул Качинский, доставая необходимую сумму и не понимая как можно плакать из-за такого пустяка.

Марьям плакала совершенно о другом. Вчера она вдрызг разругалась с Берлинским, что вот уже два года откладывает свадьбу под предлогом покупки квартиры в кооперативе. Под нажимом Марьям Герой социалистического труда с трудом закончил вечернюю школу и с еще большим напряжением поступил в технологический институт на улице Мира. Студент за тридцать лет никак не мог медвежьей лапой освоить начертательную геометрию, а уж высшая математика и вовсе не шла в звериную голову, отчего Берлинский то и дело запивал с такими же "студентами", спуская в унитаз деньги, зарабо-

таннные горбом. Марьям колотила слабыми ручками пьяную морду Героя, тем самым вредила себе. Совершенно измучившись с темной природой Берлинского, Марьям откликнулась на приглашение Качинского, желая хоть на день отдохнуть от медвежьих объятий.

Марьям с ходу отвергла деньги и расплакалась еще горше. Качинский только развел руками: своими умелыми ручками он мог освоить самый секретный компьютер, а вот девушку с таким странным характером Качинский не мог успокоить. И Качинский от растерянности стал изобретать разные вещи, прикинувшись крупным специалистом:

- ... Постепенно мы восстановим весь животный мир Земли, все исчезнувшие виды.

- И мамонтов тоже? – спросила сквозь слезы Марьям.

- И снежных людей! Несколько сот Йети мы клонировали из печени снежного человека, подстреленного мною на БАМе.

Библиотекарь с высшим образованием округлила глаза, пугаясь неизвестных слов.

- У меня голова закружилась.

- Срочно идем ко мне, у меня карманный доктор "Медия", изобретение моего лучшего друга Вити Зорина из нашего Аналитического Центра.

- Как вы умеете говорить, – сказала Марьям, восхищенная словесным душем, приятным на слух. – А зачем разводить этих снежных товарищей?

- Йети переживут атомную войну, и они начнут новую цивилизацию – пятую по счету!

- А мы погибнем?

Качинский, с большим трудом приведя девушку к своему дому, обвел город имперским жестом:

- Под Красноярском еще два города. Один на глубине сто метров, другой - на пятьсот. Наверху ядерная зима и снежные люди, а на внизу гарнизон с отборным населением.

- А, я? А, ты? А, мама?

- Мы приглядываемся к людям и выбираем, кого взять с собой...

- Опять война? Господи, как я устала, только начала жить.

- Увы, от нас ничего не зависит!

- От кого зависит!?

- От стрелочника.

- Кто такой стрелочник?

- Кто-то вроде Наполеона, только без армии.

- Понимаю. Если Наполеон с армией, то это локомотив, а если без армии – стрелочник.

- У тебя мужское мышление, – Качинский глянул на тонкую фигурку с небольшой грудью. – Мне такие нравятся.

- А мне нравятся большие мужчины, – Марьям нахмурилась, вспомнив медвежьи ласки героя Берлинского.

- Я думаю, важна не мощность локомотива, а правильно выбранный путь.

- И сколько же могил на правильном пути? Твой Наполеон вел Историю по трупам...

- Мой дед в памятном тридцать седьмом пропал без вести, – Качинский из-под руки оглядел темную Закаменку, из-за которой поднимались ряды многоэтажных домов с яркими окнами.

- И мой дед исчез без следа.

- И мы тоже пропадем без памяти, если ты не поселишься в моих руинах, – Качинский указал на родовое гнездо, раскинувшееся на крутом склоне горы.

Марьям качнула головой:

- Какие это руины! Дом крепкий, обширный двор почти в центре города, ощущение, что я где-то видела и была в гостях...

Качинский фыркнул – у Марьям отличный юмор. Помнится, они кувыркались целую ночь вдвоем на старом диване! Правда, Качинский ничего не добился, и Марьям как мыло ускользнула из его рук. Что ж, жизнь не закончилась...

Марьям с серьезным видом, забыв о Берлинском, уже жила в новой реальности.

- Старый дом можно отремонтировать. Я сама из поселковых, все умею – и побелить, и оштукатурить...

- Начнем сейчас!? – предложил Качинский.

Но холодная и чистая как зима и непостижимая для ума Марьям сказала: "Только после регистрации".

- А когда регистрация? – несколько растерялся Качинский.

- Во вторник, – просто сказала Марьям, совершенно забыв, что во вторник она собиралась регистрироваться с Берлинским.

- Я согласен, – сказал Качинский.

В понедельник выпал снег и прикрыл лед, машины стали биться меньше. Марьям на работе, конечно, рассказала всем библиотекарям о предложении Качинского, довольно известного советского писателя.

- Ой, да нищета все они! – воскликнула переводчица Майя, заглянувшая в библиотеку в поисках редких словарей.

Майя убедилась на своем муже в совершенной бездоходности, так называемых литераторов. Но Марьям опровергла сомнения и рассказала о семидесяти рублях, добытых за один день Качинским. И тотчас жуткие слухи, тиражированные Майей и ее многочисленными подругами за рубежом, облетели весь мир. Две тысячи долларов в месяц не снились даже многим американцам, а уж сверх доход Качинского, который не был даже членом писарчуков, совершенно потряс весь Советский Союз. Секретная информация легла и на стол президента Ломоносова.

- Две тысячи! – хваталась за голову Зоя Спартаковна – В то время как Президент страны получает всего тысячу!

И следующим декретом президента СССР Ломоносова был закон о приведении к норме окладов высших чиновников, в результате чего зарплата президента достигла шести тысяч рублей. Другим следствием слухов, было,

начало строительства президентского дворца в Форосе, поскольку простой литератор Качинский имел обширное родовое гнездо площадью полгектара.

Прослышав о сверх доходах, к родовому гнезду прикатила "Волга" председателя писарчуков Голубева. Литераторы выпили по стаканчику самодельного вина, после чего воцарилось молчание. Молчание длилось полчаса и, наконец, Голубев изрек:

- Вы не скоро станете писателем! – с этими словами Голубев покинул недогадливого Качинского.

Качинский задумчиво почесал голову и его вдруг обуял внезапный страх. Несколько ночей Качинский решал трудную задачу, что хотел сказать Иван Иванович Голубев и, наконец, кинулся в Правление Союза, надеясь добыть истину. В правлении писарчуки со строгими лицами разбирали должности и делили будущие гонорары, которые писарчуки сами себе начисляли за вредность. Особенно вредной считалась работа с молодежью, что ни на грош не ставила старых зубров. Вредность и зубастость молодежи достигла такой степени, что зеленый бильярд был обкусан со всех сторон, словно пирог в детской комнате. Кандидаты в члены с оглушительным спором вычеркивали друг друга из списков и оставляли без внимания Качинского, глядя сквозь него как сквозь стекло.

Оппозиция назвалась громким именем "Неолит", что означало «Новая литература». Словесная схватка перешла в рукопашную, и всегдашний десидент Громов мощным кулаком пробил дыру в бильярдном столе. Остальные неолитовцы поддержали почин, и скоро дубовый стол рассыпался в щепки – это была первая жертва перестройки. С этой жертвы и начался развал Советского Союза. Бурная ссора вышла из дверей правления и, перейдя дорогу, достигла центрального базара. Кавказцы, почуявшие запах грандиозного скандала, прибежали к правлению писарчуков, и вновь, в который раз за время перестройки зазвенели стекла, затрещали шторы, и по комнатам загулял ледяной ветер. Кто-то выбил искру из глаза Голубева, ветер раздул пламя, и вот уже пожарные в пятый раз гасили Союз писарчуков. А виновато было во всем правление и непосредственно председатель, что мало покупал фруктов и редко приглашал грузин, как, впрочем, и армян за праздничный стол, что случался в правлении каждый день.

Странно, но почему-то не приглашали на праздники в Союз писарчуков и старых татарок в белых платках, что сидели среди татарской улицы и укоризненно качали головами вслед Качинскому: "Йа, Раббам!" На улицу выскочил Рудик Набиулин, сварщик завода ЖБИ-5 и пригласил в ухоженный дом, крашенный в оранжевый свет под ярко красной крышей. Гостя встретила сияющая хозяйка с двумя именами: русским Лиза и татарским Гулия. Мягкой поступью жесткого матриархата Лиза-Гулия ввела в дом, выскобленный и выбеленный как больничная палата. В столовой стоял огромный самовар. Рядом истекал чудесными запахами беляш, начиненный мясом и луком. После обильного чаепития лежали на самодельных диванчиках, накрыв левую ногу правой, как принято у татар. Отдохнув, снова пили густой чай, за-

варенный на лечебных травах, закусывая курагой и чак-чаком, сваренным на меду.

- Ай, Сафа! Вай, Сафа! – пела под гармонику Лиза-Гуля песню о несчастном Сафе, женившемся на молодой девушке.

Уж не про Качинского сия песня, как никак к сорока подходит, а жены все нет.

- Ой, да какой сегодня день? – всполошился Качинский, вспомнив, что собирались они с Марьям на регистрацию во вторник.

Поздно вспомнил Качинский, прошел целый месяц: что-то стало с памятью – пора к невропатологу. А может, лучше в сварщики пойти? Рудик включил телевизор, и голова Качинского закружилась еще более. Главный редактор газеты "За науку в Сибири" Сергей обвинил Качинского в организации теракта на Чернобыльской АЭС. Еще за неделю до катастрофы газета опубликовала снимок АЭС рядом с циферблатом часов на Спасской башне – стрелки указывали на точное время взрыва, на седьмое ноября. А вот безграмотный Качинский, работая в Аналитическом Центре, сдвинул время, и взрыв произошел преждевременно. "Кто вы, доктор Качинский?" – напрямую спросил с экрана идеолог Сергей.

СССР замер в ужасе - до сих пор над Украиной и Белоруссией летает четыре тонны рудных концентратов. А ведь поэт Качинский мог предотвратить катастрофу!

Всемирная зима, начавшаяся в Чернобыле, вошла в родовое гнездо Качинского. Под утро на термометре было плюс пять градусов Цельсия, впрочем, холод Качинскому был полезен. Поэта, ведущего праведную жизнь, совсем измучили грешные сны. Но с другой стороны, позвоночник при минусовых температурах вовсе отказался сгибаться, и Качинский, согнувшись буквой Г, поехал к любимой тетушке, надеясь оттаять в горячей ванне.

Стояли сорокоградусные крещенские морозы. Трамваи ходили с трудом, были переполнены, и Качинский едва втиснулся на заднюю площадку, где так и ехал, уцепившись голой рукой за ледяной металл. Трамвай с грохотом катил по коммунальному мосту, что был захвачен густым туманом, сквозь который едва проглядывали желтые фонари. Автомобили также, включив желтые фары, двигались следом на ощупь. На стоянках входили люди, как полярники обросшие густым инеем, у мужчин на бородах и усах висели сосульки. Рабочий люд приплясывал без музыки, громко матеря и власть, и мороз. Народ прибывал, мерзлые туши вытеснили Качинского. И вот он, едва держась на ледяном ветру за раскаленный металл, висел в воздухе в свете ярких фар автомобилей, скрипящих колесами и упирающихся буквально в ноги поэта. Рядом висел высокий мужик с большой бородой и в пальто, столь худом, что и бомжи не носили. В руках бородатый мужик ухитрился держать стопку книг и тубус для чертежей. Мужик за спиной Качинского вдруг странно затих, и поэт, почувствовав свободу, развернулся. Нижняя ступенька была пуста, сверху равнодушно рыбьими глазками смотрели девушки, промерзшие до костей. А сам Качинский держал в руках книги и тубус странно пропавшего "студента". Качинский оглядел дорогу и тихо

крикнул пассажирам с замороженными глазами, но никто не откликнулся, не пошевелился. Трамвай перекатил гремящий мост, и Качинский, сойдя на остановке, перелистал книги с печатью библиотеки, где работала Марьям. Зябко пожав плечами, Качинский из последних сил тронулся по оглушительному морозу к спасительному дому любимой тетушки.

Тетушка Наиля встретила шумно: "Зачем приехал?". Но через минуту кормила лепешками со сметаной, поила индийским чаем. Тетушка, жалуясь на бедность, копалась в холодильнике, забитом под завязку, и выставляла любимому племяннику то масло, то конскую колбасу. И, наконец, редкое богатство бутылку водки. Правда, горячие симпатии тут же сменились трезвым расчетом, и тетушка сменила водку на пиво - не жирно ли будет! Колбасу она тоже меняла раз пять. Копченую на вареную, вареную на кровяную, кровяную на ливерную. И вновь расщедрившись, выставила финскую "салями", что подавалась только в Кремле. Тетушка, работая в "Союзпечати", могла конкурировать с президентом. Пока варились пельмени, Качинский сам, как мороженный пельмень, таял в горячей воде, а рядом хлопотала дородная тетушка, открывая и закрывая краны, чтобы непутевый племянник не залил водой хороших соседей, снабжающих тетушку дефицитными лекарствами. Изредка в дверях возникал дядя Володя, муж тетушки, и показывал издали заветную бутылочку, уведенную от тетушки. Скоро Качинский был здоров, чист и пьян на халяву, листал "Бурду" и журнал "Америка", и пел на пару с дядей Володей "Шотландскую застольную" Бетховена.

"Постой, выпьем ей Богу,
Бетси, скорей нам грогу!
Бездельник, кто с нами не пьет".

Тетушка возмущалась: "Кто бездельник?!". А дядя Володя, лежа на диване, отвечал: "Жизнь – волчок, крутишься – стоишь, выпил – лежишь".

"Кто лежит, старый кобель?" – вновь возмущалась тетушка.

"Чехи лежат", – отвечал дядя Володя.

И верно. Весь Советский Союз голосами Качинского и дяди Володи просил: "Шайбу, шайбу!". А проклятые канадцы никак не отдавали ее и, наконец, со счетом 3:2 забрали приз "Известий".

- Эх, не взяли нас на игру, – сказал дядя Володя.

- Без меня ты бы проиграл, – сказала тетушка.

Действительно, жизнь дядя Володи до встречи с тетушкой шла без правил. Была у него семья, был дом, невестка с внуком, дочь и сын, да вот горе открыло ворота, разбился корабль, и тетушка на утлой лодочке подобрала тонущего матроса.

Хоккейный праздник кончился, но у дяди Володи была еще заначка заветная четушечка, и праздник продолжился: на льду теперь катались "А ну-ка девушки". Хоровод победительниц возглавила «мисс Сибирь» Маргарита Душевная. В короткой юбке с гитарой в руке Маргарита стремительно каталась не хуже хоккеистов и продолжала петь песенку, начатую еще в цирке.

Качинский смотрел на экран древнего "Енисея", где в лучах славы блистала девушка его мечты, что зримо и вещественно пролетела мимо его жизни, так близко, так ярко...

Пряча глаза, Качинский подхватил чужие учебники и тубус и покатил домой промерзшим пустым трамваем. Впереди на коленях отца сидел маленький ребенок, закутанный в три шубы, и спрашивал:

- Папа, кто живет выше нас?
- Соседи Петровы.
- Это на восьмом, а на девятом?
- Тоже соседи, но я их не знаю.
- А выше?
- Тоже соседи, только из другого мира.
- А трамвай может повернуть?
- Нет, сынок, от судьбы не уйдешь.

На другой день Качинский, не зная, что делать с учебниками, отнес их в библиотеку. Марьям, сильно сердясь на Качинского, отвернулась от него и привычно перелистала книги. Вдруг охнув, Марьям осела на стул, и Качинский едва удержал ее. Заведующая принесла нашатырь и Марьям пришла в себя.

- Ты где взял учебники?
- Мужик передал и куда-то пропал.
- Ох! – опять закатила глаза Марьям.

Марьям положили на кушетку, вызвали скорую помощь.

- Это был Саша Берлинский, мой жених, – плакала Марьям – Он пропал вчера вечером, когда ехал от меня. До сих пор не могут найти.

- Берлинский! – изумился Качинский. – Небо от земли! Худой, как штырь, что держит рельсы. Что это с ним?

- Пьет, – коротко сказала Марьям. – Медведя вывели из тайги и посадили в зоопарк, вот и пьет.

ГЛАВА 20

Летним воскресным днем Красноярск отмечал день города. Посреди центральной площади бродила толпа с плакатами: "Да здравствует император Сусанин!", "Да здравствует президент Ломоносов!" Посреди площади стоял бронзовый Ленин с выброшенной рукой – вперед на Запад. На руке Ленина висел плакат: "Партия, дай порулить!". Над площадью мешались музыка и громкие речи из мегафонов. Под лозунгом "Территория свободная от коммунизма" под трехцветными флагами "быки" в кожаных на пару с голыми путанами плясали рок-н-ролл. В стороне под красным знаменем в русских сарафанах танцевали гопак артисты государственного народного хора. Прямо на асфальте на фанерных лежаках загорали девицы в купальниках. Между девушками ходили усиленные наряды милиции, охраняя девственность резиновыми дубинками. Качинский, следуя броуновскому движению сотен людей, ходил по мягкому асфальту, наслаждаясь редким зрелищем кипящего

народного котла, где посередке под памятником Ленину шла борьба идей, а по периметру площади торговали валютные проститутки. Впрочем, некоторые по случаю дня города отдавались бесплатно. Временами наезжал ОМОН и давил колесами порнографические и оппозиционные журналы, разложенные на асфальте.

Под пристальным оком телекамер на высоком помосте вокруг памятника Ленину ходила в итальянских сапожках голая правда Люся-Мюзета. Вокруг натурщицы дрались митингующие стороны, разбивая друг о друга древки транспарантов. Омоновцы с бранью заталкивали в автобусы и правых и левых, били жириновцев, лупили оппортунистов из "Всемирной французской партии". Досталось и кришнаитам в алых одеждах и с барабанами через плечо. Уже, сидя в воронках, коротко стриженные монахи скалили зубы и распевали мантры. Пожарники, присланные на помощь омоновцам, тугими струями остужали раскаленных на солнце девушек в бикини, танцующих босиком. Искусственный ливень попортил бесчисленные лотки букинистов с редкими книгами: полное собрание сочинений Ленина и Сталина, речи Троцкого и "Тюремный лексикон". Повредили пожарники и выставку современного художника Макарова. На большой картине на тему "Противостоять ли злу насилуем?" азартно спорили три земных гения – Иисус Христос, Толстой и Ленин. Над головами всех трех персонажей висели светящиеся нимбы.

У Дома Книги торговал портретами последнего царя Николая - Второго странный человек в казачьей форме. Лицо продавца было сожжено, лицевые мышцы без кожи пересекали швы, истекающие сукровицей. Качинский, пугаясь страшного лица, поторопился мимо, но искалеченный человек обратился к нему:

- Не узнаете, Юрий Николаевич? Это я, Саша-маленький.

Качинский живо обернулся, глянул в гноящиеся глаза.

- Господи, ты же погиб в Афгане. Ребята говорили, что от тебя в танке один пепел остался.

Качинский, пугаясь страшного лица, неловко обнял бывшего студента художественного училища.

- В моем ботинке уцелело несколько клеток моего костного мозга.

Профессор Мартов клонировал меня. Моя отлетевшая душа вновь вернулась ко мне, обогащенная общением с Богом.

- Постой, какое клонирование? Надо вновь родиться, пройти через детство, это долгие годы, это новая жизнь!

- Наша медицина, наша наука – лучшие в мире. Не прошло и двух лет, а меня восстановили полностью. Правда, не совсем удачно Я продолжаю, как бы гореть в танке. Меня изредка кладут в гипс и дают дозревать, как в коконе. Вот и сейчас мне надо торопиться в палату до вечернего отбоя. Мы с генералом Журавель часто вспоминаем вас, он даже вам стихи посвятил.

- Журавель! – воскликнул Качинский. – Мне стихи! Это ж с ума сойти.

- Приходите вечером! Ай, да какой вечер. Пойдемте сейчас. Генерал вас очень ждет.

- Генерал ждет меня, – поражался Качинский. – Да кто я такой?

- Да про вас вся страна говорит, – выдал Саня-маленький великую тайну. – Вот уж много лет ваше имя наслуху, а теперь вас пророчат в Президенты.

Через месяц Качинский по заданию "Молодости Красноярья" вылетел с генералом Журавель в Афганистан. Сидели на откидных скамейках внутри огромного транспортного самолета. Самолет, подобно складу, был забит всевозможными зелеными ящиками. В иллюминаторе на миг мелькнула серебряная лента Енисея с игрушечной плотиной величайшей в мире ГЭС.

После заправки гигантский самолет стал кружить над горами. От самолета то и дело отрастали дымные шлейфы – защита от "Стингеров". Вдруг самолет по команде с земли отвесно кинулся сквозь облака и, выйдя из пике, сел на короткую взлетную дорожку. Качинский, белый как мел, вцепился в поручни и вот, испытав огромную перегрузку, вышел из самолета по грузовому трапу. Генерал Журавель и сам бледный придерживал журналиста под локоть.

Всюду стояли высокие стены из мешков с песком, меж которыми прятались штурмовики "СУ-25". Облезлый бетон рулежных дорожек был залит свежими заплатами на месте свежих воронок. Все стекла во всех окнах были выбиты, узорные фермы аэропорта были сплошь иссечены осколками. И только сейчас Качинский понял, что прилетел на войну.

Хуже войны была ужасная жара, среди которой ходили солдаты в касках и бронежилетах. Жара одинаково терзала и людей привычных к ней и новичков. Только у солдат был приказ терпеть жару, а Качинский мог в любой момент покинуть сухую сауну. И только терпение окружающих придавало его мучениям какой-то смысл. Хотелось непрерывно пить, но вода в арыках была такого цвета и запаха, что канализационные воды на родине казались чище. Воду привозили с собой, но чаще воды пили водку, спасаясь от гепатита.

Самое жуткое, что жара не спадала и ночью. А попробовав выпить стакан водки с солью и перцем, как посоветовали люди бывалые, Качинский чуть не умер, схватившись за сердце. Несколько дней Качинский сильно выделялся свежим лицом среди хмурых военных с хрипыми голосами, чьи, выгоревшие на солнце лица мало отличались от физиономии аборигенов – только не хватало бороды до полной маскировки. Ужас, как живут эти афганцы все бородатые да лохматые. Нет, чтобы побриться наголо! Кстати, как потом убедился Качинский, многие моджахеды действительно стриглись под Котовского.

Уже одна нестерпимая жара убедила Качинского, что колонизация страны не состоится: советский человек здесь не выживет, и лучше бы он на Аляску высадился.

Только глубоко за полночь в сауне, именуемой казармой, температура чуть спадала. В душной парной как бы открывалась дверь, и обильное потопделение прекращалось. Впрочем, за несколько суток вся вода вышла, и тело стало совершенно деревянным. Но странно, встав на весы в амбулатории, Качинский понял, что потерял всего несколько килограммов. Но взамен вы-

рос на несколько сантиметров. Над палатками гарнизона подобно венецианской гондоле качался над окружающими горами мусульманский полумесяц, окруженный незнакомыми яркими созвездиями. У медсестер амбулатории, куда Качинский обязан был носить каждый день мочу для анализов, глаза были столь же яркие, как мусульманские звезды. Такие же глаза наблюдались и у старших офицеров. Должно быть, был какой-то отбор людей то ли по группам крови, то ли по гороскопу, что, впрочем, одно и то же. Словом люди собрались все необычные. Обычным здесь не продержаться и неделю.

Особыми глазами отличалась старшая медсестра Валентина Петровна, возле которой постоянно толклись майоры и полковники. Да и генерал Журавель одаривал ее своим вниманием. В ответ Валентина Петровна делилась медицинским спиртом да минеральной водой из холодильника, что приравнивалось к напиткам в мусульманском раю.

Качинский совершенно ошалел. Днем выматывала постоянная беготня по всему гарнизону, где он был определен курьером, а ночью не мог заснуть из-за грохота штурмовиков, приземляющихся с прожекторами столь яркими, что свет заливал темную палатку. Не помогала даже теплая водка – постоянный стресс нейтрализовал ее. Впрочем, ночами редко кто спал. Раздевшись до пояса, тем самым как бы оставшись без звания, офицеры много курили и травили анекдоты, перебивая друг друга, и часто младший чин оспаривал старшего офицера:

"Прапорщик стучится к медсестрам

- Маша у себя?

- Она с майором.

- А Томочка?

- С лейтенантом...

- А кто свободен?

- Валентина, твоя жена".

Через неделю спирт, слегка разбавленный минеральной водой, наконец, уложил и Качинского в узкую кровать с хорошенькой медсестрой Грушенькой. До того, как упасть с медсестрой в обнимку, Качинский долго бегал за ней по аэродрому среди мешков с песком, разбивая лоб в кромешной тьме. Набегавшись и побившись о бетон, Качинский мгновенно заснул, а проснувшись утром, едва выбрался из-под медсестры, что удобно устроилась на живом матрасе. Выйдя по нужде, Качинский услышал голоса председателя писарчуков Голубева и редактора Валерия Черного, прилетевших следом за Качинским

- Следи, чтобы похороны прошли чисто – говорил Голубев – Запомни, где могила, чтобы и через десять лет мог найти.

- Зачем так долго ждать? – спросил Черный – Товар упадет в цене.

Утренняя любовь, по мнению Качинского была приятнее вечерней, но Грушенька, напротив, смущалась, почти не отзывалась на ласки и закрывала ладошкой его рот, едва Качинский начинал громко объясняться в любви.

Проснувшись второй раз при свете дня Качинский ощутил беспокойство: один, зайдут люди, что скажут, почему лежит... Но вот шторка раздвину-

лась, заглянула Грушенька и сказала, что она уходит на операцию, и они встретятся вечером в госпитале, куда Качинский должен прибыть к двадцати ноль-ноль. Там гораздо тише и перегородки между палатами капитальные, а не тряпичные, где слышен даже вздох спящего.

- Грушенька, простите, мы где-то встречались? – неуверенно спросил Качинский.

- Встречались, я дочь генерала Душевного.

- Не понял!

- Я исполняю в Афгане интернациональный долг. До скорой встречи!

Но встретиться, более не пришлось. В огромной землянке штабные офицеры сгрудились у карты района, где стоял полк ограниченного контингента. Собирали колонну, чтобы через каких-то сто километров добраться до военной базы, окруженной моджахедами и минными полями. Один из перевалов особо опасен. Дежурный штабист указал указкой. Дорога идет между горными вершинами.

Выдали по комплекту сухого пайка – галеты и банка сгущенки да одна на человека бутылка минеральной воды. Каждый грузовик и бензовоз сопровождался танком. Над колонной, рисуя восьмерки, барражировали узкобрюхие "МИ-24" Вертолеты, как собаки обнюхивали подозрительные места и мочили моджахедов реактивными снарядами, что слетали с подкрылков, извергая желтый огонь.

На большой скорости прошли глиняный город с пестротой дуканов и рынков с голубыми куполами мечетей. За городом колонна встала. Сделали переключку и затем, вздымая тучи рыжей пыли, поползли в гору. Пыль и жара проникали вглубь танков, и спекшиеся танкисты в промасляных комбинезонах сидели как грешники в аду на раскаленных сковородках.

Возле опасного перевала колонна вновь стала, моторы стихли, и можно было слышать барда Николая, что без усталости наяривал на гитаре, сидя верхом на горячей броне. Горы слабо резонировали, перебрасывая по ущелью прокуренный голос:

"По дороге капканы и петли,
Кто-то ушлый для нас разбросал"

Солдаты делились спиртом и сравнивали барда с Розенбаумом.

- Колька лучше хрипит, – говорили одни ценители, раскуривая "ТУ-134".

- Сашка по гитаре бьет шибче, – сомневались другие, доставая контрабандный "Кэмел".

Подняв тучу пыли, сел вертолет. Десантники в пятнистых формах взяли барда под локоток.

- Коля, садись к нам!

Николай, глотнув спирт, без раздумий сел на место второго пилота. Вертолет резко отвалил в сторону, и тотчас над головами пронеслись штурмовики. За перевалом ухнули взрывы, прошла еще двойка штурмовиков, и взрывом снесло пол горы. Качинского сдуло с бронетранспортера. Он лег у огромных колес, но колеса вдруг пришли в движение, и Качинский кинулся

следом. Он порядком побился о металл, прежде чем смог забраться на броню. Густая пыль скрыла дорогу и саму колонну. Качинский лежал вниз головой и, судя по этому, колонна шла вниз, преодолев перевал. Сильный ветер снес пыль и густые шлейфы дыма. Открылись о круглые горы без единого кустика. Поднявшееся солнце раскалило броню. Внутри БМП стало жарко, как в духовке, в которой печется гусь. Солдаты, сойдя с машин, двумя шеренгами шли рядом с бронетехникой. Впереди неспешно катился каток, уничтожающий мины. Качинский шел в цепи солдат, неотличимый от них, в кепи с длинным козырьком и с автоматом, каким его снабдил лично генерал Журавель. Обмундирование пропиталось солью. Соль смешалась с пылью и словно наждак драила кожу, обретшую прочность кирзы.

Спасение пришло с остановкой у провиантского склада, вырытого в горе. Здесь обменяли свежий продовольственный груз на НЗ, пролежавший год.

Качинский вместе с солдатами носил тяжелые ящики с ручками по бокам. Гулкие туннели были чуть освещены аварийными лампами и насквозь пропитались запахами гниения. Этот запах, въевшись в обмундирование, преследовал весь поход. Гниением пахли арыки с желтой ледяной водой. Гнилостный запах шел из жилых дворов с глухими глинобитными стенами – казалось, весь Афганистан пропах гнилью, и особенно доставал новичков. Скоро запах становился привычным и, казалось, пропадал вовсе. В то время как аромат роз, цветущих в каждом дворе, несколько усилился и не казался приторным, как в начале. Словом, через две недели обоняние адаптировалось к местным запахам. Колонна встала посередь не то деревни, не то города. Секретарь ячейки правительственной партии пригласил офицеров в гости. Зеленые резные ворота скрывали двор с водоемом. Посреди водоема стоял помост, на котором в больших горшках цвели розы. Между розами стояли металлические кувшины с длинными носами. На столбе внутри клетки из гибких прутьев вертелась перламутровая птичка. На водоем, на красные розы смотрели узорные оконца гладко обмазанного глинобитного дома. Дощатый навес на резных колоннах давал благодатную тень. Тень ложилась на роскошный ковер с резными стульчиками. Но даже и водоем, и глубокая тень ни на градус не ослабили изнуряющую жару – Качинского так и тянуло погрузиться с головой в мутную воду.

Хозяин, несмотря на жуткую жару, одетый в европейский костюм с галстуком из плотной ткани, разливал чай в пиалы из цветастого фарфорового чайника. Между офицерами сели соседи афганцы. Один в пышной чалме и меховой безрукавке, другой в расшитой тюбетейке на бритой голове и башмаках без пяток. Именно этот сосед и был истинным моджахедом, придя с разведкой к советским офицерам. Теперь засобирались другие соседи в голубоватых перонах – длиннополых рубахах на выпуск. Длиннобородые старики в широких шароварах перебирали черные костяные четки на красном шнурке. Четок было 99, по числу благих определений Аллаха.

Чем дальше пили чай, тем больше во дворе собиралось нарядных людей, и скоро у дымящихся блюд собралась лучшая половина городка. Засту-

чали барабаны, взвыли дудки, поднялась стрельба из старинных кремневых ружей. Все это происходило в невероятном пекле, только усиливавшимся от присутствия многих людей. По всему было видно, что городское население относится к шурави с почтением. После короткой молитвы, которую прочитал местный мулла, гости и хозяева обменялись речами. Причем, все говорили на великолепном русском языке без малейшего акцента. Даже в советских республиках говорили хуже. Оказалось, что все как один учились в Советском Союзе. Русский язык, по их признанию, афганцы впитывали как родной, отчего-то не испытывая ни малейшего труда в изучении языка очень трудного для самих русских. Сам вождь братских народов товарищ Сталин говорил с большим трудом по-русски. Словом, странно было видеть в разноцветной компании афганцев офицеров в пыльной полевой форме, солдат с автоматами, стоящих, правда, на улице. Еще более странно было, что все эти уважаемые люди с прекрасным знанием языка всего год спустя полностью перейдут на сторону моджахедов, а уж сами моджахеды без боя сдадутся талибам, тем самым муллам и студентам, горсточку коих нельзя было разглядеть в цветистой толпе.

Качинский плохо знал обстановку, но шестым чувством видел незримую стену между советскими и афганцами. Со временем лет через десять должно быть эта стена растаяла бы, люди породнились, произошла бы смена поколений и возможно действительно возникла бы дружба навек. Но пришли демократы во главе с президентом Ломоносовым, что были и вправду озабочены, но собственной жизнью. А вот отсталый Афганистан ныне мало уже кого интересовал. Видимо, афганцы это тоже чувствовали. Отсюда росла и утолщалась стена между людьми, практически говорящими на одном языке. Афганцы как бы стали у известного камня на развилке дорог.

Хозяин города Нур-Мухаммед в круглой мусульманской шапочке, расшитой серебром подошел к Качинскому.

- Мы с вами встречались в технологическом институте. Профессор Мартов подсказал мне тему кандидатской диссертации "Генная инженерия среди племен пуштунов, как следствие проникновения марксизма-ленинизма в исламский Афганистан".

- Генная инженерия! – воскликнул Качинский, оглядывая афганский дворик с водоемом, и указал на купол близкой мечети – А что скажет мулла?!

- Когда Мухаммед провел первую публичную проповедь у холма Ас-Сада в центре Мекки, на него посыпался град насмешек. А вот спустя полторы тысячи лет Коран признан современными учеными как энциклопедия высших знаний, в том числе и генной инженерии. Профессор Мартов принял ислам и после каждой утренней молитвы мечтает о том, чтобы с победой социализма в Афганистане наладить клонирование лучших афганцев.

- Клонирование! Лучших афганцев! Е-мое, куда я попал! – Качинский тоскливым взором обвел ближние горы, голые как грудь девушки.

Скоро вся компания офицеров вышла гулять по городу, сильно похожему на старую часть Бухары. Такие же слепленные из бросового материала глиняные дома, мечети с ажурными деревянными стенами, с полусгнившими

коврами на земляном полу. Мимо глухих глиняных заборов текли арыки с мутной ледяной водой. В глубине дворов на длинных веревках сушилось цветное белье. Редкие деревья не давали даже слабой тени и пыльные кроны были неразличимы по цвету. Вокруг центральной площади стояли большие дома, принадлежащие богатому руководству правительственной партии. Резные окна вторых этажей глядели на базар, что отличался большим выбором японской техники.

Другая техника советская лежала в оврагах и канавах по обе стороны пыльных афганских дорог, демонстрируя собой резкое отличие рыночных способностей японцев и советских шурави – ржавая бахрама сгоревших танков сильно проигрывала блестящей отделке японских мотоциклов. Наблюдая жизнь маленького городка можно было сделать вывод, что мусульманский Афганистан сделал выбор в пользу японского народного капитализма, но при этом лучшие афганцы бесплатно обучались в Советском Союзе и, по мнению самих же афганцев получали образование лучшее, чем давали американские университеты. Сравнить было что, поскольку богатые афганцы, обучившись в Советском Союзе, уезжали в Америку за вторым дипломом. О том и зашел спор глубокой ночью на военной базе, куда советская колонна наконец-то прибыла без единой потери, не считая барда Николая. Тот улетел в Кабул на вертолете сопровождения, где его ждала известная афганская певица только что вернувшаяся из Москвы, где училась в Гнесинке.

- Марксизм-ленинизм можно уподобить танку, пробивающемуся через непроходимую зеленку, – говорил генерал Журавель. – А вот японскую систему можно сравнить с моджахедом, прячущимся в том же непроходимом кустарнике. Мощный танк идет в слепую и непременно завалится в реку, а моджахед знает тайные тропы и, гибко преодолевая препятствия, ударит из гранатомета по этому же танку и выйдет победителем.

- Я предполагаю, – сказал Качинский, выпив спирт, разбавленный минералкой, – что лучшая система выживания – это моджахед с гранатометом, сидящий верхом на танке. В таком случае мощность и маневр – лучшие союзники.

Спорили до самого утра. Качинский вышел по нужде. Стоял ясный день, а всего час назад была темная ночь. От местной воды пучило живот. Не возможно было заснуть также из-за близкого боя, идущего по периметру базы. Гаубицы непрерывно долбили зеленку. Красные пулеметные трассеры и гроздь лимонно-желтых ракет украшали ночное небо с чужими звездами.

Утром невыспавшиеся водители и солдаты повели бронетехнику на большой скорости без прикрытия с воздуха и без разведки в ближних горах. Машины и сопровождающие танки разошлись на километры, и лишь пыльный столб означал место вырвавшегося бронетранспортера, несущегося по каменистым косогорам. Такая безалаберность и неуправляемость не могла быть ненаказанной. Только самый ленивый моджахед не выставил прицел на мишень, ничем не охраняемого стрельбища. По этой дороге провели без потерь десять колонн, но на одиннадцатой все поломалось. Сознание у штабистов и у офицеров батальона враз разладилось. Вертолеты куда-то исчезли.

Танки сопровождения принялись гулять сами по себе, подобно анархистам батьки Махно. Словно высшие силы, желая пополнить свое небесное воинство свежими жертвами, умышленно подставляли бронетехнику и бензовозы на одном и том же месте, где в прошлом году были расстреляны по одному и тому же плану. Сначала ухнул взрыв впереди колонны, затем в середине и, наконец, в конце. Почти одновременно рванули радиоуправляемые фугасы. Гигантскими кострами вспыхнули бензовозы, загорелись грузовики, покрытые тентом.

КАМАЗы принялись неудачно разворачиваться, и все как один, застряли в арыках и придорожных канавах. Танки развернули башни и принялись бить по ближайшей горе. Отставшие от колонны Т-80 развернули пушки и ударили по предместью ближайшего городка, где только что Нур-Мухаммед, что в переводе означает свет Пророка, инструктировал полевого командира моджахедов, как правильно атаковать шурави. Нур-Мухаммед, человек с двумя высшими образованиями, днем являлся секретарем местной партиячейки, а ночью с винтовкой с оптическим прицелом выходил встречать заплывавшие советские машины с пьяными водителями. Днем секретарь партиячейки получал партийные деньги, которые подпитывались советскими рублями, а за ночную работу платили доллары богатые американцы, что держали моджахедов на коротком поводке, натравливая их на советские войска. Человек с двумя лицами и жил надвое: сын Нур-Мухаммеда учился в Москве в институте международных отношений, а его дочь училась в Америке. Словом, семья Нур-Мухаммеда была двойной заложницей, и кандидату технических наук приходилось быть начеку и днем и ночью. Как только правительственные войска переходили в наступление и били моджахедов на границе с Пакистаном Нур-Мухаммед, как и вся правящая элита надевал европейский костюм и становился истинным коммунистом. Но стоило раз президенту СССР Михайло Ломоносову объявить о выводе ограниченного контингента, как Нур-Мухаммед стал правоверным мусульманином и, повязав голову черной чалмой, вышел с горожанами на атаку советской колонны. Но оказалось, что есть еще более правоверные талибы, и спустя два года, зайдя в городок, они повесили как предателя Нур-Мухаммеда на центральной площади вместе со всем активом партиячейки. ...

...Качинского взрывной волной бросило в кювет, куда он удачно приземлился, и руководимый инстинктом самосохранения он побежал в густые непроходимые заросли, что зеленым туннелем скрывали горную речку. Изорвав всю одежду и порвавшись сам в кровь, Качинский окунулся в ледяную воду, перемахнул небольшую речку и оказался в железных руках моджахедов – не помогли ни бокс, ни дзюдо, которыми он неплохо владел. Против лома нет приема, если нет другого лома. Качинского и двух солдат привели во двор Нур-Мухаммеда, где собралась знатная часть горожан, вооруженная одновременно кремневыми ружьями и гранатометами.

Солдат заперли в погребе. Хотели кинуть туда же Качинского, но хозяин оставил бывшего земляка во дворе среди возбужденных граждан, в один момент ставших фундаментальными мусульманами.

Нур-Мухаммед, бывший секретарь ныне полевой командир сменил костюм на длиннополую рубаху и широкие шаровары, велел женщинам обмыть синяки и ссадины Качинского.

Качинский утер кровь жесткой самотканой тряпкой, оглядел женщин, неотличимых друг от друга из-за объемной одежды и паранджи – вчера они были почти европейками со смуглыми лицами.

- Скоро вы ... перелицевались. Вчера у вас была одна жена, сегодня много - когда успели?

- Станьте Пророком, и у вас будет девять жен, но учтите, каждой нужен свой дом, служанки и мешок золота. Вторая моя жена – жена погибшего брата. Исполняю супружеские обязанности раз в год – мне стыдно думать, что я возлежу на супружеском ложе с женой моего горячо любимого брата. Все советские все свиньи. Вы с женой сходитесь и в менструацию и в беременность, Коран строго запрещает это. Кстати, Лев Толстой о том же писал в своих дневниках. И он же, кстати, в завещании повелел похоронить себя по мусульмански, без всяких памятников, как простого бедуина, умершего в пустыне.

Бывший секретарь подошел к Качинскому, подал чашку чая с верблюжьим молоком, прекрасное средство от жары. Качинский слегка раздвинул плечи и вновь огляделся. Всего два дня назад советские офицеры под этим навесом на цветистом ковре пили чай с добродушными афганцами со сладкими голосами и ослепительными улыбками. Ныне вокруг Качинского сидели бородатые хищники со свирепыми глазами, только что уничтожившие колонну из тридцати машин.

Внезапно на близкой горе на фоне кровавого заката возник грозный всадник на коне, держащий в руке развевающееся по ветру зеленое знамя. Нур-Мухаммед сказал:

- Всадник смотрит в вашу сторону, скоро мы повернем к вам и придем к вам.

- Я подумал, что это мираж, – сказал Качинский, утирая грубой тряпкой разбитые губы.

- Был мираж, но вот видение материализовалось, и Пророк зовет нас за собой.

- Куда? Что можно найти в нищей России?

- Все у вас есть: и подземные заводы и красивые женщины, только Бога у вас нет, и потому у вас женщины доступны как водка.

- Ломоносов вылил всю водку в Енисей, – сказал Качинский. – Наши женщины скурвились, без бутылки ни в какую постель не затащишь.

Нур-Мухаммед впервые улыбнулся:

- Самое лучшее в Советском Союзе – это женщины. Если бы у вас не было ракет и электростанций, все равно вы были бы на первом месте – по красоте и доступности ваших женщин. Пока я учился в институте и в аспирантуре я женился поочередно на всех однокурсницах, а затем преподавателях.

- А ведь Коран запрещает сожительство без брака, – наугад выкинул Качинский, ни разу не читавший Корана.

- По исламским обрядам на войне и в дальнем путешествии по чужим странам достаточно двух свидетелей, чтобы трижды сказать "развод" и ты свободен. Также при тех же свидетелях, сказав: "Я женюсь по любви", можно войти в новый брак.

- Первая жена от Бога, вторая от человека, а третья от сатаны!

- С вами трудно спорить. Такая поговорка очень идет мусульманской женщине. А вот ваши женщины равнодушны к иностранцам, особенно к восточным мужчинам. Ленин говорил – учиться, учиться, учиться. Но он забыл сказать – молиться, молиться, молиться!

- Тогда бы некогда было учиться, весь лоб расшибешь.

- Мы успевали. Я учился и молился в домашней мечети. Днем учился, ночью молился.

- А когда вы женились? – Качинский невольно качнулся, сказалась бессонная ночь и нервный стресс.

Нур-Мухаммед подал фляжку, снятую с убитого солдата. Качинский хлебнул спирт и ожил.

- Вы все молитесь, да молитесь, а кроме мечети у вас ничего нет!

- Есть Родина! Есть История! Есть кремневое ружье, могу подарить, - Нур-Мухаммед взял у бородатого моджахеда ружье столетней давности – Возьмите, большая ценность, ружье моего прадеда. А у вас что-нибудь есть от вашего деда?

Деда Качинского репрессировали в 1937 году. Дед сказал какую-то глупость в мечети, и его по списку арестовали на следующий день. Писарь в краевом управлении НКВД, земляк и друг деда поздней ночью кинулся оповестить о беде. Переплыл ледяную Каменку, и мокрый принялся стучать во все окна: "Спасайтесь, бегите!" На этот призыв дед Качинского спокойно ответил: "На все воля Аллаха". Так и сгинул дед бесследно в Колымских лагерях. Но Качинский не может судить те времена, тех людей, поскольку не жил в те времена. Не может советский судья судить человека, живущего в Афганистане, как и афганский моджахед не может судить советских женщин, не прячущих свое лицо под паранджей. Лицо не сексуальный орган, чего его прятать. Об этом Качинский прямо и сказал Нур-Мухаммеду.

- Вы как русской водкой пропитались американскими словечками: "секс, рок, герлз". А русский язык насколько я правильно его изучил, знает только слова: "любовь, судьба, дружба". Если вы не можете правильно говорить на своем языке, то зачем обучаете других? У вас нет фундамента, нет точки отчета. У христиан новая эра со дня рождения Христа, у мусульман летоисчисление со дня переезда Мухаммеда в Медину, а у вас все памятники снесены. Были памятники царям, вы взорвали. Был памятник Сталину, вы переплавили.

- Сталин не Бог.

- Сталин – Пророк с карающим мечом. Об этом весь мир знает, только советские забыли – шайтан им внушил.

- У нас новый Пророк президент Ломоносов. Он, как и Мухаммед запретил пить вино и есть свинину и вообще всякое мясо!

- Пить вино и есть свинину запретил еще Моисей, он же Муса в своих десяти заповедях. Но еще ранее о том же говорили Пророки Ной, Яков, Авраам, он же Ибрахим.

- Взяли и запретили. А чем жить русскому человеку в сорокаградусный мороз, если окромя кабанчика и самогонки ничего нет?

... Раздался грохот, сверху посыпалась черепица и доски. На низкой высоте с ревом пронеслась пара штурмовиков. Все упали наземь, кое-кто прыгнул в водоем, спасаясь от горящих обломков, летящих с разбитого неба. С высокого минарета близкой мечети упал деревянный купол, расписанный звездами, и навстречу истребителям открылась зенитная пушка со спаренными стволами. Стволы бешено задергались, извергая огонь, и по дуге развернулись в сторону штурмовика, выходящего из пике. Зенитный снаряд попал в ракету, висящую на крыле самолета. Взрыв разорвал штурмовик на части и огненный дождь осыпал квартал богатых домов. Высохшие под горячим солнцем деревянные постройки вспыхнули как порох, и скорый огненный вал накрыл маленький городок.

ГЛАВА 21

Качинский два месяца провалялся в госпитале и вернулся на службу с повышением: со званием старшего прапорщика на должность старшего по гаражу при гостинице.

По случаю выздоровления и прибавления по службе в Красноярск приехал Копперфильд с тремя вагонами снаряжения. Дэвид пригласил девушку из рядов зрителей, и назвалась она, конечно, Маргаритой. Маргариту связали, заковали, закрыли в ящик. Ящик поставили под быстро вращающуюся пилу. Пила с каждой секундой опускалась все ниже. Вдруг что-то замкнуло, пахло горелым, заметались замешкавшиеся механики, и пила с воем упала на деревянный ящик, мигом разрубив его на две части. Фокусник Копперфильд закрыл лицо руками, пронзительный женский визг сопровождал падение пилы. Но вот ящик распался, Маргарита строго глянула на зрителей и встала, точнее, встали отдельно туловище и голова.

- Классный фокус, – сказала голова Маргариты, плывущая отдельно от своего туловища.

Качинский пытался пробиться за кулисы, но охрана великого иллюзиониста отбросила его. Ночью Маргарита пришла сама, точнее пришла одна голова, что недолго маячила за окном. Качинский пугливо выглядывал из-под одеяла, не решаясь не то, чтобы открыть дверь, но и встать с дивана. Словом, Копперфильд пришел к нему домой с продолжением своих фокусов.

Наконец, Маргарита устала звать Юрия Николаевича, выдула изо рта узкое синее жало газорезки и вырезала оконное стекло. Качинский с головой накрылся. Кто-то сбросил с него одеяло и страшный голос спросил: "Ты звал

меня, дорогой?" Качинский открыл глаза. Посреди дома стоял Драконоид Бузор с головой чемпиона мира по греко-римской борьбе. Качинский с кочергой наперевес стал напротив. Чудовище зажгло красные глаза и сказало:

- Все в один голос: и Павел Глоба, и баба Ванга говорят, что ты станешь Президентом России! Так не бывать этому!

Чудовище выкинуло из-за спины стальное ружье и выстрелило, но ни одна стальная дробь не попала в Качинского. Качинский отступил к миниатюрной модели подводной лодки, крохотная команда которой наблюдала, выстроившись вдоль борта. Качинский скомандовал: "Товсь! Правым бортом первой ракетой... Пуск!"

С облаком пара из подлодки выскочила ракета величиной с карандаш и ударила в правый глаз чудовища. Драконоид взвыл тонким женским голосом и, схватившись за окровавленную морду, убежал во двор. Спустя время Качинский, подобрав дробовик, осторожно выглянул во двор и выстрельнул для острастки. Старый месяц осветил стол с пустыми бутылками, покрытыми изморозью.

- Не стреляйте, – слышался знакомый голос, и из-за угла дома вышла библиотечкарь Марьям.

- Как ты здесь оказалась?! – воскликнул Качинский, бросая ружье и обнимая девушку, трясущуюся от страха – Черт, что за ночь!

Нигде не виделось ни огонька, весь город был погружен в непроницаемую тьму.

- Какое-то чудовище пробежало мимо, – плакалась Марьям. – Ты опять пил с кем попало? Всякие глюки окружили тебя.

- Вот-вот, – в тон отвечал Качинский. – Это моя любовь пронеслась мимо. Вот вы и встретились.

- Любовь в таком страшном обличье?

- А что, тебе встречалась любовь в виде ангела?!

- Это верно! – согласилась Марьям. – Все мужчины – чудовища!

- А все женщины – ведьмы! Но как ты оказалась здесь среди ночи?!

- Ты меня позвал, вот я и пришла. Вообще-то не пришла, а приехала.

- Как позвал, ничего не понимаю?

- Во сне.

- И ты услышала?

- Моя бабушка была знахаркой.

- Колдуньей?

- Нет, знахарка. На, выпей зелье, оно придаст тебе силы.

- Зачем мне сила? Куда ее использовать?

- А помнишь, ты пытался применить силу. Попробуй снова, может получится. Теперь ты старше по званию, мне будет лестно!

- Ты меня испытываешь, ты меня пугаешь. Иные мужчины уступают женскому напору, а потом жалеют об этом всю жизнь.

- Ну, допустим, ты не из таких, – Марьям тихонечко подталкивала Качинского к дверям его же родового гнезда.

Но Качинский что-то не торопился домой и явно упирался настойчивым попыткам девушки завести ее в теплое помещение – она уж порядком замерзла. А тут еще дворовая сучка Пальма кругами носилась вокруг и пыталась укунить гостью за ногу.

Ну, заводи же меня скорей в холостяцкую комнатку с зеленым диваном и красной подушкой, с прекрасным видом на город с вечерними огнями!

Качинский дивился. Ну, не похоже это на Марьям. Его начал бить озноб – кто это рядом с ним?!

- Ну-ка, покажи паспорт, – приказал Качинский.

Три года назад о том же самом просила Марьям, пугаясь штампа регистрации брака.

- Да, конечно же, о чем речь, – Марьям слишком торопливо пыталась всучить документ, на ощупь, надо сказать, сильно помятый.

- Ой, какая же ты старая. Тебе здесь сто девятнадцать лет.

- Не шути так, милый. У женщины нет возраста. Ты смотри, какая тонкая талия, как у муравья. Меня муравьем и прозвали в институте...

- ... Благородных девиц, – в тон отвечал Качинский, оглядываясь на чьи-то звонкие голоса во дворе.

Несколько больших теней прошло мимо, обдав значительным холодом.

- Вспомнила! – воскликнула Марьям – Верно, я и была здесь сто лет назад. Век прошел как один год. Век назад мы здорово кувыркались с тобой на зеленом диване с красной подушкой и чудесным видом на Красноярск. Так веди меня же скорей, милый. Я надеюсь и в этот раз отстоять свою честь.

- Только через ЗАГС!

- Завтра, милый, завтра.

- Нет, сейчас! – отвечал Качинский, стойкий как оловянный солдатик.

И тотчас выдалось утро необыкновенно чистое по цвету и свету, а запахи улавливались за квартал – где-то работала кухня детского сада, и обоняние тревожил забытый аромат котлет и детсадовского борща с белым хлебом с маслом и с икрой...

- Кушать хочу, – ласково заглядывала в глаза Марьям, лежа рядом на детских кроватках, сдвинутых вместе.

- Я же тебя накормил, – отвечал Качинский, глядя в огромное окно, за которым вслед лучам солнца расцветал весенний Красноярск.

- Чем? – недовольно спросила Марьям, морща лобик.

- Любовью.

И здесь загрохотала входная дверь, а над головой Качинского возник полковник Голубев.

- Что? Спать? Твою! Мать! В шею! Гнать!

Через секунду Качинский навтыжку стоял перед начальником смены, А полковник, наоравшись, спокойным голосом сказал:

- Ширинку застегни, хрен моржовый! Набрали, понимаешь, тут гениев.

Качинский обиделся на слово «гений» и сам начал кричать на полковника:

- Не смей кричать! Уволюсь!

- Вы уволены.
- Подаю в суд.
- Майор Качинский, вон отсюда!
- В Гаагский трибунал подаю!
- Полковник Качинский! Немедленно покиньте пост, а завтра к восьми ноль-ноль приходите за билетом в Москву. Вас ждет президент Ломоносов. Да вот он и сам вперед прилетел!

Качинский со счастливым лицом, ощупывая новые погоны с большими звездами, кинулся навстречу стеклянным дверям, в которые втекала огромная толпа генералов и высоких чиновников с державными лицами. Впереди всех торопился мужчина с живыми глазами и картой Америки на лбу. Президента СССР окружали две миниатюрные женщины, одетые с таким изыском, что даже Качинский был поражен великолепием нарядов от Кардена. Глаза слепили множество бриллиантов, развешанных всюду как лампочки на новогодней елке. Два бриллианта сверкнули и в очах великолепной женщины по имени Лала.

Прекрасная Лала, ныне академик, президент академии изотерических наук сопровождала президентскую чету по всему миру, при этом наговаривая вполголоса на ухо Зое Спартаковне по персидски нежные слова-коды, зомбируя жену президента и всю президентскую рать. Завладев душой жены президента, Лала защитила докторскую, затем стала почетным академиком, завладев при этом кварталом правительственных зданий. Отныне тысячи сотрудников работали над разрушением правительства СССР, усаживая чиновников якобы перед детектором лжи.

Кандидатам на министерскую должность надевали наушники, подводили к голове электроды, и на дисплее возникали тысячи символов, ключей от души испытуемого. Ключи незаметно проникали в подсознание и открывали необходимые замки, закрывая ненужные. При этом как ценная рыба выживалась секретная информация Кремля. ЦРУ и мечтать не могло о таком результате. Лала с подопечными колдунами, изгнав прежнюю душу, сочиняла новую песню, используя стандартный набор кластеров. Красавица Лала минута за минутой год за годом вкладывала в уши Зои Спартаковны эти самые кластеры. И вот уже президент издавал приказ о ликвидации Берлинской стены, о поспешном выводе Западной группы войск, о самоуничтожении Варшавского договора и одностороннем само разоружении.

Президент Ломоносов с супругой прибыли на бывшую родину потренироваться в Аналитическом Центре, поиграть с игрушечным составом Истории. Да вот беда – потерялся ключ к замку, на который был заперт процессор игрового автомата. А без ключа История без толку бегала с одной железнодорожной колеи на другую. Говорят, ключ украл дежурный прапорщик Качинский...

Академик Лала рентгеновским взглядом исследовала Качинского на предмет ключа, но ключ лежал, в области сердца. По слухам, Качинский готов был вернуть ключ Истории, но только в обмен на Шнобелевскую премию.

Опять же по слухам, помогали Высшие Силы. Да и сам поэт неоднократно заявлял: "Стихи не мои". Назрела срочная необходимость вмешаться в эту связь.

Еще в Москве в лаборатории Изотерической академии был смоделирован двойник Качинского, но опыт не состоялся в виду малой информации. Хотя некоторые результаты были: Качинского стали преследовать видения, сны наяву, а во снах он напротив входил в активный режим – Качинского то и дело среди ночи подбрасывало. После чего поэт не мог заснуть, исследуя диван на предмет тайных пружин. Через ночь, уже на дежурстве "землетрясение повторялось" и Качинского подбрасывало за рабочим столом. Словно некто большой хватал его за шиворот, как котенка, и носил по институту длинными коридорами, пока не бросал на каменный пол с высоты двух-трех метров, отчего Качинский набивал значительные шишки. Качинский невольно стал задумываться о тайных враждебных силах, о некоей руке, управляющей его жизнью из параллельного мира. Уж не эта ли "Рука" погубила Есенина и Маяковского и прочих русских поэтов? После ранения в голову в Афганистане Качинского стали посещать мысли о Боге, как о единой сущности, возникло странное желание найти где-нибудь редкую Библию, а то и вовсе недоступный Коран. Словом, крыша основательно поехала...

Головные боли усиливались после бессонных ночей, коих добавилось вдвое. Начальство решило, что Качинский мало дежурит, и принялось выставлять его взамен старших офицеров, что один за другим отбывали в служебную командировку в США. Обещали и Качинского послать по турпутевке, но сие было недостижимой мечтой.

Веселила и скрашивала одиночество молодая уборщица, прибывающая на работу рано утром. Уборщицу звали Лала, была она по виду южных кровей, а говорила столь складно, что Качинский невольно засыпал от ее сказок и при этом бурно зевал перед лицом прекрасной дамы. Скоро новенькая уборщица каждый раз в новом наряде и поэт Качинский стали чудесными подружками, и делились маленькими семейными тайнами. Лала сказала, что родилась в Персии, воспиталась на Кавказе, а вышла замуж за сибиряка. Такая вот странная биография. Качинский, в свою очередь, сообщил прекрасной женщине, что, по словам мамы, родился он в час ночи 6 августа в деревне Козловка Ачинского района Красноярского края. Окончил Томский орден Трудового Красного Знамени Политехнический институт имени С.М. Кирова. Был за границей в 1985 году в Индии, и вот опять обещают отправить в командировку в США. Имеет два ордена Трудового Красного Знамени, три медали "За Трудовое Отличие". Ныне он секретарь парткома секретного объединения "Восток".

- Господи, как же вы это при таких чинах и званиях туточки сидите? – изумилась Лала, роняя швабру на каменный пол.

- Именно здесь на этом посту необходима отличная память на лица и события!

Увы, Качинский обладал слабой памятью, иначе он узнал бы в уборщице знаменитого академика Лалу, чьи портреты рядом с портретами прези-

дентской четы подавались в каждом советском издании. Не ведал Качинский, что прекрасная Лала, вешая ему лапшу, одновременно вставляла в уши гипнограммы. Эти гипнограммы управляли сознанием Качинского, когда тот в ночное дежурство тайно проникал в Аналитический Центр и садился за пульт гигантского компьютера. При этом Качинский чувствовал себя Наполеоном, который ведет свои войска по всему земному шару.

Вообще-то, советская наука как-то обошла стороной тезис о Бонапартизме: откуда берутся Наполеоны, что скачут галопом по Европам, помятросят да бросят?! А потом История ходит беременной, и внебрачные дети типа Качинского не слушаются маму и не учат уроков. Качинский управлял Историей как Александр Македонский своим Буцефалом. Но вот поводья руками Качинского держала Лала! Качинский то и дело сходил с коня, переводил стрелки по указанию Лалы и вновь садился на локомотив Истории.

То и дело на дисплее возникали столицы ведущих держав и, наконец, взору явился город Берлин с явной несурaziцей на карте: город разделен надвое Берлинской стеной и каждая часть развивается самостоятельно. Так человек, разрубленный напополам на аттракционах великого фокусника Копперфильда, движется раздельно – правая рука не ведает, что делает левая, хотя левая рука управляется правым полушарием. Берлин – голова Германии был также распилен пополам и, подобно шизофренику, жил двойной жизнью. Немецкая личность распалась надвое: капиталистическую и коммунистическую, что невозможно в природе вещей. И Качинский, по подсказке Лалы, ловко управляя "мышкой", убрал Берлинскую стену.

Что тут началось! Навстречу друг другу понеслись западные товары в ярких упаковках и коммунистическая идеология в уродливой рекламе типа "Партия - ум, честь и совесть эпохи". Сей лозунг был совершенно верным, как верно юношеское сердце и точен зрелый ум. Правда, сочетаются они с трудом: либо зрелый ум и усталое сердце, либо верное юношеское сердце и молодой незрелый ум.

Конечно, западный товар наголову разгромил восточную идеологию и немедленно восторжествовал дикий капитализм: все как один пожелали насытить желудок, а уж затем, сидя у камина, в благородной отрыжке вкушать культуру. Впрочем, о культуре забыли уже после десятой кружки крепкого Баварского пива, а сердца у многих просто не оказалось. Западные немцы тридцать лет уже пребывали в американской оккупационной зоне, и девяносто процентов немецкой души было насыщено свингом и рок-н-роллом. Напротив, восточная немецкая душа была полна Вагнера и Штрауса. Рок-н-ролл напал на вальс и сильно потоптал венца...

"Что я наделал!" - воскликнул Качинский и попытался вернуть Берлинскую стену, но правое полушарие уже победило левое и над реками пива не нашлось места мостам для романтических встреч. На месте Берлинской стены образовался автобан с восьми рядным движением, по которому плотно неслись тысячи "Мерседесов", только что сошедших с конвейера и запросто подаренных восточному немцу. Скоро, очень скоро "Мерседесы" вытеснят советские танки и, наступая на пятки бегущих войск, без единого выстрела

въедут в побежденную Москву. Скоро и москвичи перейдут на сосиски и пиво, рестораны "Макдональд" вытеснят знаменитую "Прагу" и "Пекин". Хотя, немного спустя, китайцы вернутся с товарами настолько дешевыми, что на голову разобьют западный импорт. У китайцев удачно срослись левое и правое полушарие...

Качинский со слезами на глазах наблюдал, как красный цвет здоровой крови терял насыщенность и уходил с карты ГДР, а на смену им шли розовые и голубые краски сексуальных меньшинств – основы западной демократии.

Россия тоже сильно соскучилась по синтетическому маргарину и резиновой колбасе в красочной оболочке, и русский народ из-под руки вглядывался в закат на Западе, из последних сил сдерживая себя, чтобы не броситься на шею американскому дядюшке с мешком подарков из армейских складов просроченной давности.

Качинский в глубокой досаде рвал волосы на голове и вдруг почувствовал, что кто-то помогает рвать грешные волосы. Качинский оглянулся, ба да это сам доктор Декабрь Февральевич Мартов.

- Великий почин да не пропадет бесследно в веках – сказал профессор Мартов – Ваше имя как отца демократической перестройки останется в веках.

Меж тем Мартов уже овладел "мышкой" и принялся двигать Историю в нужное русло.

Горе - Качинский забыл закрыть за собой дверь! И вот через узкую щель начали просачиваться сотни Березиных. Скоро весь зал заполнился лысыми чернявыми человечками, что соображали быстрее любого компьютера, где чего хапнуть и унести в тайное гнездышко. Березины сбросили иго контроля КПСС. И вот уже тонкие худенькие лапки с быстротой молнии носились по клавиатуре, готовясь на любых условия войти на Нью-йоркскую биржу. Следом валила толпа вечно голодных маклеров, готовых съесть своих родителей. Качинский рыдал, а профессор Мартов успокаивал младенца Истории, глядя Пророка по головке.

- Что сделано, то сделано, назад хода нет. Но есть движение вперед. История идет по спирали, и как у всякого явления у Истории два полюса – добра и зла. Точнее сказать, мужской и женский полюс, по-китайски – Инь и Ян. Вы крутанули колесо Истории, и стрелка установилась против мужского полюса – карты, деньги, секс, охота на медведей, игра на бильярде...

Свет в операционном зале погас и после короткой темноты как на аттракционах Копперфильда обстановка сменилась полностью. Взамен компьютеров и цветной карты явились бильярдные столы с зелеными сукнами и шарами. Сверху на столы падали снопы света. Помнится, несколько лет назад Качинский играл на таком бильярде. Навстречу Качинскому выступила высокая красивая женщина в темном платье с множеством оборок и с длинным шлейфом, вьющимся как змея по мраморному полу.

- Мы где-то встречались? – растерянно спросил Качинский.

- Меня всегда звали Мария Степановна, а вы при каждой встрече представлялись новым именем. Как можно делать Историю, меняя имя, точнее

имидж? Да вы делали не Историю, а себя в ней. А руководил вами половой инстинкт. У вас большое мужское сердце, которое находится сами, знаете где, и оно каждые три секунды выбрасывает в кровь приказ: "Ищи женщину!" Да вы не один такой и вообще История – не мужское занятие. Вы допустили множество ошибок, и далее Историю поведет женщина.

- Машинист – женщина?

- В этом вы убедитесь тотчас, едва мы сыграем в бильярд на интерес.

- Какой? – напрягся Качинский.

- На ку-ка-ре-ку. Кто проиграет, тот лезет под бильярдный стол и кладет на сукно билет до Москвы.

- Какой?

- Тот, что в ваших руках. В Америку полечу я! – и Мария Степановна уколола Качинского острым кием прямо в сердце.

Качинский застонал от боли, и здесь стеклянная дверь в фойе загремела от мощных ударов. Качинский кинулся вниз по парадной лестнице, засланной богатым ковром. А навстречу уже шла толпа нарядных людей в смокингах. На улице напротив входа стояли черные "Волги" и "Чайки", из которых выходили гражданские лица с военной выправкой – это прибыл член Политбюро Иван Сусанин.

Качинский с трудом пробился сквозь охрану и скоро столкнулся с Марьям, спешащей на работу.

- Спасибо за цветы, - Марьям заглянула в глаза и поцеловала в губы. – Красная гвоздика – любовь и революция, желтая – брак и счастье.

Марьям забрала из рук изумленного Качинского букет цветов и велела вечером быть дома. Она заготовила ему какой-то сюрприз.

- Вообще-то я люблю розы, но и это чудо: муж, встречающий жену с цветами ранним утром! – Марьям рассмеялась, покрылась румянцем и вновь поцеловала Качинского. – Спасибо, родной. До вечера...

Солнце вышло из-за тучи и закидало улицу Мира такими красками, какие могут быть только у сибирских импрессионистов в конце бабьего лета.

- Людей обижают! – громко возмутился рядом с магазином "Букинист" дважды горевший в танке Саша-маленький.

В результате клонирования лицо у Саши было совсем детским и обиженным как у ребенка, у которого отобрали любимую игрушку.

Саша-маленький принес на продажу кипу журналов "Фотография" из Чехословакии. На цветных обложках сидели девушки в форме восточных кувшинов. Продавец отказалась принимать журналы, поскольку такой страны как Чехословакия уже не существует.

- Саша – спросил Качинский, кладя руку на голову вечного студента Суриковского училища – Скажи какой сегодня на дворе век?

ГЛАВА 22

Наконец Качинскому выдали ордер на благоустроенную квартиру. Квартира находилась в высотном здании на очень большом этаже, куда вел

скоростной лифт. Лифт был оригинальный без передних дверей: едва кабина прибывала на нужный этаж, необходимо было срочно выпрыгивать. Такой же сложной была и посадка. В мраморном вестибюле лежала ковровая дорожка, ведущая в кабину с зеркальными стенами. Едва Качинский впрыгивал, как кабина с быстротой поршня в цилиндре двигателя принималась мотаться туда-сюда, и только прицелившись, можно было выпрыгнуть на своем этаже.

На своем этаже ветвились длинные коридоры, скрывающиеся в неизвестности, и Качинский долго не мог отыскать свою квартиру, поскольку в ордере забыли указать ее номер. Но квартира хороша, прекрасно спланирована с большим числом гулких и пустых комнат. Окна выходили на все стороны света, и жутко было выглядывать из них – внизу пропасть такой глубины, что не видать ни людей, ни машин. Зато напротив окон гудели басовыми струнами толстые в руку толщиной канаты ЛЭП-500. Ночами согласно закону индукции в теле Качинского возникали сильные завихрения. Высокое напряжение плавало мозги, которые в буквальном смысле закипали, и в итоге рождались прекрасные стихи. Рукописи, еще сырые, издательства выхватывали прямо из-под пера. Книги расходились большими тиражами, и скоро Качинский стал академиком словесных наук. Главный редактор «Костров» Геннадий Федорович Королев взял Качинского за руку, ввел в свой кабинет и посадил в свое кресло. Завхоз Чесноков вился вокруг нового редактора: "Водочки не изволите?" Нет, не изволит, поскольку голова Качинского кружится от большой высоты и болит вовсе не с похмелья, а от великих дум обустройства русского государства. Но именно эти высокие мысли вызвали ответную реакцию чиновников. Квартиру принялись отбирать, предлагая взамен другую, поменьше, где-то в Северо-Чемском районе, о котором в городе никто даже не слышал. Качинский отказался и готов был вернуться в родовое гнездо, но он так устал бесконечное число раз в дождь и снег взбираться по скользкой тропе с неизбежным падением. Наконец Качинский в гневе порвал ордер и вернулся на родину. За время отсутствия все квартиранты разъехались. Дом на горе стал столь диким и заброшенным, что Качинский плакал и звал ночами маму. Мать откликалась на слезы великовозрастного сына, ходила вокруг дома, заглядывала в окна, а иногда с соседкой тетей Дусей и прочими старушками подружками гуляла в подвале старинного дома, на который кто-то вывесил красивую вывеску на старинный лад "Магазин на горе". Качинский заглянул в магазин и нашел там пустую квартиру с множеством купеческих кроватей с толстыми перинами и множеством подушек одна на другой.

То, что называли магазином, на деле было буфетом с множеством зеркальных полочек и дверец. Качинский в растерянности поднимался в свою комнату, а из "магазина" вновь доносились голоса гуляющих женщин. За время отсутствия родовое гнездо обрело множество дверей. Одни выходили во двор, другие на улицу и Качинский, пугаясь воров, закрывался на крючки, но почему-то к утру все двери были открыты. Качинский ходил ночами по

пустой хате, выкликивал мать, чтобы разобраться с ней до конца. Все-таки дали ордер на новую хату или нет?

Качинский часто выходил во двор, и однажды к нему привязались Покровские бандиты, что принялись считать деньги в его карманах. Но, к сожалению ни в одном кармане не звенело, и шпана принялась выбивать военные тайны из Качинского, отчего здорово звенело в ушах. В общем-то, Качинский отбился и даже прогнал ребят из ЦРУ, но в тяжелом состоянии слег в госпиталь.

Койка стояла рядом с окном далеко от двери, и Качинский не мог сразу разглядеть, что за девушка стоит у двери с двумя большими авоськами. Разглядев, сильно обрадовался: "Валька!" Мужики на соседних койках тоже разволновались – красивая, а главное молодая. Валина мордашка ни в чем не уступает по симпатичности известной актрисе Галине Польских, чья фотка висит над изголовьем Качинского. Юрка Качинский тоже не страшен на морду, а телом здоров как бык. Юрке всего семнадцать лет, он постоянно встречается в неприятные истории. Впрочем, и Валька хороша. Соседский мужик положил на нее глаз и, углядев блудливую искорку в Валькиных глазах, разжег любовный костер и силой взял Вальку на старой хате. И вот Валька пришла каяться в измене, но Юрка отверг ее и отвернулся к окну. Валька пробилась к его кровати и принялась причитать: "Бей меня, бей! Только голову не трогай!"

Качинский стегал ремнем Вальку по голой заднице и, наконец, устав хлестать любимую девчонку, взял ее за попу и положил на себя. Юрка был зол и ревнив. Валька изменила ему на глазах соседей, но все же Юрка любил свою девчонку. А для Валуши побои любимого, что лечебный массаж для больного – она то боялась, что Юрка бросит ее. Все-таки Валя любила его, любила сердцем - Юрка был у нее первым мужчиной. Едва Юрка бросил лупить свою девчонку и взял ее за попу, как Валуша Петрова тотчас разбросила ножки...

- Ого!!! – воскликнула дежурная медсестра, когда Качинский, очнувшись после тяжелого ранения, схватил ее за ягодицы. – Наш больной выздоровел!

Качинский пришел себя и под гогот мужиков принялся извиняться:

- Простите, пожалуйста. Мне приснилась моя далекая юность и моя первая девушка.

Качинский лежал в офицерской палате в краевом госпитале, куда его привезли самолетом из Афганистана с ожогами и ранением средней тяжести. Выздоровел он на удивление быстро. Через неделю ходил по госпиталю, заглядывая в соседние палаты, где и нашел в одной из них Сашу-маленького, которому еще годы восстанавливать сгоревшее лицо.

- И тебя зацепило, – обрадовался Саша-маленький и тут же заплакал. – Не было у меня девушки, а теперь и совсем не будет. Кому я нужен такой?

- А ты поплачь медсестре в подол, она добрая. Попросишь, даст, у нее это записано в кодексе.

- Я не знаю, как это делать, я ведь мальчик.

- Она научит, она обязана помочь тяжело раненному – где надо под-держит.

- Она старая, ей тридцать лет...

- Тебе нужна мисс СССР? Пиши Ломоносову письмо: хочу королеву красоты, а с ней конфеты и цветы.

Качинский сам сочинил письмо в "Правду": "Нельзя входить в Афганистан, но коль вошел, останься там".

С письмом Качинский опоздал. Вышел указ Президента СССР о выводе из Афганистана ограниченных войск Узбекистана.

В ответ на указ в палатах прошли шумные демонстрации. Полевые командиры матерились.

- Сколько всего и все впустую.

Штабисты стояли на своем.

- Всех не накормишь. Пора по домам.

- Много ли человеку надо, – говорили фронтовики – Спирту да шоколаду, да девчонку по имени Лада.

Услышав про девчонок, медсестры торопились покинуть палату. Солдаты ограниченного контингента шутили без ограничений.

" - Товарищ прапорщик, расстегай – это рыба или мясо?"

- Это команда медсестре, когда сам не можешь!"

Азербайджанец из Баку, сосед по палате цокал языком, глядя на копию картины "Красавица" Кустодиева.

- Хорошая девушка.

- Женись на ней, – подсказал Качинский.

- Дома жена есть.

- Разведись и женись по новой, наша же лучше.

- Мулла будет ругать, она другой веры.

- Не говори мулле, как он узнает?

- Аллах все видит.

- У него прямая связь с муллой?

- Мулла с минарета видит Аллаха, Аллах видит меня.

Качинский устало закрыл глаза и вспомнил Афганистан, где мулла с минарета стрелял из пушки по советскому самолету. Самолет упал на переходной мост, по которому бежала толпа женщин и детей. Качинский, раненный осколками всю ночь прятался в зеленке, а утром, накинув паранджу убитой женщины, перебрался на другой берег, как паук, цепляясь за канаты и сварные конструкции. Полуразрушенный мост качался, и Качинскому подобное путешествие давалось из последних сил...

Качинский долго лежал с закрытыми глазами: позади война и впереди – это точно тоже война.

В палате темно. Длинный полумесяц прячется в тучах. Деревья голыми ветками стучат в окна. Под шум осеннего дождя в палате шел тихий разговор.

- Я был советником у Тараки, затем брал дворец Амира, вновь служил у Кармаля. А теперь куда?

- Афганцы не бросают друг друга в беде. Генерал Журавель зовет в Приднестровье.

Во сне к Качинскому вновь пришла ранняя молодость, молоденькая Валюша Петрова присела на кровать – Качинский извинился перед ней за грехи давней молодости. Расцвело, Качинский открыл глаза, а Валюша все сидела на кровати как старый укор – сколько лет прошло!

Валюша склонилась к Качинскому и спросила

- Ты сильно ранен, ты видишь меня?

Качинский вскинулся, живо поднялся с постели. Это была Марьям.

- Как ты нашла меня на этом свете!?

- Прочитала о тебе в газете...

Качинский огляделся. Мужики как один разглядывали красавицу.

Впрочем, для них даже пожилые врачи - самые красивые женщины в мире.

В красном уголке выздоравливающие смотрели телевизор. Президент Горбатов подводил философские обоснования под сухой закон, указ о котором рукой президента подписала Зоя Спартаковна.

- В Древнем Китае мудрый Конфуций издал приказ о взятии с пьяниц контрибуции. В Спарте Ликург и его соратники уничтожили все виноградники. В Афинах тиран Драконт гнал взащей всех алкашей. Царь Соломон в Иудее под безумный танец пьяниц заливал им в рот как кипящий сироп, расплавленный свинец. И, наконец, в средних веках алкоголиков сжигали прямо на столиках. Словом, друзья, перестройка, будем стоять стойко и трезво против врагов отечества.

Среди выздоравливающих пробежал смешок – чем теперь занять бесконечное время? Может пойти в байкеры – вон они носятся по госпитальному парку в косухах и казачках, клепаных сапогах на сверхмощных японцах, отравляя воздух и нервы афганцев! Госпитальные все сплошь в тельняшках кидают вслед байкерам костыли, но мотоциклы сильнее пули. Тогда может, настало время заняться любовью, но в указе Президента об этом ни слова. Впрочем, что не запрещено, то поощряется. Только у афганцев численное превосходство над медсестрами. Всякая свежая женщина, возникающая в госпитальном коридоре, как мишень на стрельбище принимает на себя стреляющие взгляды. Марьям спокойно переносила их, а Качинский напротив возмущался и торопил девушку, дабы не вызвать на дуэль одноногого воина.

"Любить так любить, стрелять так, стрелять", – призывал Розенбаум, выступая с гитарой перед афганцами. Большинство мужчин приняли это к действию и спустя девять месяцев все медсестры как одна ушли в декретный отпуск.

- Сестричка говорит афганцу: "Хочу от тебя мальчика"

"Нет проблем", – берет под козырек афганец. – "Завтра пришлем новобранца, говорят он еще мальчик".

Впрочем, в мальчиков превратилось большинство женщин. Кутерьма, продавшиеся бесам, сняли с женщин платья, и надели на них брючные костюмы. Миллионы девочек, худея до бесконечности, таяли на глазах, сводя с ума своих родителей, для которых и обычное платье было купить проблемно.

Не хватало не то что платьев, а обычных трусиков и бюстгальтеров. В чем Качинский убедился по весне, вернувшись в родовое гнездо. К этому времени у тетушки Наили поселились новые квартиранты Алла и Иван, что день и ночь на простой швейной машинке строчили то бюстгальтеры, то мужские галстуки. Качинский поразился однажды, заглянув к новым фабрикантам. Ему и в голову не приходило, что под видом швеи мотористки поселилась академик Лала. Она решила тем самым вплотную заняться обработкой сознания Качинского и окончательно тем самым закодировать его поведение. Алла - Лала довольно ловко строчила ажурные бюстгальтеры, не стесняясь мужчин, примеряла их то на себе, то на многих подружках, что повадились ходить на халяву – Алла угощала как студентов, так и Юрия Николаевича финским салями или редкими шпротами. А уж сухое вино стояло ящиками. Сверху лежали цветные ажурные трусики. Муж ее был весьма похож на гонимого члена Политбюро Ивана Сусанина.

Возможно, это он и был. По слухам Сусанин, вернувшись из Италии, скрывался где-то в Красноярске, буквально уйдя в народ, набирая тем самым сторонников среди будущего ректората. На Рождество сибирский кутерье Алла-Лала приготовила гуся с яблоками и гуся в сметане. На столь чудесные запахи пришло много гостей. Среди них известные писарчуки Валерий Черный и председатель Голубев.

Пива на всех не хватило, и большая компания во главе с бардами Клячкиным и Шепиловым сошла с высоты родового гнезда к пивному ларьку, где шел непрерывный бой. Ларек брали приступом со всех сторон даже с крыши. Вперед вышла баядерка Люся в платье из газа, несмотря на мороз. Часть толпы упала на Люсю, но все равно до окошка, забитого мелкой решеткой пробиться было не возможно. Тогда бард Шепилов вывернул шубу на изнанку, ударил трезубцем о землю, и толпа расступилась.

- Чукчи есть? - громко спросил бард Шепилов, оглядев толпу, и стальным трезубцем пробил железный ларек.

Продавец пива кавказец Имант, бледный как снег, вышел из дверей и упал без чувств в сугроб.

Глава 23

Что там ни говорили бы злопыхатели, а Perestrojka дала плоды. Всюду стало так – что не запрещается, то разрешается.

- Из нас живых остаться мог один, - пел в одном углу большого парка акын Клячкин.

- Доигрался, допелся, допился Шепилов! – вторил в другом конце национального парка ашуг Николай.

Всюду звенели, но не стаканы с вином, а золотые цепи на бычьих шеях новых русских, что наслаждались в картинной галерее «Родовым гнездом Качинского» работы художника Макарова. На великой картине великий поэт в свете двух светильников – Добра и Зла – сочинял роман в стихах. На спине

Качинского явно проступал горб – следствие ранения в Афганистане. На другой картине была изображена жена поэта Марьям, от которой исходил аромат суперледи. На этот запах сходились «быки» с золотыми цепями и делали нескромные предложения. Марьям высовывала из рамки русую головку с косой, и приглашала охранника, обещая подать в суд за скандальные домогательства в общественном месте. Приходил начальник караула, и Марьям объясняла, что ее предки перебрались в Красноярск еще в библейские времена, и суммарный возраст ее семьи подобно африканскому баобабу перевалил за семь тысяч лет.

- Семь тысяч лет – это семь киловольт, - шумела Марьям и пускала за рамку картины ветвистые молнии.

Мамехерка?! – кричали новые ортодоксы, отступая в свои десять тысяч лет!

- Бэ-тэавон – отвечали охранники.

- Мне бы водочки – смущался великий критик Пирогов, заблудившийся в картинной галерее вместе с великим поэтом Качинским.

Пирогов носил плащ неопределенного фасона из брезента – плащ был вроде паруса и помогал критику переходить широченные стриты Нью-Йорка. Пирогов подобно дельтаплану взлетал над нескончаемым потоком автомобилей, неотвратно несущихся подобно раскаленным болванкам по блюмингу. У Пирогова во всем мире были друзья, поскольку в свое время он преподавал латынь в медицинском институте. Пирогову проходу не было. Через каждые пять минут Пирогов с возгласом: "Старик, сколько лет!" – обнимался с великим композитором Муравушкиным, который писал песни на стихи крупных писарчуков. Уж очень хотелось Муравушкину вступить в члены Союза Писарчуков. Мало того, Муравушкин писал оперу на либретто критических статей Пирогова. Пирогов внимательно слушал, не выражая восхищения, и великий композитор, с досады плюнув на непромокаемый плащ Пирогова, ушел сочинять ораторию "Рональд Ойган на Енисее". Более всего бесила Муравушкина дружба Пирогова с прапорщиком Качинским. Сам Муравушкин имел звание майора запаса, которое было присвоено полковником Жириновским, когда тот шел в Индию через Сибирь. Качинский по мнению Муравушкина всегда ходил с унылым лицом и хитрыми глазами, коленки на брюках поэта лоснились, так что в жизни поэт не имел сходства с портретом.

Да поэт и вовсе не поэт, поскольку не признан столичными журналами. Весь бомонд Красноярья знал, что Качинский получает отказные конверты за подписью Ричарда Голодного.

Вообще-то нынешнее поколение чрезвычайно грамотно, даже бомжи под теплотрассой обсуждали литературную жизнь, что протекала меж радикальным "Знаменем" и русско-фундаментальным "Нашим современником».

И даже у татарской праздник «Сабантуй», что в переводе означает «Свадьба плуга». То есть плуг пашет землю, как крестьянин свою жену, отсюда и свадьба плуга. Татары прибыли в Красноярск со всего света – кто в багажном отделении «Боинга», кто в камерах, куда убираются колеса лайне-

ра. Мороз на высоте десять километров под 60 градусов, а татарину хоть хны!

Татары празднуют «Сабантуй» на острове отдыха, где на зеленом газоне растут белые и алые цветы, среди которых татары борются на полотенцах за живой приз – баран. К барану прилагается ящик «Жигулевского», но за пивом надо лезть на высокий столб: словом, нам татарам все бы даром!

Тихая овечка жевала изумрудную траву и наблюдала за стройными мускулистыми борцами. Один был выше на голову другого и носил на шее золотую цепь. Пудовая цепь мешала бороться, и новый русский то и дело падал в водопад, достопримечательность центрального парка. Новые татары и новые русские криком поднимали борцов, и те вновь начинали шумную возню под аплодисменты сотен Алсу. Чернобровые черноглазые девушки готовы были сами вступить в борьбу и заменить собой борца Рудку Гатиулина, но жена борца Лиза таскала девушек за длинные косы и потихоньку укорачивала золотую цепь на груди нового русского.

В конце концов, хитрый татарский судья поделил барана пополам. Барана пустили на шашлык и тут же съели, давясь полусырым мясом.

- Земля мала, – говорил Качинский, приветствуя сварщика ЖБИ-5 Рудку Набиулина и его жену Лизу. Ели беляши, начиненные картошкой и курятиной, по-русски расстегаи, по-американски хотдоги. Объевшись, лежали на зеленой травке. Пили кумыс, и Лиза объясняла новым русским, что "Буш" в переводе с татарского означает "пустой", а "Коль" – это "зола".

- Так вот с кем Ломоносов целуется и обнимается! – сказал критик Пирогов и обратился к Качинскому – Возьми во внимание, старик.

Тем временем президент Ломоносов целовался со стариками, что в пиджаках, сплошь украшенных медалями и орденами судили борьбу на поясах. Ломоносов с женой также прибыли на праздник, желая укрепить свой имидж.

Через парк проложена детская железная дорога, и Зоя Спартаковна бежала впереди локомотива, раздавая конфеты и перебрасывая ход вагонов со стрелки на стрелку. Но с некоторых пор локомотив Истории начал пробуксовывать. Вместо крестных ходов шли колонны кришнаитов в красных сари и били в барабаны.

- Идут бараны и бьют в барабаны! – насмешничала тихая овечка, обреченная на шашлык.

Опять же вместо привычных причесок наблюдались индейские ирокезы – петушинные гребни зеленого или красного цвета

Молодежь толкалась в немыслимых нарядах и говорила на птичьем языке:

- Ду ю вонь ту литр герлз, сэр?

Словом, круче быка только яйцо, выше «правильных» только звезды, которые во главе с Халой Харисовной затопили Красноярск – ресторан «Енисей» вышел из берегов. Это оппозиция, прибывшая в Красноярск вслед за опальным членом Политбюро Иваном Сусаниным, пропивала своего кумира. На улице Мира господствовал сухой закон, а в ресторане правил чефир крепостью и цветом чачи.

Опальный Сусанин снял квартиру у тетушки Наили во дворе родового гнезда Качинского. Тотчас со всего Советского Союза потянулась оппозиция, и город стал на время второй столицей. Зимой и летом по скользкой тропе, съезжая в грязь, поднимались делегации и депутации со всех автономных республик, которым Сусанин обещал суверинитета столько, сколько они унесут. Приходили видные писарчуки, спортсмены, среди которых выделялись теннисисты – Шамиль Тарпищев и Шамиль Басаев. Вслед за Басаевым прибыл генерал Дудаев с профессором Русланом Стальским. С Русланом приехал его друг известный летчик афганец генерал Александр Русских. Следом за Александром по скользкой тропе поднялся его афганский товарищ боевой генерал Журавель. Словом, собрались лучшие люди России.

В скором времени строители из Чечено-Ингушской АССР принялись рыть блиндажи и долговременные огневые точки. И делали они это столь ловко, что ни одной лопаты не выбросили наружу – по внешнему виду родовое гнездо Качинского ничуть не изменилось. Даже сам Качинский, слыша по ночам странный шум, доносящийся из глубины горы, не догадывался о сути происходящего. Сам Сусанин был очень вежлив и скоро дружил с Качинским. Сблизило их общее происхождение – их деды были репрессированы и пропали без вести в тридцать седьмом году. Дед Качинского был раскулачен в Красноярске, а дед Сусанина, владевший ветряной и водяной мельницей был лишен избирательных прав и приговорен к выселению в село Бутка в пятнадцати верстах от села Басманова Уральской области. Мать Бориса Клавдия Васильевна, оставшись с маленьким сыном и приехав в Красноярск, устроилась чернорабочей на Хлебозавод №2, что располагался на улице Инской. Поселились они в старом купеческом доме на углу на пересечении улицы Инская и Шевченко. Дом этот стоит до сих пор, глядит тремя окнами на долину Каменки, и Сусанин часто приходит в дом, где прошло его детство и по долгу разговаривает с Ниной хозяйкой дома, что приютили семью Сусаниных. Дом уже давно годится под снос, и Сусанин твердо обещает Нине дать благоустроенную квартиру, но прежде он должен стать президентом России, чтобы бороться с привилегиями в партийной верхушке.

Борьба с привилегиями основная тема бесед Сусанина и его товарищей, что ушли в оппозицию прогнившей власти.

В том, что нынешняя власть от сатаны Сусанина каждый день убеждали пророки из Новозаветной религии свидетелей Егови. Егова есть Бог бессмертных, а Сатана есть Бог смертных людей. По прошествии шести тысяч лет Егова одолеет Сатану и ввергнет в глубокий провал, замурует и запечатает его там, а затем установит мир, свободу и благоденствие всем народам на тысячу лет под всемирным правлением Иерусалимской республики. Город Иерусалим будет украшен драгоценными камнями, а улицы вымощены прозрачным золотом. Город будет окружен огромной стеной из яшмы, а по периметру стены будет стоять тысяча золотых столбов с именами тысяч пророков, и непременно имя и фамилия Сусанина будут обозначены на одном из этих столбов. Сам Иван будет жить во дворце Егови, из-под которого вытекает река, и на берегах ее будут расти дивные фруктовые деревья, принося-

щие плоды каждый месяц. Люди не станут ни стариться, ни умирать, а всю вечность будут оставаться бессмертными, мужчины в возрасте тридцати четырех лет, а женщины шестнадцати лет.

Все цари, народы и племена находятся в погибельном заблуждении: христиане, иудеи, караимы и магометане еще не знают своего Бога. И только сто сорок четыре тысячи избранных, среди которых Пророки Янох, Илия, Замолквин из донских казаков, Пифагор, Сократ, Зороастр, Валаам, Иоанн, Захарий- еврей из Метавы, а также последний Пророк Магомет из арапов увидят Свет над всеми народами!..

Сектанты ушли, а в доме Ивана и Аллы продолжали строчить швейные машинки, благодаря которым осуществлялась финансовая поддержка оппозиции. Дивные кружева бюстгальтеров и дамских панталон обязаны были привлечь на сторону будущего царя лучших представительниц прекрасной половины России. Дамы, пользуясь, случаем, наводнили штаб квартиру русской оппозиции пышными телесами. Прознав об этом, из Москвы прибыла Зина истинная жена царя, и тайно от тетушки Наили поселилась на хозяйской половине как у себя дома.

Бдительные соседи, что день и ночь выглядывали через мощные диоптрии старых очков, накатали заявление, как это они любили делать со времен Очакова.

Не менее бдительный участковый оглядел скромную хату Качинского с книжным шкафом и оранжевой печью, украшенной фигуристой русалкой. Затем капитан милиции принялся пытаться проработать о соседях, которых Качинский в жизни не видел и не слышал. Да и действительно, поэт Качинский ничего не видел вокруг себя, хотя как работник КГБ был обязан интересоваться жизнью сотен чеченцев, каждую ночь роящих землю под самым гнездом поэта. Даже днем были слышны странные звуки. Недаром капитан прикладывал ухо к стене, к печке, заглядывал в погреб и, наконец, увел Аллу и Зину как военнопленных, принудив их положить руки на голову. Столь жесткий арест был вызван полным отсутствием документов. Алле и Зине грозила 198 статья за бродяжничество и нарушение режима. Как раз в ту пору Сусанин выехал в Москву брать на свою сторону Верховный Совет и, вернувшись через неделю, нашел совершенно пустую квартиру с прокисшими щами. Сусанин кинулся искать секретаря и жену по моргам и больницам, а нашел женщин в приемнике распределителя, где Алла и Зина спали на одних нарах с бомжихами. Кормили бомжей один раз в сутки и возили раз в неделю для отмывки, а затем в кождиспансер на предмет сифилиса. Одежду дезинфицировали в паровой камере, а душу чистили в ежедневных лекциях, на которых Алла и Зина потеряли десять килограммов живого веса.

Сусанин сам сел на нары, тем самым, выражая протест. Тюремные нары оказались в два этажа, где на двадцать коек было запрессовано сорок заключенных. Зеки ели и спали в жуткой духоте. В тропической жаре сидели обнаженные по пояс, каждый на своей шконке, и слагали устные романы в стихах.

"Вставай Громов,

Вставай, детка:
 Задрисстал всю
 Пятилетку"

С верхней шконки навстречу будущему царю встал вечный диссидент Юрий Петрович Громов, согнал вора в законе Георгадзе, внебрачного сына Секретаря Президиума и пригласил на его место Сусанина. Сусанин, задыхаясь в парах мочевины, с трудом влез на второй этаж, и здесь его достал другой вор в законе, полоснув заточкой.

"У залетки сорок восемь –
 Я сорок девятая
 Через зад брюхатая!"

Слегка раненый Сусанин и его новый товарищ Юрий Петрович коршунами налетели на бандитов. Царя Всея Руси поддержала камера, но на помощь вора в законе поднялась вся тюрьма. И вот в знаменитой Красноярской "пятерке" случился бунт. Зеки взяли в заложники контролеров, вынесли на плечах двойной забор и выстроились в две колонны. Одна колонна под командованием Сусанина пошла брать Москву, а другая ушла в тайгу, где под Минусинском организовали коммуну. Юрий Петрович Наумов, поселившись на краю отличной земли Саянской Швейцарии, вырастил богатый урожай арбузов и длинноногих дочек разного возраста. Последним жена Юрия Петровича выдала на-гора черного как уголь мальчика. Недалеко в Черногорске были шахты, добывающие антрацит. Всех девочек, белых как снег, нашли в капусте, а мальчика в угольном забое...

Сусанин, Громов, академик Алла во главе колонны зеков успешно продвигались в сторону Верховного совета. Где-то в районе Свердловска Михайло Ломоносов, напуганный народным восстанием, назначил Сусанина заместителем Председателя Госстроя СССР. Но Сусанин продолжал наступать, и вот в районе государственных дач в Успенском агенты КГБ, переодетые в зеков, сбросили Сусанина с моста в речку. Сусанина спас прокурор, вовремя прибывший на место происшествия и передавший из рук в руки мандат народного депутата. Дрожащий от холода Сусанин выпил стакан самогонки и по такому случаю прямо у дверей Белого дома станцевал танец маленьких лебедей. Помогали ему академик Яковлев, профессор Сталький, летчик Русской. Танцевали все в балетных пачках из вафельных полотенцев. Затем знаменитая четверка слушала в Большом оперу Мусоргского "Иван Сусанин или жизнь за царя". По окончанию спектакля Сусанин продолжал танцевать, но уже с оперными артистками. Зинаида Иосифовна стояла в стороне и вспоминала жизнь в Красноярске, где в магазинах не было даже черной икры.

Но с некоторых пор бутерброды с черной икрой стали диетическими продуктами и в Красноярске. Академик Лала, она же закройщица Алла вышла за известного в России оперного певца Бориса Кокарева и на его зарплату в семьдесят рублей купила дом на улице Брянской под номером семьдесят.

Алла и Борис Кокарев пригласили Качинского на новоселье, которое продолжалось несколько месяцев с перерывами. Алла, просыпаясь среди ночи, смотрела спросенок на двух недоумков, склонившихся над шахматной

доской, и отворачивалась к стене, обнажив розовые ягодицы, крутые как у "Венеры" Веласкеса. Качинский не мог отвести взгляда от шахмат, но и ягоди соседки тоже тянули как магнитом. В итоге глаза разбегались, и Качинский сдавал Борису партию за партией. Словом, Кокаревы, имея численный перевес, всегда выигрывали. Причем, великий тенор настаивал на своем исключительном таланте, что было весьма спорно. Алла - Халла хорошо играла не только нижней частью, но и головой. Академик изотерики перешла на книжную спекуляцию, и скоро все стены домика на Брянской были украшены редкими изданиями. Иногда с книжных полок спускался Омар Хаям, присоединялся к шахматистам и читал стихи

"Словно любимую, печь обнимаю –
Губы к огню как к глазам прижимаю".

Омар Хаям советовал Качинскому срочно жениться на той, которая стряпала деньги как блины. Качинский вспоминал Марьям – может она и есть второе крыло. Но Омар Хаям качал головой с сомнением и говорил о трагическом исходе: слишком чиста избранница – коммерция разобьется об острые скалы быта.

Но у других коммерция расцветала с каждым днем. На каждом углу дымили шашлычные, лежали горы апельсин, правда, еще дороже, чем на базаре. Качинский ходил как во сне, в каждой женщине искал свою жену.

"Подорожник трава на душе тревога" – пела Алиса Мон на одном базарчике. А из другого ларька ей вторил Вячеслав Бутусов, что, закрыв глаза, стонал в микрофон: "Пьяный доктор сказал, что тебя уже нет, но я хочу быть с тобой".

Из третьего ларька слышна татарская песня "Кара Урман". Из киоска вышел Рудька и пригласил домой.

- Смотрите, кто пришел, – радовалась Лиза – Бяйрям белям! С праздником!

- С каким праздником?!

- Ты пришел, ты и есть праздник. А твоя девушка - праздник вдвойне!

- Какая девушка?

- Маргарита! Мы с ней давно знакомы. Вот сметана – каймак, вот бяляш, вот шикяр. Все съешьте – с татарской простотой наседала Лиза по паспорту Гуля.

Лиза принесла Солженицына. Качинский озадаченно полистал – книга издана в Нью-Йорке. Стоит сто долларов.

- Наш русский, – сказала Лиза. – Много пострадал и совсем не жадный. Вчера был в гостях: кожаное мне, турецкую дубленку Рудьке, сапоги итальянские, белье импортное, мыло из Казани – возьмите, говорит от сердца. Ай, чуть не забыла – холодильник принес, стиральную машину. Ай, чуть не забыла телевизор "Сони".

Действительно, по телевизору "Сони" показывали программу "Время". Министр иностранных дел Шеварднадзе, вооружившись саперной лопаткой, вытеснял митингующих с центральной площади Тбилиси. Ему противостоял

Патиашвили. Саперные лопатки звенели от встречных ударов, сталь искрилась, и все это сопровождала музыка застойных времен "Время вперед".

ГЛАВА 24

Встречу Нового Года Качинский начал еще с седьмого ноября. Поэт совместно с художниками упился «Солнцедаром» и проснулся под столом.

Проснувшись, Качинский смотрел телевизор «Рекорд». На экране по всем каналам выступала Маргарита, с гитарой в руках исполняя фигурное катание: «Двойной Аксель», «Тройной Лутц и «Тройной Одеколон».

Качинский переключился на 28 канал, который предполагалось запустить в следующем тысячелетии, но для пробы «дали понюхать» советскому зрителю. На канале «Культура» и вовсе праздник. В филармонии шел бал – маскарад, который удался на славу: полуголодные артисты и художники, стоя у сказочного стола, полного всяческих сыров, колбас и паштетов вкушали вволю, что забыли в этот вечер о диете. Каждый очередной тост почему-то предлагали за прекрасную Маргариту и, наконец, объявили конкурс на лучший танец. Вокруг стола закружился шелк, бархат. В воздухе полетели кружевные ленты. Гордая венецианская догалеса в жемчужной шапочке с длинным шлейфом, который нес голубой паж, соревновалась в изяществе с еще более гордой испанкой в черных кружевах и с огромным веером. И что важно обе женщины были с одним лицом Маргариты. Прибежала турчанка в шелковых шароварах с осиной талией. И уже по одной талии самой узкой из всех женщин можно было признать всю ту же Маргариту. Следом за турчанкой маленькими шашками прошла маленькая японская мусмэ в расшитом цветами и птицами кимано.

Качинский умирая от тоски, кинулся следом за японочкой вглубь телеэкрана, и необычный телевизор – новогодний подарок Мастера – принял Юрия Николаевича.

На втором канале Качинский встретился со вторым мужем академика Аллы – великим певцом Борисом Кокаревым.

- З-завтра п-премьера – сказал Борис – "Л-лебединое озеро".

- Ты танцуешь принца?

- Я пою в к-кордебалете, приходи и ты, только плавки не забудь, чтобы к-кокушки не растерять.

Борис водил Качинского, начиная с первого этажа и до последнего. В огромных зеркалах отражались балерины с тонкой фигурой и большими глазами Маргариты. Множество манекенов с головой Маргариты стояли на столах среди горящих ламп. Мастерские были полны женскими голосами и женским теплом. Бледные женские руки, не знающие загара, насаживали на деревянные болванки рыжие и черные парики. В одних мастерских пол украшен цветным кафелем, в других полированным паркетом. В большие окна видна театральная площадь с черным асфальтом, на который ложится снег,

непрерывно падающий крупными хлопьями. "Ого ", – подумал Качинский. – "Скоро зима, а там и Новый год!"

А Новый год уже пришел в бутафорские мастерские, где в каждом углу стояли елочки, увешанные масками. Женские белые руки, не знающие прямого солнца, покрывали их фосфоресцирующими красками. Артист, вращая невероятными глазами, пугал зрителей.

На полу декорационного зала по огромным холстам ходили художники, среди которых Качинский узнал и Сашу Макарова и Сашу-маленького, носившего за шефом ведро с краской. Подобно малярам декораторы макали огромные кисти в ведра с краской и мазали холсты – взору являлась абстрактная живопись. И только издали можно разглядеть горы, леса и замки. Холсты поднимались на штанкетах, и осветители в ложах направляли разноцветные лучи на грубые холсты, на которых уже был приклеен легкий тюль, изображающий туманность. И вновь на фоне огромных занавесей пробежала девушка с лицом Маргариты.

Качинский кинулся следом и оказался в костюмном цехе, где на никелированных стойках висели платья всех времен – Маргарита поочередно примеряла старинные костюмы!

Вдруг сверху пошел крупный снег да такой густой, что Качинский совершенно потерялся. Крупная снежинка легла на ладонь, и Качинский разглядел, что она шестиугольная и состоит из шести треугольников очень тонкой вышивки. Известно, что треугольник самая прочная геометрическая фигура, и потому снежинки как настоящие, так и искусственные бывают только шестилучевые. Такой же густой снег шел и за окнами Оперного театра. Машины двигались со скоростью пешехода, едва протыкая занавес желтыми фарами, деревья покрылись снежными шубами. На резные наличники, кокошники деревянных домов легло апплике – накладное серебро из плотного снега. Люди скользили по льду под музыку арабесок с причудливой мелодией.

В таком же апплике, но уже из настоящего серебра перед Качинским возникла Маргарита, играющая роль Снегурочки. Из лучистых глаз снегурочки перетекала зримая "Элегия" Масснэ. Снегурочка - Маргарита взяла Качинского за руку и повела на спектакль. В фойе пахло духами и снегом. Мужчины снимали шубы, стряхивали с женщин снег. Женщины у огромных зеркал выходили из верхней одежды как бабочки из куколок, оправляя как крылья свои лучшие платья и внося в театр особую праздничность. Женщины клали перламутровые мазки на губы, и тотчас из недр раскрывшейся души выпархивали особые только что родившиеся улыбки. Улыбки, отразившись от зеркал, влюбленных в женщин, летали по театру, как разноцветные летние бабочки над зеленым лугом. Бабочки садились на скульптуры Аполлонов и Венер, стоящих полукругом. Одни бабочки садились на бюст, другие на тонкие пальчики, прикрывающие мраморное лоно.

Внизу масса людей растекалась по партеру с рядами бархатных кресел. Сверху также попарно по театральной лестнице спускались и растекались по

ярусам такие же красочно одетые люди с матовыми руками у женщин и блестящими глазами у мужчин.

Снегурочка - Маргарита усадила Качинского в амфитеатре, одарила многообещающим поцелуем и пропала за одной из тяжелых дверей бельэтажа.

Медленно погасла огромная люстра, висящая как гильотина над партером. Одно из звеньев цепи было подпилено. Разошелся таинственный занавес, и по огромному озеру поплыли два лебедя: кристально чистая Одетта и вероломная в черном Одиллия – обе с лицом Маргариты. Борьбу темных и светлых сил окружил кордебалет в пачках с живой оградой с сотней стройных ножек, распадающихся на восьмерки, четверки и двойки. Сильная вентиляция колыхала прозрачные занавесы и юбочки балерин. По сцене летал настоящий снег, и Качинский только удивлялся, что они до сих пор не простыли, танцуя голыми на ледяном ветру. Может, из-за ледяного ветра и гусиной кожи балерины смотрелись такими же мраморными Венерами, что стояли по верху театра, и не вызывали никаких эмоций кроме жалости.

Подобно же холодному ветру мощными волнами выплывала из оркестровой ямы музыка Чайковского, на крыльях которой летали балерины в пачках. Едва стихал музыкальный порыв, принимались за работу клакеры громкими редкими хлопками, зажигая бурные аплодисменты, что хорошо согревали совершенно застывших артисток.

В перерыве на крыльях все тех же аплодисментов прилетела Снегурочка - Маргарита и с веселым лицом увела Качинского туда, куда ей хотелось, а именно в буфет с золотыми апельсинами, которыми угощалась золотая молодежь. Качинский с ярким галстуком в крупный рисунок тоже смотрелся неплохо на фоне обворожительной Снегурочки, готовой растаять под горячими взглядами гордых театралов. Сам буфетный стол напоминал натюрморт с картины старых мастеров: прозрачная кисть винограда, горка новогодних мандарин, советское шампанское в высоких фужерах. За окном шла метель.

Буря шла и на сцене, разметав легких лебедек. Буря росла и в сердце Качинского: уж не он ли принцем кружится меж Одеттой и Одиллией двух масок Маргариты. Каждая необыкновенно хороша, но одну он любит умом другую сердцем. Спектакль закончился. Буря улеглась на сцене и на улице. Старинный город вдруг украсился необыкновенными скульптурами из живых деревьев, покрытых как новогодние елки толстым слоем ваты. На улице звучала уже иная музыка, похабная для слуха после бессмертной музыки Чайковского. Сотни молодых чалдонов, на девяносто девять процентов русские по крови, несли в руках японские стереомагнитофоны, на сто процентов полные американского рок-н-ролла. Иногда западных бесов разбавляли русские, что бесились на свой манер. Среди праздной молодежи ходило много бомжей в мятой одежде, на тротуарах сидели беженцы с детьми – когда и откуда наехали!? Качинский в свете ртутных ламп шел под руку с Маргаритой, что двигалась упругой свободной походкой выпускницы театрального института. Тесня Качинского, росла толпа поклонников разного возраста. И вот он уже стоял в стороне, а Маргариту уводили дальше: вот ее посадили в япон-

ский микроавтобус, вот машина, перемигнувшись цветными огнями, стремительно погнала по пустому проспекту. Качинский ужасными глазами оглянулся вокруг, как бы ища опоры, и вдруг увидел Марьям. Девушка в пальто с меховым воротником и простой шали, накинутой на голову, смотрела большими глазами, но почему-то мимо, словно наблюдала кого-то за спиной Качинского. Вот Марьям, словно только что, увидев Качинского, перевела взгляд, попыталась улыбнуться и серьезным голосом спросила, увидев страдание в его глазах:

- Есть проблемы? Что-то серьезное?

Качинский молчал, невольно сравнивая женщин: одна ровное семейное счастье, другая – свет рампы, брызги шампанского и взрывы петард! Несовместимые вещи! Качинский с вздохом вспомнил – где-то разрешено двоеженство... Качинский подошел ближе, взяв руку Марьям, спросил:

- А у тебя все хорошо?

Качинский попытался поцеловать, но Марьям привычно отвела губы.

- После свадьбы... делай что хочешь.

- Хоть завтра...

И здесь японский микроавтобус, бесшумно подкатив к тротуару, бесшумно открыл дверь, и Маргарита протянула узкую ладошку. Качинский, не помня себя, схватился за нее и тотчас оказался в салоне. Что было дальше Качинский помнил смутно. Пиво и шампанское лилось рекой. Маргариту избрали королевой прессы, и Снегурочка танцевала с именитыми артистами. Каждое ее появление вызывало среди богемы бурю восторгов. Качинский же напротив страдал, по сердцу шла такая волна тоски, что люди держались от него подальше. Сердце вспоминало Марьям и тяжело билось, шлепая по крови, как лопасти корабля по большой воде.

Вдруг пробило двенадцать часов, все закричали: "Ура!" Стали поздравлять друг друга. "Что это?" – спросил Качинский. "Новый Год", – рассмеялась Маргарита.

Качинский едва не зарыдал и стал пить все, что попадало в руки. И лежать бы ему вновь под праздничным столом, да Маргарита, ловко подхватив под руки, вывела на свежий воздух. Довольно скоро, пользуясь яркой внешностью, она поймала такси.

- Куда?! – Качинский крутил головой, пытаясь понять, куда едут

- К тебе – просто отвечала Маргарита.

И вот они, сбежав с новогоднего бала, приехали к Качинскому на продолжение чудесного праздника, что случается с человеком один раз в жизни. Если бы Качинский отказался ехать к себе, другого бы случая не было. На кухне молодых встретил бдительный домовый. Сначала он шипел на Маргариту подобно коту, потом стал судьей в любовной борьбе, что началась со стойки, а затем перешла в партер. Маргарита дважды хищница львица и тигр по двум гороскопам к утру съела Качинского, но все равно осталась голодной.

- Кушать хочу! – сказала Маргарита, смущенно пряча глаза.

ГЛАВА 25

В Москву, Москву, Москву! В столице назревает вино – водочная революция, которую возглавляет Иван Сусанин. Со всего Красноярска на аэродром стекался бомонд, измученный трезвой жизнью.

На заснеженном поле стоял огромный «Антей», способный вобрать в себя танковый батальон. В гулком салоне был жуткий холод. В разных концах самолета горят костры, вокруг коих грелись художники, писарчуки и прочая музыка, которую по приказу будущего царя всея Руси приказано сбросить под Москвой на помощь пьяному революционеру.

Криминальный журналист Николай Горбатов читал друзьям новый роман, который пишет последние десять лет:

- В заповеднике «Столбы» на скале «Дед» в плохо укрепленном домишке живет идеолух Сергей, которого воспитали дятлы. Ветер качает домик на краю пропасти, и Сергей подобно филину мечется по дому, спасая пропащую душу...

- А теперь зажигай! – приказывает идеолух Сергей, поднося зажигалку к рукописи журналиста, подчиненного вражьей пропаганде трезвости.

- Но я не получил гонорар! – возмущается Коля. – У меня жена и две дочери.

Выясняется, что у каждого композитора и художника слова есть жена и две дочери.

- Бракоделы, - сплевывает главный редактор «Костров» Геннадий Королев, которому вновь выпало счастье лететь в Москву с мелким народцем.

- У меня батарея отключена, - жалуется Коля Горбатов.

- Скоро согреется! – утешает идеолух Сергей, который вчера вел антиалкогольную пропаганду горячительных напитков.

Горбатову врачи запретили алкоголь из-за больных надпочечников, и Коля, горестно вздыхая, читал вырезку из газеты «Красноярский комсомолец» за 1931 год.

Журналисты Иван Голубев и Симон Муравушкин отмечали религиозный праздник Пасху, распивая спиртные напитки на кладбище, чем оскорбляли прихожан местной кладбищенской церкви. На комсомольском собрании Ивана Голубева и Симона Муравушкина исключили из членов Пивного клуба и отправили врагов народа на Колыму заготавливать золото на строительство авиации СССР".

В огромном самолете горели костры из старых газет. Меж кострами ходил Борис Симонович Муравушкин и под аккордеон пел оперу на слова критика Пирогова. Пирогов на пару со старшим редактором Чесноковым в тихую боролись с бутылочкой армянского коньячка, что так и норовил вырваться из трясущихся рук. Руки известных литераторов тряслись от вибрации огромного корпуса самолета, что с завыванием бежал по огромному полю, напрасно пытаясь оторваться от родимой земли: на лицо был явный перегруз, в самолет набилось более тысячи лучших людей Красноярска.

Тяжелый самолет долго бежал по бетону, пока не свалился с Покровской горы и, отчаянно воя мотором, разбудил местных жителей.

- Что будет, что будет! – взволнованно говорила переводчица Майя, гуляя под руку с прапорщиком Качинским глубокой темной ночью по крыше секретного объекта, который охранял поэт.

Майя была приставлена к поэту Качинскому следить за его душевным здоровьем.

- Что будет? – спрашивал поэт Качинский, одетый в армейский полушубок и валенки.

Осколок яркой луны блестел на штыке автомата. В эту ночь Качинский, прогуливаясь по крыше секретного здания, следил за воздушным пространством. Город погрузился в ночь без единого огня, словно соблюдал светомаскировку перед нападением. Впрочем, весь Советский Союз находился в тревожном ожидании неминуемых алкогольных перемен.

В этот момент низко над городом, почти задевая колесами крышу секретного объекта, пролетел "Антей", полный лучших людей. Самолет так медленно летел, что, казалось, вот-вот приземлится на улицу Перенсона. Качинский даже детально разглядел кабину пилота и прозрачную полусферу в носу самолета, где на месте штурмана сидел летчик Герой Советского Союза Русских. Его именем была названа улица Академгородка. Вместо штурманской карты летчик держал в руках ручной пулемет и, увидев Качинского, прицельно ударил. В метрах двух от Качинского, взметая снег, прошла очередь взрывных фонтанчиков. Качинский ответно ударил из автомата. Пули, прошивая дюраль, теряли убойную силу и застревали в мягких тканях лучших людей Красноярья. К счастью или к несчастью ни одна из пуль не нарушила управление, не пробила моторы, и самолет ушел, оставляя за собой густой дымный шлейф, что обычно случался от перегрузок гигантских двигателей. Если бы Качинский сбил транспортный самолет с лучшими людьми Красноярска, то История пошла бы иным путем.

"Что будет, что будет?!" – рыдала переводчица Майя, прекрасно осведомленная о том, что будет в Москве в августе 1991 года: а будет вот что – на смену крайней трезвости придет безграничное пьянство.

Большого пьяного зверя по имени СССР задерут охотники за чужим добром. На еще теплой шкуре зверя, дававшего приют и волку, и мишке, начнется великая свара между прежде дружными республиками.

Братские народы совсем перестали ценить добро, и, что совсем плохо, стремительно теряли родной язык, превращаясь в стадо праздношатающихся парнокопытных, требующих хлеба и зрелищ...

Распад начался с батки Ныкиты Хрущева, что в начале закрыл национальные школы, затем уничтожил личные усадьбы не только в городах, но и в деревнях. А ведь, как известно, семья и родной двор и есть ячейка государства.

Шкуру драли и волки, и лисицы, и даже зайцы. Но вдруг она оказалась жива! Медведь, погруженный в спячку, начал просыпаться. И вот уже в зимней берлоге послышались первые звуки русского зверя: "Мать вашу, пони-

машь!" Это Иван Сусанин первым озвучил голос спящего! Увы, то был голос пьяного мужика, получившего высшее образование и допущенного к власти. Другого голоса не было.

Страшен мужик без Бога в сердце и без царя в голове. Это раньше в прошлых веках крестьянин был государством в государстве, малым подобием большого, мог одинаково жить и в Тропиках и на Северном полюсе – правда, в Тропиках нашему человеку жить труднее. Но все равно, если даже закинуть его в Бурундию, где и льда-то нет, то выйдет русский мужик стенка на стенку, или научит местных играть в русский хоккей.

А вот советский человек, растеряв индивидуальность, уже не мог жить без команды, а у всякой команды единый язык и единый костюм, точнее униформа. И только удивительно, как капитан хоккейной команды, член Политбюро Сусанин сохранил в сердце такую любовь к своему двору, что, едва став царем, тотчас запретил коммунистическую партию – позвоночник Советского Союза, а впрочем, как выяснилось позже, и самой России. Должно быть, также разрушили бы государство Пугачев или Разин.

Разбуженным медведем управлять, что бешеным слоном. И долго он еще будет рыкать, и громить посудную лавку, пока умные дрессировщики Запада совместно с ассистентами из пятой колонны не повяжут зверя. Повязав и выдрессировав, отвезут в цирк и выставят на потеху мирового зрителя, но это все потом, потом. А пока все больше охотников и собак сходятся вокруг берлоги, пытаюсь разбудить медведя громкими выстрелами в Баку, Тбилиси, Сумгаите...

Над Москвой гигантский самолет «Антей» опорожнился, открыв на лету большие двери, и Красноярский бомонд без парашютов был выброшен из самолета согласно поговорке: «Пьяному море по колено!» Пьян-то был лишь Иван Сусанин, как хозяин Москвы, издавший столь несуразный приказ. Да ничего, обошлось – наиболее значимые повисли на подтяжках, зацепившись за Кремлевские звезды. Ну, а прочий бомонд шлепался на крыши и улицы, загадив собой первопрестольную.

И только литературная делегация от «Костров» с главным редактором Геннадием Королевым жива и здорова прибыла в аэропорт, где за чашкой индийского чая академик Лихачев подробно интересовался культурой малых народов Сибири, в частности хакасов и эвенков, из которых предположительно вышел поэт Качинский. Главный редактор Королев рассказал о большой подборке стихов сибирских поэтов, участвующих в семинаре, посвященном творчеству малых народов. Королев выделили Альберта Вылегжанина, Петра Морякова, но поэта Качинского не успел назвать, точнее ему не дали, поскольку главного редактора грубо перебил ответственный секретарь Валера Черный. На окрик Черного все отреагировали очень болезненно. А Геннадий Королев опустил седую голову с медальным профилем, собрав в кулаки крепкие крестьянские руки. Геннадий Королев, известный в литературных кругах как союзник Андропова, остался в полном одиночестве. Только лучший друг, поэт Шляев, перешел на сторону Королева. Оставалось надеяться, что великий русский народ сам перетерпит беду.

- Нет, Геннадий Федорович, не перетерпит, - настаивал Янаев, бывший к академику Лихачеву по вопросу культурного возрождения России. – Народ не потерпит, а перетрется, да только муки не будет. Если народ и готов к бунту, так только к алкогольному!

Тем временем через Шереметьево проходила Зоя Спартаковна Ломоносова, что в сопровождении президента СССР летела в Форос строить родное гнездо, большее чем у поэта Качинского. Зоя Спартаковна сказала мужу:

- В конце концов ты президент или кто?

Михайло Ломоносов ступешался перед оппозицией.

- Я согласен! Я во всем раскаялся! Русский готов скорее умереть с бутылкой в руке, чем перестроиться и стать мыслящей самостоятельной единицей наподобие гражданина США. Словом, консенсус не состоялся!

- А мне думается, - сказал Королев. – Именно консенсус, как нерусское слово, народ не смог переварить.

- Я тоже так думаю, - согласился Ломоносов. – Да моя умная жена начиталась словарей. Я ей говорю, что мы из рабочего класса, но Зоя Спартаковна упорно стоит, что мы из юристов. Следовательно, должны говорить языком юриспруденции... А что вы думаете по этому поводу? – обратился Ломоносов к председателю писарчуков Голубеву. – Я помню, на целине вы весьма образно изъяснялись.

Но председатель Голубев давно съехал с целины, а заодно из народа и не мог сказать что-нибудь толкового. У него уже не было своего мнения.

Расколосось сознание Голубева, раскололась и страна Советов: пьющие мужики слали телеграммы поддержки Медведеву и Яковлеву, а трезвенники и язвенники – Рыжкову и Лукьянову. В итоге меньшинство стало большинством, а большевики выпарились в осадок. Впрочем, государственных людей в России всегда было меньше, чем анархистов. Запорожские казаки и цыганский табор равно привлекали русского человека. А теперь уж советский человек, сбжавший от Сталинской опеки, готов был встречать Новый год уж не две недели, а пока водка не кончится. Но стоило кончиться водке, как народ готов был разнести всю страну вдребезги.

На цыганском празднике без традиционного вина народ отдал семье Ломоносовых роль Деда Мороза и Снегурочки. Зоя Спартаковна играла на волынке, а Михайло Сергеевич пел с трибуны съезда Советов, на котором делегаты танцевали под сухую музыку, не сдобренную вином. Зал бурлил, вскипали громкие голоса, что пытались пробиться к трибуне. Волны смеха и гнева перетекали по рядам. И вот уже то здесь, то там ноги делегатов объединялись, чтобы сплясать свою партию. Большевики высекали из ладоней русскую искру, демократы крутили импортный рок-н-ролл. Многие, очень многие художники путали французское с нижегородским. Особенно преуспел Валентин Распутин, что взял за грудки президента Ломоносова и сказал по-мужски: «Россию в обиду не дам!»

Съезд приветствовал Писателя...

Президент был обязан слушать Гражданина, но в его уши сходилась вся брань, которую агенты КГБ собирали в бесконечных очередях за водкой,

табаком и колбасой. Эта брань, даже отфильтрованная, сильно отравляла жизнь президента. И только Зоя Спартаковна при поддержке академика Лалы окатывала как из ведра зарядом оптимизма, не давая мужу ни на минуту задуматься о трагическом исходе. Что ж, История повторяется из века в век. Будучи чистейшим юристом, президент Ломоносов забыл о знаменитом правиле Платона: «Держи меч спереди, а жену сзади!»

У президента Ломоносова преобладало левое эмоциональное полушарие с яркой женской логикой – выслушать и переиначить. В целом Зоя Спартаковна давала правильные советы, Михайло Ломоносов переворачивал их и поступал напротив. Вот Зое Спартаковне и надо было стать президентом.

Глава 26

Бесчисленные Съезды Советов подорвали здоровье Зои Спартаковны. С серым лицом Зоя Спартаковна отдыхала на смотровой площадке Эйфелевой башни. Экскурсоводом была переводчица Изабель.

- Вы больны мадам. Но скоро вам будет совсем плохо.

- Почему, Изабель?

- Вы слишком открыты, вас нагло глядят.

- Глядят? Это из бабушкиного сундука, изрядно побитое молью.

- Франция прошла через это. Вся история Франции – борьба с демонами. В итоге демоны частично разрушили нас. За многие столетия демоны нас неоднократно топили в дерьме, и сейчас от нас изрядно воняет.

- Да что вы говорите такое?! – вскинула ручки Зоя Спартаковна. – Такая милая, славная девушка и черт знает, что говорите!

- Именно черт знает что. Остерегайтесь академика Лалы. Вся Франция говорит, что она колдунья и что ее надо сжечь на костре!

- Изабель, действительно вся Франция так думает?! Передовая нация с богатой культурой! Извините, Изабель, мы победили в величайшей войне, отреклись от культа личности Сталина, и вдруг сглаз! Сглазить меня все равно, что сглазить советский народ. А за что? Меня всюду окружают счастливые лица.

- Вас уже сглазили, потому что Сталин – инструмент новейшей Истории и даже будущей Истории. Этот великий человек боролся с колдунами.

- И убивал в лагерях миллионы людей!

- И вновь вы ошибаетесь, Зоя Спартаковна, – твердо сказала Изабель – Я закончила Пристонский университет, отлично знаю историю, и знаю, что первым организовал лагеря не Сталин, а Рузвельт. Назывались они спортивно-трудовыми, но через них прошла вся молодежь Америки, умножив богатства своей Родины. Позднее Сталин скопировал американские спортивно-трудовые лагеря и организовал точно такие же на строительстве Беломорканала. Кстати, американские конгрессмены вместе с вашим пролетарским писателем Максимом Горьким посещали эти лагеря и не нашли ничего дурного: отличное питание, спортивные снаряды, необходимый режим и полное

отсутствие охраны. Точнее охрана была, но охраняла в основном администрацию лагерей.

- Не знала, – нахмурилась Зоя Спартаковна. – Чтоб наши лагеря да без охраны, это уж слишком. Почему же они не разбегались? Может, им хорошо платили?

- Голый энтузиазм и больше ничего!

- Да это как же! – воскликнула Зоя Спартаковна. – Это и в наше время невозможно. Уже скоро коммунизм построим, но даром, как говорят у нас, и чирей не вскочит.

- И американская, и русская молодежь работала бесплатно, исторический факт! В американской казне после великой депрессии не осталось ни одного доллара. Все банки были разорены и ограблены умышленно. Точно также и в России. Враги народа, как могли, уничтожали государство ненавистное им, потому что Россия не была их Родиной. Потом все это перекинулось в Германию.

- Вы говорите, как убежденный нацист... Извините, я хотела сказать коммунист.

- Вы запутались, Зоя Спартаковна. Да, я член ЦК компартии Франции. Моя душа болит за Россию, поскольку во мне есть русская кровь. Бабушка приехала из России, правда еще до революции. И, между прочим, была очень богатая. Я заметила, как вы оценили мои драгоценности – они то из России, фамильные. Я, можно сказать, очень богатая коммунистка.

- Надо же! – воскликнула Зоя Спартаковна. – Такая типичная француженка и такая сталинистка.

- Я историк, а история точная наука, более точная, чем высшая математика. В Истории ничего случайного. Я часто бываю в вашей стране и вижу лица тех, кто рвется к власти. Вы юрист с рабочей кровью, но вам на смену идут люди, у которых отцы по национальности юристы. Ваша перестройка закончится невиданным взрывом возмущенного народа. На этой волне к власти придут наркобароны и водочные короли. В свое время Рузвельт и Де Голль приказали контрразведке расстреливать мафию на месте без суда и следствия.

- Нет, моя милая Изабель, – говорила убежденно Зоя Спартаковна, обвиняя девушку как родную дочь – Никогда Перестройка и Гласность не оборвутся диктатурой, а напротив, победит консенсус! Мафии у нас нет, просто нет, и не может быть.

Вернувшись в Москву, Зоя Спартаковна читала письма, адресованные мужу со всего Советского Союза.

"Будьте бдительны, нам простым людям со стороны все видно. Вам на смену идут воры в законе. Бойтесь колдунов!"

Зоя Спартаковна, настороженная таким совпадением, переговорила с мужем, но Президенту СССР бдительности не занимать: его окружали такие надежные люди как Примаков, Петраков, Яковлев, Шеварднадзе, с которыми он просиживал до утра, но без грамма спиртного. Ночные бдения сменялись дневными приемами с такими лицами, как Лигачев и прочие. Неприятных

лиц с каждым днем становилось все больше, и почему-то они все собирались в колонны и бестолково текли мимо Мавзолея по поводу очередного коммунистического праздника. Президент как с берега проплывающему кораблю слабо помахивал ручкой протекающей внизу безликой массе. Рядом стоял главный оппортунист Александр Яковлев и крыл матом безвольный советский народ как стадо баранов, шествующий в никуда. С другой стороны Президента слабо протестовал академик Шаталин: "Советский народ – основа государства. Даже в Америке фермерство убыточно!" Президент склонял ухо к одному, к другому, не имея ясной мысли и цели, и на пару с Шеварднадзе заключал странные договора с американцами, согласно которому Советский Союз уничтожал свои высокоточные ракеты. Эти ракеты влетали прямо в шахту, уничтожая стратегическое оружие на старте, что было очень важно при высокой плотности населения в Европе. Американцы же снимали с дежурства устаревшие ракеты, которые в любом случае подлежали замене.

Ракеты меняли новые на старые. Старые шли в утиль, взамен строили ракеты много дороже: на вес платины.

Тем временем советский народ, оставленный без присмотра, медленно раскалялся, подобно спирали электро плитки, в замысловатых очередях за водкой и сигаретами.

Академик Лала, Чума и Вампировский усыпляли с экранов телевизоров трехсот миллионный народ. И сомлевшие люди сонно текли в праздничных колоннах мимо трибун, где рядом с президентом стоял библиотекарь Новодворский с плакатом «Руки прочь от Америки!». С другой стороны от президента стоял академик Яков с требованием строить мост дружбы над Беринговым проливом. По окончанию демонстрации плюрализма президент отправлялся в Лондон на любовную встречу с Миргарит Титчас.

Михайло Ломоносов поразил Миргарит хорошо сшитым костюмом и непрерывными остротами. Энергия исходила от президента как от полной луны, а круглое лицо Ломоносова было украшено не сходящей улыбкой, столь искренней, что мысли можно было читать без переводчика. Впрочем, переводчик был столь виртуозен, что два лидера беседовали меж собой, увлеченно склонясь друг к другу, как два товарища в пивной. Они явно симпатизировали друг другу, и скоро Ломоносов забыл, что он в гостях у знатной хозяйки. Подобно любовникам, полюбившим друг друга с первого взгляда и тотчас кинувшимися в кровать, Титчас и Ломоносов поедали друг друга глазами. Английский премьер-министр была гораздо опытнее провинциального президента, впервые оказавшегося в высшем свете Европы. Умная английская леди быстро раскусила простодушного юриста из рабочего квартала, мало искушенного в политических играх. Весь жизненный опыт Ломоносова заключался в умении читать по глазам настроение вышестоящего начальства, на чем собственно и была построена система партийного подчинения. Великолепная Титчас тоже не была из голубых кровей, но она прошла высшую школу политических битв между лейбористами и консерваторами, а именно двухпартийная борьба и дает миру великих деятелей. В то время как в одно-

партийной системе человек быстро загнивает – в человеческой эволюции, не признающей теорию Дарвина, побеждает слабейший.

Любовные посиделки длились порой по три часа подряд, не прерываясь на туалет: у леди Титчас был королевский мочевого пузыря, но и советский партнер был отлично закален на непрерывных съездах партии.

Любовные воркования переходили иногда в орлиный клекот. И два лучших лидера Запада и Востока кричали друг на друга как два алкаша в советской пивнушке. Настроение политических любовников менялось на дню несколько раз. Лица светились неподдельной радостью, и вдруг глаза метали друг другу нешуточные молнии, дабы на смерть поразить противника. И вновь вспышки гнева сменялись раскатами смеха – вчерашние противники угощались черной русской икрой, а затем отправлялись в Большой театр. Любая история скучна без любовного треугольника. Нэнси Ойган первая леди Запада жутко ревновала Титчас, постоянно подкалывая Зою Спартаковну постушку-простушку, что пасла свое бескрайнее стадо советского народа. Пастушка в свою очередь отвечала уколом зонтика, что без надобности носила с собой, считая себя на голову выше как по образованию, так и по уму. Подкалывая друг друга из подтишка, и Нэнси и Зоя Спартаковна очень не любили Миргарит, хозяйку маленькой Англии, что была соединительным мостиком между двумя великими народами. Можно сказать, Зоя Спартаковна была символом простого великого народа, трудно живущего на шестой части земли, а Нэнси была знаменем богатой цветущей Америки, совершенно оторванной от мировой культуры, ничего не давшей миру кроме рок-н-ролла и большого автомобиля. По мнению Зои Спартаковны, если взвесить на весах истории Америку, заселенную преступниками и тысячелетнюю Россию со всеми святыми и великими художниками, то перевес будет явный – один Чайковский стоил всей американской культуры. Впрочем, Нэнси думала, что самый великий композитор – это Пресли. И вообще Ойганы предпочитали силу денег силе искусства.

Помимо всего, в России отлично работали агенты ЦРУ, удобно пристроившиеся на теплые места в газетах и на телевидении. По версии ЦРУ сотни безвестных колдунов во главе с академиком Лалой день и ночь разрушали Ноосферу – коллективное сознание советского народа. Каждое утро на стол президента Ойгана ложились данные ЦРУ, что коммунистическая партия СССР – ум, честь и совесть советского народа, медленно распадалась как плотная грозная туча на легкие облачка, уносимые ветрами, дующими с запада...

В ту пору, пока первый президент СССР любезничал с леди Титчас, Зоя Спартаковна носилась по Лондону, размахивая золотой карточкой "Америкэн экспресс". Посещение могилы Карла Маркса первая леди СССР променяла на прогулку по великолепным магазинам Картье, у которого купила бриллиантовые серьги за 1780 долларов. В итоге западные наблюдатели сделали правильный вывод о загнивании марксизма в СССР, как в свое время Премьер Хрущев объявил о загнивании капитализма на Западе.

Лигачев на Пленуме ЦК сказал, что жена президента позорит СССР своими откровенными похождениями по ювелирным магазинам. Ломоносов провел с женой беседу, Зоя Спартаковна расплакалась.

- Чем я отличаюсь от миллионов советских женщин, безвылазно трущихся у ювелирных прилавков?

- Но мы на виду!

- Но я женщина!

- Ты не женщина, ты жена президента.

Супруги задумались.

- Вот что, – придумал президент. – Хочешь, ходи, но гримируйся.

- А бандиты?

- Какие бандиты в Париже! Французы давно живут по принципу: живешь сам – дай жить другому. Охрана останется, но станет невидимой...

Теперь Зоя Спартаковна могла спокойно ходить по магазинам, выбирая для дочерей и внучек коллекции кукол Барби и их мужей.

В магазине грампластинок Зоя Спартаковна услышала русскую речь. Молодежь во главе сбродатым мужчиной покупала модные диски Высоцкого.

- Как вы здесь оказались? – изумилась Зоя Спартаковна.

- Что не запрещено, то разрешено – отвечал доктор фантастических наук Декабрь Февральевич Мартов.

Советская молодежь преследовала Зою Спартаковну повсюду, и даже в ювелирном магазине принялась конкурировать с высоким лицом – Соня Французова купила серьги за 2002 доллара.

- Откуда деньжища? – щипела Зоя Спартаковна.

- Поэт Качинский занял – не моргнув глазом, соврала переводчица Майя – Он говорил, что зарабатывает сто рублей в день.

- Ну, все, – Зоя Спартаковна топнула ножкой – Никому никаких поблажек!

Еще вчера Ломоносовы сочувствовали лучшему поэту России и пристально следили из поднебесного Кремля за каждым шагом бедного поэта. Но теперь можно было спокойно забыть маленькую ничтожную личность с фантастическим доходом в три тысячи рублей в месяц.

Между тем престижные карточки "Америкэн экспресс" плодились как тараканы, а разводил их доктор Владимир Березин, перепродававший в три дорога тысячи автомобилей "Лада". С этими вот золотыми карточками золотая советская молодежь продолжала висеть на спине Зои Спартаковны. Только расстались на площади Святой Троицы, как вновь столкнулись в золотых рядах партера Гранд Опера. В руках идеолога была большая коробка с французскими духами "Шанель №5", а на плече Алмазова моталась связка ажурного французского белья.

- Енисейские края сменили на Елисейские поля? – ехидно спрашивала Зоя Спартаковна наглуую молодежь.

- Где хорошо, там и Родина, – дружно отвечали новые французы.

Композитор Муравушкин встал за дирижерский пульт и один из лучших в мире оркестров стал играть прелюдию к опере "Сибиряки в Париже".

Зоя Спартаковна, сильно травмированная проникновением далеких от власти сибиряков в родной до слез Париж, стала причитать в такт великой музыке:

- Тезис, антитезис – синтез.

Советская молодежь оказалась на высоте и хором подхватила кульминацию оперы:

- Власть, оппозиция – консенсус.

Но Зоя Спартаковна не желала входить в согласие ни с кем и продолжала вести свою партию самым высоким сопрано, какой могла выдержать крыша Гранд Опера:

- Миром правит триумвират: президент Ломоносов – генератор идей, критик - Зоя Спартаковна и внучка Настенька – эрудит.

Партию Зои Спартаковны поддержал президент Франции.

- Господи, помилуй Перестройку! – пели дуэтом Зоя Спартаковна и президент Франции.

По окончании спектакля президент Франции просил Зою Спартаковну передать Митрополиту Волокамскому и Юрьевскому коробку конфет «Дуськина радость», как божий дар от спонсора американской армии спасения.

Как все советские женщины жена президента сделала все из любопытства: из любопытства вышла замуж, из любопытства вошла во власть, где и нужно было всего лишь потерять волшебную лампу и сказать волшебные слова.

Из любопытства Зоя Спартаковна ходила и в православный храм, но свечи и позолота усыпляли ее. Зато картины Николая Рериха излучали мощную энергию. Незримая Шамбала в недрах Гималаев, родина всех цивилизаций неровно дышала под складками горных массивов. Периодические землетрясения и жуткий подземный гул были подобны телодвижениям и стонам рожавшей женщины. Вот-вот в мир должна выйти новая цивилизация. Картины Рериха дышали такой грозой, что полотна били током, когда рабочие пытались перевесить с одного места на другое.

- Надо подтягиваться к небу, к вершинам – говорил академик Лихачев, прогуливаясь по картинной галерее под руку с академиком Лалой.

Лала считалась духовной сестрой Рериха, и в подтверждение сего между академиком и некоторыми картинами проскакивали молнии.

Молнии уходили в корни генеалогического древа академика Лалы и трясли в могилах прабабушку Лалы Клеопатру и прадедушку Будду, что впал в нирвану, а ныне вновь проснулся.

Лала советовала Зое Спартаковне сходить в Тибет и посетить буддийский храм в майское полнолуние, день рождения Будды.

Об этом просила и Маша Распутина, требуя:

"Отпустите меня в Гималаи,

А не то я завою, а не то я залаю..."

Зоя Спартаковна тоже готова была завывать, залаять от отчаяния – советский народ совершенно отбилась от рук и бунтовал по всей стране. Зоя Спартаковна кинулась к мужу: "Поехали в Тибет!" Но тот в ответ замахал руками: "Вперед второй съезд!" Зоя Спартаковна плюнула на съезд и на трех самолетах в сопровождении лучших людей страны улетела в Лхассу, где на уступях хмурой неприветливой горы стоял белоснежный с золотой крышей дворец далай-ламы. Еще за много километров кортеж советской делегации встретил призывный рев огромной трубы. Скоро Зоя Спартаковна наблюдала пышную медленно плывущую вокруг дворца массовую процессию лам. Процессия была сродни праздничной демонстрации советских людей, только без флагов и портретов людей. Эту процессию вдруг сменил бешеный танец жутких масок храмовой пантомимы "цям". При этом красные и желтые одеяния монахов вращались со свистом подобно лопастям вертолетных пропеллеров. В глубине храма другие монахи читали на распев молитвенные тексты, нанесенные на узкие листы бумаги. Над молящимися монахами висела огромная картина "сансариин – хурдэ" (колесо сансары, колесо жизни). В центре картины страшный дух – мангус, слуга владыки смерти держит в хищных клыках и острых когтях большой круг, символизирующий мир страданий. Вокруг мангуса мир сансары. Внизу ад, а наверху мир небожителей – тенгриев и ассуриев.

Но даже в раю нет покоя и радости. Небожители мечут друг в друга копья и стрелы. А уж сам ад хуже всякой выдумки. Черти пилят грешников большими пилами по живому, затем нанизывают на мечи как на шампуры и жарят их на море огня. Эти шашлыки съедают вновь поступающие грешники, которых предварительно сажают на кол, а в голову вбивают гвозди, причем палачами здесь такие же грешники, идущие следом в ад. И вот, пройдя все круги ада и все вершины рая, человек после 180 перевоплощений садится в верхнем левом углу колеса жизни, спасен – наконец-то спасен!

Зоя Спартаковна, закинув голову, с изумлением изучала внутреннее убранство храма. Переводчица Майя, которую Зоя Спартаковна привезла из Парижа, шепотом объясняла пять моральных требований Будды и, конечно, Зое Спартаковне из всей "панча-шиллы" понравился отказ от употребления алкоголя. Правда, новые французы в лице Французова и Алмазова не просыпали всю дорогу, и Зоя Спартаковна терпела их из-за бесконечного обожания, которое они оказывали первой леди СССР, и постоянно кланялись ей в ноги и стучались лбом о землю. Что ж, новые французы были истинными буддистами, поскольку совершенно не любили трудиться. А труд согласно буддизму – вредная, мешающая спасению деятельность.

- Мы живем очень счастливо, потому что у нас ничего нет, – постоянно гласил Алмазов своей госпоже Зое Спартаковне. – Мы как сияющие боги. Мы будем питаться радостью лицезреть вас, как сияющую богиню.

К сожалению, сами буддисты считали женщину одним из важнейших препятствий на пути к спасению. "Пока у мужчины не искорено желание к женщине - до тех пор его ум на привязи, подобно теленку, сосущему молоко у матери", – говорил Дхаммапада. Конечно, новые французы были того же

мнения, что женщина – худшее из зол, но тщательно скрывали это. И скрывали они это самым оригинальным способом, занимаясь любовью ежечасно в любом месте, в любой позе. И в итоге художница Соня по дороге на Тибет родила близнецов певца и композитора. Младенцы вместе с молоком матери впитывали вино, которым она питалась всю дорогу, и по выходу из самолета были совершенными алкоголиками: отныне их удел мучение и страдание.

Словом, Зоя Спартаковна и сопровождающая ее группа лучших людей России прибыла в Тибет, переполненная грехами, чего небожители не могли стерпеть. С неба из низких черных туч подобно бешено вращающемуся карданному валу опустился на землю пыльный вертикальный столб и двинулся к дворцу, всасывая как пылесос людей вместе с их грехами. Узкий конус смерча схватил академика Лалу, новых французов и прочих новых русских. Обвил толпу молнией, словно колючей проволокой, и унес грешников на Суд Божий.

ГЛАВА 27

Суд Божий состоялся в небесном парламенте, где в золотых креслах с подлокотниками из драгоценных камней восседало сто сорок тысяч небесных праведников. Когда наберется праведников сто сорок четыре тысячи, наступит конец света. В золотой середине сидело шестьсот пророков, проявившихся на Земле. В центре восседал Бог со своими ангелами.

Слушалось дело академика Лалы и новых французов, вознесенных на небеса. Новых французов Бог велел изгнать на Землю, как взятых по ошибке.

- Но мы богом избранный народ – хором возмущались французы.

- Мой народ сидит передо мной: великие ученые и художники – Эйнштейн, Левитан, Ньютон... А вы есмь – навоз.

- Навоз?! – стала возмущаться Соня.

- Гумус ... - поправился Господь и смущенно кашлянул в кулачок. –

Почва ...

- Вот то-то же! – сказал поэт Французов, муж Сони. – Нас куда ни посади, всюду взойдет! Вот и Америка ждет не дождется, когда мы осеменим ее!

- Америка? – Господь крикнул в сухонький кулачок. – Да уж, ждет с объятиями! Да вот незадача – непременно обкакается после встречи с вами!

- О, господи, как мы страдаем! – воскликнула Соня Ашкенази.

- Знаю, знаю – сказал Господь – На работе за вас работает десяток мужиков, поскольку у вас, дескать, выпадает матка. А дома за вас вкалывает французский муж, что день и ночь стирает пеленки, поскольку у вас аллергия на детское. Прочь с моих глаз!

И новые французы в мгновение ока оказались в Красноярске, где принялись шумно обсуждать поэта Качинского. Тотчас небольшое землетрясение силой пять баллов качнуло девятиэтажку, где жили Соня и Французов. Зазвенел хрусталь, из аквариума выплеснулась вода, отчаянно заметались золотые рыбки.

- Я попросил бы вас! – громко сказал Бог. – Не трепать всеу имя поэта, поскольку у него без того мало нервов осталось, а ему еще предстоит довести до конца свою миссию.

- Он плохо обо мне отзывался – сказал Сталин.

- Поэт находился в развитии, подождем, что он скажет под конец жизни, – Бог задумался и глянул с небес на родовое гнездо Качинского. – Надо признаться, жуткий эксперимент мы проводим – поэт возник из ничего, из пустоты, можно сказать, из подполья. Родители ему кроме городской прописки ничего не оставили, у него образование и то техническое! И вот мы со спокойной совестью наблюдаем с небес, как дух, брошенный в навоз, расцвел пышным цветом, и никто ему не помогал ни в чем. Никто ему ни рубля не даст, а ведь поэт, совершенно беспомощен: в советской системе: охранник его удел.

- Нэ правда, – Сталин встал в позу. – Мы дали ему лучшую систему образования бесплатно, бесплатное лечение, жилье, воду, воздух и, наконец, великий русский язык, который вы подарили великому русскому народу через своих святых Кирилла и Мефодия. Я бы сказал, что поэт купается в море чистоты, совести и вашей божьей благодати.

- Так то оно так, – сказал Бог, тяжело вздохнув. – Но что-то мы не наблюдаем массу поэтов, рождающихся в идеальной колыбели. Пока что мы наблюдаем очень мало поэтов равных, к примеру, Александру Сергеевичу Пушкину.

В первых рядах парламента встал и раскланялся перед великим собранием великий поэт Пушкин.

- Очень рад предоставленному мне слову, – сказал Пушкин. – Очень надеюсь, что эксперимент с товарищем Качинским обойдется благоприятно.

- Мы тоже надеемся, – сказал Бог – Поскольку надеемся продлить этот Свет и получить в парламент недостающие четыре тысячи. Ежели эксперимент провалится, то провалится и пятая цивилизация. Аминь.

Слово попросил товарищ Ленин:

- Мы, посовещавшись с товарищами, призываем Вас, не дать разрушить великий Советский Союз, самое справедливое государство в мире. Не дать сломать хребет государства, КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи.

- Нет уж, нет уж! Что, значит, не дать разрушить! Попробуйте разрушить Соединенные Штаты Америки.

- Кхе, кхе, - смущенно кашлянул Господь Бог. – Согласен, что ум, честь и совесть нельзя завернуть в блестящую обертку и раздавать как конфетки: как это делает Зоя Спартаковна из любви к детям.

- Нэльзя разрубить СССР, - говорил Сталин, раскуривая большую трубку Мира. – Потому нэльзя, что СССР нэ Америка, нэ червь навозный, а большой организм. Нэльзя разрубить Человека, нэльзя и СССР.

- А вот Америку можно разрубить! – гнул свое Господь Бог. – А почему?

- Потому что червь! – гнул свою линию Сталин, возражая самому Богу. – Червь – простой организм!

- Не организм, а механизм! – разъяснял Господь Бог. – Дьявольский механизм и не простой, а очень сложный!

- Вы, можете топорами изрубить карту Америки или как червя разрезать пополам на куски – из каждого куса возродиться новое государство. А что будет, если рарубить на чпсти хотя бы Варшавский договор? Тотчас переползут в НАТО! А почему?

- Потому что в НАТО презервативы с наворотами! – вспыхнул товарищ Ленин. – Со всякими там шишечками и прочими удовольствиями!

- И товар сей в яркой красочной упаковке! – добавил Господь Бог. – Кто вам мешал сделать идеологию более съедобной?!

- А зачем вы десять заповедей выбили на Камне?! – горячо возражал Ленин. – Надобно из марципана отлить и каждому в рот!

- Зачем же разрушать СССР? – встал с первых рядов Юрий Гагарин – Кто же будет осваивать Космос?

- Я говорю о том случае, когда мои помощники, – Бог указал на ангелов. – Ошибутся в расчетах и комета Галлея врежется в Землю. Или там полюса сдвинутся, или еще, каким-то образом крыша у Земли поедет и все уйдет под воду. После очередного потопа уцелеет только Сибирь с ее крупными городами. Вот и вопрос: какие люди уцелеют после конца света и, какой посев дадут уцелевшие умы. Вот мы и пытаемся раскачать лодку, вот мы и испытываем советский народ на излом, а в этом нам помогают, бесы, посланные на Землю. Перед нашим судом один из них, академик Лала. Что будем делать с ней – отпустим или в ад сошлем?

- В ад! – сказал товарищ Сталин. – Мы, путем великих жертв создали величайшее в мире государство – лучшее произведение Господа Бога и его лучшего пророка товарища Ленина. И вдруг ничтожная колдунья, дочь врага народа уничтожила вековой труд великого русского народа и его талантливых и любимых братьев и сестер!

- Лучшее – враг хорошего! – развел руками Господь Бог. – Лучший всегда вызывает раздражение у толпы человечества, бредущего позади. Всегда сидеть лучше чем стоять, лежать лучше чем бежать, спать лучше чем бодрствовать и всего лучше смерть.

- А разве все-таки нельзя было без великих жертв? – раздраженно спросил великий Эйнштейн.

- Не знаю ... - опять развел руками Господь Бог. – Помнится пророк Моисей водил ваше племя сорок лет по каменной пустыне, где ни зимы, ни лета и жара под сорок градусов Цельсия днем и ночью. Вода только в миражах, хлеб только снился, и из сорока тысяч бежавших из египетского плена дошло только четверсто, но какие: Эйнштейн, Эйзенштейн, Эндшпиль ... А сколько жертв вызвало ваше бегство в самом Египте! По вашей просьбе я свершил десять Казней Египетских! Это ж сколько народу пострадало - миллионы! Миллионы жертв, чтобы спасти десятки тысяч! А вы все гудите как пчелы в улье – жертвы, жертвы!

- И все же СССР будет непременно разрушен – встал и поклонился великому собранию Генсек Андропов - Поскольку к власти рвется агент ЦРУ Борис Сусанин.

- Ну, уж нет – отрезал выпад бывшего председателя КГБ всезнающий Господь – Вы представьте, что Президентом США становится генерал Калугин! Что Америка тотчас развалится? Что генерал запретит республиканскую партию? Слово не успеет сказать, как его пристрелят. А вот нам интересно, любопытно знать, сможет ли алкаш Сусанин запретить КПСС!

- Пусть только попробует! – угрюмо сказал Сталин.

- Попробует, попробует, мы об этом позаботимся. Только это будет уже не проверка прочности СССР, а прочности всего миро устройства человечества. Если уж СССР погибнет, то погибнет и вся цивилизация. Словом, от имени великого собрания я приказываю своим ангелам вернуть грешницу на ее рабочее место...

ГЛАВА 28

По возвращению на Землю академик вставила в голову Зои Спартаковны очередную гипнограмму, и жена президента Ломоносова приказала выдавать талоны на спиртное и табак: каждому младенцу и старушке полагалось по две бутылки водки и по три пачки сигарет. На фоне дефицита мужики стали пить все, что горит, и у ворот кладбища была такая же очередь, как и у служебного входа крупного гастронома. Иногда раз в месяц водка объявлялась в открытой продаже, и тотчас у дверей вырастали огромные очереди. Отчаянные люди ползли по головам толпы, стоящим столь плотно, что бутылка, оказавшаяся вне кармана не падала на пол. Самыми шустрými были афганцы в тельняшках под гимнастёрками.

- Духи идут! – кричала очередь, уступая мордастым хулиганам с наглыми глазами и наколками на волосатой груди.

Под афганцев косили все закаменские бандиты, что набрасывали на себя тельняшки и, вступая в бой даже с милицией, пробивались к заветным окошкам. Скоро дефицитную водку перестали выдавать на таком закрытом предприятии как Сибирский аналитический центр, где служил в охране Качинский. Пропали и знаменитый "Беломорканал" ленинградской фабрики, и золотистые апельсины, и вкусная колбаса "салями". Следом растаяла большая толпа служащих. Теперь мимо Качинского протекал жидкий ручеек людей с большими погонами, все полковники да генералы, еще не лишённые привилегий. С всеобщей демилитаризацией обескровились и подземные заводы ВПК – уж не летали над Красноярском ни Змей-Горынычи, ни военные самолеты.

Даже глубоко под землей погасли многие мониторы, и даже привидения перестали посещать Качинского. Отныне прапорщик сам давал концерты для механической машины в сопровождении оркестра и хора Красноярской оперы – один из секретных пропусков находился как раз под театром. Качин-

ский солировал на трофейной «Эрике», которую отец доставил с Ленинградского фронта. Можно сказать, Юрий Николаевич родился под печатной машинкой, и азбуку изучал по клавиатуре вначале немецкой затем русской – в итоге Качинский читал в оригинале Шопенгауэра, правда, на пару с поэтом Алмазовым, мужем переводчицы Майи. Особенно хорошо на «Эрике» выходила «Шутка» Баха и «Юморина» Дворжика. Ночная смена заканчивалась под утро увертюрой Бизе к опере «Кармен».

- Кармен! – орал во весь голос одуревший от одиночества Качинский.

Тотчас являлся генерал-майор Журавель, и спрашивал товарища по службе:

- Я здесь! Что угодно?..

Качинский уносил «Эрику» домой и продолжал, как дятел стучать по музыкальному инструменту, что подобно мельнице махал крыльями, с которых слетали свинцовые буквы. Кот Васька на лету проглатывал секретный шрифт, данный Качинскому Богом через святых Кирилла и Мефодия.

Потом Качинский так увлекался собственным концертом, что в душе пробуждался рассвет, но, увы – кто-то тотчас гасил счастье! «Господи!» - взмаливался Качинский. – За что?» Разгадка неожиданно нашлась в Академгородке.

Качинский привычно поехал в Академгородок за "Беломорканалом", но и здесь в знаменитых гастрономах все та же пустота. Качинский все-таки нашел один отдел, полный дефицита перестроечных времен, но оказалось, что ученых кормят по все тем же талонам. Здесь Качинский столкнулся с врачом Корабельниковым. Литературный друг пригласил к себе в гости. Отличное пиво, купленное по талонам, прекрасно потреблялось организмом, попутно промывая его от вредной радиации, которой по слухам был полон Академгородок. Качинский с пивом в руках пристально разглядывал собрание старинных икон, которыми были сплошь увешаны все стены трехкомнатной хрущевки Корабельниковых. Качинский невольно ежился под все проникающим взглядом Христа, который осуждающе следил за поэтом с каждой иконы. Качинский стоял как бы в перекрестье лазерных взглядов сына Бога и непорочной Богоматери. От всех икон исходил приятный запах, и особенно сильно пахла черная икона с неразличимым ликом Божьей матери с младенцем – внизу черной доски повисла смолистая капля. Качинский снял смолу пальцем и поднес к носу – благоуханный аромат умиротворил сердце.

Подошел Корабельников, снял другую каплю тотчас выступившую из доски и воскликнул, призывая жену:

- Люба, икона мироточит!

- Торгуешь, потому и плачет...

Красавица Люба осторожно растерла миро между пальцами – большая редкость.

- Икона мироточит перед войной, – сказал Корабельников. – Надо показать отцу Сергию.

- Мой дом по весне тоже на солнце мироточит, – сказал Качинский.

- Но это не смола!

- А что?

- Никто не знает. Какая-то незримая фабрика изготавливает нечто, проявляющееся в нашем мире в форме слезы Богоматери, и каждый раз Богоматерь плачет перед бедой.

- А, может, она радуется дружбе народов!?! – спросил Качинский. – Собрались вместе и пьют пиво еврей, татарин и славянка.

- А если все кровя смешать, - сказал Олег - То выйдут люди русские.

- И что за фабрика незримая мироточит, – задумался Качинский и воскликнул – Смотрите, икона посветлела!

Древняя икона, покрытая многовековой копотью, на глазах проявлялась подобно фотографии, погруженной в химреактив. Миру явилось ясное изображение Богоматери с младенцем. Икона обрела необычный объем и стала совершенно живой. Качинский на выставке Хаммера видел подобную живую картину "Вечернее чаепитие". Богородица смотрела живыми глазами, а младенец беспокойно елозил на руках матери.

Качинский задумался – так вот кто счастье не дает! И что странно Богородица так похожа на его мать, а помощи нет ... напротив, преграда!

Преграды повсюду, стоят как заборы, и Качинский мечется, ища выход.

Между тем, семья Корабельниковых ничего необычного не видела. Перед их глазами висела все та же доска с плохо различимым силуэтом. Качинский смутился, притих и, не сводя глаз с иконы,пил крепкое кофе, сваренный Любовью, красавицей и певуньей народного хора. После кофе гадали на кофейной гуще. Качинскому выпала буква "Я", означающая – жизнь наладится, а также знак орла: после борьбы – победа. Качинский кинул взгляд на икону. Вокруг старой доски вновь возникло сияние, а Богоматерь смотрела на него со строгой улыбкой.

- Интересно ... - Качинский заглянул вглубь веков. – Интересно, знали Христос любовь помимо материнской?

- Иисус Христос, согласно современному знанию – клонированная дева Мария, - почесал бородку врач Корабельников. – Христос не знал зла, идущего по мужской линии. Потому Бог – есть любовь, чистая и светлая ...

Качинский поторопился оставить квартиру Корабельниковых, где была редчайшая икона, которую хозяин скоро продаст всего за пятьсот рублей. Через несколько лет икона Казанской Богоматери выплывет в Америке, ценой пятьсот тысяч долларов. Господи, воистину не ценим, что имеем.

День в Академгородке продолжался новыми приятными встречами. На улице Терешковой кормила с руки белок переводчица Майя. Майя тотчас взяла Качинского под руку и просила проводить ее через лес, поскольку она боялась даже ручных соболей, бегающих между кедрами. По дороге Майя поделилась семейными новостями, ее муж Алмазов ушел из аспирантуры в дворники и ныне убирает территорию института ядерной физики. В том институте даже дворники были с университетским образованием. Ночами Алмазов охранял объект особой государственной важности и, сидя на вахте, сочинял роман в стихах под мерное гудение синхрофазотрона, в огромном туннеле которого с чудовищной скоростью носилась пыль, способная пробить

любую броню. Алмазова интриговали ночные термоядерные "тетки", что раздували ядерный огонек.

Майя с поддержкой Качинского шла легко и быстро. Вообще-то такой здоровый мужик мог бы унести на руках. В лесу меж деревьев мелькали ловкие фигурки лыжников в цветных костюмах. Майя боялась всего: боялась Качинского, который никак не осмелился взять ее на руки, боялась спортсменов, почему-то пробегающих мимо вместо того, чтобы подхватить Майю на руки и донести до дома культуры "Юность", куда она сейчас вела поэта Качинского. Поэт Качинский наслаждался лесной дорогой, синей глазурью мартовского неба, мраморными березами с белыми рукавичками на ветках, с перекрестьем лыжных узкоколеек. Словом, всеми красками и воздухом приближающейся весны. А переводчица Майя напротив ничего не замечала, кроме мускулистых мужиков, бегущих черт знает, куда и зачем меж белых деревьев, крашенных известью.

Скоро Майя в сопровождении крупного мужчины оказалась на литературном шоу, идущем в большом зале вокруг круглого стола с минеральной водой и конфетами "Соловьиное молоко". Стояли и две бутылки и "Монастырской избы", но их никак не могли открыть, поскольку отцы основатели Громов и Резник не могли найти штопора. Зато каждый из них нашел свою речь по случаю десятилетнего юбилея.

Не произведя ни единой строчки, члены литературного круга "Неолит" за десять лет сильно выросли в своих глазах. Если раньше от голоса Громова сыпалась штукатурка, то теперь на спину гнилой интеллигенции падали лампочки и оконные стекла – результат сермяжной правды русского крестьянина, оторванного от сохи. За сохой где-то за Костромой ходила семья Громова, а сам поэт крыл правду матку на сборищах интеллигентов. Семья работала на Громова, а Громов громил демократов всюду, где мог достать. А достать их легче всего в ДК "Юность".

Сегодня диссидент Громов доставал Майю, обращаясь, как голодный милиционер к лакомке аристократии:

- Титьки твои бы разом

Съел, не моргнувши глазом!

Переводчица отвечала адекватно:

- Было б девять рук -

Задушила б вдруг.

Идеолог Сергей обратился к собранию, выкинув руку, почему-то в сторону Качинского:

- Успокойся, шизик -

Час возмездия близок.

Классик сибирской литературы Юрий Качинский прочитал стихотворение в прозе, оцененное по девяти бальной системе, как в фигурном катании:

- Два килограмма гороха, два килограмма сахара, три бутылки кефира на девять литров воды поставить в теплое место на неделю. Затем вынести на мороз. Когда все замерзнет, разбить – внутри будет чистый спирт.

После прослушивания начались прения. Громов в свою защиту выдал "потрясную бумажку" с гербовой печатью, где удостоверялось, что Юрий Петрович является одним из выдающихся писателей России. С этой бумажкой Громов мотался по всему СССР. Однажды, оказавшись в Москве, он попал в руки "Памяти". Активисты Васильев и Виноградов окунули его в бассейн "Москва", огромную лужу, дымящуюся зимой на месте храма Христа Спасителя. После патриотического крещения Громов вернулся в Красноярск и голосом иерихонской трубы, брызгая слюной, в азарте долбил тонких лириков своими виршами. Отчего у них, баловавшихся только Рильке и Рембо, лопались барабанные перепонки.

На юбилейный огонек пришли председатель Голубев и доктор фантастических наук Мартов. Голубев объявил, что диссидент Громов смещается и руководителем кружка «Умелые ручки» будет доктор Мартов. Тотчас Громов врезал в глаз Мартову, и богема принялась делить власть.

На шумок заглянул Мастер, живущий ныне где-то на загадочном Северо – Чемском районе. Мастер пытался разнять дерущихся, но тотчас на большого психа обрушился весь «Неолит». Дамы колотили зонтиками. Мастер мастерски изобразил бешеного медведя, и высокое собрание кинулось к выходу, но на дверях висел замок. С другой стороны спасительных дверей тоже в рукопашную бились демократы и коммунисты. Ключья бород летали в воздухе.

- О - у! ворковала в дверях зажатая со всех сторон журналистка Дарьялова, приглашенная в гости – Незабываемое впечатление! Вот также в Италии на нас напала Мафия! Представляешь, Майя, сто итальянцев и каждый по сто раз!

Переводчица Майя представила...

Качинский и Мастер покинули ДК «Юность» по винтовой лестнице.

- За что меня били? – спрашивал Качинский.

- А вот за это! – Мастер взял из рук Качинского тяжелый портфель с конфетами и бутылками вина – Ты пытался смыться вместе с чужим добром.

- Гы – ы! – Мастер растянул рот до ушей – Майя сама мне вручила его на хранение. Слушай, а у вас там все такие? – спрашивал Качинский, возвращая портфель Мастеру.

- Гм – м... какие?

- Северо – Чемские!

Где-то далеко за лесом слышался голос Тони Уильямса:

"Дым. Всюду горький дым.

Я в лесу один"

Наконец, показались огни ближайших домов. Во всех окнах светились телеэкраны, по которым Москва транслировала картины земного рая из Сан - Ремо. Джанни Моранди и Тото Кутунья славили счастливую жизнь на берегах Средиземного моря. По второму каналу в передаче "Про это" демонстрировали другой рай из древнеиндийского эротического эпоса "Кама – Сутра". Интеллигентный Академгородок сплошь прильнул к экрану, как один отре-

каясь от "Гамлета", идущего по третьему каналу. Наконец-то в СССР пришел рынок!

Качинский пришел в журнал "Костры", где зав. отделом обещал ему дать в номер триста строчек новой поэмы "Встреча с ГКЧП". Поэма фантазмагория описывала невероятные события, случившиеся в Москве в этом году. Змей-Горыныч по имени "ГКЧП" напал на Москву, но славные девчата оглушительным визгом отбили нападение и с позором прогнали путчистов.

- У нас уже есть один фантаст, – доктор Мартов! – сказал Амуров – Надоел до смерти своими бреднями. Да вот он сам, как черт из ящика.

И верно, в отдел поэзии зашел Декабрь Февральевич и повелительно сказал: "Вас приглашают на ковер".

Амуров и ухом не повел – известный поэт, переживший блокаду Ленинграда, не любил выскочку, что подобно кузнечнику запрыгнул через головы редакторов в кресло зам. главного. Скоро Валера Черный сам показался в дверях.

- Дед, ты почему не идешь, когда тебя зовут.

- Кто зовет?

- Православный народ!

Валера Черный взял седого редактора, автора десяти книжек за ухо и резко поднял с места. Амуров крикнул от боли.

Качинский пытался встать на защиту и принялся махать кулаками, но отчего-то руки, как у пьяного, не слушались его. И он впустую, как крылья ветряной мельницы молотил воздух. Старший редактор Чесноков кинулся под ноги Качинского и поэт, запнувшись, провалился в угол. На шум сошла вся редакция. Амуров красный как вареный рак со слезами на глазах сел на стул, не в силах стоять на дрожащих ногах. И вновь Качинский убедился, что муж и жена одна сатана, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что не лезь в драку, иначе сам получишь по морде. Тотчас вся редакция накинулась на Качинского с упреками и обвинениями в неподчинении начальству. Уж не Амуров, а Качинский обязан был выйти на ковер и выслушать все, что о нем думают.

Поставив нахала на место, редактор Чесноков принялся тестировать поэта на здоровье – поэт часто жаловался то на плохие ноги, то на пустую голову, то на глухоту, то на хромоту, то на слепоту...

- Видишь окно через дорогу? – указал старший редактор Чесноков на общежитие – Там сидит Левин и пишет доносы в Обком партии, обвиняя нас в моральном разложении. Сейчас он как раз разглядывает нас через бинокль, а в перерывах пьет коньяк. Угадай, сколько звездочек три или пять? Угадаешь, сводишь нас в ресторан "Енисей", ошибешься - сдадим в милицию за оскорбление старейшего журнала в России.

Тем временем Валера Черный, оглядев кабинет Амурова, принялся раскладывать имущество редактора по своим корзинам.

- Это выбросить в окно – Черный указал на знаменитый стол с автографами великих писателей - Сюда поставим кассовый аппарат, сюда сейф. Аркадий, начинай!

Старший редактор совместно с доктором Мартовым понесли стол к окну. Черный принялся сдирать утеплитель, пытаясь открыть створки, хотя во дворе еще лежал снег.

- Не отдам! – Амуров упал на любимый стол.

В Ленинградской блокаде у Амурова погибла вся семья, а сын известного конструктора чудом спасся вместе с отцовским столом, полным секретных чертежей. Некоторые формулы слабеющей рукой были вырезаны прямо по дереву, потому стол и не сожгли в буржуйке. Амуров выучился на топографа и бродил с партиями по всей Сибири, пока, наконец, не пристроился в редакцию всем известного журнала.

- Пошли, дед, поговорим за жизнь, – Черный пытался вытолкнуть Амурова за дверь.

- Не тяните меня за руку.

- Не сопротивляйся, коммуныга, Скоро вам всем хана – наша взяла!

- Чья ваша?

- Наш духовный отец, Вова Юристов приведет нас к Индийскому океану, и ты, дед, будешь мыть мои сапоги!

- Никогда блокадник не будет мыть сапоги!

- Будешь, к ноге! – кричал Черный – Целуй руку!

Блокадник Амуров грохнулся в обморок. На шум пришел главный редактор Королев, но, заглянув каждому в глаза, понял, что численный интерес на стороне Черного, и бережно подняв Амурова, посадил в кресло.

Валера Черный хлопнул дверью и повел редакцию по кабинетам, которые зам. главного намерен был обратить в бордель. На ходу к Черному присоединялись графоманы, которых в прошлые годы гнали взашей. Большой компанией зашли в отдел прозы, где редактор сидела на рукописях Качинского, скрывая под собой шедевры мировой литературы. Над столом редактора висела картина "Обнаженная" Ренуара. Знаточи говорили, что французский импрессионист писал картину с редактора. Авторы, приходя в журнал с толстыми рукописями, забывали, зачем пришли. И скоро в кабинете скопилось большая коллекция романов, среди которых было немало талантливых произведений. Валера Черный, войдя в коллектив, первым делом отсортировал забытые рукописи уголек. Многие столичные журналы украсились псевдонимом А. Белый, под которым публиковал чужие произведения В. Черный.

Качинский, не зная, чем заняться, присел за стол главного редактора. На секунду выглянула редактор, следом вышел Королев.

- Геннадий Федорович! – кинулся Качинский с криком к уважаемому им настоящему поэту – Давайте действовать совместно!

Королев мельком глянул на Качинского и устало вымолвил:

- Вы не из нашего круга, ваши действия можно квалифицировать как хулиганские.

- Валерий Черный из вашего круга?!

- Да, к сожалению. Юридически он с нами, и каждый его шаг защищен законом.

- Как же попасть в ваш круг? – подавленно спросил Качинский.

- Не знаю...

- Так вы растеряете всех друзей, а я вовсе не паршивая овца! Надо собирать под свои знамена всех, кто к вам идет, но вы святее Папы Римского.

Главный ушел в свой кабинет, а на смену вышел Чесноков, который занял у Качинского пятьдесят рублей, и они вдвоем спустились в огромный буфет, где отоваривалось большое начальство. С буфетчицей Валею спустились в подвал, полный всякого дефицита, и Чесноков на деньги Качинского купил запретную водку, поставив ее в дипломат, переложив бумагой, чтобы не звенела. Затем велел Качинскому идти вперед шагов на двадцать, но не теряться из виду. В случае внезапного обыска народными контролерами Качинскому велено было сказать, что водку он купил в ресторане.

ГЛАВА 29

У Качинского увели «домашний кинотеатр», первый в Советском Союзе, который Мастер привез из Японии. Юрий Николаевич с матерками вынес из сарайки пыльный «Енисей».

В малом осколке мир отражается также как и в большом зеркале. Телевизор "Енисей" тоже можно было считать осколком, отражающим события, назревающие в Москве. Какой канал включит Качинский, всюду бои. На первой программе во "Взгляде" Белозерцев выступал против Яковлева, на второй программе Юрий Арбатчиков вел бой с кубинцем Педро, а на третьей боксерский ринг сменил "Музыкальный ринг", где Кинчев из "Алисы", соревнуясь с Сукачевым и блатным Розенбаумом, демонстрировал голый зад восторженным поклонникам демократии. На четвертом, только что открывшемся ночном канале, шли занятия сексуального университета. Курс ликбеза предлагал уроки любви по-французски: органы должны быть чище, чем шея, а шею, как известно надо мыть каждый день. Преподаватели Роза и Валерий подробно демонстрировали возбуждение, эрекцию, коитус, эякуляцию и, наконец, расслабление. Словом, Москва как всегда шла впереди планеты всей...

В Союзе писарчуков тоже шли бои местного значения. Лауреат Ленинской премии Валерий Черный предлагал союз трех славянских народов – цыган, хазар и чукчей. Прослышав о дискриминации, с близкого базара пришли кавказцы.

- А грузины? – спрашивали темпераментные товарищи.

- А немцы? – вопросом на вопрос отвечал Валерий Черный.

- А мы? – спрашивали узбеки.

- А чеченцы кто? – наступали на председателя Голубева приезжие строители, всю зиму перекладывающие стены Правления.

И чеченцы и члены СП ходили в кирпичной пыли. Чеченцы помимо всего были измазаны кровью: вчера 16 апреля 1991 года на празднике разговения Ураза Байрам мусульмане резали жертвенных барашков и жертвенной кровью мазали лица. Все кавказцы были крепкого телосложения и на голову

выше бледных писарчуков. Пииты со страхом поглядывали на пришельцев и думали: "Дай бог, чтобы в здоровом теле нашелся здоровый дух". Только один Громов речью и ростом был под стать кавказским товарищам, а шуму от него было больше чем от всего базара разом.

- Слюшай дорогой, выпей со мной, – братались кавказцы с писарчуками.

Подроспевшая милиция принялась заламывать руки непрошеным гостям. Собрание писарчуков громкими аплодисментами поддержало действия правоохранительных органов.

Внезапно наступила тишина, и по рядам писарчуков прошел шепоток: "Мастер пришел". Мастер присел рядом с Качинским, и к нему со всех сторон потянулись дружеские руки – вот ведь больной псих, а каким уважением пользуется! Качинский хмурился от неприятного соседства.

- Вы меня дискредитируете! Люди подумают черт знает что!

- Пилоту осторожным быть надо: по трассе «Формулы – 1» ползают улитки – не долго и разбиться на дорогой машине. Гы – гы!

Вдруг вошел Громов и объявил себя пророком: правительственный журнал берет его стихи!

Собрание зашумело, рождалась сенсация. Но совершенно не ясно было, что за журнал и какого государства – а вдруг и впрямь! И вот уже все знатные писарчуки окружили Громова и принялись каждый перетягивать на свою сторону – только пуговицы отлетали. Большой Громов, пугаясь славы, вдруг упавшей на него, кинулся прочь, а литераторы змейкой, цепляясь друг за друга, бросились следом. Валерий Черный ухватился за пиджак Громова, председатель в свою очередь поймал бороду Валеры, и возникла некая игра типа ручейка. Ручеек потек в сторону железнодорожного вокзала: готовился второй десант на Москву. Первый десант был выброшен из самолета без парашютов и разбился о мостовые подобно коровьим лепешкам. Теперь вторая волна, учтя опыт, катилась поездом «Сибиряк».

На Качинского постоянно налетали переводчица Майя и экономист Французов.

- Отдай конфеты, – требовал Французов.

- Подушечки что ли? Их Мастер съел!

- Ты нас разорил! Такой дорогой кожаный портфель!

Качинский пытался убрать отрицательные эмоции настроем доктора Сытина: "Я настраиваюсь на энергичную, веселую, молодую жизнь. Через тридцать лет я буду веселым, здоровым, красивым молодым человеком тридцати семи лет!" Тридцать семь лет – середина жизни, чувствуется, чем все это кончится. И Качинский чувствовал, что будет все хорошо. Настрой доктора Сытина вливал в плоть свежую кровь, отчего щеки становились румяными, кровь с молоком, а руки железными.

- Что это ты мне кланяешься? – спрашивал Громов, брезгливо наблюдая со второй полки за поклонами Качинского – Погоди, я еще не получил Нобелевскую премию и посему не могу поделиться с тобой. Ну, будет случай, свожу тебя в "Пекин".

- В Москву, в Москву, в Москву! – напирала толпа, взбираясь на крышу экспресса. – Клянемся, что мы ограбим и убьем любого, кто не поделится нами, но отныне мы никогда не будем голодными!

Неделю назад по городским кинотеатрам прошел американский фильм "Унесенные ветром", и клятва Скарлетт вбилась многим в голову как гвоздь.

Мощный ветер взметал тучи рукописей и шляп.

- За что?! – вопили пассажиры, оставшие от счастья.

«За грехи молодости» - говорила реклама американского фильма по обе стороны вагона – ресторана. Герои триллера, опоясанные крест накрест пулевыми лентами призывали русский народ идти с ними на Москву защищать царя Ивана Сусанина. Конечно, это была не реклама, а лозунг цветной оппозиции, розовой и голубой интеллигенции, что пряталась внутри «Сибиряка».

В Москве, сибирская богема, изрядно опохмелившись, принялась стучать зонтиками и тросточками по танковой броне Кантемировской дивизии, что следом за «Сибиряком» медленно втягивалась в столицу, отравляя улицы густым дымом дизелей.

На помощь сибирскому десанту бежала московские братишки, вооруженные велосипедными цепями и металлическими прутьями. Этими дубинами братва тоже стучала по танковой броне, отчего молодые танкисты крыли матом всех царей пока еще единого государства. На Красной площади началось братание: Денис братался с бардом Колей, идеолог Сергей с Собчаком, Соня Французова повисла на шее Бурбулиса, а затем и вовсе села ему на шею с бутылкой шампанского в руке – сибиряки в который раз спасли Москву!

И вот, почуяв запах Победы, с правительственных дач выехала вся президентская рать Ивана Сусанина. Ехали на двух открытых "Чайках", на которых министр обороны обычно принимал парад. В первой машине рядом с шофером с российским флагом в руках стояла красавица Маргарита, символизирующая свободную Россию, подобно тому, как Марианна, стоящая на баррикадах с открытой грудью символизирует свободную Францию. Позади Маргариты стояли два героя Советского Союза генерал Русской и генерал Журавель, что прикрывали своими телами третью неясную фигуру. Во второй "Чайке" ехала семья Сусанина жена и две дочери. Тылы прикрывали повестушник Валера Черный и идеолог Сергейс огнеметом "Шмель" в руках.

На лесном перекрестке кортеж встретили танки и взяли в кольцо с непонятной целью, то ли для охраны, то ли ареста. Далее кортеж следовал в сопровождении танков, причем танки отчаянно чадили, и Маргарита с ее слабыми легкими задыхалась от выхлопных газов, но продолжала уверенно стоять с флагом в руке. Ехали на большой скорости, перемалывая гусеницами асфальт. По обеим сторонам дороги в густом ельнике пряталась "Альфа", которой было приказано арестовать Сусанина и случайно убить в перестрелке. Но альфисты, как и танкисты, молча наблюдали за пронесшимся кортежем, и только начальник спецгруппы Карпухин требовал по рации остановить машину.

Российский флаг, гордо развиваясь на ветру, въехал в Москву. Президент Сусанин вышел из-за спины генералов и воздвиг российский флаг на баррикаде напротив дверей Белого дома. И флаг, и президента окружила плотная толпа сподвижников, а сам Сусанин указывал пальцем на крыши окружающих домов, с которых его якобы обстреливали снайперы ГКЧП. Но Геннадий Янаев согласился взять на себя обязанности президента только до Сессии СССР, причем до первой крови: как только появится угроза насилия, Янаев обещал немедленно свернуть деятельность ГКЧП.

Добрейшее лицо Янаева и его дрожащие руки то и дело появлялись на экране телевизора в паузах между классической музыкой. По всему было видно, что Янаев и есть тот самый принц из "Лебединого озера", что оказался между добрыми и злыми силами. Никто не заметил позади Янаева лицо милостивой женщины с восточными чертами. Этой дамой на втором плане была академик Лала, что монотонным голосом без перерыва вставляла в уши Янаева гипнограммы. У временного президента СССР Янаева был положительный императив, и, ввиду чрезвычайной доброты характера, его внутренняя установка не противоречила цыганскому гипнозу, которым в совершенстве владела Лала. Янаев был готов в любой момент бросить к черту не собственное ему бремя власти, и только многочисленные телеграммы поддержки: "Правильно! Хорошо! Наконец-то!" подобно костылям удерживали Янаева на кремлевской высоте.

Красная площадь быстро заполнялась трезвым народом. Трезвым, потому что еще действовал сухой закон. Но трезвый народ потому и собрался на Красной площади, что жаждал хлеба и зрелищ. Устал русский народ, надорвал пупок, не желал более быть впереди планеты всей. Русский народ и вовсе впадет в спячку, не желая плодиться – великий сон сморил русского мужика. Некого стало благодарить за помощь, за добро, за ласку, за окрик, за пинок и за подсказку. Не станет ни надзирателей, ни зеков, ни колхозников, ни рабочих, ни армии, ни авиации. И только ржавая ракета "Сатана", да сибирская нефть будут держать Россию на краю пропасти, что подобно Чаплинскому домику будет качаться на краю скалы, где вымирающий мужик будет бегать по хате, пытаясь сохранить равновесие. А за краем пропасти на другом берегу провала будет подниматься древний китайский народ, еще вчера, ходивший без штанов...

Без штанов, без трусиков ходила между танками натурщица Люся-Мюзета, упавшая на Москву вместе с мокрожепой богемой. Мюзета вставляла в пушечные стволы гвоздики и отвлекала танковые прицелы от Белого дома, выставив как мишень свою розовую попку, живую иллюстрацию журнала "Плейбой", по-русски - "Шалопай". Бронемшины десантников разместили по углам Белого дома, а солдат завели в спортзал. Троянского коня десантной роты специально запустили в Белый дом, чтобы легче было штурмовать изнутри. Ситуация была грозной, защитники Белого дома подозревали друг друга в измене. И если бы Янаев дал приказ о штурме, защищать царя Сусанина было бы некому.

Сам Сусанин ночевал на разных этажах, прячась в кабинетах, окна которых выходили во внутренний двор. На ночь в здании свет выключали, а коридоры Белого дома перегородили мебелью. Шкафы и кресла валялись перевернутыми, их называли "полосой препятствия".

Днем по коридорам Белого дома ходила невеста, как проникшие сквозь плотную охрану, красноярская богема. Идеолог Сергей поддерживал солдат своими агитками:

"Тянется из зарубежья

Помощь эмигрантов"

Майя радовала своеобразным стриптизом: "Я снимаю кожу, оголяю кости», а вечный диссидент Громов "раздавал поцелуи солнечным девкам".

Ночью повестушник Валера Черный пошел по темным коридорам в уборную и, запнувшись о перевернутую мебель, с грохотом упал. Идеолог Сергей, подумав, что начался штурм, включил огнемёт. Длинная струя огня подожгла занавески и ковер. Сбежавшиеся защитники Белого дома с трудом погасили сильный пожар. Красноярскую богему с позором изгнали из Белого дома.

Маргарита вместе с Мюзетой ходила среди солдат и раздавала гвоздики. Цветов было много. Цветы только что созрели на многочисленных дачах и бабушки носили цветы корзинами. Старушки всю жизнь простояли у станков, в то время как их ровесницы в бразильских сериалах отдыхали на фазендах, разводя цветы и детей. Следом за Маргаритой и Мюзетой ходила строем рота десантников в защитной форме – в карманах разгрузки лежали гранаты и запасные обоймы. Качинский среди десантников заметил Мастера.

- И вы тут?

- Я ваш ангел – хранитель!

- Чей ваш?

- Ваш и Маргариты!

Мастер с автоматом в руках охранял бардов Шепилова и Кукина, что с гитарами в руках держали боевой настрой защитников Белого дома.

"Он прицелился да с карабина,

И я кровью снег пропитал"

Вдруг и впрямь оглушительно ударил зенитный пулемёт – танкисты от скуки расстреливали небо над Москвой. Качинский от испуга кинулся прочь, и, запнувшись, упал прямо в ноги Маргариты, окруженной плотной толпой поклонников. Все эти флаги и праздничный салют безусловно были устроены в честь самой красивой женщины России.

- Пойдемте, я вам что-то покажу! – звонко рассмеялась Маргарита и повела друзей к Белому дому, где у костров богема пела, выпивала и закусывала.

У баррикад дымили полевые кухни. Злата, жена Геннадия Хазанова раздавала солдатскую кашу и бутерброды с красной икрой. Многие впервые в жизни пробовали импортную водку "Смирнофф" с икрой. Для женщин Злата выставила шампанское, и Маргарита выдула целую бутылку, после чего

плохо держалась на ногах – пришлось Качинскому нести ее на руках, чему Маргарита была безумно рада.

Добрая водка и хорошая закуска потянули на приключение. Втроем с Маргаритой Качинский и Мастер спустились в подвал Белого дома, известного как объект номер сто. В отсеках подвала на стеллажах лежали противогазы и находились запасы питьевой воды. Проникли в настоящий бункер с огромными воротами и штурвалом. В отдельном кабинете для президента у карты Москвы стоял сам президент Сусанин.

- Как вы сюда попали, понимаешь?! – поразился Иван Сусанин, с недоумением оглядываясь на охрану.

- Украдите меня, мне пора, и что будет потом неважно – смеялась Маргарита – Седоволосый, шустрый и смешной, ты знаешь, друг мой, как и прежде любовь ценою не простой спасает мир!

Седоволосый, шустрый президент России засверкал глазами и приказал охране: "Этих расстрелять, а девчонку оставьте. Я беру ее в секретари".

Качинский и Мастер кинулись бежать коридором, затем по бесконечно уходящей вниз винтовой лестнице вышли к потайной двери, за которой, как в сказке про Буратино, открылся подземный театр – станция метро "Киевская"...

ГЛАВА 30

На станции метро "Киевская" не просто театр – водевиль с украинской мовой. Девушки в национальных костюмах и с цветочными венками на головах встречали хлебом, солью. У самой красивой, Валентины - взор острее меча. Позади толпились запорожские казаки, голые по пояс, с бритыми головами и хохлами на затылке. Среди казаков пляшут Ваня Казачок и Денис Заречный в больших шароварах. Глаза у Дениса сильно грустные, что-то сильно смущает его. Казаков можно принять за опереточных, но сабли их столь остры, что казаки легко рубят фонари по обе стороны эскалатора в метро.

Лихо вынеслись на центральный Крещатик. Качинский смотрит: идут два пня, на пнях болото, сам далеко, а глаза двустволки уже торчат перед лицом Качинского – ба, да это повестушник Валера Черный необъятных размеров, разевшийся на украинских галушка, атаман гайдуков. Справа дуб, на дубе клуб "Веселых и находчивых" – это Коля Шепилов с поэмой "Ехали татары", где татары сплошь Петро да Романэ. Посередь Крещатика течет демонстрация. Дивчины поют, опустит очи, як на чию думку: "Ой, Днипро, Днипро!" По сторонам Крещатика коммерция, прибуткова справа. Слева огромного повестушника Черного языкатый Сергей на людне мисце

- Знамо його як облупленного, – указывает идеолог на председателя СП Голубева, прибывшего в Киев под псевдонимов Горний.

На трибунах Зверхня Влада лениво помахивает пальчиками – все как при советской власти, да тильки на месте Первого секретаря президент Нерозлийвода.

Власть в сласть, но по-перше, что делать с атомным оружием – як ось новый Чернобыль! Во вторых, в край погано – бензина нема! Все "Чайки" и "Волги" стоят в гаражах, зато гайдуки на конях скачут.

Ну, да ладно, власть установилась на вечные времена – будем танки продавать да "Мерседесы" покупать. Атаман Черный кинулся в народ, предлагая купить движение "Рух". Певний народ кидал в шапку атамана лишние доллары, и скоро набрался миллион.

Тут Крещатик поехал, дорога круто взяла вверх, переламывая ступени, и вот уже эскалатор, переламывая ступени, закинул Качинского в вагон метрополитена, и мягкий голос объявил: "Следующая станция "Казанская".

На станции "Казанская" татары в длинных рубахах кулмяк и штанах с широким шагом шли строем с тальянками в руках с тюбетейками на головах, все в яловых сапогах. Во вторых рядах девушки в ярких платьях и нагрудных украшениях с золотым шитьем играли на кураях и кубызах. На верху башни Сююмбеки стояла Марьям в шапочке-калфак, вышитой бисером и читала стихи Гавриила Державина.

- Как время катится в Казани золотое!

У Казанского кремля стояла группа татарских товарищей: А. Пушкин, Л. Толстой, М. Горький, Ф. Шалапин, Н. Бауман. Е. Евтушенко читал поэму "Казанский университет":

- Достоин тот факт пьедестала,
Что татаринотом создана песня
"Во поле березонька стояла".

А. И. Герцен дополнил стихи товарища Евтушенко, сказав, что в Казани Запад и Восток сдружились, славя русский слог и речь татарскую навек.

На каждом зеленом пригорке стояли огромные самовары, вокруг которых татары пили сутками любимый чай с блинами и чак-чаком.

Качинский пил кумыс и слушал песню "Вечер в деревне": то ли неаполитанскую, то ли татарскую – так за сердце хватала.

За сердце схватил и Валера Черный.

- Нихял, иптяш! Дай кобасы, с голоду подыхаю!

Валера Черный только что проиграл бой с мешками на бревне и все равно требовал приз. Ему дали бархатную тюбетейку с тамбурной вышивкой. Только Черному все мало – Валера уж требует добавки из большого котла. Затем необъятный в размерах Валера стал бороться на поясах с худым, как кощей, татарчонком. Но вот чудо: Валера, упав на татарина, думал уж раздавить как яйцо, но татарчонок успел увернуться, и Валера татарин на восьмушку, потряс всю Казань, хлопнувшись на спину. Валера, обозлившись, живо взобрался на минарет и стал дразнить татар:

- Нам татарам все бы даром!

Под татарина работал и идеолог Сергей, требуя с другого минарета разделения полномочий Казани и Москвы.

- Бу кем? – спрашивали друг у друга казанские татары, слушая сомнительную, но все же волнующую древнюю болгарскую кровь речь высокого гостя.

- Мишар! – говорили одни болгары. Другие сомневались – Кряшен!

Валера Черный тем временем сватал Марьям и договаривался о дарах со стороны невесты. При этом, представляясь, как потомок хана Узбека. Приданое стали вести со всей Казани целыми грузовиками. Богатые дары Сергей и Черный отправляли багажом в Красноярск и, наконец, не выплатив калым, бежали из Казани. Качинский следом за ними успел запрыгнуть в вагон, и нежный голос объявил следующую станцию: "Гражданская война". Татары, обезумев от ярости, стучали кулаками по окнам, грозя разбить стекло.

Поезд долго не мог стронуться с места, поскольку татары, вцепившись в него, не отпускали мошенников, коими был набит весь состав. Наконец, поезд изрядно помятый прибыл на соседнюю станцию под защиту солдат с ружьями на плечах. Перед солдатами выступал меньшевик Лев Троцкий, который организовал захват Зимнего дворца большевиками, создал Красную армию, что и победила в гражданской войне. Лев Бронштейн владел революционными массами как дочерью купца Седого, держа и дочь, и народ напористой речью.

- Я считаю себя противником Маркса, книг которого я не читал, – говорил Троцкий, активно впахивая в массы правую руку, за что и был отстранен Сталиным как правый оппортунист.

Солдатские массы отвечали оглушительным свистом и выстрелом в воздух. Пули рикошетили от витых столбов, грозя поразить самого Троцкого и его близкого друга товарища Сталина, что стоял позади вождя и хлопал громче всех.

Товарищ Сталин аплодировал самому себе, умело, убрав вождей октябрьской революции и подменив.

В толпе солдат Качинский узнал Бурикова – Николай вместо ружья держал лыжи. Коля, в свою очередь, обрадовался Марьям, что пряталась за спиной Качинского – она тоже в последний момент успела заскочить в поезд, желая вернуться на родину. Вокруг Марьям стояли доктор Булочкин и Александр Федорович Керенский, но не премьер-министр, а школьный товарищ Качинского.

- Ты где потерялся? – спрашивали товарищи – Мы все пещеры обошли и думали, что сами потерялись.

Шальные пули вынудили друзей бежать на соседнюю станцию "Содом". В пещере под огромными сталактитами в облаках разноцветного газа метались голые девки и мужики и под музыку "Хэви металл" совокуплялись без разницы полов и возраста. В тучах дыма от тысячи сигарет с марихуаной с искаженным лицом пела переводчица Майя песни на свои стихи:

"Я исполосую твою кожу,
Сдеру живьем с твоих костей..."

Голые люди принялись бить друг друга солдатскими ремнями с металлическими пряжками и длинными бичами с металлическими концами. "Спелеологи" спешно покинули преисподнюю и оказались в другом подземном царстве, не менее жутком. В огромном подземном зале, потолок которого

был незрим из-за густого дыма многих костров, ходили потерянные люди в рваных одеждах. Меж кострами стояли раскладушки с большими беженцами со всех краев СНГ, что прибыли на заброшенную станцию только им известными путями. Где-то стояли палатки, где-то люди лежали на кучах гнилого тряпья. Меж костров ходил великий русский писатель Виктор Астафьев и с содроганием разглядывал половинки людей – такого он не видел даже на Отечественной войне.

- Господи, что сделали с вами коммунисты!

- Да при чем здесь коммунисты? - ругались люди, разрезанные пополам. – Начался дележ СССР, а поскольку наша голова жила в России, а ноги в Грузии, то нас и разрезали согласно границе! Распиленных людей отпевали священники: "Со святыми упокой!"

- Тут и так дышать нечем – вновь волновались уроды - А ты, дед, со своим кадилом. Лучше бы побрызгал святой водой или пригласите хирурга Сталина. Он быстро зашьет границы.

- У-у, Сталин! – гудел повестушник Валера Черный, что накинул на себя сутану и вернулся на свое рабочее место петь молитвы с амвона – Анафема!

- Коммунисты – партия Бога! – громко возразила монахиня из "Армии спасения" матери Терезы.

Монахиня кормила голодных и перевязывала гноящиеся раны. Монахиня подняла голову, и Качинский узнал Дашу, подружку далекой молодости. На ней было то же самое платье, подаренное матерью Качинского двадцать лет назад. Помнится, она уже являлась к нему в госпиталь после ранения в Афганистане в образе милой медсестры. Вот и сейчас вновь встретилась ему под землей. Даша все так же молодая, с тем же румяным лицом, глядя на которое хотелось запеть:

- Я жила и расцветала до семнадцати годов,

А с семнадцати годов крутят девушки любовь.

От румяных щек Даши впору было прикуривать. Даша молча изучала старинного друга, сильно поседевшего и помятого, как никак прошло двадцать лет. Качинский ступал под ее пристальным взглядом и принялся чистить сильно испачканное пальто, в котором он по ледяной трубе спустился в пещеру, известную в народе как "Известковая".

Внезапно состав метро, стоящий в глубине, захлопнул двери и с оборванным сообщением: "Следующая станция..." - умчался прочь. Далее было ехать некуда, и пришлось Качинскому с красноярскими друзьями покидать пещеру через всю ту же ледяную трубу.

- Ты с нами? – спросил Качинский Дашу.

- А кто будет за ними ухаживать? – спросила, указывая на беженцев.

Друзья долго штурмовали ледяную катушку, то и дело срываясь вниз и, наконец, с трудом, минуя родовые пути, покинули лоно пещеры. Глазам предстал мир столь ослепительный, что трудно было что-нибудь разглядеть сквозь слезы. Весеннее солнце прожгло глубокий снег, и на месте тропы, гуляющей среди берез, образовался ледяной желоб бобслея. Можно было часа

полтора спускаться к далекой речке, только что освободившейся ото льда и блестящей на солнце. А можно было скатиться на пятой точке по ледяной катушке. Качинский, недолго думая, завязал узлом подол старого пальто, и ловко уворачиваясь от встречных берез со скоростью свободного падения, через несколько секунд оказался на речке, по колено погрузившись в ледяную воду. Следом скатился топорик, выпавший из рюкзака и бутылка водки, выпавшая из кармана – скоро она стодится. Следом за бутылкой прибыли доктор Булочкин с разбитой головой и химик Керенский со сломанной лоджжкой. Горная река вскрылась, и пришлось нести товарища по колено в воде. Вышли к берегу Енисея, за бутылку водки наняли перевозчика: на противоположном берегу горели огни деревни Овсянка, там найдется хлеб и ночлег, где перевяжут раненого. На середине реки рядом с лодкой шлепнулся мешок с дерьмом – это Валеру Черного выбросили из самолета. Валера возвращался на родину на халяву, без билета и достал таки летчиков скабрзными анекдотами о Ленине, которые Валера выдумывал на лету. Валеру багром притянули к смолянному борту, и поскольку вытащить объемную тушу не было возможности, так и приплыли на противоположный берег, где с широко раскинутыми руками стоял великий русский писатель Виктор Астафьев.

- Приплыли, герои. Давно слежу за вами, милости просим в Овсянку.

Всем дали спирту, и вот уже повестушник Черный плясал с песенницей Анной Константиновной.

- А кто же тут среди вас достопочтенный Юрий по батюшке Николаевич? – спрашивал великий писатель, вглядываясь больными глазами в лица читателей, с трудом доплывших до любимого писателя.

- Юрий Николаевич велел вам кланяться, – сказал Качинский, перемигнувшись с друзьями. – Отказал прибыть, сославшись на величайшую хворь.

- Что же он так нас не взлюбил? – недоумевал Виктор Петрович – Уж мы бы вас водочкой угостили. Эх, жаль, не состоялась встреча столь долгожданная.

- Да, любит он вас, любит – со слезами говорил Качинский, оглядывая старинную деревню с крутыми отрогами Саянских гор, что стояли живой картиной Рериха "Пер Гюнт".

Среди огромных сосен и громадных валунов в глубокий снег зарылись черные срубы сибирских изб, в одной из которых и родился великий русский писатель. Под крыльцом избы Виктора Петровича стоял лед горной речки, промороженной до дна. Во льду застыли хариусы и таймени, пойманные не слыханными в этом столетии морозами. Слава богу, скоро весна...

ГЛАВА 31

Павлов, Язов, Крючков и Янаев собрались на секретном объекте АБЦ на Ленинском проспекте. Объект уходил на десять этажей вниз и имел выход на метро. На 20 августа намечалось подписание союзного договора. В Форос, где прятался президент СССР Ломоносов, послали делегацию.

- Пусть Лукьянов объявляет чрезвычайное положение, а я подпишу – сказал Ломоносов и, изображая сильный радикулит, ушел в кусты цветущих роз.

Ломоносов руками ГКЧП намерен был убрать Сусанина. В свою очередь Сусанин сильно желал устранить Ломоносова, дабы самому войти в Кремль. А войти в Кремль можно было лишь на посту вице-президента СССР, либо президента России, разрушив при этом СССР. Можно сказать, на мосту реформ встретились два барана, один упорнее другого. Бараны уперлись лбами и сбросили с моста ... СССР.

Наступил момент, когда судьба Сусанина повисла на волоске. На улице за окнами Белого дома слышались выстрелы и крики. В переломный момент охрана Сусанина усадила его в машину.

- Подождите, а куда мы едем? – спрашивал Сусанин, оглядываясь на толпу людей, преследующих автомобиль.

- В американское посольство! Двести метров и мы спасены.

- Никакого посольства, Поехали к Попову.

Дача мэра Москвы Гавриила Харитонова пряталась в лесу. Бетонированные подвалы были переполнены чудесными напитками и заморскими винами с экзотическими кличками. Сусанин присосался к греческому "Метаксу". Коньяк хорошо успокаивал нервную систему.

Спали при потушенных фонарях, со всех сторон выставив охрану. Утром Сусанина разбудили коротким словом: "Победа!"

Да это была победа! Победа самых разрушительных сил России за всю ее тысячелетнюю историю. То, что было накоплено христианской Русью за тысячу лет кровавой борьбы, было уничтожено в один день, когда Сусанин, стоя на трибуне, подписывал указ о запрете КПСС. Тем самым Сусанин парализовал первую по величине супердержаву, сломав ее позвоночник – коммунистическую партию. Далее КПСС, павшую на колени перед незримым врагом, нужно было лишиться зрения и слуха. И вот по записке Бурбулиса председателем КГБ назначили Бакатина. Через месяц Бакатин сдал американцам все коды и всю агентуру, уничтожив первую разведку в мире. Весь этот месяц в кабинете Бакатина работала академик Лала.

В Кремле установилось редкое двоевластие, как в Петрограде накануне Октябрьской революции. Естественно Сусанин долго двоевластия терпеть не мог.

На даче Ломоносова в Огареве еще собирались главы союзных государств, а Сусанин искал себе вице-президента на первые президентские выборы. Спичрайтеры Харин и Пихойя предложили генерала Русского, боевого летчика с усами и звездой Героя – отличное дополнение высокому красивому Сусанину. Сусанин тотчас вызвал знаменитого летчика, дважды бежавшего из афганского плена. Боевой генерал прослезился от благодарности.

- Я буду сторожевой собакой у вашего кабинета!

Через год "сторожевая собака" предала "бабая". Спичрайтер Харин, приняв бегство Русского близко к сердцу, заболел и скоро умер.

Заболел и скоро умер Советский Союз, как сирота казанская оставшись без КПСС. Но прежде чем кончилось двоевластие, куда-то пропала Зоя Спартаковна, что обычно вмешивалась во все хозяйственные дела Кремля. Генерал Плеханов по указке Зои Спартаковны таскал бронзовые неподъемные торшеры. Затем генерал Плеханов те же самые торшеры ставил на прежние места, но уже по указке Валентины Ивановны, младшей дочери Сусанина. Вначале дочь победившего президента меняла туалетную бумагу, затем стала менять дорогую посуду и генералов.

Поменяв всю охрану, Бурбулис, Шахрай и Козырев увезли Сусанина самолетом в Беловежскую пущу, где президент России устроил охоту на последнего мамонта под именем СССР. Кравчук, Шушкевич и Назарбаев оспаривали у Сусанина право первого выстрела... Со слезами на глазах Ломоносов передал ядерный чемоданчик Сусанину. СССР выпала великая честь быть убитой новым дрессировщиком. Любой другой даже слепой поводырь поднял бы веревку и повел гиганта следом за Китаем, единственной дорогой, по которой мог идти здравомыслящий человек.

Сусанин случайно убил несчастную страну не из мести и вовсе не из-за деда, что был раскулачен в эпоху коллективизации. Просто Медведь Сусанин задрал дрессировщика в лице КПСС, потому что тот не давал зверю гулять по бурелому.

Убив дрессировщика, Сусанин сам уже не мог осмысленно действовать, поскольку был воспитан в партийном коллективе советского цирка. Демократия для Сусанина, что мухомор для ребенка – нечто яркое и страшно ядовитое. Впрочем, тоже самое произошло и с партийной номенклатурой, бросившей тяжело раненую партию – дикий рынок и вовсе смерть для дисциплинированного аппаратчика.

Не только государством, но и собственной семьей Сусанин управлять не умел, и не мог навести порядок в семьях своих дочерей. Как не умно Сусанин действовал в быту, также совершенно случайно он управлял огромным государством, не зная даже рычагов управления.

Браки, как и карьера, создаются на небесах, но у Сусанина отношения с Богом были напрочь разорваны – он был на сто процентов атеистом. И если Сусанин раньше руководствовался Уставом КПСС, то с распадом СССР совесть его была чиста, как тетрадь первоклассника, впервые пришедшего в школу. И вдруг первоклассник оказался учителем самому себе, с удивлением обнаружив, что выше его никого нет, а все учителя далеко внизу – сиди и плеывай на всех.

Рано или поздно вслед за СССР разрушится и Америка: не поливай бензином горящий дом соседа – любое действие возвращается противодействием, причем трижды. Историки, какие может быть уцелеют после всемирного пожара, будут анализировать причину гибели второй супердержавы, а мы попытаемся понять, где загорелся советский дом. Может, дом поджег некто Хахалев, что обещал жениться на старшей дочери сразу после окончания Красноярской школы №9 с физико-математическим уклоном?

- Давай поженимся, – торопила маленького некрасивого одноклассника Галина, дочь первого секретаря крайкома партии. – Папа квартиру обещал.

Но задиристый Леха был иного уклона – подводил глаза, красил брови, соединяя дугой, и тем был люб женской половине класса. Наглый паренек, еще не женившись, считал себя членом семьи Сусаниных. Часто лежал на диване и протягивал ногу личному врачу первого секретаря: "У меня пятка болит, нужна справка". Иван Сусанин был против такого зятя, но опять же у Лехи отец начальник областной автобазы!

Молодые поженились, родилась Катя. Но из роддома родители забирали Галину без Лехи.

- Ох, Леха, без тебя мне плохо, – стонала Галина Ивановна, разыскивая по притонам пьяного мужа.

Второй пожар в доме Сусаниных зажгла любовь младшей дочери Валентины, которая влюбилась в своего однокурсника Асхата, сына известного хирурга Мичурина. Асхат был копией своей мамы, Ляли Галимовны - красавицы, в которую профессор Мичурин влюбился с первого взгляда, встретив в театре. Асхат был показательным мальчиком: с блеском окончил музыкальную школу по классу фортепиано и с золотой медалью среднюю школу. Валентина была девушкой с характером и поступила в МГУ самостоятельно. Мужа она тоже выбрала без папиного выбора.

Прослышав о замужестве младшей дочери, первый секретарь Красноярского крайкома приехал в столицу, где и встретился с известным хирургом.

- Девушка умная и серьезная, простая и сердечная! – нахваливал сноху известный хирург, который впоследствии будет оперировать российского президента после третьего инфаркта.

Первый инфаркт Сусанин получил, когда великолепная пара, которой все пророчили блестящее будущее, разошлась также быстро, как и старшая дочь.

- Он мне совсем не помогает. Тяжело со всем управляться, да еще с ребенком на руках, – жаловалась Валентина своему отцу со слезами на глазах, не в силах сдержать чувства.

Валентина и до замужества была девушкой строгих правил, а после разлуки с любимым установила в Кремле диктатуру домостроя. Отныне все женщины, приходящие в Кремль на работу обязаны были носить юбки ниже колен, не иметь на лице никакой косметики, а на теле украшений. Подобно законам шариата внешний вид женщины не должен был привлекать внимание мужчин, и строго настрого было запрещено принимать подарки даже в женский праздник. По всему Кремлю Валентина Ивановна установила подслушивающие устройства – в столовых, раздевалках, на кухнях и кабинетах. Отныне Валентина Ивановна стала не просто первой леди Кремля, а вице-президентом, на котором сходились все нити управления государством. Сусанин только кряхтел и подчинялся приказам младшей дочери.

Более всего "член правительства" Валентина Ивановна была озабочена войсками в Москве – президент Сусанин уже вошел в Кремль, а танки все еще у Белого дома, и костры по-прежнему горят у баррикад, отравляя воздух.

Вот Валентина Ивановна и вышла из Кремля навести порядок. То, что она увидела на баррикадах, потрясло ее. По площади ходили хипповки без трусов, в кофтах и дырявых пончо на голое тело. Хипповки то и дело садились на танковую броню, демонстрируя демократию, выглядывающую из половых щелей. Одна голая хипповка залезла в танковую башню и водитель, поймав кайф, двинул по рычагам ногой – танк дернулся и задавил насмерть трех наркоманов, курящих травку.

Этот инцидент вызвал взрыв негодования на баррикадах. Один хиппи, вооруженный гранатометом выстрелил в танк, а танк в свою очередь ударил по баррикаде – в воздух взлетели остатки дерева, железа и мяса. Как раз к ногам Валентины Ивановны упал протез хромой Веры с Арбата в рваных джинсах, из-за которой шла постоянная перестрелка между милицией и защитниками Белого дома. Взрывная волна полностью оголила маленькую Веру. Одноногую хипповку подобрали чеченцы, прибывшие на баррикады вместе с профессором Русланом, и унесли ее в подвал, где пользовались сломанной куклой двое суток подряд. Затем куколку подобрали грузины, потом казаки с Урала, а после хорошенькой Верой пользовались интеллигенты. Верочку насиловали целую неделю, забывая ее накормить. Она не кричала, поскольку насильники обещали положить ее также под танк. Вера эту заваруху переживала целых двадцать лет, а все знакомые говорили: "А не ходи на баррикады, там, таким как ты, все рады".

Действительно на баррикады шли лучшие люди Москвы: валютные проститутки с Горький-стрит, официантки со всех ресторанов Москвы. От Юрия Долгорукова пришли хорошенькие бесшабашные студентки театральных и гуманитарных вузов в малиновых майках с бахромой. Девушки, солидарные с демократией тут же лишали себя девственности пивными бутылками и затем размахивали красными тряпками, демонстрируя "Свободу на баррикадах" Делакруа. Лучшие режиссеры снимали на пленку документальный фильм с групповым сексом. Но секс стонал преимущественно ночами, а днем на защиту Белого дома все шли колонны за колоннами студенты и преподаватели с плакатами "Когда будем судить коммунистов?" Пришла толпа бабушек, что провела половину жизни то в гитлеровских, то в сталинских лагерях, и вместе с Лидией Руслановой пели знаменитые "Валенки", живо приплясывая под патефон. Затем бабульки смачно матерились и стучали сухими кулачками по танковой броне. Гул стоял как от колоколов.

Веселые неунывающие бабушки, для которых и концлагерь, что санаторий, так понравились Валентине Ивановне, что она пригласила их на новоселье в президентский дом. Бабушки с транспарантом "Сусанин - наш ум, совесть и честь!" взяли под руку Валентину Ивановну и пошли на улицу Весенняя, распевая советские песни - других они не знали, да и песни больно хороши. За бабульками увязались босоногие хиппи с длинными бородами, параноики и шизофреники, выпущенные из психбольниц в период безвластия, бездомные художники и поэты, всевозможные сектанты, словом весь голодный люд, что мечтал накушаться вдоволь на богатой свадьбе.

На новоселье шли через всю Москву. У памятника Пушкину некий мужчина читал через мегафон стихи. Стихи понравились, а сам мужчина с седой бородкой а-ля Хемингуэй резко нет. Ну, а поскольку отделить поэта от человека нельзя, пришлось пригласить и его товарища, пожилого фронтовика с медалями на пиджаке. Фронтовик назвался Виктором Астафьевым и сказал, что привез из Красноярска известного поэта Качинского. Валентина Ивановна краем уха слышала о знаменитых земляках, но здесь в Москве таких тысячи и все толпами ходят за семьей Сусанина. Вот и сейчас один из известных режиссеров пришел снимать новоселье, восторгаясь скромным застольем президента и разбитыми стульями, из которых торчали шляпки гвоздей.

Зато на разбитых стульях сидели необыкновенные люди с властными лицами. Поэт Качинский, пугаясь каждого встречного, наделял министров сверх человеческими качествами. Ему и в голову не приходило, что в президентскую рать под штандарт Сусанина сбились люди совершенно случайные: вот увидели издали новый флаг и кинулись наобум, обгоняя друг друга, как в известной игре "стульчики" - кто первый сел, тот и министр! Попасть во власть нынче было легче, чем на Крымский курорт, правда, перед этим надо было постоять на баррикадах в обнимку с президентом, что было, в общем, достаточно рискованно. Но кто не рискует, тот не пьет шампанское. Впрочем, ехать в общественном транспорте гораздо более рискованно, чем в номенклатурной машине. В транспорте могут морду набить, а машина, если и сделает крутой поворот даже не в ту сторону, все равно попадет во власть, пусть и в другую. Сусанин запретил КПСС, но не запретил человеку сидеть на своем месте. В кадровой лотерее все билеты выигрышные.

Как Михаил Ломоносов легко раздавал офицерские звезды гражданским лицам, так и Сусанин раздавал министерские посты людям, случайно оказавшимся с ним на баррикаде. А следом за министерским портфелем выдавал ордера в президентский дом на Весенней улице.

Чем ближе к президенту, тем выше конкурс, и получить заветный ордер в президентский дом шансов было меньше, чем поступить в институт Международных отношений. Кандидаты соревновались в игре на гитаре, баяне и на ложках. Соседом Сусанина стал Лев Суханов, хорошо игравший и поющий в дворовом стиле "Мурку". Сусанин стучал ложками по крепким лбам охранников и лысынам советников. Затем Сусанин налил по стакану коньяка своим великим землякам Астафьеву и Качинскому, велел петь вместе "Уральскую рябинушку".

Спели, выпили, помянули стариков, лежащих на Покровской горе. Пустили по случаю слезу, и Сусанин вновь играл на ложках:

"Калинка, калинка, калинка моя!

Поженила я коровку на лисе,

И родился медвежонок в росе..."

И вновь Сусанин с красным от коньяка лицом, в белой рубахе с цветистым галстуком в упоении лупил ложками по головам Шахрая и Козырева, отчего те хохотали до слез. Смеялись до слез от радости – получили квартиры в одном подъезде с шефом, а вот прокурор Казанник и бард Коля, больно

получив ложками по плечи, радовались до слез ввиду отказа на ордер. Генеральный прокурор в свое время отдал мандат народного депутата Ивану Сусанину, и президент отблагодарил Казанника большой квартирой, но в Омске. Шепилов получил комнату в общежитии Союза писарчуков, что было тоже здорово, поскольку Николай последний год ночевал на вокзалах.

Поэт Качинский цедил коньячок и втихую ахал, какие люди без охраны - Тарпищев, Задорнов! Пошли к Задорнову, а тот не успел гонорар получить. Ну, что ж открыли свои консервы, выставили свою водку, что захватили с президентского стола. Зато Задорнов рассказал свежий анекдот о Сусанине:

- Едет Сусанин в "Москвиче" по Красной площади. Впереди "кирпич". Гаишник машет жезлом, а Сусанин вместо тормоза на газ нажал и давит по-стового. Подбегают свирепые менты, но, узнав президента, берут под козырек. "Какой это город?" – спрашивает Сусанин. "Москва!" – радостно орут менты. "То-то, понимаешь, смотрю народу много" – говорит Сусанин и обращается к жене - "Возвращаемся в Красноярск!"

Великий писатель Астафьев пьет на брудершафт с Сусаниным и говорит великому земляку:

- Дави Ванечка, дави коммунистов, сынок.

Сусанин трижды по-русски расцеловался с Астафьевым, затем стал целоваться со своими министрами. Наконец пошел целоваться к женщинам. Особенно долго Сусанин целовался с академиком Лалой. Лала от имени экстрасенсов преподнесла президенту особую настойку на девяносто девяти травах, а на закуску дала розу, великолепно вырезанную из свеклы. Дочь президента Валентина Ивановна ревниво наблюдала за бывшей подружкой Зои Спартаковны, что угостила ее отца заговорными продуктами. Отныне президент все будет делать по старинному заговору, который он проглотил вместе с "розой".

Сусанин под влиянием странного импульса подошел вплотную к Качинскому и строго спросил, как поэт относится к коммунистам. Качинский пожал плечами: к коммунистам он относился никак - ни хорошо, ни плохо. Власть у коммунистов, но к власти идут не лучшие люди.

- Власть уже, понимаешь у мен, – сказал Сусанин – Так ты скажи, коммунистов любишь?

Качинский задумался: у него всего один знакомый коммунист, да и тот друг детства – как к нему относиться?!

- Мне бы книжку издать.

- Будя тябе книжка, – пообещал Сусанин. – Ты все же скажи, как быть с коммунистами?

- Мать и отец сидели в тюрьме и не однажды, – сказал Качинский. – А я поэт. У меня все впереди – тюрьма, могила... Только я думаю, те, кто книжку мою заныкали, к коммунистам не относятся. Просто жадность и черная зависть.

- Тебя не поймешь, – нахмурился Сусанин, – наших родителей репрессировали, деды пропали бесследно, а ты портянку жуешь.

- Красные придут – грабят, белые придут – грабят, куда бедному поэту податься?!

- Ко мне, к царю! – налился кровью президент, – Сочини стишок, расцелую дружок!

- Так позовите. Пришлите официальную бумагу с гербовой печатью – приедем с Денисом Заречным.

ГЛАВА 32

Впервые за всю историю у России объявилось сразу два царя – Михайло и Иван. Цари принялись делить Кремль. Президент СССР отстоял первый корпус под большим куполом, над которым все еще развивался красный флаг СССР. Президент Сусанин, взяв Кремль со стороны Спасских ворот, вошел в четырнадцатый корпус, где при Сталине был Кремлевский театр.

Цари терпеть не могли друг друга и всячески противодействовали. Царь Михайло, вернувшись с Фороса, поменял министра обороны, иностранных дел и председателя КГБ. Царь Иван решил переделать по-своему. Он пришел в палаты царя Михаила и вызвал к престолу министра обороны Моисеева, который и суток не пробыл на своем посту. Ломоносов сидел на престоле, а Сусанин командовал:

- Объясни ему, понимаешь, что он уже не министр.

Моисеев вышел, а на смену вошел новый воевода – маршал Шапошников. Но опять случилась накладка. У царя Ивана министр обороны – генерал Кобец. На одну армию стрельцов два воеводы – российский и ордынский. Словом, все это напоминало распад Золотой Орды: Москва отделилась от Казани, а затем вновь воссоединилась, но уже силой оружия. Далее Золотая Орда будет называться Российской империей. С кем соединится Москва в третьем тысячелетии – вопрос к истории. А пока что Золотая Орда на смерть бьется с Москвой, и весь мир ждет дележа яблочного пирога – авось сладкий кусок обломится.

Поэту Качинскому пришел вызов в Кремль, а вот от кого не ясно – подпись неразборчиво. Качинский ходит по Кремлю, смотрит старинные постройки и восхищается: там красный флаг и молот с серпом, здесь флаг трехцветный и орел двуглавый. Следом за Качинским увязались повестушник Валера Черный и председатель Голубев: они зорко следят за ним – вдруг найдет что! И ни с кем не поделится! А если не поделится, то и Качинскому не дадим найти клад – запутаем дорогу, навешаем лапши, исказим образ. Уж не поэт, а извращенец идет к вам – разбегайтесь люди! Двоевластие во всем. Зоя Спартаковна садит на огороде свои цветочки, а Валентина Ивановна свои розы. Даже музыка у каждого своя: Ломоносовы любят "Лунную сонату" Бетховена, а Иван Сусанин выбивает ложками "Я под горку шла". У Качинского тоже своя музыка в сердце, она находит выход в его стихах. А стихи из Качинского так и льются: поэт то у Алмазного фонда пристроится, то к Оружейной палате прильнет – это все от волнения, что в таком месте оказался.

Царица Зоя Спартаковна, стоя у раскрытого окна, читала письмо подруги академика Лалы, которую президенты Михайло и Иван отправили в Тибет в поисках легендарной Шамбалы. Лала просила прислать самолет с гуманитарной помощью, без которой местные жители не желали делиться тайной Шамбалы.

- Я знаю тайну! – сказала поэтесса Маргарита Душевная, гостившая сегодня у царицы Зои Спартаковны – Шамбала это я.

Поэтесса принялась говорить о необычных свойствах гласных букв, которые ей открыл дух Шамбалы, вселившийся в Маргариту.

- Буква "А" имеет красный цвет, гласная "Е" – желтый, буква "О" – белый – объясняла поэтесса, поглядывая на небо. Буквы словно атомы, соединяясь в поэтические строчки, образуют цветные молекулы. Слово "Весна" состоит из коричневого и красного цвета, "Лето" – из коричневого и белого а "Зима" – из синего и красного. Таким образом, теплые времена сглажены холодными буквами и напротив морозное время окрашено теплыми.

- Забавно – сказала Зоя Спартаковна – Я люблю синий цвет, значит моя любимая "И"!?

- Синий цвет расширяет пространство. Гляньте на небо, Зоя Ивановна, какое оно глубокое и синее. Взрослые любят синий цвет – синие горы, синее небо, а дети и поэты любят красный.

Зоя Спартаковна невольно бросила взгляд на красный флаг, играющий с ветром на фоне синего неба.

- Флаг может быть только красным – сказала поэтесса Маргарита – Но российский флаг трехцветный по буквам "О + И + Я", то есть бело-синекрасный!

У Зои Спартаковны слегка закружилась голова. Она глянула вниз и увидела поэта Качинского. Тут и дочка Ирина прибежала с возгласом: "Мама! Наш поэт идет!" Принялись кликать Качинского. Тот, недолго думая, поднялся по пожарной лестнице и перелез на балкон.

Стоял чудесный майский день, и по такому случаю сделали праздничный стол. На вкусные запахи явился голодный царь Михайло. Качинский сильно смущался и прятал взгляд. Господи, за столом сидела сама Маргарита и царица Зоя со своей дочерью. Теплый воздух гнал в комнаты запах молодых тополиных листьев и миллионов аэрозолей испускаемых крохотными четырехлопастными вентиляторами только что распустившейся сирени. Президентский стол первого корпуса ломился от изысканных яств, в то время как народ сидел на картошке и хлебе, о чем поэт Качинский хорошо помнил, поскольку не ел почти целую неделю, ночуя на вокзальных лавках.

- Нарком продовольствия Александр Цурюпа падал в голодные обмороки! – вовремя вспоминал Качинский, кладя в рот бутерброд с черной икрой, а его дети засыпали голодными.

- Это еще что, это еще не голод? – вторил президент Ломоносов, вкушая рябчики и ананасы – Вот Сусанин разрушит колхозы, тогда все поймут, что на Северных территориях ничто не приживается, кроме социализма.

- Правильно говорите, товарищ президент – Качинский согласно кивал головой – Но требуется доказать народу, поставив крутой эксперимент, на время поменять политическую погоду...

Дочь Горбатова не сводила глаз с известного поэта: горбатый да не очень, хромой да на одну ногу, кривой да на один глаз, но зато есть руки, что куриной лапой пишут хорошие стихи! Только вот ширинка не застегнута, да как говорит великий поэт Денис Заречный – жена застегнет! Царевна ставила пластинки с оперой Пуччини "Богема".

За окном стоял знойный полдень. Над яркой зеленью садов висели цветные крыши правительственных зданий. С теплым ветром в окно влетали шмели и цветные буквы русского алфавита. И вдруг над головой зажужжали навозные мухи русского мата: женщины услышали дикую песню, несовместимую с Кремлем.

"Гоп, стоп, Зоя!

Кому давала стоя

В чулочках, что я тебе подарил?"

Следом за песней приплыл стрекот газонокосилки. Женщины выглянули в окно и увидели двух рабочих, управляющих импортными машинками.

- Прекратите, прекратите, прекратите! – кричала Зоя Максимовна и бросала в рабочих дорогую посуду.

Немецкий фарфор бился о голову повестушника Черного и председателя Голубева. Осколки ломали зубы импортной техники. Техника принялась капризничать, как буржуазная девушка в постели рабочего. Черный и Голубев с матом принялись ковыряться в гениталиях капиталистических дам, обжигая пальцы о раскаленные радиаторы. Зоя Ивановна в свою очередь тоже сматерилась, поскольку обучалась не в Смольном институте, а в Московском университете.

Зоя Максимовна мысленно попросила у Бога прощения за плохие слова и Бог, услышав ее слезную просьбу, пригласил к ней священника, тотчас поднявшегося по пожарной лестнице, по следу поэта Качинского.

- Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь! – сказал, влезая в окно, отец Сергей, он же член правления Союза писарчуков Валера Черный.

Священник долго целовал руки женщин и в свою очередь дал поцеловать свою грубую лапу царю Михайло, перекрестив его: " В свете решений XXVIII съезда партии. Аминь". Только что вчера президент СССР Генеральный секретарь запрещенной КПСС, издал указ о присвоении великому советскому литератору Валерию Черному Шнобелевской премии за 1990 год, и теперь ждал от лауреата ответной благодарности. Валера и отблагодарил, сунув волосатую дулю под нос бывшего президента СССР. А когда Михаил Сергеевич, слезно изогнув бровки, потянулся губами, Черный сложил ему кукиш. После чего советский писатель обратился вновь в православного священника и, взяв под руку Маргариту, вышел вон, но уже по парадной лестнице.

- Я, деточка, по сущности своей женщина и ты не должна стесняться меня и моего боготерпимого органа, окропленного святой водой.

- В таком случае – отвечала Маргарита – Я мужчина, не знающий доступности.

Поэт Качинский, испугавшись, что священник Черный уведет Маргариту на исповедь, кинулся следом, не обращая внимания на призывные возгласы Зои Ивановны и Ирины: "Куда же вы? Давайте совместно писать книгу!"

Но Качинский, если будет писать, то уже с новым царем Борисом, что в свою очередь сигнализирует поэту из окна своего кабинета.

- Мин сине яратам – Иди к нашим воротам!

У Сусанина музыка другая – правозащитница Валентина Борисовна стала православной и ныне играет Рахманинова, сочинение 37 "Всенощное бдение". И Качинский бдел всю ночь царя Бориса, разговляясь после недавней пасхи дорогим коньяком – этого добра новый министр иностранных дел Козырев привозит из Франции ящиками. Европа поит обоих президентов за разрушение Берлинской стены. И вообще какую станцию поймашь всюду сладострастное "Сусанин, Сусанин, Сусанин". "Маяк" объявил погоду в Испании: "25 Цельсия, в Каталонии солнечно, в Коста Дорадо переменная облачность, в Коста Браво пляжи с великолепным песком и бассейнами".

- Папа, поехали! – просто предложила Валентина Борисовна – Как я устала от политики.

- Но за визой надо идти к Горбатову, понимаешь.

- Пойди и убей его...

Убивать президента СССР не понадобилось. Он сам пригласил развеяться после сражения на баррикадах, и две семьи еще вчера, стоящие по обе стороны баррикад, сегодня тремя самолетами вылетели в Испанию. Улетели в Испанию к прекрасным танцовщицам фламенго и хабанеры, извивающихся змеями на столах среди обилия мяса и коллекционных вин. В последний момент за стойку шасси ухватился последний советский писатель Валера Черный. Свою спешку Валера объяснил экипажу самолета цитатой из "Спид-инфо":

- Половые железы выбрасывают в кровь тестостерон, который каждые три секунды приказывает мужчине – думай о женщине.

Всю дорогу Валера Черный травил анекдоты, отравляя память великих людей:

- Сталин застрелил жену, Горький убил любовницу, Есенин задушил Дункан, Маяковский вешал актрис.

Повестушника Валеру Черного в очередной раз выбросили из самолета, на этот раз из президентского. Падать Черному с большой высоты не в новость, потому повестушник запасся бульварным "Московским комсомольцем". Пока падал, пробки из ушей вылетели, и все мозги вытекли – голова стала пустой, как ночной горшок у дистрофика.

Здесь требуется уточнить: царь Иван летел в Испанию через Японию, поскольку Сусанин очень хотел побыть в воздухе как можно больше один, уйти от стресса на большой скорости и высоте. И так случилось, что повестушника выбросили над Красноярском. Приземлился он на крышу нового небоскреба "Красуголь", где на случай войны лежали ящики с переносными ра-

кетными комплексами "Игла". Черный достал "Иглу" и пустил вслед самолету. Ракета вошла в двигатель, и самолет упал в Енисей. Французский коньяк успели спасти, а про летчиков забыли.

Два самолета из трех продолжали полет, но их ждал новый сюрприз. Ведущий президентский самолет "ИЛ-62" столкнулся с космическим челноком "Селленджер". Американцы, пользуясь безвластием, опустили свой челнок с 200 до 10 километров и вели электронную разведку секретного объекта АБЦ: один находился в Москве, другой в Красноярске.

Царь Иван напросился в кабину пилотов и сел на место второго. Штурвал сам ходил в его руках, и Сусанин, любуясь звездным небом, отпивал коньяк из фляжки. Как вдруг одна звезда упала и обратилась в космический корабль. Сусанин автоматически нажал педаль пушки, и в небо устремились цветные трассеры. "Селленджер" взорвался, а летчик первого класса Измайлов с трудом вернул на аэродром самолет, иссеченный осколками. Назревал международный скандал, а ссориться с Западом было никак нельзя.

Царь Иван срочно вернулся в Москву, переговорил с царем Михайлом. И вот президент СССР вылетел в Англию на свидание со своей "любимницей" Миргарит Титчас. Состоялся последний диалог очень неудачный. После чего судьба СССР и его президента была окончательно решена.

Последний диалог был весьма примечателен и мы, воспользовавшись доступом в секретный архив, с разрешения Михайло Ломоносова решили воспроизвести стенографию.

Президент СССР Ломоносов: "Консенсус, перестройка, реформы!"

Миргарит Титчас: "Will you sing this song again!" (Спойте, пожалуйста, эту песню еще раз!)

Президент Ломоносов: "Английская сука"

Титчас: "What did he say?" (Что он сказал?)

Переводчик: "Это не переводимо"

Президент Ломоносов: "Советские демократы требуют включить лже президента Сусанина в списки врагов западной демократии"

Титчас: "Давайте не будем ссориться из-за него!"

Президент Ломоносов: "Дайте СССР современную западную технологию, а мы вам взамен дадим нефть и газ!"

Титчас: "Ваша песня спета. Мы оставим в России 30 миллионов трудоспособного населения",

Президент Ломоносов: "Мать твою триста через ворота с присвистом, через дыру в доске с балалайкой в руке!"

Президент Михайло Ломоносов вылетел из СССР, а прилетел в Российскую Федерацию: в его отсутствие Шушкевич, Кравчук и Ельцин растащили неделимую страну на суверенные области.

Правда, на судьбе Качинского политические передряги никак не отразились. Поэту приходили правильные мысли: хорошо бы им пожениться, чтобы каждую ночь играть до утра в живые шахматы! Пешки по мере игры превращаются в дам полусвета, танцующих канкан, а королева под музыку

бельканто ложится под шахматного короля, и над ними с завыванием взлетают тяжелые самолеты...

По утру солнце золотыми лучами прошивает старый сруб, и солнечный луч висит в комнате как красная нить, соединяющая сердца. Старый дом на горе, весело посверкивая стеклянными очами, глядит из-под крыши на город и говорит хозяину: "Своя хатка, что родная матка, а родина – малина!"

ГЛАВА 33

Проснулся Качинский от жуткого холода. Пытался встать, а спина не разгибается. Так и ходил по мерзлой хате, согнувшись буквой Г и с прилипшей к горбу ледяной простыней.

Качинский глянул на термометр – плюс пять градусов С. Глянул на часы – стрелки сошлись на двенадцати. Глянул в окно, а город расцвечен цветной иллюминацией, и над крышей взлетают разноцветные ракеты. Что же это – раннее утро или поздний вечер? И какой сегодня праздник?!

За ночь горб вырос вдвое, левая нога укоротилась на два сантиметра, и Качинский пошел в поликлинику, где в таких случаях ставили блокаду, после чего Качинский распрямлялся и даже горб пропал.

Качинский для согрева разжег трубку, и табачный дым "Нептуна" смешался с печным дымом частного сектора и керосиновым дымом самолетов, взлетающих с оглушительным ревом с близкой Покровки.

Качинский, как робот, механически передвигал ногами. Спина совсем переломилась пополам, а горб стал большим как у верблюда, что вызывало большое веселье у встречных прохожих, коих, чем ближе к центру, тем становилось гуще.

- Что за праздник ребята? – старческим голосом спросил Качинский у молодежи, густо идущей с ярко освещенного проспекта Мира.

- С Новым годом, дедушка! – хором крикнули девушки все в дорогих шубках и с лицами, румяными как у Снегурочки.

У Качинского выступили слезы на глазах: опять двадцать пять! Да был уже Новый год.

- Дедушка, это старый новый год!

- И опять Маргарита?!

- А вы спросите у царя Ивана: с кем разрешит, с теми и будем встречать – с красными или белыми! С красными - Новый год, а с белыми - старый новый год!

- Я предпочитаю брюнеток!

- Дедушка, вам брюнетки вредны для здоровья!

- Товарищ Качинский, почему вы один? А где Маргарита?

Из автобуса высыпала толпа молодых людей со счастливыми лицами. Завязался разговор, а Качинский все никак не мог вспомнить молодых ученых из Академгородка, где он и Маргарита читали стихи. Чуть ли не насильно Качинского задвинули в автобус. Ему уступили место, и пазик покати в

Академгородок по главному проспекту, плотно забитому молодежью, встречающей старый Новый год на улице с шампанским и фейерверком.

Шампанское пили и в автобусе. Качинскому налили полный фужер. Он выпил и стал своим среди своих.

- Олег, женись на мне, хотя бы на Новый год, - просила молодая женщина врача Корабельникова.

- Синий чулок, а у тебя какая группа крови?

- Четвертая.

- А у меня первая, как видишь несовместимость. Твоя группа мне не подходит, а мою напротив, можно влить всем.

- Ну, вот и влей, дорогой.

- Моя группа самая древняя, животная. Все чемпионы мира с первой группой, а все нобелевские лауреаты имеют четвертую духовную группу. Она самая молодая, ей всего тысяча лет. Ну, представь себе, у нас будет ребенок - и чемпион мира, и нобелевский лауреат. Нет, такие люди не скоро явятся, а группа у них, должно быть, будет пятая.

Качинский подумал: "А какая группа крови у Маргариты?" Автобус резко тормознул, и в салон ввалились пьяные повестушник Черный и художник Курвиц. Вместе с ними в автобус влетело нечто крупное и жужжащее, стрекошущее, как швейная машинка. Черный и Курвиц во всю отмахивались, пытаясь спрятаться от странного существа, кусающего на расстоянии тонкими иголками. Качинский пригляделся и понял: это вертолет с миниатюрной подлодки, который у него украли прошлой ночью, когда он отсутствовал в ночную смену. Так вот кто украл подводную лодку!

- Шмель среди зимы, - хлопали в ладони женщины. – Не выпустим, пока не исполнит заветное желание.

- Да ты сама золотая рыбка, – сюсюкал с красивой женщиной повестушник, отмахиваясь от "шмеля". – Скажи, я сам исполню.

- Ой, ли?! Квартиру-сказку, дочку-златогласку и мужа-ласку!

- Ну, это три желания.

- Пусть три! Пусть исполнится!

- Рыбка подумала и согласилась! Первое желание! Квартиру-сказку в центре Парижа.

- Явился страховой агент и принес страховку в миллион долларов за дочку-златовласку, убитую бандитами. На эти деньги ты и купишь квартиру в Париже.

- Да ты с ума сошел. Не нужно квартиру, верни мне дочку.

- Пришли призраки дочери и мужа, погибшего в Чечне.

- Не надо, не надо, не надо.

- Призраки исчезли. Так исполнились все три твои желания.

- Ох, и сволочь ты, Черный. Любишь портить праздники.

- Не плачь. Все твои желания будут исполнены, но в будущем.

Женщины зашипели на Черного, как злые гусыни, требуя, чтобы он покинул автобус. Автобус вновь резко тормознул, но Валера не вышел, напротив, в дверях показались журналисты и телевизионщики. Художник Курвиц

пригласил всех на презентацию своих вкусных картин и, заодно, встретить старый Новый год в мастерской. А тут и у автобуса искра ушла в землю, и двигатель заглох до следующего года. Впрочем, на улице значительно потеплело, повалил крупный снег, и ученая молодежь под звон гитары и с лозунгом "Молодым у нас везде праздник" спустилась в подвальчик "Голубая луна", где висели живые натюрморты и портреты из колбас и бананов великого сибирского художника Курвица. Картины были скоро съедены, шампанское с головками ангелов выпито, а Новый год все не начинался – что-то больно время растянулось как резина.

- Откуда дровишки? – спрашивал Качинский, пробуя водку прямо из горлышка.

- От Шороша – объяснила миловидная Валентина Петровна с солнечными глазами.

Венгерский миллионер Шорош скупал картины оптом, а Курвиц писал их пачками сразу на нескольких станках, а затем, не глядя, забрасывал полотна цветными кляксами. Краски растекались, образуя зеленые морды Венер с красными глазами и клыками в волосатой пасти.

Богема изощрялась в определениях:

- Кубизм? Кретинизм?

Курвиц в ответ поливал богему шампанским.

- Есть порох в ягодицах.

- Какого дьявола вы здесь потеряли? – спрашивал Качинский великодушную женщину Валентину Петровну.

- Какого демона вы здесь нашли? – отвечала вопросом на вопрос Валентина Петровна, пуская по выставке солнечные зайчики из своих необычных глаз.

Валентину Петровну постоянно преследовали люди с телекамерой, и блестящая ученая ходила в ярком свете юпитеров как гимнастка в цирке, раздавая воздушные поцелуи незримым жителям первого канала.

Качинский плохо соображал, где находится.

- Давай поженимся, – сказал он в очередной раз, столкнувшись с Валентиной Петровной, что сияла, словно модель на подиуме в лучах прожекторов.

- Да хоть сейчас, – эхом ответила блестящая Валентина Петровна, выводя Качинского под руки из подвала на свежий воздух.

- А, где этот чертов ЗАГС? – оглядывался Качинский, кружась на скользком тротуаре.

- Сначала свадебное путешествие, – говорила Валентина Петровна, ведя Качинского по яркой улице к электрическому дому со стеклянными стенами.

- Это мой жених, – сказала Валентина Петровна, показав на входе пригласительный билет. – Жених по сердцу и муж по уму.

Вообще-то Валентина Петровна немного лгала – женщина она была насколько блестящая, настолько и рассудочная.

Качинский впервые в жизни оказался на таком балу, какой не то что в Америке, но и в Кремле не встречался. Многие гости, ряженные во всякие одежды, поднимались по великолепным коврам и вдруг съезжали по льду в фойе, где всех встречали медовухой, которую черпали из огромных бочек. Пиво фонтанировало сразу в нескольких фонтанах. Те гости, что пришли в цивильном, переодевались оперными персонажами, и по часовой стрелке ходили тысячной толпой по роскошному саду с птицами и бассейнами. В толпе не было двух костюмов, схожих друг с другом. Качинский в костюме Арлекино из цветных ромбов вел Валентину Петровну, что была в костюме Колумбины. И в полупрозрачном тюле выглядела столь привлекательно, что мужчины, как намагниченные, шли за ней следом.

Карнавальная толпа кружила вокруг шведских столов, образуя танцевальный марафон, что обрывался фейерверком – из бассейна над зеркальной водой били разноцветные огненные струи. Менялся цвет и ритм фейерверка, следственно менялся и танец: медленный вальс сменялся бешеным рок-н-роллом. Рок-н-ролл плясали и стар, и млад. Наконец, мустанга укрощали, и на круг вылетали казаки со сверкающими над головой саблями. Казачка сменили старинные песни, что также сильно волновали и младенцев, и стариков, не забывших о своих корнях. Половина чалдонов в свое время прибыли с Украины, и половина фамилий оканчивалась на о. Крепкая медовуха распечатывала глухие сердца, и вот весь карнавал танцевал гопак. Украинцев сменяли тирольцы в шляпах с перьями и коротких штанишках. На смену немцам вышли башкиры в огромных медвежьих шапках, что изображали орлов, кружась, как волчки друг против друга. Над карнавалом медленно всплыл большой шар с портретом царя Ивана Сусанина с пивной кружкой в руках.

Царя Ивана все любили. И случись, гражданская война на его сторону перешел бы весь русский народ, истомленный правом нести на спине все остальные народы Советского Союза, а самому быть битым за малейшее непослушание. Любили царя современные женщины с румянцем на скулах и твердостью в глазах. Любили и простые девушки из народных ансамблей, что водили хоровод и пели подблюдные песни. Но особенно любили Сусанина девушки с лицензионными сигаретами в зубах и итальянских сапогах выше колен...

Скоро все смешалось в Доме ученых: кружились казаки в плисовых рубашках, ряженные в шубах на выворот, цыгане с медведем на поводке, девушки в сарафанах в горошек. В разгар плясок под импортную музыку Валентина Петровна схватила Качинского под руку. Грянуло дружное: Ура!" А Валентина Петровна сказала: "Это нас поздравляют!"

Это пришел старый Новый год, который отмечают только белые люди – стрелки сошлись, как влюбленные, и под перезвон кремлевских часов над праздничными столами взлетели фужеры с дымящимся шампанским.

- Давай поженимся! – восклицал Качинский, вставая на колени перед любимой.

- Да хоть сейчас! – отвечала Валентина Петровна, вода пальчиком по лицу Качинского – Какое лицо выразительное!

Потом Валентина Петровна обняла его за талию, повела руку вверх по спине и остановилась, наткнувшись на препятствие.

- Давно это у тебя?

- С молодости. Гнулся в боксерской стойке, да так и закрепилось.

- Я вылечу, я помогу...

- Люблю, люблю – ворковал Качинский, целуя драгоценность, которую ветер времени мог в любой момент сдуть с руки – Я согласен на все.

Согласный на все Качинский поднялся с Валентиной Петровной в артистическую уборную, где возле огромного трехстворчатого зеркала стояло множество хрустальных флаконов с гранеными пробками. Валентина Петровна погасила хрустальные бра, и целый час поэт Качинский и великолепная Валентина Петровна изучали друг друга в полной темноте, исследуя руками, как слепые.

- Что это?! – воскликнула Валентина, обнаружив нечто такое, что ни с того ни с сего увеличило свой размер в десятки раз.

- Ты с Луны свалилась? – с придыханием отвечал вопросом Качинский, в свою очередь, исследуя цветок полулунной формы, тонкий как папиросная бумага.

- Ты с ума сошел! – утверждала Валентина Петровна, когда Качинский, не глядя, вложил раскаленное железо в сахарницу.

- Это ты съехала! – упорствовал Качинский, продолжая наступление на женщину без артиллерийской стрельбы шампанским и без белых свадебных флагов.

- Немедленно убери! – гневно шептала Валентина Петровна, как разъяренная львица, убегая прочь от насильника, покусившегося на единственный драгоценный, чудом уцелевший цветок, по латыни flos.

Зажгли свет. Качинский стоял ни жив, ни мертв.

- Что с тобой? Ты бледен, не пей медовуху – проницательно сказала Валентина Петровна – Не ешь много меда, да из разных бочек.

- Лучше умереть от сладкого, чем от горького!

Вновь грянул рок-н-ролл, ставший классикой, и седая молодежь золотых пятидесятых в галстуках с пальмами и ботинках на каучуковой подошве смачно рисовала дорожку на пару с "девчушками" в коротеньких юбочках и голубых башмачках. И вновь Элвиса Пресли сменил Чайковский. Под музыку вальса цветов кружились индийские куклы, восточные красавицы в прозрачных шароварах и простые советские ученые в протертых джинсах.

Вдруг с луны свалился диссидент Громов в разбитых валенках и с бичом в руках. Громов принялся гонять бичом шнобелевского лауреата Валеру Черного, что смотрелось весьма оригинально как эпизод из карнавального шоу. Громов загнал Черного в бассейн, и не выпускал его из воды, пока тот не всплыл дуриком, выпучив глаза, как утопленник, иллюстрируя собой песенку Александра Галича:

"Пил в субботу, пил в воскресенье

Вылез на берег и вновь в окосении".

Валентина Петровна достала из сейфа квадратную бутылку с кактусовой водкой, ныне популярной на Западе, и стоившую бешеные деньги. Выпили текилу, и Валентина Петровна учила Качинского закусывать лимоном с солью. Мексиканская водка отдавала самогонкой, но лимон выправил вкус. Вдруг непрошенная слеза скатилась по щеке, не бритой вот уже сутки.

- Что с тобой?

- Водка плачет, – отвечал Качинский.

- Ты всегда плачешь?

- Нет, только после текилы, а такую слезную водку я пью в первый раз.

- Ты плачешь? – поразилась Валентина Петровна. – Чем же тебе помочь любимый? Ну, ладно, обойдемся без штампа в паспорте. Кушай, милый, мед из моей бочки!

Но бочка оказалась глубокой, а мед на самом дне, и доставать его приходилось самым изощренным способом.

- Господи! – взмолился Качинский, вынимая остывшее железо из сахарницы. – Сколько лет я потерял напрасно в поисках своей половинки! Если бы я работал как стахановец на вахте, то сейчас играл бы с сыновьями в футбол. Силу надо прилагать там, где убеждение не помогает...

- Детей надо кормить и ставить на ноги – парировала рассудочная Валентина Петровна, сама, вставая на ноги. – Это не всем здоровым мужчинам удается, а уж инвалидам и подавно!

Только сейчас при свете ярких ламп Валентина Петровна с ужасом обнаружила, что на ногах Качинского отсутствуют пальцы. Валентина Петровна обошла вокруг Качинского, обкусанного как тряпичный медвежонок!

- Да на тебе живого места нет! – воскликнула Валентина Петровна, ощупывая горб, выросший вдвое за время любовных игр.

- Зато я великий русский поэт!

- А кто это знает? Если при жизни не признан, то после и подавно: Нобелевскую премию не дают посмертно! Ты много Пушкина читал? Читал, но по школьной программе! Кому интересен поэт, живший во тьме XIX века без электричества, без любимых паровозиков и самолетиков... И кем был бы ты в том-то времени? Слугой, конюхом? На балах кружилась миллионная часть... А кому ты будешь нужен в XXI веке сплошных фабрик звезд?! Закладывают полистирод в штамповочный пресс, и попса пляшет в числе прочих тысяч!

За дверью поднялся новый взрыв аплодисментов и криков ура – теперь встречали старый Новый год по московскому времени.

- Уже четыре – поразился Качинский. – Ты убиваешь меня своей рассудочностью! Через месяц ты выбросишь меня...

- Я буду твоей матерью, но при условии – только я и только я! Все же, чем я могу помочь тебе?

Качинский жадными глазами смотрел в глаза Валентины Петровны, бесконечно наслаждаясь гармонией. Говорят, с лица воду не пить, а вот Качинский пил глазами ее лицо.

- Отозвался ветер, улета, прочь:

"Что все слезы, если
Нет ответа и нельзя помочь?"

ГЛАВА 34

Проснулся Качинский глубокой ночью. Где был, с кем пил – ничего не помнит. Страшно болела голова. Запинаясь о пороги, выворачивая плечом крутые косяки, сшибая ведра, вышел на двор и поразился – кругом ни огонька. Только в бочке с водой качается луна. Качинский сунул голову, выпил луну, помотал головой и, о чудо - боль прошла и вернулась память. Качинский ясно вспомнил, что вчера встречал очередной Новый год с необыкновенной женщиной, и звали ее Валентина Петровна. И будто бы ровно в двенадцать часов они взошли на вершину любви, с которой Качинский скатился в свой двор один одинешенек. Но, что это? Какие невероятные запахи! Расцвела в саду черемуха-сирень. Легкий зефир мягкой лапой взял Качинского под руку и повел крутой тропинкой на улицу Брянская, где горят оранжевые печи "Лакокраски". Качинский шел родной улицей, полной грудью вдыхая запахи весны, а кругом такая тишина, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь. Только слышно на улице где-то одинокая бродит гармонь. Должно быть такой же сумасшедший, как и поэт Качинский, словно ищет в потемках кого-то, да не может никак отыскать. Качинский натыкался на фонарные столбы, обнимал их, а над головой плыла ночь и блистала звездным огнем. Господи, где-то тут телефонная будка. На исходе уж целые сутки, разогрелась сердечная домна, позвонить Валентине Петровне и сказать ей: с той поры как мы увиделись с тобой, в сердце радость я, как солнышко ношу, по-другому и живу я, и дышу...

Он не знает ее день рождения, но за эту вот ночку весеннюю он готов растелиться у ног. Качинский сел на теплую землю, мгновенно заснул. Во сне пришла Валентина Петровна и принялась его лизать шершавым языком. Качинский проснулся: было позднее утро, мимо шел трудовой народ, а напротив сидела верная Пальма и слизывала с лица любовный жар. Поодаль сидели сторожевые собаки с "Лакокраски" и просто дворовые псы, пришедшие просто так навестить спящего поэта. Изредка злобные критики облаивали великого пиита. Качинский с трудом встал, разминая затекшие члены, и тотчас старый дом на горе просигналил солнечным зайчиком, словно матрос флажками – гости пришли. Действительно во дворе крутилась пластинка, а вокруг этюдника также быстро крутился Саша-маленький. Оранжевое раннее солнце играло на пластинке и пело голосом Ирмы Сахадзе:

"Оранжевое небо оранжевым ребятам
Оранжевые песни оранжево поет".

- Ты вернулся?! – Качинский как сына обнял Сашу-маленького.
- Там скучно, даже обещанных девушек нет. А здесь их полный двор!
- Полный двор кого?
- Любимых женщин.

- Валентины Петровны? – воскликнул Качинский, влетая во двор, и застыл изумленный, готовый от волнения упасть на землю – сильные чувства, как и большие знания опасны для жизни.

Навстречу Качинскому с книгой в руке вышла Марьям, и Качинский ударил себя по голове кулаком – совсем забыл дурак, что сегодня вторник, и он с Марьям идет в ЗАГС подавать заявление.

Валентина Петровна пропала как мимолетное виденье, а взамен пришел гений чистой красоты – воздушная и сладкая как безе Марьям. Сели пить чай и Марьям рассказала любимому, что вот уж несколько лет подряд каждый второй вторник майского месяца приходит к дверям ЗАГСа и каждый раз не находит своего суженого. В этом году она сама пришла к нему домой проведать, жив ли ее жених. А если жив, почему не приходит, может, разлюбил? Качинский схватил паспорт и поспешил с девушкой в ЗАГС. В одном месте дорогу перебежала черная кошка, на мосту через речку встретилась баба с пустыми ведрами, наконец, Марьям оступилась и сломала каблук. Пошли босиком, и Марьям повредила палец. Качинский посадил Марьям на шею, а встречный народ поздравлял жениха:

- Теперь она не слезет.

И, наконец, перед самыми дверями ЗАГСа встал расхристанный повестушник Валера Черный.

Вот так всю жизнь: слева - ангелы, справа – демоны, которые пускают черных кошек навстречу и баб с пустыми ведрами. Ангелы на ходу перекрашивают кошек и наполняют водой пустые ведра.

Вот и сейчас, демоны бросили попа Черного навстречу поэту, а ангелы тут же снабдили противника доброй вестью:

- Собирай все рукописи, – Черный схватил Качинского за рукав, не обращая внимания на Марьям. – Пошли спешно в издательство.

- Что случилось? – опешил Качинский.

- "Новая жизнь" открылась! Гениальный ход. Президент прислал телеграмму, чтобы выпустить твою первую книжку. А мы подумали, почему только Качинскому, и прицепили к тебе еще десять авторов. Тащи, паровозик!

- Да, я, понимаешь ли, женюсь. Вот моя невеста.

- Ну, ты выбирай книга или невеста! Кстати, где она? – Валера Черный крутнулся на месте, в упор не видя Марьям.

- Да вот же она, – Качинский подтолкнул будущую жену. – Первейшей прелести первейший образец.

- Гдэ? Хто? – повестушник повел руками, как слепой ощупывая пространство.

- Да ну его, – махнул рукой Качинский. – Дорогая, постой пять минут. Вот оно издательство, через дорогу. Сейчас подпишу и вернусь обратно.

Марьям горестно опустила голову: только что как королева она восседала на шее любимого человека, и встречные мужчины любовались ее ножками из-под короткой юбочки. Как вдруг, королеву сбросили с престола и

разменяли на какую-то книгу! Марьям со слезами кинулась вдоль проспекта, но случай спас Качинского – навстречу вынеслась тетушка Наиля:

- Юрка, я принесла вкусных ватрушечек!

Поднялся страшный переполох, прохожие попрятались в подворотню. Повестушник Черный залез на фонарный столб, а кот Васька, сопровождавший вместе с Пальмой брачную процессию, забрался на голову Валеры и от туда шипел, пуская из глаз бенгальские огни.

Но вот тетушка раздала пряники и ватрушки, кинула косточку Пальме, коту Ваське сосиску, а любимому племяннику подарила на день рождения бутылку доброго вина. Кот Васька прыгнул на голову тетушки, повестушник Черный слез с фонаря и выпил из горла вино. А Марьям снова села, а шею Качинского и в таком виде под музыку Мендельсона они вошли в ЗАГС, впервые за три года. Повестушник Черный, тетушка Наиля, кот Васька и Пальма вошли в праздничный зал как свидетели.

- Закрыто на обед, – сказали молодоженам.

Валера Черный допил вино и поставил Марьям как часовую у дверей ЗАГСа, показав на часы:

- Ровно через час мы уладим формальности, отпечатаем книгу и как младенца сдадим вам на руки.

Качинский и Валера Черный поднимались по лестнице издательства, и повестушник на ходу делил гонорар будущей книжки:

- Третью часть гонорара в корзину Троцкому, как великому деятелю пролетарской революции. Третью часть Сахарову, как великому правозащитнику. И третью часть Березовскому, вождю буржуазной революции.

- А нам?- спросил Качинский.

- А нам все остальное! Пятьдесят тысяч мене и сто тысяч начальнику Голубеву.

- Где же взять столько? – Качинский вывернул карманы, из которых посыпался табак.

- Это плата за обучение! Мы обучили вас грамоте, теперь возвращайте долги. А будете артачиться, уберем, как убрали Есенина, Маяковского и Рубцова.

На площадке парадной лестницы стоял пацифист Денис Заречный с глазами грустными, как у побитой собаки. Денис перекрестил поднимающихся к нему, и сказал:

- Я люблю вас. Мир вам.

- Сгинь исусик! – повестушник оттолкнул Дениса Заречного и, топя сапожищами по персидским коврам, ворвался в кабинет директора издательства.

Посреди кабинета стояли кружком редакторы журналов и газет, расположенных на разных этажах бывшего купеческого собрания. Внутри кружка гастролирующая поэтесса Катя с Арбата с тремя мужчинами: армянином Ашотом, режиссером Витей и мужем Сашей демонстрировала сценки из Кама сутры. Наконец, сексуальные гимнасты выстроились в линейку. И тут ворвалась Наиля Ахметовна, любимая тетушка Качинского. Наиля Ахметовна

вцепилась в волосы Кати с Арбата, и принялась ее таскать, как половую тряпку.

Следом в кабинет вошла Марьям, которая вместе с тетушкой следила за Качинским, предполагая, что он пошел к падшим женщинам. И ее подозрения подтвердились! Марьям с ходу дала отмашку Качинскому, врезав по физиономии. Качинского давно никто не бил. Сосуды расслабились, и тотчас из носа хлестанула кровь – именно слабость сосудов стала причиной ухода из большого спорта. Было много шума и крови. Старший редактор Чесноков увел Качинского к себе, нашел вату и заткнул ему нос. Следом притопала тетушка Наиля, требуя возмещения за моральный ущерб. Чесноков поднял руки, затем достал из сейфа нашатырь и дал понюхать тетушке – Наиля Ахметовна тотчас успокоилась.

- Субхана алла! Я согласна, не надо денег. Дайте племяннику книжку и разойдемся мирно!

- Книжку украл Левин – Чесноков указал на окно – Левин спустился с крыши, залез в окно и унес книжку, которая предназначалась Качинскому. Затем эту книжку Левин поделил со своими товарищами на десять частей. И в итоге родился прекрасный альманах как символ торжества социализма – хлеба краюшку и ту пополам!

- Вроде как капитализм на дворе, – вякнул было Качинский.

- Не возражайте, Юрий Николаевич, – мягко, но твердо сказал главный редактор Геннадий Королев. – В книжке и для вас осталось место.

- А у меня на сердце неприятный осадок, – как будто у меня украли жизнь.

- Ну, жизнь – это слишком. Крали и у меня понемногу: я, верно, был бы уже секретарем правления Союза Писарчуков, а сейчас всего лишь главный редактор...

- Вот и взяли бы меня для компенсации. Здесь украли, там добавили – таким образом, равновесие рычагов добра и зла.

- Надо приглядеться к вам – с сомнением сказал Королев. - Мы с вами мало знакомы, и пуда соли не съели...

- Мы с вами знакомы десять лет – с горечью говорил Качинский, выставляя коньяк, припасенный к регистрации – и съели мы с вами не один пуд черствого хлеба, которым наскоро занюхивали, тестируя водочкой наши отношения. В Америке детектор лжи, а в России бутылка водки!

- Водка не главное, главное – мнение партийного товарища!..

- ... Троцкиста Голубева?

- Члена партии!

- И Черный тоже член партии?

- Черный самый верный товарищ! – говорил Чесноков, пытаясь разлить коньяк по стаканам – меньшей тары не положено иметь. Но разлить не получилось. На запах коньяка вбежал Черный и выпил из горла, никто не посмел отобрать – в руках Черный держал вилы, с которыми известный бард ходил на пивной киоск.

И только тетеушка Наиля не растерялась – с ходу отобрала вилы и воткнула их в большой живот Черного. Подцепив на вилы, тетушка выбросила повестушника в окно, для верности головой вниз.

Поднялся страшный шум – в окно было выброшено должностное лицо, второе по значимости. Качинский и Марьям кинулись в ЗАГС, но «обед» ушел на «переучет». Возвращались домой по крутой тропе, сплошь усеянной металлическими деньгами, причем в разной валюте. По бокам тропы стояли банки с пивом и очень свежим, как убедился Качинский, тотчас присосавшись к банкам. Это психи из окружения царя Ивана тестировали таким образом Качинского, раскидав по склону деньги – жаден до них Качинский или нет. Доллары Качинский, конечно, подобрал – будет на что свадьбу играть!

Вернувшись домой, Качинский обнаружил художников, возвратившихся на постоянное житье к Наиле Ахметовне. Качинский послал ребят на тропу, но уже ни пива, ни серебра не нашли: сотрудники КГБ следили, чтобы посторонние не подобрали государственное имущество.

Президент Сусанин посчитал тестирование удачным: «Поэт не мелочен, меньше ста долларов с земли не поднимает». И повелел из фонда культуры выделить деньги на издание первой книжки поэта.

Но хромой директор издательства распорядился книжку поэта порубить на десять частей, дабы поэт не впал в эгоизм и не заболел звездной болезнью.

- По слухам, господин Качинский имеет доход три тысячи рублей, и мы не имеем права разбазаривать государственные средства.

Срочно созвали издательский совет, на котором Качинского клеймили за попытку обойти пятьдесят членов Союза писарчуков.

- Камня на камне не оставим от живого памятника, – шумел громче всех Валера Черный. – Клевещите, клеветите, что-нибудь останется.

- Не кощунствуйте, – увещевал владыка Тихон, прибывший на собрание Союза писарчуков с проповедью православной жизни. – Смягчите нрав, сделайте ударение на всепрощение. Если и существует, какая диктатура, так только диктатура совести.

- Совершенно верно! – поддержал главный редактор, единственный из писарчуков, защищающий Качинского. – Именно диктатура совести и есть главный лозунг коммунистов. И вообще мы считаем, что первым коммунистом был Христос, изгоняющий торгашей из храма.

- Не забудьте добавить, многоуважаемый, что и Сталин был первым христианином, святее Папы Римского, – иронизировал владыка Тихон. – А все жертвы сталинских репрессий – ничто иное, как жертвы святой инквизиции!

- В этом что-то есть! – главный редактор встал над круглым столом, вокруг которого собрались двенадцать апостолов от литературы. – Я считаю, что лозунг "Даешь Северный полюс!" более нравственен, чем лозунг "Даешь деньги в рост!" Кстати, Христос запрещал ростовщичество.

Великое собрание обратило головы в сторону владыки. Что скажет святой человек?

А святой человек, владыка Тихон, вдруг также встал над круглым столом, отвесил поклон в сторону и произнес:

- Радуйся и ты пастырь мусульманского стада, и благословение Аллаха да будет с тобою.

У редакторов отпали челюсти, сидящие с недоумением спросили владыку Тихона:

- С кем вы говорите, отче, да на тарабарском языке?

Владыка сел на место и объяснил:

- Мимо нашего великого собрания левой стороной проспекта Мира идет имам местной мечети, и сотворил поклон мне, сказав: "Мир тебе духовный брат". Вот я и ответил ему.

Редакторы, роняя стулья, кинулись к окнам. Действительно улицу Мира пересекал человек в белой чалме. Человек поднял голову и, подняв две сжатые руки, послал мысленно привет и поклонился в пояс великому собранию. Автомобили, идущие по проспекту, резко тормознули, уперевшись бамперами в странного человека. Но ни один водитель не покинул салон с обычной руганью в адрес нарушителя. Действительно, происходило необыкновенное.

- Мусульмане самые чистые – пояснил Владыка. – Настолько чистые, что и под солнцем не дают тени! Как можно наехать на такого человека?!

В свою очередь мулла в белом тюрбане и расшитом халате хвалил Владыку и его паству, при этом несмотря на расстояние голос имама звучал рядом.

- Православные столь же сиятельны как солнце, и даже в пасмурный день лица православных проглядывают сквозь тучи дымного бытия!

- Как же вы чувствуете друг друга? – опешил идеолог Сергей, недавно принятый в издательство.

- Языки разные, земля одна.

Владыка говорил, что Земля, как цветным покрывалом, окутана религией всевозможных форм, причем каждая религия пригодна близким народам, живущим в своей климатической зоне. Буддизм хорош в Индии, а православие в России, и нет никакой возможности поменять их местами.

- А вот буддисты говорят, что жизнь – игра светотень! – оспаривал идеолог Сергей, только что побывавший в Индии на средства таймырского губернатора. Чем ближе смерть, тем ярче жизнь. А самая жизнь и вообще в гробу!

- Представьте голого буддиста, медитирующего в двадцатиградусный мороз в глубоком сугробе!

- А вот христианство возможно в Индии – сказал идеолог Резник.

- Возможно, – согласился владыка. – Особенно хорошо соблюдать посты. Но не представляю Рождества без мороза и Пасхи без цветущей вербы.

- А ведь Пасха - еврейский праздник, – настаивал повестушник Черный. - И лучшего места для такого праздника, чем Палестина нет.

- Лучшего места, чем Палестина, нет и для ислама! Смотрите! – владыка Тихон махнул рукавом сутаны и возник мираж.

Сотни тысяч мусульман в белых покрывалах двигались по кругу огромного храма в Мекке. Дружное "Аллооху акбар" сотрясало небеса. Толпа трижды обходила священный черный камень, и каждый мусульманин, совершавший хадж, обретал необычное свойство видеть будущее и не бояться смерти.

- Не вижу разницы между иудеями и мусульманами, – говорил главный редактор Королев. - И те, и другие не едят свинину, делают обрезания и женятся на тринадцатилетних девочках.

- Кровь свиньи – распад семьи, – сказал идеолог Сергей, знаток Ветхого завета, памятника еврейской литературы.

- Православные едят свинину, – сказал владыка Тихон. – Без сала не выжить в России. Я о том и говорю своей пастве постоянно, что у каждого народа свой храм и своя песня. Что православному любо, то буддисту смерть. Хотя для буддиста смерть – вершина счастья, на которую он взбирается всю жизнь.

Владыка Тихон поздравил всех с Пасхой и разрешил разговеться. Дружно выпили и закусили салом за возрождение православия в России.

- Что есть яблоко добра и зла? За какие грехи изгнали Адама и Еву?

- О том и сама святая церковь не знает. Слишком все запутано!

- Так зачем пугает первородным грехом?

- Чтобы много не грешили. Моя паства доносит на исповеди, что иные литераторы ходят с расстегнутой ширинкой. Вот это и есть первородный грех.

- А как иначе, – сказал Качинский - Если пуговицы отлетают. У мусульманина четыре жены, а у меня ни одной. Вот и рвутся брюки.

- Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от Сатаны – сказал владыка - Представьте, что у вас четыре жены в одном доме – это нескончаемая первомайская демонстрация с битьем посуды и разделом детей.

Великое собрание представило и подумало: "Хорошо!"

Сам владыка мог иметь десять жен, причем каждый год. Дело в том, что мужья у советских женщин спились напрочь и от них рождались одни уроды. И вот с запретом КПСС и советской морали прихожанки исповедывались батюшке, что хотели бы иметь здорового ребенка от непьющего мужчины двухметрового роста духовного звания. Владыка в ответ грозил отлучить их от церкви за похабные мысли. Как при советской власти не были коммунистами, так и при царе Иване не стали христианами!

ГЛАВА 35

Президент России Иван Сусанин принимал в Кремле последнего проповедника всех времен и народов преподобного Муна. Мун прочитал лекцию о современном разделении полов, а именно: владелицей половых мужских органов является женщина и напротив. Президентская чета в смущении переглядывалась. При этом каждый думал, что в этом что-то есть. Раз в год Суса-

нин явно ощущал себя женщиной и отдавал бабьи приказы насчет демократии и веротерпимости.

Сам преподобный Мун являлся носителем обоих половых признаков, что всегда считалось доказательством божественного происхождения. По его теории все великие пророки от древних до новейших были двуполовыми гермафродитами.

Выпроводив пророка, президент Сусанин плюнул ему вслед и срочно выехал на Ленинский проспект в секретный центр АБЦ, где световой указкой принялся водить по огромной карте мира. Согласно световому лучу перемещался морской флот и меняла высоту орбитальная станция. Танковые колонны выводились за Урал и десятками тысяч скапливались среди заброшенных полей.

- По нашим сведениям – говорил начальник Генерального штаба Российской Федерации – Демократы собираются сдать американцам наших близких друзей Украину и Белоруссию.

- Выбирайте слова – вскипел Сусанин – Как вы смеете называть предателей хорошим словом "демократы"?

- Извините, товарищ командующий.

- Товарищи? Чтобы я впредь не слышал эту кличку коммунистов.

- Так точно, ваше высокопревосходительство. Разрешите продолжить доклад.

- Продолжайте господин генерал-полковник, – хмурился Сусанин, сам еще не привычный к дореволюционному словарю. – Как поживает Дудаев - паша?

- Требуется вывод войск. Мы в свою очередь минируем склады.

- Вы с ума сошли! – воскликнул президент. – Мины против безоружного населения. Мои друзья, Коль и Буш могут обидеться.

Начальник Генштаба световой указкой включил город Грозный и увеличил масштаб. На огромном экране бородатые люди ломали ветхие заборы и палками били часовых, что охраняли склады с оружием. Дети несли на руках тяжелые гранатометы.

Президент Сусанин задумался: "Бить или не бить?! Что скажет мировая общественность?" Вперед выступил министр МВД и своей указкой включил кадры, где демонстрировали безвредные способы борьбы с террористами: резиновые пули и особый газ – сильнейшее слабительное. Стоит стрельнуть такой гранатой и толпа, наложив полные штаны, побежит стирать белье.

- Это по-нашему, – сказал Сусанин. – Доставьте сюда удалого Бикбулата, поговорим по душам.

Профессор Еруслан не желал говорить по душам. Тогда Сусанин послал к Белому дому "Альфу", и бойцы, ловко перекрыв дорогу, провели кортеж напрямиком в Кремль. Профессора под ручку ввели в кабинет президента. Еруслан жутко матерился, используя весь словарный запас великого русского языка – свой чеченский к этому времени изрядно подзабыл.

Маты перематы профессора Еруслана хорошо ложились на нецензурщину министра культуры, что по телефону требовал дать по морде Мордасо-

вой и пинка Чайкоковскому: "Дайте народу свежего воздуха – горячего металла".

Тотчас кремлевское радио принялось бить по ушам тяжелым металлом частотой сто двадцать ударов в минуту. Президент потянулся к бутылке, остальная «молодежь» затынулась кубинскими сигарами. Скоро было нечем дышать.

Раскрыли окна, а за окнами такие картинки – люкс! По Кремлю проходил карнавал наподобие Бразильского. Карнавал возглавляла Люся - Мюзета, у которой из всей одежды остались только перья в голове да медная брошь на срамных губах. Следом за Мюзетой шли голубые и на ходу трахали Борю Моисеева. За голубыми шли розовые стервы, что на виду кремлевского начальства изучали подружкины гениталии.

- Твою мать! – сказал Сусанин и обернулся к плененному председателю Верховного Совета – Скажи, расскажи, понимаешь, чего там задумали в Верховном совете. По слухам твои чеченские дружки взяли Белый дом и забили склады оружием, требуя разоружиться немедленно.

Черная кошка между президентом и председателем Верховного совета пробежала еще месяц назад. Профессор пригласил в сауну, где парился и президент, свою личную массажистку. Все бы ничего, да массажистка оказалась черной, правильно сказать по-американски - афроамериканка.

- Мало русских блядей – плевался президент – Из Африки заказал.

Да черт с ней с массажисткой! Еруслан завел собственную охрану, что верна была ему до смерти: в момент задержания чеченцы легли буквально под колеса бронетранспортеров, и были раздавлены. Теперь они вопили: "Аллах акбар!", стоя на баррикадах вокруг Белого дома.

Все поменялось ровно наоборот: теперь Сусанин обдумывал, как взять Белый дом, а его ближайший сподвижник удалой Бикбулат организовал умелую оборону.

- Нет, ты скажи мне, че тебе надо? - наступал на профессора президент Сусанин, встав в боксерскую стойку и угрожая врезать противному чеченцу.

Дочь Сусанина Валентина Ивановна как спортивный судья ходила вокруг и требовала: "Бокс, бокс. Врежь ему".

В современном мире не мало женщин в политике: Индира и Соня Ганди, Бинозир Бхутто, Сухарто, Тютюг и, наконец, Маргарит Титчас. Не мало и дочерей великих отцов, что вошли в историю – Клод Ширак, Марианна Скальфаро, Люсия Пиночет... Но самая активной и любимой дочерью была Валентина Ивановна, что постоянно на всех тусовках говорила окружающим: "Если бы папа не был президентом, то у меня была бы совсем другая жизнь". В этом никто не сомневался: выскочить из обычных программистов в имиджмейкеры президента, дано не каждому, да и вообще никому.

Психологически общение отца с дочерью дается легче, чем с сыном. Активные отцы подавляют сыновей, и они уходят в сторону. С другой стороны вся президентская рать активизирует именно дочерей президентов, поскольку на них легче влиять, а значит манипулировать отцами. Вот именно эта управляемость президента через его дочь и привела к гибели страны. В

данном случае на Валентину Ивановну имел влияние доктор Березин, лучший друг царя Ивана.

Ивану Сусанину была непонятна структура чеченцев - требовалось расшифровать национальный код. Именно с этой целью и был захвачен удадой Бикбулат, и привезен не столько президенту, сколько его дочери. Еруслан, до сих пор терпевший напады президента, взвился, аж под потолок:

- Ислам - религия миллиарда. Вот этот миллиард врежет вам в лоб мать вас и. т. д. по-другому будешь говорить, овца.

- Кто овца? – вступился за президента тучный экономист премьер-министр Кайдар. – Миллиард христиан врежут вам, останется одна контора "Рога и копыта»

Сусанин налил себе и врагу по стакану водки, и они выпили, не поморщившись. Закусили по-мужски рукавом.

Чеченцы и вообще кавказцы для Сусанина люди, что инопланетяне. Правда, Сусанин встречался с чеченцами в Красноярском крае, где кавказцы работали по хоздоговорам в колхозах. Чеченцы отличались профпригодностью – тяжелый лом в руках проверяющего отлетал от фундамента коровника как от скалы.

- Ислам самая чистая верная религия – продолжал настырный профессор – В исламе слился опыт земной и небесный. Иисус – мифическая фигура, у него триста дней рождения в году. Его чудеса сродни подвигам Геракла – ну пусть он накормит меня, не верующего в него хлебом и вином сейчас, а не в загробной жизни! А вот Мухаммад ничего не обещал, но каждый его шаг сфотографирован и описан тысячами глаз и языков современников. Почему так: чудесный Иисус даже цвет глаз не имеет и рост его неизвестен, и жен не имел – что за мужчина?! А Мухаммад имел девять жен. Младшей любимой жене было тринадцать лет.

- В Израиле выдают замуж с одиннадцати лет.

- Оставим девок. Кто кого, кому какое дело – отмахнулся Сусанин – Ты скажи, отчего ты такой злой? Почему твой народ такой недобрый?

- Скажу. Злой от слова "зело" - глаз. У злого кругозор шире. Добрый от слова "добрать", так называли на Руси слуг, что ели с господского стола. А народ мой вовсе не злой, а памятный. Вот, если бы немцы дошли до грузин, то куда бы сослал Сталин своих земляков? Будь немцы напористей, у России была бы проблема со всем Кавказом, а мы чеченцы были бы передовыми людьми, поскольку воевали на фронте, не жалуясь ни на что. Люди то привычные и к голоду, и к холоду. Сталин лучше бы сослал нас на фронт, а кто выжил бы, был бы другом.

К весне 1993 года у президента Сусанина сложилась своя команда: Грачев, Барсуков, Бородин и Тарпищев. Главный тренер по теннису пригласил президента на родину в Красноярск встретить Курбан-байрам, праздник жертвоприношения.

- И ты, Шамиль! Кругом басурмане! – возмутился Иван Сусанин, и все же приехал в Красноярск, но по другому поводу.

В родном городе президент Сусанин тайно встретился с командующим Сибирским округом генерал-лейтенантом Александром Журавель. Президент просил прислать в Москву танковую дивизию. Журавель ответил, что все предусмотрел, и эшелоны с танками уже скопились в Подмосковье, что вызвало напряженную реакцию местных войсковых частей. Таманская дивизия также начала готовиться к походу.

- Что это вы без приказа? Я еще пока главнокомандующий – сердился президент и отправился в местную мечеть поглядеть на татарский праздник.

Двухэтажная деревянная мечеть начала века, единственное уцелевшее здание после коммунистических погромов, впервые за полста лет приняла столько верующих, что начала угрожающе скрипеть.

Президент с кислым лицом твердо отстоял двухчасовую проповедь на русском и татарском языке, и даже несколько раз делал попытки подобие поклона. Мученическая улыбка бродила по его лицу, и всяческие гримасы корежили президента, когда мулла и его ученики-шакирды на высоких тонах читали молитвы.

- Ля илаха илля Аллах, Мухаммад расуль Аллах! – Нет богов кроме Бога единого и Мухаммад его посланник.

Сусанин искоса наблюдал за толпой, дружно по приказу муллы падающей ниц, и отмечал, что большей частью здесь собрались кавказцы, все те же чеченцы, что бузили у себя дома, а грехи отмаливали в далекой Сибири. Президенту это резко не понравилось. Все-таки дед его был православным кулаком, и Сусанин сохранил генетическую память – всю свою тысячулетнюю историю русские на смерть бились в основном с мусульманами. Можно сказать, Иван Сусанин был ярким представителем русского народа, и на примере своей дочери убедился, что если последняя Марья и выйдет за Ахмеда – то не надолго. Очень уж разный менталитет, можно сказать, противоположный. Скорее русский народ сопьется, чем примет чуждый и непонятный ему ислам.

Однако среди восточных лиц Иван Сусанин заметил несколько явно славянских, что весьма активно стучали лбами о деревянный пол. Видя это усердие, президент и вовсе скорчил рожу, отчего бдительная охрана плотно сошлась вокруг шефа, остерегаясь возможных провокаций.

После намаза все с облегчением вышли на улицу, где имам-хатыб отвязал одного из барашков. Связал кудрявому ножки, махнул острым ножиком и перерезал яремную вену. Тотчас кавказцы принялись мазать лица жертвенной кровью и плясать воинственные танцы.

- Че такие кровожадные? – все больше хмурился Сусанин.

- А русские тоже кровожадные, – откликнулся доктор философии Вячеслав Полосин. – Вспомните стенка на стенку! Без драки нет мужика, а кровь – следствие драки. Вот чеченцы и малюют себе устрашающие маски наподобие индейских.

Барашков освежевали, а мясо раздали бедным мусульманам.

- Что за человек ваш Магомет? – поджимал губы президент Сусанин – Че это ему все два часа били поклоны?

- Поклоны не Мухаммаду, но Аллаху! – поправил доктор философии Полосин. - У мусульман нет святых и бессмертных богов, а есть только Бог единый и Мухаммад его пророк. Это вот через квартал в Воскресенском соборе кладут поклоны Иисусу сыну Божьему, что был зачат от Бога.

- А там, что тоже служба? – спросил президент – Пойдемте лучше туда.

- Завтра, завтра святая Пасха, – вновь поправил Полосин. – В этом году чудесным образом сошлись два чудесных праздника – Пасха и Курбан-байрам.

- Три праздника! – в свою очередь поправил президент. – Скоро Первое мая.

- Праздник же коммунистический – удивился доктор Полосин – Вы же сами запретили КПСС.

- Хороший праздник не запретишь. Я сам любил сначала сходить на демонстрацию, потом приветствовать с трибуны и везде мне было хорошо, понимаешь!

- Хорошо то, что приписано Богом и плохо то, что Богом запрещено. А что такое "хорошо" - знает только Бог. Если завтра Бог переменит свое решение, хорошее тотчас станет плохим и наоборот. Коммунизм стал плохим не потому, что плох, а потому, что потерял свою задачу и значимость. Хорошо, когда едешь в общем, вагоне и знаешь, что на соседней станции тебя ждут с цветами и обещают отвезти в шикарную гостиницу на шикарном автомобиле. Но, прибыв на станцию назначения, с удивлением обнаруживаешь, что ничего этого нет. Цены выросли втрое, разгул бандитизма и проституции. Хорошо стало жить только сутенерам, а мы простые ученые стали жевать сухари – Бог вновь нас стал испытывать, и за эти страдания нам обещан рай, а проституткам ад... - доктор Полосин стал явно выходить за рамки.

- Ладно, – буркнул президент. – Повысим зарплату в два раза.

- Мало, – сказал Полосин. – Инфляция все съела, надо в сто раз повышать.

- У меня, что печатная машинка!

- Вот и я говорю, - продолжал Полосин невозмутимым тоном. – Потерял смысл лозунг коммунизма "От каждого по способностям, каждому – по потребностям!". Потребность у каждого своя! У меня кусок хлеба с маслом, а у вас кругосветное путешествие.

- Ничего хорошего в Америке нет, – отмахнулся президент – Водка и та плохая.

- ... Только подошли к вершине изобилия и вдруг пустота, вся Россия зависла в воздухе. Кто это сделал!?

- Ну, не я же туды твою мать! – начал злиться президент.

- Это сделал Бог! Перевернул песочные часы, поменял местами "хорошо" и "плохо". Словом, куда не кинь всюду клин бедному интеллигенту. А уж бедному россиянину ад на земле всегда будет обеспечен при любой власти.

- Зато страдающему рай на небе! – воскликнул Иван Сусанин и смутился. – Во всяком случае, так Иисус обещал. А, может, врет, рай то есть?

- Оттуда никто не возвращался. Ну, если Христос говорит, что Бог есть любовь, то Коран гласит: "Если встретите неверных, сражайтесь с ними, пока не произведете великого избиения. Бог мог бы истребить их без вашей помощи, но он хочет испытать вас".

- Какая глупость! – воскликнул Сусанин – Что за нетерпимость! Пойду-ка я лучше к православным!

К двенадцати часам ночи президент и его команда пришли в старинный собор на углу улицы Мира и Сурикова. Толпы народа шли встретить воскресшего Христа и святить куличи и яйца. Снедь стояла на столах. С пением тропаря: "Христос воскрес из мертвых" священник кропил пасхи святой водой. Улица гудела от торжественного ликующего пасхального звона недавно поднятых колоколов. Вокруг восстановленного храма шел крестный ход, и паства стояла с зажженными свечами – жертвой Богу в благодарность и радость за искупление от смерти.

После заутрени царь Иван троекратно целовался и обменивался пасхальными яйцами с простым народом. Народ узнавал президента, но особой радости не было видно. Все торопились домой за богато накрытые столы разговляться освященной пищей. Разговение на этот год было слишком дорого – цены как в соревновании профессионалов и любителей убежали так далеко, что и следы потерялись - где их искать!? Потому народ и был скуп на приветствия, а многие даже отворачивались, не желая христосоваться с президентом. Иван Сусанин чутким сердцем почувствовал нарастающее недоверие русского народа и той же ночью отбыл в Москву - разговлялись в президентском самолете, где президент бил крашенные яйца о медные лбы своих слуг. Зинаида Иосифовна как могла, пыталась угомонить пьяного хозяина. Но тот еще больше дурил, обещая отправить в тюрьму всех бус урман и делегатов внеочередного съезда народных депутатов России.

По возвращению в столицу Сусанин сразу по двум телевизионным каналам обратился к гражданам России с указом об особом порядке управления. Россия тотчас недовольно загудела. Все это очень напоминало культ личности Сталина, уже пережитого русским народом. Тотчас включились равновесные рычаги системы, которую президент сам и создал для борьбы с парламентом. Конституционный суд объявил президенту импичмент. Недоверие президенту объявил также съезд народных депутатов.

- Я требую арестовать, так называемый, народный съезд. Времени даю два дня. Там одни басурманы и чуреки – кричал пьяный Сусанин.

На съезде с большим трудом можно было отыскать хотя бы одного мусульманина, а вот православных попов было много. И все же съезд по духу был, прежде всего коммунистическим. Словом, нашла коса на камень. Жесткое президентское правление столкнулось с народным самоуправлением. Сусанин на время стал Пугачевым, как бы вождем низкого сословия, много пьющего и много говорящего, в отличии от мастеровых и ученых, собравшихся на съезде народных депутатов. Внук репрессированного кулака пошел против общины, из которой сам и вышел – гены оказались сильнее логики.

ГЛАВА 36

В этот чудесный сентябрьский денек бабьего лета в родовом гнезде Качинского в полном разгаре свадьба. Марьям вся в белом, Качинский весь в черном. По двору носятся разноцветные щенки дворовой Пальмы. Калитка то и дело широко распахивается под натиском гостей с подарками. Борис и Алла подарили бюстгальтер из вуали. Годовалый Вовочка исполнил отличный вокализ и вибрато из оперы "Два брата-акробата". Пришла вся редакция "Красноярских костров" в лице старшего редактора Аркадия Чеснокова и подарила авторучку с микрофоном. Теперь журнал будет в курсе новых произведений выдающегося поэта. Главный редактор Геннадий Королев срочно уехал в Москву на внеочередной съезд народных депутатов. При этом забыли пригласить с собой в столицу молодоженов и напрасно. Качинский обладал прямым знанием и предсказал поражение народных депутатов, поскольку они смотрели сверху вниз на необычного поэта. А ведь еще год назад перед увольнением из секретного отдела майор Серафимов жаловался соседу криминальному журналисту Юрию Горбатову, что у него увели "Жигули" единичку прямо со двора дома сыщиков – знать КГБ утратило свои функции полностью. Качинский, присутствующий при беседе, заметил, что автомобиль найдется ровно через год на том же месте, где и стоял. Действительно ровно через год майор, подходя к подъезду управления, нашел свой автомобиль в полной сохранности – должно быть что-то случилось с глазами, и он целый год ходил мимо пропажи. Так он и объяснил мнимому пророку Качинскому, имевшему видимо языческую практику шаманства.

Из святой земли прибыл повестушник Валера Черный. В качестве подарка молодоженам Валера привел с собой на свадьбу своих новых друзей, с которыми подружился в Иерусалиме: один из них араб Мухаммад Абдель Рауф Арафат Аль-Кудва, по нашему Ясер Арафат, а другой святой человек еврей Эхуд Барак – лидер партии труда государства Израиль. Мать Ясера Арафата из знатного иерусалимского клана, и она дала поручение сыну построить мечеть на берегу Енисея рядом со знаменитым речным вокзалом, где на вечной стоянке стоит пароход "Святой Николай", на котором Ленин прибыл в Шушенскую ссылку. "Святой Николай" и новая мечеть должны были символизировать преемственность поколений коммунистического и мусульманского, объединенные единой антиалкогольной идеей. Эхуд Барак напротив дал слово людям Писания организовать Красноярское Сионистское Государство, которое в свою очередь являлось наследником государства коммунистического, построенного Троцким. По левую сторону речного вокзала Эхуд Барак обязался построить высотную синагогу со щитом Давида на фасаде и менором – золотым семи свечником на куполе храма.

Валера Черный представил своих друзей молодоженам и, разлив вино по кругу, сказал: "Горько!" Вместо молодоженов целовались Арафат и Барак, но не между собой, а с новобрачной. После чего Эхуд Барак объявил об организации на месте родового гнезда Качинского коммуны всех поэтов мира, своеобразный кибуц, где все пишут одну книгу под псевдонимом "А –Тиква",

что означает «Надежда – гимн Израиля». В свою очередь Ясер Арафат большими чувственными губами, поцеловав яркие губы новобрачной, обещал организовать в Покровке филиал Палестинской автономии, что будет состоять на треть из евреев, а на две трети из арабов. Председателем филиала автономии станет Валера Черный со званием бригадного генерала.

Валера в свою очередь долго целовал Арафата за доверие. Арафат, наконец, с трудом оторвался от повестушника и принялся бить поклоны, обернувшись в сторону Мекки, где в храме Кааба, возведенный еще Адамом, хранился Черный камень – окаменевший ангел, почерневший от поцелуев грешников. Настало время полуденного намаза. Арабский лидер молился, а Валера Черный переводил на русский язык суры из Корана, которые читал Арафат.

Вот как повестушник Черный оригинально переводил знаменитую суру "Рассвет". В оригинале сказано: "Я прибегаю к Господу рассвета". У Валеры Черного это звучало по другому:

- Кто ищет спасения у Господа рассвета? Поэты! Деклассированные люди, изгнанные отовсюду за плохую работу. Окурки, брошенные на дно общества, погрязшие в грехе и утонувшие в водке, ищут они друг друга, чтобы, объединившись в Союзе писарчуков оказаться в раю еще на земле...

Свадьба дружно морщилась такому переводу – что-то никак не наступит рай на земле русской, хотя бы для богемы! Напротив стрельба по ночам с каждым днем усиливалась, и вот уже хорошо слышна и в светлое время суток. Частая пулеметная дробь, доносимая ветром с Покровки, казалась барабанным приветствием в честь молодоженов, что без венчания и святых посредников обменялись кольцами в обычном земном ЗАГСе.

Качинский был бы рад привести любимую под венец, да не прижилась еще такая традиция в коммунистическом Красноярске. Единственный православный храм едва успевал отпевать покойников. А, если бы Ясер Арафат пригласил в свою Палестину, то Качинский был бы согласен совершить бракосочетание по мусульманским традициям. Так нет же, никому в голову не придет пригласить молодых в дальнейшее свадебное путешествие, а бежать надо из Красноярска и как можно скорее. Стрельба с каждым днем все ближе и плотнее. По слухам красноярский гарнизон бросил город и верхом на танках уехал в Москву то ли брать Кремль, то ли защищать его – Аллах знает! По военным складам толпами бродили закаменские хулиганы, навешивая на каждое плечо новенькие автоматы с оружейной смазкой. Братва увозила гранатометы целыми "КАМАЗами". В кузовах мощных самосвалов устанавливались безоткатные пушки, словом криминальный Красноярск вооружался на совесть. "Уж, не за оружием ли приехали в далекую Сибирь Эхия Барак и Ясер Арафат?" - мелькнуло в голове Качинского.

Тем временем Валера Черный, назначенный председателем Голубевым исполняющим обязанности главного редактора, продолжал оригинальный перевод суры "Ихляз" – "Искренность", одну из сур, обязательную в послеобеденном намазе.

"Скажи Он, Аллах Един!" - пел молитву Арафат, но Черный переводил по своему, как ему слышалось:

- И не был ему, человеку писания, равный ни один! Союз иудейской и славянской крови самый прочный союз. Все выдающиеся личности были женаты на иудейках – Сталин, Молотов, Жданов, Буденный и, благодаря им, было построено лучшее в мире общество!

Качинский опустил глаза: "А какой национальности Марьям?" Верно советской!

В этот момент над самой головой засвистали птички, достаточно поздно для осенней поры. Со звоном рассыпались стекла в окнах, с крыши на землю полетел разбитый шифер – пулеметный салют вплотную приблизился к свадьбе, покровские очень хотели попробовать домашнего вина, которое так нахваливал Валера Черный. Свадьба упала на землю, а с горы с автоматами в руках спустилась покровская братва. Братва вкусила шампанского и пыталась сделать вивисекцию повестушника Черного – живосечения с целью изучения устройства члена Союза писарчуков за всю свою жизнь, не сочинившего не единой строки, но, тем не менее, на «Ура» принятого в Москве всеми литературными генералами. От переживаний у повестушника заговорила задница свободным стихом – все-таки литературный дар лежал в нем, но очень глубоко. Продолжил чтение верлибров повестушник уже в галюне. Веселые братишки пустили очередь поверх сортира, и из него выскочил василиск – чудовище с головой петуха, туловищем жабы и хвостом змеи. Василиск, пуская нервно-паралитический газ иприт, скрылся в недалеком будущем, чтобы через день вновь обернуться повестушником Валерой Черным.

Покровские гайдуки, что давно спустили свои и чужие богатства на покупку дури, покидали щенков дворовой суки в мешки и понесли на базар, где выдали их за немецких овчарок. Братва ушла, а во дворе истекал кровью Саша-маленький, убитый в третий раз после БАМа и Афгана. Но, слава богу, у Саши-маленького было семь жизней, и его в очередной раз спас доктор Булочкин, который оперировал его в своей областной больнице. Душа Саши-маленького вновь вернулась к телу, как Ганимед, похищенный Зевсом.

Только поздно вечером молодожены вылезли из-под свадебного стола и, тщательно оглядев друг друга, приступили к супружеским обязанностям.

- Теперь ты можешь делать со мной, что хочешь, – говорила Марьям, занимаясь постельной гимнастикой на красной подушке, лежащей посреди зеленого дивана.

У Качинского эта брачная ночь была первой и как делать, что хочешь, он толком не знал. Качинский удобно устроился поверх милой женушки, как монтажник на проводах ЛЭП-500. От высокого напряжения поэт подлетал к потолку, и искры сыпались из глаз. Медовый месяц пролетел как стая жар-птиц.

После медового месяца Марьям вдруг раздуло, и ее любимым занятием стала игра в дочки-матери. Ненаглядная женушка на последние деньги скупала всякие вышивки, занавески и много еще чего непонятного. Марьям оказалась искусным мастером на все руки. С утра до вечера на шаткой лестнице,

подпирая потолок большим животом, белила и красила, напевая любимую песенку:

- Что за девчонка, смеется громко.

Над нами хохочет, делает все, что хочет!

Одна беда – кормить живот Марьям было нечем. Шизофрения конверсии упала в последнюю стадию. ВПК лег без дыхания, и прапорщика Качинского выпнули с секретного объекта без содержания. По огромным подземным цехам бродили гигантские крысы и жрали металл. Люмпены и пролетариат, наконец-то, за всю историю России, приведя к трону пьяного Пугачева, сами легли по обе стороны баррикад и принялись дружно уничтожать государство и в первую очередь запасы продовольствия. В свою очередь Пугачев принялся уничтожать деньги. И пришла чудесная пора, когда вместо магазинов объявились музеи с муляжами продуктов, а в холодильниках вечно пьяного люда завелись тараканы.

Журналист Юра Горбатов, желая помочь Качинскому, написал о нем большую статью в "Красноярском комсомольце" под названием "Свободный среди ручных зверей", в которой рассказал о феномене, способном прокормить самого себя и соседей, и быть независимым поэтом при этом - что в России совершенно невозможно. И, верно, начальству Качинского резко не понравилась жизнь подчиненного – он еще и стихи пишет! С другой стороны редакторы издательства, прознав о высоких доходах прапорщика КГБ, стали требовать деньги за публикацию – все-таки на дворе рынок или нет?! Словом, Качинский пропал окончательно. С работы Качинского выгнали, стихи более нигде не печатали. Растущий живот Марьям требовал усиленного питания. А вокруг родового гнезда сутками дежурили рэкетеры и фининспекторы с плакатами "Господин Свободный, поделись с голодным!"

Качинский и Машенька стали ходить обедать к тетушке Нэлле, но и у нее обвал – кому нужны подписные издания, когда круглые сутки на четырех каналах секс и насилие.

Ночами голодные молодожены ходили к Борису и Алле, но там тоже росли близнецы, что носили вместо шапочек расписной бюстгальтер на двоих.

Марьям с вздохом сняла гитару со стены, и молодожены пошли по центральным улицам, где митинговал бывший советский народ. При звуках музыки люди невольно добрели, но вкусы были разные: одни в тельняшках требовали про Афган, а братва просила "Мурку".

Завернули на базар, что был полон витаминами, столь необходимыми для растущего живота Марьям. В армянских рядах торговал грецкими орехами великий артист Ара Мкртчян. Артист тотчас выскочил из рядов и кинулся смачно целовать Марьям: ну, и бабник же этот Мкртчян, артист словом!

- О, русская женщина, – плакал артист Мкртчян, вставая на колени перед Марьям.

При ближайшем рассмотрении армянин оказался палестинцем Ясером Арафатом, которого все бросили. И теперь он ввиду схожести с известным

артистом вынужден сидеть в торговых рядах, поскольку все документы были у Валеры Черного, сгинувшего сквозь землю.

- Что происходит у вас?! – жалобно восклицал Ясер Арафат, тревожно оглядывая базар красными от слез глазами.

- То же, что и у вас, – отвечал Качинский. – Иудеи взяли власть.

- Где иудеи? – вопрошал палестинец. – Это у нас иудеи, а у вас бандиты. У нас коммунизм, а у вас бандитизм!

- За что ж вы боритесь? – недоумевал Качинский. – Вам плохо живется?

- Живется хорошо, – сказал Арафат – Там такое солнце: вбей палку – выйдет сад. А боремся мы за самостоятельность, как ваши татары бьются за разделение полномочий.

- А где вы так научились хорошо говорить по-русски? – Качинский с подозрением оглядел палестинца.

- Советский Союз столько помогал нам, что каждый палестинец обязан владеть только за то, что на нем разговаривал Ленин. Я думаю, что и сам пророк Мухаммад – мир ему! – Сейчас говорил бы только на русском, забыв о своем арабском. Столько русские сделали блага всему миру и арабам в особенности. Только благодаря русским мы до сих пор существовали на месте. И вдруг мир перевернулся! К нам перестало переступать оружие, медикаменты, продукты, и я приехал в Россию, чтобы получить объяснение, а вместо объяснения получил базар-вокзал. Но даже и с вокзала не могу вернуться на родину, поскольку меня все принимают за кавказца, у которого денег как у дурака Славы махорки. Да, вот он и сам идет.

Действительно по базару шел сумасшедший Мастер. Мастер на коромысле нес два ведра, в которые кавказцы кидали фрукты, которыми торговали. Таким образом, Мастер был первым рэкетиром в Красноярске. Покровская братва с автоматами на плечах шла следом – не дай бог хоть одно яблоко пролетит мимо ведра. Мастер уже успел познакомиться с Марьям, которую не заметить никак нельзя было из-за большого живота и облика Мадонны. Мастер тотчас отдал Марьям полное ведро фруктов, а покровские ребята взамен повесили пустое ведро. В свою очередь Ясер Арафат накидал грецких орехов, столь необходимых растущим молочным железам Марьям.

С этого дня Ясер Арафат поселился в родовом гнезде Качинского. Юрий Николаевич выделил ему кровать за большой кухонной печью и во время: для палестинца мороз хуже смерти.

Едва Ясер Арафат поселился у Качинского, как наступили египетские ночи. В Москве шла гражданская война, и в Красноярске соблюдали светомаскировку. Для бандитов темнота, что мать родна, и порой стрельба случалась такой, что и заснуть невозможно. За окнами дома ходили тени и какие-то чудики говорили женскими голосами. Бледный Арафат, расплющив нос о стекло, вглядывался в ночь, а навстречу ему также, расплющив нос только с другой стороны, смотрело лицо с такими же большими арабскими глазами. Входная дверь тряслась как бы в ознобе, и Качинский изо всех сил держал крючок, что так и намеревался выскочить из петли.

- Кто это? – дрожал от холода Арафат.

- Первая любовь, – отвечал Качинский.

- Ну и любовь у вас русских! Готова разрушить не только дом, но и всю страну.

- У нас всегда так было. Все поэты страдали из-за баб: Пушкин, Маяковский. Наконец, Кольцова задушила Людмила Дербина.

- О, русская женщина, – плакался Арафат. – Пусть задушит, но пусть заходит. Я не могу без женщины.

- Мы вас быстро выпустим, а сами закроемся. Такая любовь будет, пыль до потолка.

- Ну, что же вы смеетесь над человеком. Как вам не стыдно, Юрий Николаевич, – Марьям общалась с Качинским на вы, как Орлова с Александровым. – У меня в библиотеке много подруг, надо познакомить.

- А меня? – спросил Качинский. – Я тоже хочу вторую жену!

Качинский поглядел в зеркало и убедился, что ему сорок семь лет. Всего-то. А еще вчера было тридцать семь. Качинский двадцать лет крепился на тридцати семи годах, но недолгая семейная жизнь состарила его сразу на целых десять лет. Вдруг сверху упал конус света и осветил на горе белую часовню. Затем неправдоподобно ярко высветились трубы и крыши старинной Закаменки. Наконец, ярко зажглись окна старых кварталов, близко подступивших за последние годы к старому центру. После египетской тьмы неправдоподобно ярко зажглись уличные фонари. И вот уже весь город подобно новогодней елке переливался огнями. Похоже, случилось что-то чрезвычайное. Включили телевизор, а там заставка: "Говорит и показывает Москва". Весь Красноярск мигом проснулся и вышел на улицы. Всюду возбужденные речи:

- Ура! Белый Дом взяли.

Молодожены и палестинец, пройдя Закаменку, вышли в центр города, переполненный возбужденным народом. Над улицами с оглушительным ревом носились штурмовики. Вечный оппортунист Громов длинным бичом гнал по улице богему. Тонкий хлыст со сверхзвуковой скоростью ложился на головы гнилой интеллигенции, которую так не любил не пьющий, не курящий, но производящий много детей фермер Юрий Петрович Громов.

Громов призвал второй раз идти на Москву и брать Кремль – сибиряки, в который раз, обязаны были спасти великую Россию. Внезапно над городом пролетел Змей-Горыныч, и пустил огонь сразу из трех голов. Правая голова жгла огнем левых, левая палила демократов. Красноярцы дружно ударили ответным огнем. Покровские ребята использовали переносные зенитные комплексы. И вот одна "игла" влетела в пасть средней головы дракона. Змей-Горыныч, обезглавленный на треть, убрался в сторону Москвы, куда его и вызвал хозяин Кремля.

А в Красноярске продолжились столкновения и бои местного значения. Сверху с Покровской горы, куда взобрался нейтральный люд, гражданская война в Красноярске представлялась обширным карнавалом: цветные трассеры уходили в небо, взвивались осветительные ракеты, яркими кострами горели автомобили. Многие, спасаясь от агрессии, прыгали в Енисей, и ледяная

вода отлично отрезвляла горячие головы красноярцев. Над городом подобно черной туче стоял сплошной мат.

Наконец, патриоты, которых в Сибири значительно больше, чем в завоеванной Москве, стали теснить демократов на окраину правого берега. Шустрая богема бежала сквозь густой лес к тайному аэродрому. Молодожены Качинские и палестинец Арафат, хватаясь за сердце, забрались на вершину горы, где в самый последний момент еле успели влезть в брюхо гигантского вертолета МИ-26. Перегруженный вертолет, с трудом хватая воздух, поплыл над речкой Маной. А внутри прочного корпуса продолжалась драка, затеянная на земле. Повестушник Валера Черный, вновь обретший человеческое лицо, пинал толстой ногой беременную Марьям. Качинский всаживал в медный лоб члена Союза писарчуков пулеметную серию ударов. Но голова повестушника при очередном явлении миру была на этот раз набита минеральной ватой. И только точные удары железного палестинца Арафата, блестящего каратиста, смогли пробить дыру в пустой голове. Пролет над бывшим Советским Союзом давался тяжело: отличную цель пытались сбить все кому не лень. Вертолетчики постоянно меняли курс и, чтобы не заблудиться, то и дело возвращались к Енисею, отличному ориентиру. Таким образом, вертолет с богемой был вытеснен к Полярному кругу и приземлился в Норильске, купленном на корню американцами. Впрочем, пришел и их черед сматываться. Часть богемы высадили. Салон заполнили бочки с горючим, и вертолет через Северный полюс прибыл в Америку в штат Массачусетс в город Провинстаун, столицу голубых американцев. Там и находился штаб Ордена рыцарей Соломонова храма.

Особенно тяжело дался полет над северной Европой. Ввиду перегруза пришлось срочно избавляться от повестушника Валеры Черного. Валеру Черного выбросили над Северным полюсом, а следом выкинули тысячи экземпляров его романов с французским и английским текстом: "И я овладел всем миром!" Ветер подхватил макулатуру, и над Европой разразилась бумажная буря. "Корош чернош!" - кричали восторженные европейцы, хватая на лету листочки книг великого русского писателя лауреата Шнобелевской премии. Валера Черный долго летал над полюсом и упал в прорубь, которую пробил советская подводная лодка, что спасалась на Северном полюсе от дикой конверсии. Советские моряки приняли Черного за Деда Мороза и открыли шампанское.

- Я Санта Клаус, Микола Чудотворец – блажил пьяный Валера Черный – Молитесь мне как Христу.

Черный выпил за месяц весь спиртовой запас подводной лодки и "Красноярский комсомолец", с трудом прокачав цистерны, вернулся по Енисею в Красноярск на свою постоянную базу. Следом за подводной лодкой в Красноярск проникли еще миниатюрные лодки, сделанные под заказ. Мини лодки «Reforma», «Kavkaz» доставили Северным морским путем свежий демократический десант.

ГЛАВА 37

Город Провинстаун штата Массачусеттс был столицей голубой Америки. Военный вертолет, на котором прибыл десант красноярской богемы, упал без сил на центральной площади, где стоял высоченный тотем – детородный орган с фигурой сатаны на круглой головке. По окружностям тотема сверху донизу были золотом выбиты лучшие качества врага человечества: постоянное место жительства – ад, капитал – мечты, почерк – татуировка, дом, где живет сатана – туалеты и бани, вид транспорта – лодка, сети сатаны – женщины, любимое занятие – педерастия.

Любимым занятием сатаны были увлечены все жители города. Вокруг памятника сатане занималось групповым сексом все мужское население Провинстауна. Драконоид Бузор инспектировал педерастов и ставил оценки сексуальным гимнастам, строящим пирамиды от двух до сотен бесов в человеческом образе.

Едва десант высыпал из разбившегося вертолета, как наиболее активные присоединилась к хору истошно вопящих американцев и принялись целовать американские флаги, под которыми творились всяческие безобразия. Семья Французовых, поскидав с себя противные советские одежды, обернулись в американские флаги и навсегда скрылись в глубинах Америки. Майя, Алмазов на коленях целовали землю. Семья Качинских и Ясер Арафат, сморкнувшись о флаги, прошлись по городу, наблюдая сценки ада, что вышел из-под земли и поселился в бывших райских местах.

- Вас ждет то же самое! – говорил палестинец, указуя на мерзости.

Вдруг палестинец пал в ноги идущему навстречу человеку с густой бородой и гневным взглядом из-под больших бровей.

- Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

- Встань, человек! – приказал пророк Мухаммад, прибывший современный Содом с факелом в руке. – Возьми огонь и очисти город.

Арафат взял факел из рук пророка и сунул в задницу грешника, стоящего на коленях. Тотчас из заднего прохода вырвалось пламя, и грешник как реактивный снаряд улетел прочь, оставляя дымный след. Палестинец явно ожил и принялся поджигать остальных грешников, что с воплями уносились за пределы города и падали в воды океана. Наконец, сам Мухаммад перехватил факел и поджег тотем – гигантский член с Иблисом на головке стартовал подобно межконтинентальной ракете и улетел в Москву, где в этот день Россия праздновал свою победу, разгромив Советскую Власть.

Сусанин решительным голосом зачитал текст указа тысяча четыреста "О роспуске съезда народных депутатов", но депутаты не покинули Белый дом и подняли шум в прессе, угрожая импичментом.

В кабинет президента Сусанина вбежал взмыленный взлохмаченный Филатов. Он истерично бился головой о стол, слезы катились градом. Бывший заместитель удалого Бикбулата проклинал президента:

- Умоляю, отмените приказ, это конец, это катастрофа, – рыдал плачущий клоун. – Грядет мировая катастрофа, начнется гражданская война. Демократии конец, всему конец!

Президент дал отмашку. Филатова упрятали под юбку его жены, а следом отключили свет, воду, тепло и канализацию в Белом доме. На балконах расставили канистры с хлорпикрином – боевым отравляющим веществом. Едва такой газ окажется в помещении, люди из него вылетают быстрее, чем пробка из шампанского. Каждый офицер КГБ, принимавший в операции участие, знал с какого места и какого депутата он вынесет из зала.

Но народные депутаты за семьдесят лет напрочь растеряли боевой дух – всю жизнь они кормились у власти и следственно не могли кусать руку кормящего. Собаки и те кусают руку хозяина, а вот депутаты отказались от импичмента – побесились, поголосовали, повыступали и разошлись.

Тем временем в Москву входили танковые колонны, причем с разных сторон под разными флагами: одни с красными, другие вообще с царскими гербами – двуглавыми орлами на башнях. Но все танки спешили в Москву с одной целью – пострелять по живым мишеням. А мишени вот они – костры и множество бомжей, бежавших в Москву из бывших советских республик. Бомжам было совершенно наплевать на демократов, коммунистов и на танкистов, что живо развернули башни и ударили разом по полчищам хана Мамая, вновь осадившим Кремль. Молодым танкистам десять лет в школе вбивали легенды о татаро-монгольском иге, и теперь чумазные рожи бомжей на фоне Кремля и костров очень напомнили кочевников, что отбросили Россию на двести тысяч лет назад.

Костры взлетели вместе с бомжами, несколько снарядов подожгли здание СЭВ, что стояли развернутыми книжками. Жуткий вой встал над Москвой. Народ миглом организовал самооборону, умелые ручки живо собрали из ничего боевые снаряды. И вот уже в танки полетели знаменитые коктейли Молотова. Горящие танки принялись давить баррикады. В свою очередь, разъяренная толпа смяла кордон милиции на Смоленской площади и с ломиком в руках пробивалась к Белому дому. Из Белого дома по толпе ударили пулеметы и снайперы, приняв их в темноте за правительственные войска. Вот один из горящих танков, что крутился на месте, делая из людей кровавую кашу, взорвался.

С этой поры танкисты взбесились и принялись палить по кругу по темной Москве, рассылая снаряды бесцельно. Скоро обесточенную Москву осветили горящие здания. Черные окна отражали многочисленные пожары.

Но танки без пехоты были совершенно слепы и спасались лишь тем, что непрерывно крутили башни, прочесывая пространство пулеметным огнем.

Настало хмурое утро. Стала хорошо видна главная цель - Белый дом, и танки с Калининского моста дружно ударили по его окнам. Стреляли бризантными снарядами – множество осколков разорвало людей на мелкие куски мяса, размазывая их по стенам. Когда сутки спустя "Альфа" вошла в Бе-

лый дом, там не нашли ни одного трупа и весь дом был окрашен в два цвета: черный от пожаров и красный от крови.

Расстреляв Белый дом, танки двинулись по улицам Москвы, стреляя вдоль улиц. К вечеру по асфальту текли реки крови.

И все равно за коммунистами был перевес. Народ захватил телецентр, здание мэрии на Тверской, министерство обороны. Боевики из Тереховского "Союза офицеров" били по танкам из гранатометов с крыш высотных домов. Снаряды через открытые люки влетали в башню и подрывали боеприпас, от чего башни танков забрасывало, аж на крыши пятиэтажек. Чеченские боевики, участвующие в гражданской войне под командованием Бикбулатова набрали отличный опыт и в дальнейшем использовали его в боях за Грозный.

Наконец, Таманская дивизия, ехавшая к телецентру "Останкино" была остановлена. Встали и танки Красноярского гарнизона – генерал Журавель явно думал перейти на сторону коммунистов. Тогда-то генерал Русской и приказал восставшим идти на Кремль: " Вперед на штурм демократии!"

Президенту Ивану Сусанину доложили обстановку, никто ничего из доклада не понял. Комната была настолько прокурена, что головы, разбухшие от дыма, ничего не сообщали. Отовсюду шла противоречивая информация: все центральные проспекты переполнены танками, но войсковые подразделения стоят на кольцевой дороге и в столицу входить не желают.

- Что будем делать дальше? – спросил президент у своих генералов, но те так и не смогли ответить. В абсолютной тишине встал генерал Журавель, что после долгой борьбы с самим собой принял единственное решение:

- Господин главнокомандующий, разрешите применить последнюю разработку секретного летательного аппарата под кодовым названием "Змей-Горыныч".

- А что это такое? – живо обернулся к генералу президент.

- Аппарат, поражающий неуправляемую толпу с помощью высокочастотного излучения.

- А, гиперголоид инженера Гарина! – воскликнул президент. – Лазерная пушка, космические войны, понимаешь.

- О, нет – это гораздо эффективнее. Через час вы убедитесь.

Через полчаса над Москвой пролетел необыкновенный Змей-Горыныч, что, сбросив перья с могучих крыльев, сравнял Белый дом с землей, похоронив элитные части, что практически без боя взяли парламент. Махнув другим крылом, Змей-Горыныч уничтожил гостиницу "Россия", до этого горевшую несколько раз, а также ряд служебных зданий в Кремле, едва не похоронив президента с его командой. Разбушевавшееся чудовище могло уничтожить всю Москву, но, получив приказ о самоуничтожении, взорвалось на большой высоте и осыпало город горящими обломками. Те защитники, что уцелели после такого обрушения, разбрелись по городу вслепую, держась за стенки домов – лазерные лучи Змея-Горыныча сожгли сетчатки глаз. Люди ослепли и навсегда потеряли интерес к митингам.

Тотчас на улицу вышли сторонники демократии, что забрасывали защитников Белого дома тухлыми яйцами. Народных депутатов глумливая

толпа принялась вешать на фонарях. Одним набрасывали веревки на шею, других более вредных вешали за ноги. Большинство умирало достойно, и только двое вертелись как червяки на крючке. Один из них был идеолог Сергей, ошибочно схваченный как коммунист. Старушка божий одуванчик подносила спички к голове наиболее вредного депутата Сергея. Волосы трещали, Сергей дергался и орал: "Мы демократы!"

- Вот тебе, сынок, за сестру Цивью. А это тебе за братьев Самуила и Боруха, которых ты сгноил на целине.

Подбежала Катя с Арбата, кинула хворост, поднесла к бумаге горящую зажигалку.

Хворост вспыхнул. Острое пламя лизнуло голову идеолога. Сергей заблажил как поросенок, которого коптят живого паяльной лампой.

- О-о, Гаагский суд! У-у, права человека!

Неподалеку от Резника бандиты разбирали по кирпичам пьедестал памятника, на котором прежде стоял Дзержинский, а теперь влез доктор фантастических наук Декабрь Февральевич Мартов. Мартов думал, что с высоты виднее, да от толпы подальше. Но оказалось напротив. Толпа приняла доктора Мартова за советского ученого, который долгие годы компостировал люди мозги. И теперь разбирали живой памятник, отрывая руки и ноги. Скоро от великого фантаста не осталось ни косточки – все съели собаки.

Президент Сусанин со всей президентской ратью ходил по Москве, разглядывая развалины.

- Ничаго, не впярой! Восстановим, как подняли храм Христа спасителя. Строить не умеем, а восстанавливать, пожалуйста, понимаешь.

Затем обратил взор к кремлевской стене, на которой висели коммунисты и патриоты.

- Пусть висят, товарищи, пока не просохнут. А мы, господа, перекусим.

Президента сопровождали сорок офицеров "Альфы". Мускулистые парни смотрели исподлобья – в сердцах путаница, да приказ сильнее сомнений. Впереди на Красной площади зашевелилась и звякнула крышка колодезного люка. "Альфовцы" схватились за автоматы, не иначе кто-то из уцелевших пытался выбраться наружу. Барсуков молча дал приказ. Один из офицеров штыком подцепил крышку и откатил в сторону. Тотчас полчища крыс вылезли из колодца и двинулись в сторону президента и его команды. Охрана принялась палить изо всех стволов, но крыс было больше чем пуль. И скоро они бегали вокруг президента, пытаясь заскочить на костюм. Вот уже одна крыса запрыгнула на плечи Сусанина, другая кусала лицо. Сусанин упал на колени, затем на спину, и куча отвратительных тварей с писком принялась терзать костюм и голову президента России. Охрана застыла от ужаса, не зная, что предпринять. Наконец, примчалась пожарная машина. Мерзкую кучу разнесли мощной струей воды. Реанимационная машина, завывая сиреной, увезла в кремлевскую больницу. Но оказалось, что и ворота и дворы Кремля были заминированы на случай вторжения мятежников. Лучшие хирурги Москвы оперировали президента прямо в автомобиле, наспех зашивая отвратительные раны, нанесенные животными. И уж затем президента эва-

куировали в боткинскую больницу, но и та была полуразрушена. В коридорах стоял запах вокзального сортира, валялись обрывки бинтов и повязок. Наркоманы, коих в Москве было больше чем в Нью-Йорке, разграбили больницу с мировым именем, а потом президент все это свалил на деяния коммунистов.

Позднее, награждая участников гражданской войны, Сусанин обошел орденом генерала Коржакова за то, что тот позволил крысам покусать президента, Сусанин даже угрожал посадить его в "Матросскую тишину" вместе с уцелевшими парламентариями.

- То ваучер, то секвестр, а то крысы, понимаешь! – восклицал Сусанин, вспоминая беды, свалившиеся на Россию по вине коммунистов.

Вина коммунистов была более чем очевидна: сначала перестройка Ломоносова, затем реформы Кайдара, а затем гиперинфляция, которую устроили коммунисты, пришедшие к власти вместе с Сусаниным.

Вот и великому спасителю России, гуманному президенту Сусанину пришлось упрятать грязных коммунистов, что проникли в ряды чистых демократов в Лефортовскую тюрьму. Всех арестованных мятежников во главе с бледным Бикбулатом поместили в светлые камеры – лучшие в России. Так ответил благородный президент на действия черных сил, каждому мятежнику выделили чистую простынь, да свежую девку, чтоб не скучали.

Охрана тоже была чистой – тюрьма принадлежала бывшему КГБ, затем министерству Безопасности, и купить бойцов было никак нельзя. Автозаки заезжали в один шлюз. Ворота закрывались с двух сторон, охрана проверяла документы, и затем через второй шлюз запускали на тюремный двор. Не успели депутатов расселить по первоклассной гостинице с решетками на окнах, как президент Сусанин 4 октября в 16.00 поднял фужер с водкой за победу демократии в России. Президент и его охрана пили. А тем временем сами демократы и те, кто выступал под его знаменем, с трудом отмывали руки – вода была коричневой от копоты и крови врагов демократии.

Генерал Барсуков с трудом пробился к президенту, празднующему великую победу, и вручил трофей, личную трубку Бикбулата. Сусанин с гневом швырнул трубку с такой силой, что глиняная трубка вещица разлетелась вдребезги.

- Снова хотят, понимаешь, сунуть Сталина в блиндаж!

Блиндажом президент Сусанин называл Мавзолей Ленина. Сусанин постоянно ходил вокруг мавзолея и уговаривал военных сунуть фугас под саркофаг. Ему каждый раз наливали полную чарку водки и самого выносили ногами вперед – на том споры о Мавзолее заканчивались, правда, на неделю. Через неделю Сусанин вновь проявлялся как фотография возле часового и требовал убрать сначала самого часового потом Ленина, а следом закопать и всех коммунистов. Вот и сегодня Сусанин бился насмерть с водкой и клял коммунистов, что после октябрьских боев лежали в одной безымянной братской могиле вместе с демократами – никто ни разу не пришел на могилку, не пролил слезы и не помянул, хотя бы капелькой водки.

"А когда закончился наркоз,

Стало больно мне до слез –
 Для кого я своей жизнью рисковал
 И братков своих соседей убивал?"

Белый дом и собор Василия Блаженного восстановили турки, да с такой быстротой, что москвичи до сих пор уверены – никаких разрушений не было, да и виселиц тоже! И вообще никакой стрельбы... Чинно мирно помещались местами, одни ушли, а другие пришли и всех делов-то. Может, где и было, да только не в Москве! А было это в "Мокве", где "русские" пили много "вотки", потом пошли стенка на стенку. После чаго по случаю "победы" президент Сурсанин играл любимую "карманинскую лажками по пустым чарепам"... Словом, случилось это в четвертом параллельном мире. При этом автор еще раз напоминает, что описываемые события нигде более не имели место, и имена героев романа выбраны произвольно методом лотереи.

ГЛАВА 38

Город Провинстаун - столица голубой Америки горел, подожженный с двух сторон. С запада его жег Иисус Христос, с востока – Мухаммад. Пророки садили педиков на колы, поливали бензином и подносили факелы. Вспыхивали средневековые костры – святая инквизиция в лице Христа и Мухаммада вновь истребляли грешников, не дожидаясь суда Божьего. Председателя Союза писарчуков Голубева посадили на кол, загнутый винтом.

Город грешников чадил как промасленная тряпка, и густой дым стелился по земле как жирный дым крематория. Русская богема, случайно занесенная в этот содом, разбежалась по всему свету. Художник Курвиц пригласил на свою персональную выставку в Италию, где в Галлерее оружия в Турине все оружие вынесли и взамен конных рыцарей вывесили шедевры современной живописи, в том числе и Курвица. Рыжий Курвиц с горбатым носом и мелкими чертами принимал цветы от восторженных поклонниц, а корреспондент "Московского комсомольца" Татьяна Брендина щелкала "Кодаком" пророка сюрреализма. Курвиц выпил с Брендиной на брудершафт и закусил жадным поцелуем.

На презентацию Курвица прилетел лучший друг Валера Черный. Повестушник подарил художнику толстую книгу, красочно изданную в Германии, с отрубленной головой на суперобложке. Голову любимой женщины повестушник Черный отрубил в детской песочнице на глазах бабушек мирно вяжущих носочки. Книги Валеры Черного, которые он выпускал под псевдонимом Воронов, стали выходить миллионными тиражами и мгновенно раскупались юными убийцами, мечтающими о славе Чикатило. Художник Курвиц упрекнул повестушника Черного в отсутствии достоверных деталей и обещал написать картину, если Черный добудет натуру и самолично отрежет голову. Повестушник Черный глянул на семью Качинских, что пугливо жалась у выхода, и обещал достать натуру. Наконец, художник и повестушник вспрыгнули на железного коня, с которого предварительно сбросили рыцаря

и понеслись вдоль галереи, цокая железом по кафелю. Железная лошадь скалила зубы под ярким зеленым небом в окружении блистательных женщин.

Семья Качинских оказалась в Турине без единой лиры в кармане. Повезло, что был год голубого кабана, и Марьям, храбрая и трудолюбивая кабаниха, оказалась в полосе везения. Марьям под свою гитару отлично поставленным голосом пела неаполитанские песни, и Качинский со шляпой в руках собирал неплохой урожай. Спали Качинские наряду с европейскими бомжами в картонных коробках, накрываясь шерстяными одеялами, что бесплатно раздавали нищим офицеры "армии спасения". Когда кончались деньги, кормились у них же возле больших армейских котлов. Юрию Николаевичу еды не хватало, и он всегда просил добавки, протягивая монахиням одноразовую посуду.

Вдруг похолодало. Италию залили непрерывные дожди, и Качинский с Марьям и гитарой перебрались в Испанию. В Москве стояла зима, а в Испании отличное лето. Качинские разделились, и Марьям днем ходила одна по пляжу с великолепным песком, который долго сохранял ее следы. И морская волна не скоро смывала их. Качинский, отдыхая под жарким солнцем на скалах, наблюдал издали за женой, вокруг которой вились новые русские, принимая ее за испанку, тонкую как весенняя ветвь, которую и ураган не сломает. В свою очередь тонкие стройные испанцы принимали ее за новую русскую и настырно ломались за ней на дискотеку, где в уголке поджидал любимый муж. Случались потешные ссоры с местными аборигенами и нештучные разборки с новыми русскими, от которых не так-то просто было отвязаться, даже объясняя несколько раз, что они муж и жена.

Особенно привязались к белокурой испанке татары, богатые нефтяники из Самотлора. Татары сразу признали Марьям своей землячкой.

- Кем? Няря? – наступали татары на Качинского. - Ирегез кем булып эшли?

- Я поэт, а это моя жена библиотекарь.

- Я тоже поэт, – сказал Николай Шамсутдинов, член Союза писарчуков, – Но это не профессия. Я вот машинист буровой установки. А ты, что умеешь?

Качинский ничего не умел, кроме как быть мужем своей жены. Свою работу он отлично исполнял на золотом песке под южными звездами. Правда, работать сильно мешали всевозможные бандиты, наехавшие из бывших советских республик и качающих права в Испании, как на своем родном рынке. Качинским не раз приходилось спасаться с гитарой в руке, отбиваясь от бандитов рядом с высотными гостиницами с бассейнами и ресторанами. Зато с наступлением рассвета начинались чудесные времена и Качинские, бурно зевая, осматривали древние соборы Барселоны и ее рыбные рынки с необыкновенным разнообразием. Белокурую красавицу темнокожие испанцы одаривали свежей рыбой. Качинские пекли ее на камнях, а после бродили по узким улицам со старинными домами, стены которых были сплошь увиты розами и прочими необыкновенно пахнущими цветами.

С заработками в Испании было намного хуже – большая конкуренция, но Марьям с бешеной энергией танцевала хабанеру вместе с испанками в красных платьях, сильно отличаясь от полу арабок – полу цыганок редкими русыми волосами и ослепительно белой кожей. Испанцы со знойными глазами приходили в неопикуемый восторг именно от красавицы блондинки, и Марьям старательно пряталась от солнца, постоянно нося с собой зонтик. Зато ночные посетители всевозможных кабаре, сидя вокруг столов, что ломились от изобилия мяса и фруктов, едва не лишались глаз, бешено вращая глазами следом за стройными белыми ножками. Порой Марьям позволяла уводить себя к морскому прибою в обнимку с двумя-тремя страстными ухаже-рами. Качинский шел следом, ничуть не ревнуя, - Испания не Россия! - и слушал прекрасный язык, одинаково приятный как женским, так и мужским ушам. Всю ночь пили красное вино, которое испанцам было вместо воды.

Все же новые русские достали Качинских, и молодожены исхитрились проникнуть на греческий теплоход, где также, кормясь гитарой, добрались таки до Греции, где все есть. Все есть, а питаться пришлось чечевичной похлебкой – факи, которой бесплатно кормили в тавернах нищих, да дикими мандаринами, что росли по обе стороны дорог. Мандарины, как и апельсины, были зелеными, да выбирать не приходилось.

Голодными не были ни разу. Греки, кому не постучишь, сначала спрашивали: "Пхес ине?" Затем говорили: "Эброс!" и кормили, чем найдется коз-линым сыром и вином, что также как у испанцев было вместо воды. Часто пили виноградную самогонку, ну чистый коньяк по советским меркам. Спали постоянно на сеновалах на заднем дворе, насквозь пропахших мочевиной. Зато любовь от греческой самогонки была необыкновенной, тем более на воз-духе столь же необыкновенном, насыщенном козьим запахом и запахом не-знакомых цветов. От деревни к деревне, что стояли плотно вдоль дорог без больших городов, перебирались оригинальным автостопом. Марьям просто вставала посреди дороги и хочешь-не хочешь, водитель грузовичка тормозил, упираясь в грудь ослепительной блондинки. Так и ехали днем, ночуя ночью с козами и овцами. Проехали всю Грецию, оставив в стороне Афины – Марьям от зеленого винограда заболела, и сил на великолепную старину не осталось, скорей бы выбраться в Россию.

На границе повезло. Вновь встретились татары нефтяники, но уже из Уфы. Каким-то чудом сели в самолет, но в Уфе их арестовали как контрабан-дистов. Оказалось, что граница Росси проходит не на Западе, а посреди Рос-сии в Уфе.

Пришлось звонить в Москву знаменитому барду Коле Шепилову, стихи которого Качинский читал всем попутчикам при малейшей возможности:

"Я по свету бродил. Часто был я без света.

Мне любимые люди ловушки плели".

Николай вытащил Качинских из каталажки и пригласил к себе в Моск-ву в общежитие Союза писарчуков, где Коля снимал комнату.

Так и жили Николай со своей женой и Качинский со своей в одной комнате с туалетом в конце длинного коридора. Жили впроголодь на деньги,

которые собирали в разных местах бард Шепилов и бард Марьям. Шепилов работал по всевозможным сиротским приютам и тюрьмам, коих в Москве не мало. Марьям с гитарой в руках сидела весь день на Арбате в окружении художников, что писали с нее портреты, совершенно непохожие на оригинал, но, тем не менее, охотно скупаемые иностранцами. Добытых денег едва хватало на посещение "Макдонольса" или итальянской пиццерии с заоблачными ценами. Ходили в ресторан не из выпендрежа, а из необходимости. К этому времени в Москве не осталось ни одной столовой с борщом и котлетами. Самим готовить было некогда. Все вечера, а то и ночи уходили на тусовки, где не выпить, не закусить толком – одна марихуана, да пустой разговор, да гитарный перезвон.

Бард Шепилов мучился язвой, то и дело ложился в больницу, где ставили прямые уколы в желудок, а по выходу Николай вновь пил водку вместо воды, как грузины пьют вино. Впрочем, так пила вся Москва и на улице не было видно ни одного пьяного. Но у богемы было все наоборот – пили несколько человек, а пьяными ходили все. Глаза у молодых пиитов были чересчур блескучими, а разговор громким, переходящий в хохот без видимых причин. На повсеместных презентациях висел веселый мат и клубы желтого дыма, пахнувшего полынью и унитазом. Качинские совершенно устали от московской жизни, от переполненных метро и улиц, столь широких, что перейти невозможно. И Качинские по-английски, не прощаясь, сели в мерзлый вагон, пропахший кислыми носками. По вагонам ходил мужик с перебитым носом в жеваном костюме и наярывал устаревшую частушку:

"Я и Зоя, я и Миша,
Я фундамент, я и крыша".

Мужик снимал шляпу и просил: "Подайте Христа ради".

- Христос и подаст, – отвечал вагон. – В Москве сытно, а в России обидно.

В дороге случилось чудо – в одном купе с Качинскими объявился великий художник Курвиц, что возвращался в родной Красноярск с чемоданом долларов.

- Колер меняется на глазах, – говорил художник, пережевывая копченую колбасу. – Красный выцвел и обратился в коричневый. Белый стал черным, а голубой стал зеленым.

Курвиц ехал поездом оттого, что в аэропорту у него украли один чемодан с долларами, которые он заработал на продаже картин. Бандиты настолько обнаглели, что, вырвав один чемодан прямо из рук, пытались отобрать и второй. Да помогли два милиционера, что стояли у стойки выхода на летное поле. Пришлось нанять этих милиционеров для охраны второго чемодана. Милиционеры ехали в соседнем купе и поочередно, сменяя друг друга, держали вахту у дверей. За это Курвиц в конце смены наливал охранникам по стакану конька.

- Хамы! – восклицал Курвиц. И было непонятно, кого он имел в виду – Без воспитания, без образования, без культуры пьют коньяк стаканами.

Сам Курвиц пил коньяк фужерами, забывая угостить попутчиков. Напившись в холст, художник сорил сотнями долларов, а, протрезвившись, начинал обшаривать все купе сантиметр за сантиметром, и заглядывать за пазуху Марьям, так и, норовя запустить руку. Опохмелившись, Курвиц продолжал философию.

- Зачем учить русского медведя? Будь трижды гений, место ему в тайге.

Курвиц не любил Качинского и считал его выскочкой, которому нет места в городах западнее Урала. А когда Качинский, подражая кому-то, сказал: "Питер", Курвиц едва не потерял сознание от наглости собеседника – в бывшей столице русской империи мог жить только Богом избранный народ. И вообще каждому животному своя экологическая ниша.

Курвиц вдруг уперся в Качинского тяжелым взглядом:

- А ты знаешь, что о тебе говорят?

- Если о тебе говорят, значит, ты существуешь, – парировал Качинский.

- Ну, и что говорят о моем муже?! – подступилась с кулачками Марьям.

Включилось радио: Газманов скачет, а Серов плачет.

- Я все это сделал бы лучше, - отозвался Курвиц на пение постсоветских певцов.

- Так может вам, в самом деле, лучше петь, чем рисовать? – спросила Марьям.

Курвиц приподнял нижнюю полку и достал автомат "Ока".

- Ну, что критики от искусства поговорим о моих картинах!

Качинский с трудом отобрал у сумасшедшего художника автомат и, распечатав окно, выкинул в форточку.

- Ты что наделал! – шумел Курвиц. – Кругом враги. Вчера со своим другом по-пьяни лобызался, а сегодня у него оружие и ты обязан его уничтожить.

- Да, где твои враги? – спросил Качинский. – Картины хорошо продал, везешь домой мешок денег...

- Во Владике мои враги, – пояснил Курвиц. – Какой-то критик плохо отозвался о моих картинах. Поехали со мной, дорогой корм за мой счет.

Качинский пожал плечами. Человек он безработный, ничем не связанный, кроме семейных уз. Да, хоть снова в Америку. Но Марьям была категорически против, и скоро молодая семья на смерть разругалась.

Дружки отправились в ресторан. Из ресторана пошли дальше на край света и заснули в чужом купе. Марьям перед выходом в Красноярске принялась искать мужа, но тот хорошо "спрятался".

Тем временем в купе нагрянули подозрительные соловьи-разбойники, принялись алчно разглядывать Марьям и тяжелый чемодан, лежащий на полке. Марьям, боясь за судьбу беспризорного богатства, прихватила чемодан с долларами.

Очнулись художник и критик уже где-то около Байкала, кинулись в свой вагон, а уж след Марьям простыл, пропал и чемодан. Но в карманах Шурвица было еще не мало ценной бумаги с измятыми профилями американских президентов. При сумасшедшей инфляции доллары, что золото,

причем много легче по весу. Уж коробок спичек стоил единицу со многими нулями, и сто долларова бумажка была целым состоянием.

Безродного критика, врага Курвица дружки искали месяца три. И на одной из крутых улиц Владивостока нашли совершенно пьяненьких Колю Шепилова и Ванечку Казачка, что возвращались домой после посещения очередной тюрьмы, где братки встречали бардов на ура. А "кум" - начальник тюрьмы дал денег на обратную дорогу и справку, что бывшие зеки, отбыв наказание, возвращаются к маме и большая просьба нигде их не задерживать.

Художник и поэты долго, целые сутки братались в вагоне поезда Владивосток – Москва.

- Всю Россию объездили, - хвастался Ванечка-казачок – Из тюрьмы в тюрьму, из поезда в поезд.

- Везде русский люд и в тюрьме тоже, – говорил Коля Шепилов.

- Империя зла, – морщился Курвиц, напрашиваясь на второй синяк.

Первый синяк Курвиц получил от Вани-казачка за неуважительный отзыв о его матери, что прошла несколько тюрем и войн.

- Из тюрьмы в тюрьму, из войны на войну, – сказал Шепилов, приглашая друзей в Чечню.

Шепилов познакомился с Дудаевым еще на БАМе, затем они встречались на московских баррикадах в 91 и 93 году. Генералу нравились песни Шепилова, которые Николай кричал хриплым голосом, сидя на танке. И вот теперь поэтический десант по приглашению Дудаева поехал в Грозный.

Друзья прибыли в Грозный как раз на Новый год. Шепилов долго обнимался, целовался с Аллой Дудаевой, с которой он учился в литературном институте. Друзей разместили в президентском дворце на верхнем этаже, прямо скажем в королевских покоях.

Только сели встречать Новый год и Шепилов исполнил песню на стихи Аллы, как вдруг жуткий грохот прервал маленький концерт. Во всем городе погас свет и в полной темноте, натываясь на мебель, запинаясь о ступени, все побежали на крышу. С крыши президентского дворца открылась изумительная картина войны. Всюду вспыхивали букеты оранжевого цвета, над головой с воем проносились снаряды, и скоро начались пожары, которые никто не желал тушить. По ночным улицам без единого фонаря ползли незримые танки, освещая дорогу бортовыми прожекторами. С крыш многих домов били гранатометы. Вот вспыхнул первый танк, далеко позади другой. И вот один за другим периодически стали взрываться остальные танки. Казалось, из земли вырывается сноп огня и дыма. При этом здание президентского дворца заметно колебалось. Сейсмографы в Москве, еще не зная о войне в Грозном, отметили в столице Чечни землетрясение в пять баллов. Один взрыв был настолько мощным, что танк разнесло в клочья. В общем, за эту новогоднюю ночь сгорело 70 зданий и 70 танков.

ГЛАВА 39

Генерал Дудаев объявил себя ваххабитом – приверженцем Мухаммеда ибн аль-Ваххаба.

- Что за люди такие ваххабиты? – спрашивал министр обороны, который не знал, с какой стороны подойти к исламу, а уж про ваххабизм он слышал впервые.

Муфтий Равиль, как мог, объяснял вопрос, трудный для него самого.

- Ваххаб – одно из девятидесяти девяти имен Всевышнего и означает "дарующий свою милость". Ваххабизм проповедует возврат к начальному исламу, социальную гармонию, братство и единство всех мусульман. Ваххабиты обязаны осуждать роскошь и стяжательство. Также как и для раннего христианства, ваххабизму характерны экстремизм и фанатизм в борьбе с противником. Условно можно сказать, что ваххабиты – это мусульманская инквизиция.

- Опять охота на ведьм, – озадачился повестушник Черный, – Дудаев собьет нас из зенитки, если спасемся, то мы враги ислама. Если погибнем, то мы его союзники, но уже на том свете.

Все внимательно оглядели через иллюминаторы воздушное пространство – нет ли вражеских самолетов? Пока что самолет министра сопровождали свои две "сушки" - у Дудаева самолеты только учебные.

- Из-за чего сыр-бор? - недоумевал министр Грачев. – Все ищут врагов, и все идет от Адама и Евы. Что они такое сделали? В чем грех то их?

- Все дело в первородном грехе, – объяснял муфтий Равиль. – Господь запретил касаться дерева, но Сатана погубил их.

- Ничего не пойму, – насупился министр Грачев. – Кто кого, за что погубил?

- Скажем так за извращение! – воскликнул повестушник Черный. – Адам и Ева разглядели друг у друга половые органы и принялись ими играть день и ночь. Ходят по райскому саду, делать им нечего, а тут Сатана предлагает вкусить яблоко, то есть грудь Евы и детородный орган Адама.

Муфтий Равиль закашлялся и тотчас принялся читать три последних суры из Корана – защиту от Сатаны.

- Сатана, он же Иблис овладел твоим языком! Адам раскаялся, но его потомки все еще находятся в заблуждении. Впрочем, среди людей живут не только потомки Адама и Евы, но и прямые наследники Иблиса, что ходят меж людей в человеческом облике. Если поскрести их, то можно обнаружить черную кровь и черное сердце.

- Вот интересно было бы пустить кровь некоторых мусульман – задумчиво сказал повестушник Черный – Какая кровь у мусульманина черная или зеленая? Мусульмане такие же грешники, как и все люди. По моим мыслям Сатана, по-вашему, Иблис вошел в каждого, в кого полностью, в кого наполовину.

Муфтий Равиль прочитал короткую молитву, умыл лицо и подтвердил:

- Ваши мысли верные, уважаемый сын Иблиса. Рассказывают, что после грехопадения Адам и Иблис, каждый в свой черед вознесли молитву к Богу. Чтобы тот поддержал их – одного против другого. Иблис просил: "Господи, Ты сотворил Адама, положив вражду между ним и мной. Дай же мне власть над ним и его потомством".

"Я сделаю сердца их вместилищем для тебя", - отвечал Бог.

"Господи!" - молился Иблис. – "Добавь мне еще власти!"

"Если у Адама родится чадо, у тебя родится десять".

"Господи, добавь мне еще власти".

"Ты будешь растворяться в потомках Адама подобно тому, как кровь течет у них в жилах. Ты поделишь с ними их незаконнорожденных детей и богатство, приобретенное путем ростовщичества, воровства и другими неправедными путями".

Адам же, обращаясь к Богу, молил: "Господи, ты сотворил Иблиса, положив вражду между мной и им, и дал ему власть надо мной и моими потомками. Я не в силах сопротивляться ему, разве, что с твоей помощью".

"Как только родиться у тебя дитя" - отвечал Всевышний – "Я приставлю к нему двух ангелов, кои будут оберегать от дьявола и его сообщников. За одно доброе дело я буду награждать тебя десятикратно".

"Господи, добавь мне еще".

"Я не затворю врата моей милости перед покаянием любого из твоих потомков, даже, если он раскаялся при последнем вздохе своем".

Адам уступил свое место Хавве, она же Ева. Ева просила Всевышнего:

"Боже, ты сотворил меня из кривого ребра Адама, предназначтал мне каждый месяц оскверняться месячными, обрек меня на муки беременности и родов. Молю тебя, Господи, дай же мне от твоей милости, что дал Адаму и Иблису".

"Дарую тебе быть источником жизни и красоты человеческой", - улыбнулся Всевышний. – "О, если бы знала ты, сколько благ уготовано тебе в награду за мучения твои при каждых родах. Воистину, если женщина погибнет при родах, да прибудет она как мученица среди блаженных. Если роды прошли благополучно, тебе отпускаются все прежние грехи, будь их столько, сколько пены в море".

"Я довольна", - ответила Ева".

- А я нет, – сказал повестушник Черный, выслушав проповедь муфтия Равиля. – Значит, каждая блядь и проститутка может стать великой матерью и даже родить пророка?

- Аллах видит степень греха. Если козу выпустить на цветущий луг и не ограничить ее веревкой, то от луга останется пустыня. Так скоро и от России останется пустыня, в которой порушили все границы между грехом и праведной жизнью. Современному русскому человеку ни Бог не указ, ни Сталин не царь!

- Законность и правопорядок сами собой вернутся в Россию, как только будет установлена полная денационализация – вступил в разговор академик Яковлев – Я согласен, что все мы потомки Иблиса и готовы разрушить все,

что противно нашему духу. Но только частная собственность способна погасить наши низкие инстинкты: кто же захочет сжечь родное гнездо! Так же никому в голову не придет сжечь и соседнего фермера, такого же трудоголика, как и ты сам. Тем более что возмездие неотвратимо. Но упразднить колхозы и совхозы нельзя насильственно. Они должны отжить свой век.

- Упразднить колхозы все равно, что упразднить армию на призывной основе. Ваши слова не русские. Фермер - это на Западе, а у нас колхозник, который на своем тракторе пьяный, трезвый ли, но едет. Может, лет через двести и вырастет сплошной кулак, а пока нашего забулдыгу-алкаша ничем не принудишь работать, как только приказом, – говорил Грачев.

- Надо ясно и откровенно признать, – настаивал Яковлев. – Военно-экономическое соперничество нам не по силам, в него недопустимо было ввязываться с самого начала, его давно пора кончать. Россия такая страна, где своих проблем на тысячу лет. Никакой Афган нам не по силам, а вот повернуть реки вспять – это необходимо, давно необходимо!

- Ну, вот и вы заговорили, наконец, по государственному, словно бес выскочил из вас. Несвоевременный вы человек. Надо жить в реальном мире, а реальная Россия такова – только жесточайший тоталитаризм может уживаться с высокой духовностью. Это как суровый отец и тишайшая мать дают отличное воспитание детям, когда духовность, лучшая в мире, прорастает в жестоких границах. Вот, смотрите, наша охрана осталась за границей Чечни. А ведь Чечня – это ступня великого организма. Стоит загноиться, как вся Россия захромает. Пока вы тут глаголете о де коллективизации и демитализации, осколок стекла, попавший в ногу, выведет из строя всего человека. Требуется опытный хирург и острый скальпель, а вы ковыряете рану авторучкой!

Джохар Дудаев встретил делегацию очень тепло прямо в аэропорту. Вдвоем с министром они обошли строй почетного караула, полностью экипированного для боя: солдаты в касках с сетками наподобие американских и камуфляжной форме и с карабинами М-16 – ни дать, ни взять морская пехота США!

- Когда же успели снабдить вас? – спросил Грачев, оглядывая американское обмундирование и несколько американских вертолетов на летном поле.

- Подарок Березина, – улыбнулся Дудаев. – Нашел где-то списанные вертолеты, отремонтировал и пригнал лично для меня. От вас ничего хорошего не дождешься.

- Зачем вам все это? Это же не серьезно. Вы хороший офицер советской закалки, наше училище закончили, грамотный. Другой бы сказал, что вас испортила власть. Но раньше то у тебя власти было гораздо больше. А со временем мог бы стать премьер-министром или главой парламента, как удалой Бикбулат.

- Да я, что! – смутился Дудаев. – Видишь, толпа бородатых стоит. Им война нужна – кровь такая, можно сказать, волчья. Надоело чеченцам быть

кавказскими овчарками и охранять чужое стадо. Вот и проснулась волчья кровь.

- Ну, уж так и волчья. Сколько помню чеченцев, всегда нормально служили и работали, и отморозков почти не встречал.

- Мы горные волки. Эти бородатые мужики, что нас окружают, тотчас расстреляют меня и тебя, если мы с тобою не договоримся пятьдесят на пятьдесят. Если цыган не знает, что такое родина, то чеченец зубами будет драться вот за эту землю, на которой ничего не растет.

- Неужели все так серьезно, Джохар? – хлопнул Грачев боевого товарища. – Помнится, мы Афган с тобой ковровыми дорожками умиротворяли. Столько дельных предложений поступало от тебя. Да, я хоть сейчас тебя помощником министра сделаю, возьму к себе в аппарат.

- Только после того, как Чечня станет полностью независимой от России. Наша вера, наша совесть, наш народ никак не может ныне примириться с русским свинством и пьянством. Если у вас большинство не полные семьи, а мужики поумирали от водки, то чеченский народ обязан возродиться и показать пример всем остальным народам Земли. Ты погляди на наших чеченок. В будни они ходят одетые как на праздник. Ты посмотри на наших колхозников, которые не поддались агитации ваших демократов – под зелеными флагами на худых тракторах добывают урожай в два-три раза выше, чем в России.

- Про хлеб не знаю, но моя разведка сообщает, что ваши мечети обратились в склады оружия, даже дети втянуты в битву во имя Аллаха. Среди множества вещей, обнаруженных на базе в Дагестане, есть и полный детский камуфляж – штанишки, курточка и даже разгрузки с карманчиками для гранат и патронов.

- Это где?

- Под Кизляром.

- Это моджахеды, мы к ним не относимся. У нас своя правда, хоть маленькая, но своя.

- Правда твоя маленькая, а пожар будет большой. Опомнись, Джохар, встань с колен.

- Нет, это Россию поставили на колени, а мы погибнем, стоя как солдаты. Если мы и станем на колени, так только на намаз перед очами Аллаха.

Алла Дудаева кинула милитаризские стихи:

- Мы защитим Чечню

России объявим войну.

- Алла! – шумнул, трезвый как никогда в жизни критик Пирогов. – Такая интеллигентная советская девушка и вдруг обратилась такой злой чеченкой. Неужели ты будешь со мною воевать? Вспомни университет в Москве, наши веселые пирушки.

- Вот-вот! – воскликнула Алла. – Через вас я и стала алкоголичкой. Заставляли мусульманку пить водку полными стаканами. Вы всех своих баб споили, детей рожать не могут. За стакан водки готовы лечь под любого. И вообще чеченский язык красивее русского.

- Пили, конечно, много, – согласился Пирогов. – Но и лечились много бесплатно. Мы с тобой, помнишь студентами, каждый год на Черное море ездили. Правда, поездом, но овощей и фруктов было пропасть. А вот, что-то на вашем столе я не вижу ни пива, ни красной икры, не говоря о черной. Даже чаши не видно, а всегда славились виноградом. Вырубили что ли?

- Ломоносов помог, – сказал Дудаев. – Оно и правильно, зато трезвая жизнь и покой. Раньше как чеченцы выпьют чачу, так хватались за кинжал. Редко кто из чеченцев до пенсии доживал. Если от закона убегал, так горские законы находили его. И в школах стали преподавать только русский язык.

- Я знаю, – сказал министр обороны. – Московские чеченцы продолжают обучаться русскому языку, но уже за деньги.

- Теперь будете платить, – сказал повестушник Черный. – Это раньше мы обучали вас великому русскому языку, на котором говорил великий Троцкий. Вы служили нам верой и правдой, и мы вам служили бесплатно – учили, лечили, кормили...

Дудаев обозлился: «Чеченцы никогда не просили добавки. Мы рождались в спецовке и умирали в ней».

- С кинжалом в руках, – поддакнул Черный.

- Кинжал для нас, что для морского офицера форма. Ну, что прощай боевой товарищ.

Генералы пожали друг другу руки, заглянули в глаза и поняли – война. Дудаев приказал бородатым чеченцам не трогать делегацию и проводить с аллахом в Москву.

Уже у трапа самолета Грачев объявил, что Москва приняла решение применить силу и Россия дойдет до конца, пока не наведет конституционный порядок. Дудаев ответил, что будет драться до последнего чеченца, а бородачи стучали прикладами автоматов о бетон, муллы одобрительно кивали головами.

В течение недели вывезли семьи военнослужащих и начали вывозить вооружение. И вновь на пути маршевых колонн встали колонны детей и женщин. Танки и чеченки сутками стояли друг против друга. Колонны двигались с черепашьей скоростью, понемногу тесня толпу. С большим трудом удалось вывезти секретную технику, танки и артиллерию. Но склад оперативного значения оказался в руках у чеченцев. Грачев по связи предложил взорвать склад, но Сусанин ответил пьяной нецензурщиной, заботясь якобы об интересах мирного населения. И вообще Сусанин всячески мешал военным вывозить вооружение. В итоге в Чечне осталось оружия достаточно, чтобы противостоять целой армии, а уж партизанскую войну можно было вести целыми десятилетиями: под каждым чеченским домом был организован на достаточной глубине тайный склад с гранатометами и минометами. За два года генерал Дудаев зарыл в землю столько оружия, что им будут воевать еще многие поколения чеченцев. Не родились еще младенцы, которые спустя полста лет будут доставать с тайных складов по указке бабушек и дедушек великолепно сохранившееся оружие.

Генерал Дудаев был неплохим стратегом и продвинутым командующим. Бывший летчик придумал летучие пехотные тройки. Гранатометчик, пулеметчик и автоматчик, прикрывая друг друга, быстро перемещались в развалинах и наносили удар с фланга по наступающим федералам. Подвалы многоэтажек были заранее превращены в долговременные огневые точки. На военных складах, брошенных русскими, сохранилось множество противопехотных мин, и скоро вся Чечня стала огромным минным полем, по которому по приказу президента Сусанина гнали солдат срочной службы. Из каждой щели наступающую армию били из гранатометов. И оказалось, что современные танки легкая добыча для кумулятивных снарядов. Если же танки каким-то чудом выбирались из ловушек, то под них бросались смертники с противотанковыми минами.

Ложилась под танки и желтая московская пресса. Олигархи Гусин и Березин организовали настоящую травлю силовых министров, обличая армию во всех смертных грехах. При этом самые видные демократы, что привели Сусанина к власти, давно уже сидели на чемоданах с билетами в руках. Все они были уверены, что Грачев успешно взяв Грозный, повернет танки на Москву и въедет в Кремль, ввиду несостоятельности Сусанина. В Москве никто не сомневался, что Грачев так поступит – далее терпеть выходки спившегося напрочь больного президента не было никакой возможности. Но безгранично терпение русского народа...

ГЛАВА 40

Грозный, январь 1995 года. Красная луна потусторонним взглядом смотрела через глазницы мертвых окон на следы недавних боев. Иногда метель как призрак в саване бродила меж развалинами, производя рыдание мнимых голосов. Но ни один живой голос не откликнулся на зов метели, блуждающей среди силуэтов прокопченных развалин города. Ни человеческий, ни звериный голос не слышен уже третий день. Третьи сутки стоит мертвая тишина, и человеку, уцелевшему в этой бойне, тяжело слушать эту тишину, прерываемую иногда метельным рыданием то на чеченском, то на русском.

Но, чу, метель услышала тихий стон, и призрак в саване склонился над ожившим трупом, совершенно было засыпанным белейшим снегом. Труп шевельнулся и отозвался слабым матом на жалобы метели. Тотчас из развалин вышли две тени, подняли деревянную колоду и внесли в подвал, служащий госпиталем равно как для чеченцев, так и для русских. Через сутки колода оттаяла, открыла глаза, и поэту Качинскому открылся темный лазарет с дымным костром в дальнем углу. Над костром на распорках стоял котел, в котором постоянно кипела вода для дезинфекции хирургических инструментов. Медсестры милосердия Маргарита и Клавдия с православными крестами на белых передниках склонились над поэтом, разрезали кокон смерзшихся тряпок и, не торопясь, обмыли раны. Затем поэта одели в бушлат, снятый с погибшего солдата.

Едва Качинский ожил, как в подвал спустились чеченцы с требованием вынести его вон – в межнациональном госпитале могли лежать только тяжело раненные бойцы и боевики, которым предстояла ампутация конечностей. Качинский на вид был цел, за исключением множества осколочных ранений. Такие раненные могли ходить самостоятельно и даже покинуть город тайными тропами меж минных полей. На счастье Качинского хирург Валентина Петровна сказала, что у поэта начинается гангрена, придется отсечь отмороженные пальцы. Чеченцы оглядели конечности и согласились оставить поэта в покое, но не более чем на неделю. В противном случае чеченцы откажутся поставлять перевязочные средства и наркотики, которыми кололи оперируемых вместо анестезии. Качинского положили на прочный стол с кровостоками, взятый из морга бывшей городской больницы. Бывший стол для вывешивания промыли предварительно кипяченой водой, прожгли каленым железом, затем промыли содой и вновь кипятком. Сестра Маргарита сделала укол, после чего Качинский впал в кайф, впервые в жизни приняв наркотики.

Подвальная хирургия была как в век бронзы. Хирург Валентина Петровна достала резекционную пилу из кипящего котла, и махом отсекла черные пальцы на ногах. Хлынула черная кровь. Раны стянули, собрав кожу обычной рыболовной леской. Затем скальпелем, хранившимся в растворе соды, Валентина Петровна отсекла верхние фаланги пальцев. Сестры милосердия туго забинтовали руки тряпками, прокипяченными в том же котле. Затем полили тряпки раствором соды, и положили Качинского в ряд с бородатыми людьми, каждый из которых был лишен одной или двух конечностей.

Красная луна заглянула в зарешетчатое окно подвала, подивилась необычной чистоте, невозможной на такой войне, и, не веря глазам своим, скрылась в метели, проклиная людей, затеявших странную войну в городе, сто лет не знавшем распри.

Пришло хмурое утро. Тяжело раненные с ампутированными конечностями зашевелились с тяжелыми стопами, заговорили, каждый на своем языке. Но вот ругались почему-то только по-русски, хотя говорили на многих языках. Справа от Качинского громко охал армянин, что со своей семьей бежал от Бакинских погромов и приехал почему-то в Грозный, посчитав его самым мирным в бывшем Союзе. Перед самой заварушкой армянин захотел, было вернуться в Ереван, да родственники отговорили, дескать, живем при свечах и отапливаем квартиры буржуйками, в которых горят кирпичи, пропитанные мазутом. Родственники, приехав в гости в Грозный, искренне удивлялись телевизору и электрическим лампочкам, что горели целыми сутками. Уж как они хвалили Дудаева за веротерпимость и порядок, какого не было во всем бывшем Советском Союзе. Чеченцы на базарах такие вежливые, готовы даром кормить беженцев согласно горскому гостеприимству. А чеченки такие нарядные, словно на свадьбу одеваются каждый день. Хвалили, хвалили родственники Дудаева, да накаркали беду. Теперь армянин без левой ноги лежит в дымном подвале и не знает судьбы своей семьи. Все это армянин рассказал новичку, что лежал с закрытыми глазами, отходя от наркотического сна.

Слева от Качинского лежал повестушник Черный, который непонятно как застрял в Грозном и подорвался на растяжке. Лишившись правой ноги, повестушник стал философом и объяснял новичку, что небесный стрелочник, пьяный в облако, перевел стрелки на его дороге на другой путь. И теперь Валера Черный постоянно спрашивал у своего ангела: "Зачем же, милый, ты сделал это? Есть у меня грехи, но я же постоянно каюсь!"

Сестры милосердия с трудом сняли котел с кипящей водой, и поставили разогревать котел с борщом. Овощи для борща Маргарита и Клавдия собирали по разбитым подвалам соседних домов, рискуя самим подорваться на минах, которыми Грозный был усеян так густо, что пройти можно было лишь, кинув далеко вперед "кошку", и постепенно подтягивая веревку уничтожать ловушки. Случалось находить целые склады продовольствия, но, к сожалению, заминированные. Медсестры привычно забрасывали вперед железное орудие и срывали растяжки. Грохот, осколки и полные карманы стекла. Все же набирался полный мешок мятых консервов, содержимое которых и бросали в котел. Словом, медсестры работали в заминированном городе не хуже разведчиков, причем более удачно. На подрывы гранатов и мин сбегались как чеченцы, так и русские. Поднималась пальба. Федералы и чеченцы начинали уничтожать друг друга с обоюдным успехом, но сестрам милосердия пока везло.

Пока везло и танку Т-90, что стоял на горке на углу подвального госпиталя. Танкисты день и ночь уничтожали по периметру все, что движется, всаживая снаряд за снарядом в скрытые огневые точки. Свои боеприпасы давно закончились, но танк снабжали снарядами равно как русские, так и чеченцы из отряда грозненской милицией, которой командовал Руслан Гантемиров. В подвале лежали в основном чеченские полевые командиры, лишённые ног, и русские офицеры. И тех и других вывезти было невозможно, и они лежали в подвале через одного весь день, разговаривая друг с другом, как обычные больные в обычной российской больнице. День долог, и деваться некуда.

- Вы, что монахини? – спрашивал Качинский православных сестер.

Сестры не отвечали, молча, ухаживая за ранеными – тщательно отмывали от окопной грязи, кормили безногих и выносили судна. Причем делали все быстро и ладно, и больные, забывая о тяжких ранах, делали предложения. Но строгие девушки объясняли чеченцам, что сердца их уже заняты: "Мы только медсестры". Сестра милосердия Клавдия носила на груди икону Казанской Божьей матери, и пули, по ее словам, буквально огибали ее. Клавдия до войны была кришнаиткой. Ходила в оранжевом сари с короткой стрижкой, распевала целыми днями "хари Кришна – хари Кришна", ритмично стуча по ритуальному барабанчику, висящему на боку. Но первого января 94 года оранжевое сари само собой упало с нее. Клавдия попала в ад! Прячась в бомбоубежище, Клавдия читала Евангелие, а затем познакомилась с Маргаритой, бывшей актрисой красноярского театра Афанасьева. Прячась в одном подвале, они вместе читали Святое Писание. И скоро, вырезав из простыней белые косынки и передники с красными крестами, пошли по подвалам, помо-

гая тяжело раненым. Скоро они сошлись с хирургом Валентиной Петровой и организовали межнациональный госпиталь. Теперь над подвалом висел белый флаг с зеленым полумесяцем и красным крестом. По обоюдной договоренности госпиталь принимал только русских офицеров и полевых командиров. Тяжело раненные солдатики, попавшие на войну сразу после принятия присяги, лежали вокруг госпиталя, умирая в мучениях. И никто не имел права приблизиться к ним, чеченцы грозились расстрелять любого. Все же сестры милосердия ночами делали уколы наркотиков, дабы облегчить мучения молодых солдат вчерашних школьников. Некоторым делали даже операции прямо на воздухе, но это только продлевало мучения ребят, еще вчера бегавших в видео залы на американские триллеры. Теперь они сами умирали от оживших ужасиков. Мертвых никто не хоронил. Их поедали бродячие собаки, к лету оставались одни скелеты.

Из тяжелораненых офицеров, гниющих в подвальном госпитале, выживал только каждый второй. И мертвых полевых командиров складывали в подвале соседнего дома, забрасывая кирпичами. Те, кто выживал, страдали галлюцинациями и психическими болезнями. Повестушник Черный жаловался сестрам милосердия, что он видит кровь, и у него желание съесть сырое мясо.

- Больной, как твоя фамилия? – тормошила Качинского хрупкая сестра милосердия.

- Зачем? – морщился Качинский, находясь в наркотическом бреду – Качинский - моя фамилия.

- Качинский? – переспросила Маргарита, вглядываясь в сожженное лицо.

Рука Маргариты ощупала горб, и Маргарита полностью убедилась в чуде – редчайшей встречи на войне со своей любовью.

Качинский не признал Маргариту и бормотал в бреду о желанной встрече с самой замечательной и красивой девушкой в мире, так похожей на сестру милосердия.

- Когда-то я сильно разочаровался в этой женщине и превратился в истукана, но Бог свел меня с ее образом. И я вижу перед собой кусочек прежнего солнца. Золотой луч укажет мне новую дорогу в жизни.

- Укажу милый, укажу, – говорила Маргарита, отмывая лицо Качинского спиртом, редчайшим богатством на безумной войне – Надежда не угаснет, мы вынесем все испытания.

Третьего февраля подвал заполнили гортанные голоса чеченцев. С чеченцами вошел и Мастер – городской сумасшедший из Красноярска, бог знает, как оказавшийся на войне. Чеченцы принесли тушенки и сухарей, а Мастер преподнес Валентине Петровне французские духи "Шанель №5". Все тяжелораненные в изумлении приподняли головы. Чеченцы опустили на колени и целовали руки хирурга. Затем дружно совершили полуденный намаз и вновь ушли на войну.

С наступлением весны чеченцы ушли в горы, и стрельба в Грозном заметно ослабла. Подвал потихоньку освобождался от тяжело раненых. И

вдруг, когда казалось, что бои совсем закончились, на плащ-палатке принесли женщину, подорвавшуюся на mine. Женщина лишилась ноги по голень, но с ее прибытием заметно улучшилось положение других раненых. Появилась газовая горелка, стало меньше дыма от горящих автомобильных шин, улучшилось питание и снабжение лекарствами. Среди полевых командиров, лежащих уже не на бетонном полу, а на матрасах пополз слухок: "Катя, Катя!" Слух дошел до Качинского, и он поразился странному схождению судеб. На mine подорвалась сама Катя с Арбата, подружка Березина. Отныне госпиталь стал не просто палатой, но косметическим кабинетом. Нанятые чеченцы швабрили полы, белили прокопченные стены и потолки, и каждому раненому дали по драгоценному лимону. Впрочем, и лимонками не забыли снабдить на случай вторжения русских.

Катя пришла в себя через неделю и плакала целыми сутками. Но ровно через сутки слезы кончились. И единственная безногая женщина стала делиться своими любовными приключениями в Москве, где по ее словам, каждой приличной даме полагался полный джентльменский набор: утром - возлюбленный эмигрант, днем - молодой любовник, после обеда в мертвый час - экстрасенс с мануальной терапией вагинальных органов, вечером - гражданский муж, ночью - муж зарегистрированный. При этом Катя с Арбата тонко объясняла, чем она отличается от валютных проституток, которых в Москве половина женского населения. Зато вторая половина населения феминистки - бабы, которых мужики толком не могут оттрахать.

- Мы видим, тесно вам в Москве, - сказала Валентина Петровна. - Переезжайте к нам, всех встретим и устроим.

- В вашем саду как в аду.

- Это не ад, это война, - объясняла православная сестра Клавдия. - Ад - это, когда шкуры живьем снимают.

- Это только война, - подтвердила сестра Маргарита. - А в аду более широкие возможности и более полные ощущения. К примеру, блудницы повстречаются с раскаленными членами. Сколько времени на Земле сотрудничали с органами половыми, столько в аду будете сотрудничать с любовниками, раскаленными докрасна.

- Но я же не феминистка, - возражала Катя с Арбата. - Это они лесбиянки занимались любовью на кладбище.

И Катя с Арбата принялась рассказывать подробно о нынешней московской жизни. Катя жаловалась, что средний возраст московских писарчуков, где она ошивалась, перевалил средний возраст Политбюро бывшей КПСС. В московском Союзе писарчуков в упор не видели молодых придурков, а сам андеграунд боялся расстаться с чердаками и подвалами. Молодые бомжи, обитающие в теплотрассах, объединившись с золотой молодежью, обитающей на бывшей улице Горького ныне Тверской, писали обращение в начале президенту Ломоносову, затем президенту Сусанину, требуя вывести войска из оккупированной Литвы. Войска никак не выводились ни при каком президенте, и интеллигенция сходила с ума, выбрасываясь из окон кухонь, где долгие годы перемывали кости советской власти. Интеллигентные муж-

чины, взявшись за руки с американскими флагами в руках, прыгали из окон, в то время как их интеллигентные жены вылезали из джинсов, вертели бедрами и били ногами дробь. Да, некоторые из ученых жен занимались любовью на кладбище, но опять же ввиду отсутствия настоящих мужчин. Ведь для того, чтобы любить противоположный пол и культивировать в себе это естественное влечение, надо иметь этот пол. Москва же начала девяностых годов имела сильный дефицит противоположного пола...

Катя с Арбата тайно вздохнула и продолжила речь. Тяжело раненые чеченцы такими же тайными вздохами сопровождали ее речь.

- Интимную близость с человеком противоположного пола можно вполне уподобить приему лекарств больным – правильное потребление лекарства ведет к исцелению и предотвращает болезнь. Нормальная половая близость с человеком противоположного пола соответствует здоровой природе зрелого человека. Зрелому человеку нельзя довольствоваться простым человеческим сожительством, ибо таковое означает постепенное умирание пола. А это, если разобраться, по сути – то же самое, что и умирание вообще.

- Как хорошо говорит, – сказал чеченец без обеих ног. – Слушай, Катя, у нас одна нога на двоих, но все остальное на месте. Можно я умру на тебе?

- Стерва! – сказала хирург Валентина Петровна. – Сейчас мы отрежем срамные губы, чтобы она ими не говорила срамные вещи.

- Если вы в каком-то отношении мужененавистница, – продолжала Катя с Арбата. – Постарайтесь разобраться в себе, чтобы преодолеть болезнетворную неприятность. Надо учиться любить, надо лелеять в душе нежные чувства к возлюбленному. Взаимная любовь двух людей делает их не только счастливыми, но долголетними.

- Шлюха, – сказала Маргарита. – Начитанная, умная блядь.

- Стремитесь в половой близости удовлетворять свою партнершу.

- Надо выкинуть эту нимфоманку, пусть ее лижут собаки.

- Зачем оскорбляешь, а? – сказал чеченец, лежащий у входа и поднял автомат – Нельзя трогать хорошую девушку, пусть говорит.

Качинский повернул голову в сторону Кати с Арбата.

- Как там поживает мой идеолух Сергей? Или он уже вернулся в Красноярск?

- Какой же дурак оставит Москву добровольно? Его жена Соня Французова остриглась наголо, читает стихи и кидает в зал пустые банки.

- Насколько знаю, у Сони другой муж – подивился Качинский.

- У нашей богемы нет проблемы. Соня читала стихи и одновременно исполняла стриптиз, а затем дудела в картонную воронку. Потом ее пытались изнасиловать прямо на сцене.

- Бал проституток! – сказала Валентина Петровна.

- Зачем так говоришь? – безногий чеченец поднял автомат и нажал курок.

Пули веером легли вокруг Валентины Петровны. В этот момент икона Казанской Божьей матери, висевшая над входом, озарилась огнем. Луч лазера упал на чеченца и взорвал гранату, что всегда лежала на его груди... Че-

ченца вынесли на улицу, а Катя продолжала мечтать вслух об индийском городе Ауровиль, где круглый год постоянная температура плюс двадцать градусов Цельсия. В городе не было фамилий и национальности. Голые женщины передвигались на велосипедах и воспитывали общих детей, которых рожали прямо на вечно зеленых газонах. При этом в городе Ауровиль не было ни одного мужчины.

Последнее сообщение Кати с Арбата вызвало вздохи и восклицания одноногих мужчин.

- Как это без мужчин? – спросил Качинский.

- Святое зачатие, – отвечала Катя. – В городе Ауровиль рождаются одни Боги.

- Ислам отвергает многобожие – сказал одноногий имам, лежащий между полевыми командирами.

- Опять про Бога! – сказала Катя с Арбата. – Я пошутила, а вы уже готовы подхватить любую сказку – Как можно создать мир за шесть дней? Сказка для дураков.

- Один день равен одному миллиарду лет – подал голом очнувшийся повестушник Черный – У Бога свое исчисление.

- В каждой Евангелии тоже свое исчисление – сказал имам – В Евангелии от Матвея первой к гробнице пришла Мария Магдалена и другая женщина тоже по имени Мария. В Евангелии от Луки – Магдалена, Иоанна и Мария, мать Иакова. Уже три женщины. В Евангелии от Иоанна была одна Мария Магдалена.

Внезапно в дверях возник сильный свет, хотя в городе стояла беззвездная ночь. Облако света, в котором угадывался человеческий контур, всплыло в подвал и совершилось чудо – одноногие люди стали со стенами подниматься, каждый со своего ложа, цепляясь за бетонные стены. Облако погасло, и при свете костра возникла мужская фигура с гитарой в руке.

- Николай! – подивился Качинский, обнимая Шепилова. – Каким ветром занесло?

- Святым ветром, – отвечал Николай Чудотворец. – От имени Иисуса я вылечил вас по воле Бога. Жене глава – муж, Христу глава – Бог, а мне глава Христос. Христос и позвал меня выволить всех вас крещенных и некрещенных из земного ада, дабы вы привели себя в порядок перед страшным судом.

- Николай, брось прикид. Что ты нам голову морочишь, брякни нам лучше на гитаре "Камаринскую" или что повеселей, а то у нас все члены скукожились.

С улицы слышалась частая стрельба.

- Если вы действительно Николай Чудотворец, – сказала Валентина Петровна. – То прекратите войну.

- Среди вас есть хороший снайпер? – спросил в свою очередь Николай Шепилов и пустил гитару по воздуху.

Гитара полетела, отбивая в полете грубые аккорды Шепиловских баллад, уже тем, демонстрируя чудо.

"Мне бродягой идти по Руси,

Повторяя – Всевышний спаси!"

Гитара доплыла до охотника Зайцева, что прибыл на войну с далекого БАМа, и гитара в его руках обратилась в снайперскую винтовку.

- Стреляй! – приказал Николай Чудотворец.

- В кого? – изумился охотник Зайцев.

- Стреляй в того, кто начал войну. А кто начал, ты знаешь.

На стене висела большая фотография Березина из журнала "Огонек". Зайцев выстрелил, и Березин, выскочив из обложки, заметался по подвалу и с воплем унесся прочь. Привычно как порохом пахнуло серой. И тотчас над городом стало светать. Стали оживать улицы, что наполнились военными патрулями и молчаливыми настороженными чеченками, несущими на руках грудных детей. Стали появляться базарчики с батончиками "Сникерс", с переспелыми бананами. В подворотнях уцелевших дворов стали продавать саmogонный бензин.

Произошло очередное чудо, среди развалин стала налаживаться жизнь.

ГЛАВА 41

На Кавказе благополучно закончилась первая чеченская война. В Сибири напротив разгоралась война криминальная. Авторитеты поделили Красноярск на зоны влияния. Покровские воры в законе периодически обстреливали из танков Закаменку. В свою очередь левый берег воевал с промышленным правым, который контролировали Советы рабочих депутатов, как в революцию 1905 года. Только вот железнодорожные мастерские были захвачены анархистами под руководством вечного диссидента Юрия Петровича. Качинский с трудом пробился в штаб анархистов, но, к сожалению, Юрий Петрович на бронепоезде выехал на лето на свою фазенду, где семеро его дочерей держали четыре коровы. На коровьем навозе жена Юрия Петровича выращивала отличный урожай, в том числе целую тонну клубники. За клубничкой часто лазили в огород бомжи, коих много расплодилось в виду того, что губернатор Журавель приказал открыть тюремные ворота – кормить-то зеков было нечем. Поскольку клубничка стоила дорого, да и бомжи искали ее не только на грядках, то Юрий Петрович приказал своим анархистам кастрировать бомжей.

Кастрировать бомжей подрядился доктор Булочкин, помогал ему в этом деле известный городской сумасшедший Мастер. Если доктор Булочкин оперировал в день пять-шесть бомжей, то Мастер делал до ста операций. Дело в том, что Мастер кастрировал бомжей, где находил, а валялись они на каждом углу. Потом относил трофей губернатору, и за каждый член получал доллар. Причем делал без всякого инструмента простыми ножницами.

- Так крови много! – ужасался Качинский.

- Я сначала ведро подставляю, а потом орден "Почетный донор" вешаю.

- Так зачем же их вообще кастрировать? Можно перевязать, что ли?

- Да ходят, понимаешь, с расстегнутой ширинкой. Как ты, например!

Качинский глянул вниз и ужаснулся.

Словом, несмотря на войну никто не бедствовал. Доктор Булочкин штопал бандитов. Александр Федорович на Химзаводе организовал выплавку бюстов видных авторитетов. Сам Качинский был на подхвате, несмотря на горб и отсутствие пальцев на ногах копал могилы, что выросли по всем ближайшим сопкам. Некоторые памятники вообще приблизились вплотную к родовому гнезду поэта. Впрочем, Качинский не боялся спать среди кладбища. Любимая жена Марьям жила на верхнем этаже небоскреба, принадлежащего Алтайско-Тувинскому банку. На крыше небоскреба стояла зенитная установка, возле которой играли дети банкиров. Зенитки часто гремели, громкое радио объявляло воздушную тревогу, но дети не спешили в бомбоубежище. А, напротив, отстреливались от стратегических бомбардировщиков, которые президент Сусанин присылал на вольный город. Детей у Качинских оказалось двое или трое – Качинский разучился считать.

Вообще-то детей было столько, сколько пальцев на правой руке, причем два пальца были сильно укорочены. Качинский не помнил, где укоротились пальцы – в Чечне или Афгане, но и дети были тоже укорочены. Качинский гладил неровные детские головки с явными следами хирургического вмешательства. Специальным инструментом хирурги разбивают головки, чтобы достать новорожденных при криминальном аборте. С трудом, но Качинский вспомнил, что таких абортотворцев было два. Матери – садистки убивают своих детей во чреве, чтобы затем извлечь и бросить собакам как куски мяса.

Качинский играл с детьми и подсчитывал: этот Вася был убит матерью Люсей двадцать лет назад, этот Санька разъят на части Дашенькой, первой любовью Качинского тоже совсем недавно каких-то тридцать лет назад... Но сказать по правде хорошие мальчики растут! А вот эти трое откуда взялись?!

- Откуда детишки? – спрашивал Качинский, вдоволь наигравшись с сыновьями.

- Так тебя два года не было! Хочешь - не хочешь, заведешь, пока всех врачей обойдешь – отвечала Марьям – Своего здоровья нет, пришлось у других занимать.

Туманно было и происхождение и великолепного "Мерседеса", на котором Марьям ездила на работу. Правда, банк находился на первом этаже небоскреба, где и жили Качинские. Но ведь не спросишь у женщины, куда она уезжает в семь утра и возвращается в десять вечера. Причем "Мерседес" часто возвращался с пробоинами в лакированном кузове. У всех такая работа! Нормальный рабочий день банковского клерка, который делает карьеру. Возвращалась Марьям настолько уставшей, что никак не реагировала ни на ласки, ни на пытки, и падала с ног часто поперек королевской кровати. Сам же Качинский не мог заснуть из-за воплей младенцев протестующих против искусственного молока и отсутствия материнской груди.

Как уже было сказано Качинский колымил на кладбище, хотя работать был не обязан. Два мощных холодильника "Стинол" до отказа были забиты импортной едой, и порой, покинуть квартиру было проблемно. Лифты часто отключались из-за большой задолженности по электричеству. И только бла-

годаря тому, что в подвале стоял собственный генератор, работающий от ветряной мельницы, установленной на крыше, можно было не бояться за отопление и свет. Похоронив очередного братка и установив памятник в полный рост, Качинский тут же получал свои сто долларов и шел в пивную на улицу Мира, которая исправно работала, несмотря на постоянную смену власти.

- Как здоровье, Юрий Николаевич? – спрашивал его старинный дружок Александр Федорович, с которым они только что отлили и установили памятник покровскому братку Шуре.

- Пошаливает, – отвечал, хитро щурясь, поэт Качинский. – На одну залезу – нормально, на другую – уже за сердце хватает.

- При твоём-то возрасте я бы умерил прыть, – в тон отвечал Александр Федорович, выпивая шестую кружечку отличного пива.

- Да ты о чем, дорогой товарищ?

- О девушках.

- А я все о пивных бочках, на которых мы с тобой сидим.

На соседних бочках сидели Борис и Алла Кокаревы с детьми. У Кокаревых все тоже: Борис поет, а Алла достает только теперь уже в Турции. Борис играет с детьми, дети играют с собакой – в шахматы, счет пять шесть в пользу телезрителей.

- Умная собачка, – гладит Качинский овчарку.

- Кто это умная? – говорит Борис. – Да, собака короля от ферзя отличить не может.

- Как же она выигрывает?

- Да мы после каждого хода доску переворачиваем.

- А, знаешь, – чистосердечно признался Качинский. – Я тоже ферзя от королевы отличить не могу.

- Чего проще то?! Ферзь – мужчина, Королева – женщина.

- А фигура то одна и та же. Прямо фантазмагория какая-то.

На глазах родителей сын Вовочка выпил таблетку, закусил витаминкой, затем закурил. И вдруг изо рта огонь как у фокусника. Оказалось, таблетка то из сухого спирта, а витаминка из спрессованного пороха – этого добра сейчас много на улицах валяется.

- Ну, что же ты с дитём делаешь? – говорит Алла, гася детское пламя крепким пивом. Другой бы отец гранатом угостил, а ты порохом норовишь накормить младенца. Нет в тебе авторитета, убьют - без памятника похороним.

- Я вам закопаю, – отвечал Борис, отбирая у сына автомат совсем не игрушечный. – Вот он мой авторитет.

- Наконец-то муженек стал выздоравливать – обрадовалась Алла – Еще вчера рубли наши деревянные ел, а сегодня долларами закусывает.

- Нет, мать, напротив всякие галлюцинации. Стоит глаза открыть и оглянуться через плечо, как передо мной возникает покойный Качинский как живой.

- Да, это я и есть, Борис – обнял друга поэт – Я не мираж, а мечта женщины.

- А тебе, что женщины снятся? – испугался Борис.

- А ты думаешь, от этого дети будут? У меня пальцев на руках не хватает сосчитать деток.

Встречу продолжили на квартире Качинского. В отсутствие родителей дети печатали на разбитой трофейной "Эрике" продолжение романа века, начатого отцом. Пока один долбил по клавиатуре, третий ползал по ковру и съедал свинцовые буквы, что из-за давности лет вылетали из машинки.

- Не могу понять, откуда дети берутся? – жаловался соседу Качинский. – Вроде всего два года отсутствовал, а детей полный кулак!

- Да приносят их, только не аисты, а соседские женщины, которые не могут прокормить деток. Я вот на гастролях в Италии был, потом стажировался в Гранд – Опера. За это время троих принесли – дескать, плоды юношеской любви! Дескать, я по молодости охмурил троих девушек!

- Правда, что ли?! С виду нормальный мужик!

- Всех собрали! И убиенных во чреве и брошенных в детские дома – нынешняя медицина чудеса творит! Уже двадцать лет прошло, но откопали могилку младенца и клонировали! А куда деваться – не бросишь! Вот и кормлю их в перемешку с игрой в шахматы. Час кормлю, час играю, а всего их у меня уже с десятков – надо восстанавливать Россию!

- Логично! Логично! – соглашался Качинский – Надо восстанавливать!

Вдрызг разбив машинку, юные деточки Качинского пересаживались к компьютерам. Когда ПК зависали, деточки перелезали в гардероб с крутыми шубами из Греции, и скоро дефилировали в брючных костюмах от Зайцева. А Вовочка и вовсе перелез в бальное платье.

Разбирать гардероб детям помогала тетя Алла и тоже примеривала платья в афро стиле с разнузданными цветами и раскрепощенными фасонами. Скоро все ковры завалила парча, тканная золотом, и полупрозрачный струящийся шелк.

"Шейте платья из ситца.

Все это должно носиться.

И раз, два, три. Раз, два, три".

Качинский иногда очухивался, бессмысленно смотрел на Бориса, играющего с ним в золотые шахматы с бриллиантовой короной. Отпивал мексиканскую самогонку из кактуса и вновь погружался в кайф – сказка, да и только. Кокаревы тоже в изумлении разглядывали царские покои на тридцатом этаже и все не могли взять в толк, где и кого ограбил Качинский, которого было в пору и самого грабить.

А вот глубоким вечером явилась и сама несравненная Марьям, благоухающая арабскими благовониями, изящная как "Элегия" Маснэ и распускающая волны эротизма, на которые как бабочки на свет, слетались крепкие мены в малиновых пиджаках с желтыми цепями. Марьям демонстрировала бывшей соседке весь шик и роскошь, господствующий на светских приемах, где торжествовали деньги и власть, власть и деньги.

Нет, у Качинского тоже был свой гардероб приталенных сюртуков из дорогих материалов и дорогих рубашек с бабочками. Несколько раз Качинский приглашался на такие выставки драгоценностей и дорогой одежды, но поэт напрасно смущался – его никто не замечал. Все принимали его за отца или дядю Марьям. В глазах высоколобного бомонда, приватизировавшего заводы и парткомы, на которых сидели бывшие директора и секретари, стоял один вопрос, где достала бывший библиотекарь первоначальный капитал, с которым она вошла в совет директоров Алтайско-Тувинского банка. Ходили слухи, что президент Сусанин, когда-то останавливался на дворе поэта Качинского. Но мало ли с кем кто пьет. Говорили также, что сама тетушка Пу была равнодушна к поэту. Но мало ли, кто с кем спит.

Тайну семейного благополучия знала одна Марьям, но она и мужу не сказала бы, что основой капитала и благополучия стал чемоданчик с долларами, который посеял пьяный художник Курвиц. Теперь, предложи Курвиц вернуть долг, Марьям, не моргнув глазом, отдала бы чемоданчик – за два года капитал многократно увеличился. И Марьям спокойно могла владеть всем Алтайско-Тувинским банком, пожелай председатель совета директоров известный олигарх Березинский, сделать намек на сближение. Может, Марьям и допустила бы сближение, но по своему сценарию. Впрочем, это на крайний случай, когда, к примеру, тридцати этажный небоскреб после финансо трясения скосбочился бы на бок подобно Пизанской башне. Тогда бы Марьям и разрешила олигарху, подобно Атланту, удерживать падающую женщину.

Но олигарх сам вспомнил об Алтайско-Тувинском банке, который вдруг пожелала купить дочь президента Ивана Сусанина. И вот весь актив банка был приглашен в Кремлевский дворец на концерт Аллы Борисовны. После концерта поэт Качинский пил наравне с президентом и даже на брудершафт с его дочерью Валентиной Ивановной.

Именно на приеме в Кремле и состоялся прием Качинского в Союз Писарчуков России. Дабы уравновесить и успокоить правление Союза писарчуков вместе с Качинским приняли многих молодых пиитов, в том числе и Дениса. Трудно передать удивление и радость молодых писарчуков, многие из которых изрядно поседали, когда Качинский привез из Москвы членские билеты. По такому случаю в правлении местного отделения СП собралось множество людей, пропитанных лирикой и прозой. Словом, одиннадцать граждан России одномоментно без всякой борьбы и крови были оповещены об исключительном событии в истории богатой русской литературы – сразу одиннадцать Атлантов стали по периметру храма искусства.

А тут случились выборы президента, и Иван Сусанин самолично прибыл в родной Красноярск, где на большом стадионе, на острове Отдыха посреди враждующих банд формирований лично сплясал рок-н-ролл под огромным до небес лозунгом "Голосуй или проиграешь!". Красноярск, конечно, проголосовал за любимого президента, который разрешает пить, сколько хошь и давить врага как вошь. А врага мог занять каждый, кто мог купить автомат. А главное был молодцу не укор, каждый мог начать жизнь с чистого лица. Даже, если перед этим разорвал в клочья немало чужих жизней. А

еще главное, что все правила отменяются и можно ехать по встречной полосе, если ты, конечно, на танке. Именно это и есть заповедь дикого рынка, ибо никакой другой в России существовать не может.

Союз Писарчуков, обновленный на четверть, тоже сделал выбор в пользу рынка дикого, когда все давят друг друга и прав тот, кто уцелел. Правда, одна Жанна Зырянова не успела сделать выбор. Не дождалась, когда ее задавят, сама ушла. Но, нет сомнения, что выбрала именно дикий, по которому можно кататься на танке или на тракторе Т-150, колеса тоже удобные давить.

И вот благословенный Союзом писарчуков президент Сусанин-Водкин принялся строить капитализм с помощью отборных матерков – именно мат всегда на России заменял гонорар и зарплату. В итоге много хитрых и сытных людей закрутились в спираль, и состряпали рынок – лабиринт, из которого, если и выход был, то только на тот свет.

Пьяная Россия выбрала пьяного президента, и два алкаша двинулись через бурелом по кустам, поддерживая друг друга. Из многих карманов подобно мусору сыпались нефтедоллары – ценности, не имеющие ценности. Разные сомнительные личности подваливали к пьяной парочке, всячески как лиса, расхваливая ворону с сыром. С особым восторгом пьяная Россия обнималась с аргентинцем Доминго Ковало, воров карманником, пропагандирующим неолиберальную модель перестройки экономики. Пока пьянюшенький президент Сусанин будет руководить Берлинским оркестром, Ковало ловко сунет ему в карман похоронные расчеты, по которым через пятилетку Аргентина будет положена в гроб с надписью "экономическое чудо"...

Качинский, самый богатый из всех российских пиитов, будет набивать карманы долларами, изъятыми у дорогой женушки, и гулять страшными ночами среди египетской тьмы, угощая бомжей и поэтов золотом своих стихов. Пииты ходили центральной улицей. Вместо птичек над головами пели шальные пули, да изредка как совы ухали гранаты во дворах новых русских, особенно вороватых и жадных.

Вокруг шли криминальные разборки. Пацаны, сделав пальцы веером, выкалывали друг другу глаза, и любили необыкновенно красивых женщин, затаскивая их за волосы в канализационные люки. Словом, весь ночной Красноярск в полной темноте, отключенный за долги бывшим продавцом цветов, только и занимался тем, что производил странные телодвижения. Многим это не нравилось, да только никто не спрашивал разрешения. Пришла свобода, и каждый был свободен сделать выбор палача или жертвы.

Стояла египетская тьма, шел странный дождь, соленый на вкус. Многие то и дело запинаясь о чьи-то тела, а в глазах великих поэтов Дениса Заречного и Качинского стояли постельные сцены с необыкновенными женщинами. Сцены обретали рифму, у каждой своя, согласно конституции плоти и темперамента души. Но приговоренные к любви поэты, беспечные граждане, шлялись от кабака к кабаку, что прятались в изысканных бомбоубежищах. Разве могли коммунисты дать поэтам подобный сон наяву, что подобно картинам Гогена постоянно возникал из небытия. Денис и Юрий Качинский то

проваливались в подземные гаражи с зеленым воздухом и красными лучами дискотек, где купчихи Кустодиева и натурщицы Ренуара плавали в турецких банях Энгра, предлагая себя за мизерную сумму в двести долларов. Замужние женщины в прозрачных халатах, сотканных из воздуха, совсем юные обнаженные музы, спустившиеся с Олимпа, брали за руку и вели в рай, где за тюлевыми занавесками на панцирных кроватях с детскими матрасами, поэты читали своим любимым стихи о лучшем в мире городе...

ГЛАВА 42

В огромном кабинете председателя совета директоров Алтайско-Тувинского банка (АТБ) в стеклянном гробу стояло красное знамя. Красное знамя раньше стояло в кабинете председателя облисполкома товарища Триван. На это знамя товарищ Триван последовательно вешал три медали Трудового отличия и три ордена Трудового Красного Знамени. В 93 году товарищ Триван стал господином, а красное знамя со своими орденами и медалями удачно обменял на вступительный пай уставного капитала Алтайско-Тувинского банка, в котором не было ни одного аборигена.

Сегодня господин Триван, положив большой живот на дубовую столешницу, изучал резюме госпожи Качинской. Сама Марьям в свою очередь изучала набережную Енисея с Оперным театром и высотными зданиями. За стеклом на обширном балконе в больших горшках стоял маленький лес – малятки сосны и карликовые тундровые березки.хлопот с образцами бонсая, японского искусства карликовых деревьев, хватало как на заповедник, но, к сожалению, мини деревья держались всего полгода.

Господин Триван читал заново знакомое резюме: "Леди-пресса", победительница "А ну-ка девушки" и два высших образования, большой стартовый капитал... Господин Триван кашлянул, затем перешел к чтению другого резюме, составленного на семью Качинских агентом безопасности АТБ господином Сергеем Резником. В докладной записке Резник сообщал о тайне происхождения стартового капитала и высоком покровителе поэта Качинского. К докладной записке была приложена копия средневекового манускрипта Филиппа Дьедонье Ноэля Оливатиуса.

"Россия произведет на свет сверхъестественное существо. Этот человек усвоит русский язык, который ему не родной, до полного совершенства. Он будет провозглашен императором и возродит заново русский народ, которому он принадлежит не кровью, но духом. Русский народ станет приветствовать его с великим энтузиазмом и присвоит ему звание Генералиссимуса. Бороться с этим сверхсуществом совершенно невозможно, поскольку это существо ловко избегает опасности, будучи предупреждено непонятным образом. Сверхсущество состоит из двух самостоятельных половинок, одна из которых "Поэт", другая "Алхимик". Сила Алхимика такова, что может уничтожить на расстоянии неприятельский фрегат, если фрегат нападает на Поэта.

Сверхсущество, придя во власть, организует общество, и будет создавать великие проекты в форме необычных зданий, поднебесных мостов и водостоков".

Господин Триван закончил чтение и закрыл глаза – о, если бы в этой сказке был бы хоть один процент правды! Слепой видит – Россия гибнет. Диктатура совести сменилась диктатурой воров в законе. Один из воров в законе по кличке Япончик и есть истинный владелец АТБ. Двести лет Япончик держал мазу, сидя на шконке, а теперь вот сел на шею председателя Тривана и качает большие деньги, ничего не оставляя самому банкиру. Конечно, господин Триван путешествует по всему свету. Ну, и при коммунистах товарищ Триван, будучи всего лишь вторым секретарем Закаменского РК партии, в качестве туриста посетил Индию, а уж став председателем горисполкома не вылезал из США, попутно отдыхая на всех известных курортах. И даже посещал в Израиле еврейскую коммуну – кибуц, совершенную копию советского колхоза. Только у них и дети были общие, а может даже и жены. Товарищу Тривану подарили кипу, по-русски ермолку, и круглая шапочка до сих пор прочно сидит на голове теперь уже господина Тривана. Кстати гербом АТБ является Менор – золотой семи свечник, государственный герб Израиля. Впрочем, это ни о чем не говорит, и, если случится переворот господин Триван вновь развернет красное знамя и придет с ним к новой власти, поскольку душой он, безусловно, коммунист. Лучше работать на государство чем на воров в законе. Недавно господин Триван, испытывая ностальгию, заглянул в цеха ПО "Восток", и в ужасе схватился за голову. Цеха были совершенно пусты как после атомной войны. Даже стальные рельсы были выдраны из бетонных полов и сданы как цветной металл...

Господин Триван стряхнул с глаз жуткое видение и обратился к госпоже Качинской:

- Марьям, вы давно знакомы со своим мужем?
- Больше десяти лет, а поженились три года назад. А, что, есть симптомы?
- Тревожные, Марьям, симптомы. Читаю всякий бред, и почему-то мне он кажется разумным.
- Отдайте бред жене. Пусть читает и переводит на женский язык.
- К сожалению, она скончалась.
- Кто, жена?!
- Рукопись Филиппа. Осталась копия, незаверенная нотариусом. О каком-то Мастере необыкновенного темперамента. Кстати, ваш муж темпераментный мужчина? Простите, я что-то не так сказал!
- Мой муж живой как мужчина, но как муж умер.
- Моя жена тоже концертный рояль, но уже без клавиш.
- Внешне рояль не плохо выглядит, большой и лакированный. Считаю, в нашем банке нет лучшего инструмента.
- О, передам жене ваши комплименты! Но, мои сотрудники мою Лилю иначе как молотом не называют. Я естественно – наковальня. Дескать, упал

молот на наковальню. Дескать, ей место не в банке, а на БАМе! Кстати, где сейчас Герой соцтруда Берлинский?

Марьям закрыла лицо руками и разрыдалась:

- Вы сделали мне больно! Берлинский сломал во мне женщину, сломал на всю жизнь. Я уже не мать, дети нездоровы и с мужем мы живем как брат с сестрой.

- Простите! – господин Триван закурил сигару. – Мы с женой тоже духовные. Спим в разных спальнях. Всю энергию отдаю АТБ, да своему животу. Сам я видите, уже на девятом месяце – скоро новый банк родится, дочернее отделение. Хотите стать приемной родительницей?!

- Необычное предложение. Не научена принимать роды у мужчины. Не мастерица я.

- Зато ваш муж мастер!

- Ой, что вы. Гвоздь вбить не умеет. Зато друг Слава, тот Мастер. Так и зовут Мастер!

- Что? Как?

- Мастер. Все умеет, все знает. Пришел однажды с дрелью, за пять минут дырки просверлил по всей квартире – Юрий Николаевич в это время где-то в Чечне пропал.

- Есть новое предложение! Отдать новорожденную Мастеру! Пусть сверлит дырки. Помните зицпредседателя Фунта в "Золотом теленке", который сидел при Александре-втором "Освободителе", при Сталине "Отце народов", при Сусанине "Отце русской демократии"?!

- Ой, жалко человека! За что же Славку то Морозова, ведь он ни в чем не виноват!

- Мне сказали, Мастер – честный сумасшедший! Лучшего кандидата не найти. Еще сказали, что он колдун – может видеть будущее...

Действительно, городской сумасшедший Мастер умел предвидеть будущее.

Два поэта Качинский и Денис, простившись с экспрессом "Египетская ночь" на станции Утро вернулись на Родину, на родную сторонку, на мягкую соломку, где сосуды тают как свечи, а ветер в карманах визжит поросенком. Небо что синь плат, а солнце – князь Земли с улыбкой провожает друзей вдоль зеркальных витрин магазинов с вывесками на импортных языках. Всюду цветные рекламы, на которых ковбои, оседлавшие золотых тельцов, на всем скаку предлагают очумевшему обывателю "Бренди". Но стоит попробовать бодягу, как тотчас горб на спине Качинского начинает расти пропорционально поглощению. У Качинского рос горб, а у Дениса Заречного глаза становились грустными как у раннего Никулина из кинофильма "Когда деревья были большими". Денис гладил горб и спрашивал: "Что это?" "Грехи" - отвечал Качинский. "Я так и думал, что это стихи" - говорил Денис, думая, что на деле Качинский прячет в горбу доллары, которыми сорила его жена. Не раз, придя в гости к Качинскому, Денис находил у двери зеленые бумажки, смятые как пипифахсы после употребления.

Денис грустил при коммунистах, грустно было жить с тремя детьми и при демократах. Жена приходила в издательство и забирала всю получку, не оставляя на пиво ни цента. А вокруг столько пива всевозможного вкуса. Пиву даже война не помеха. Глядишь, шальная пуля наискось прошла большую рекламную бутылку с Остапом Бендером в полный рост. И рекламный Остап Бендер, расстегнув ширинку, лил пиво в шляпы, угодливо подставленные прохожими алкашами.

Пиво всюду, и даже великий художник Макаров развешал на рекламных щитах лучшие картины, где лучшие друзья и подруги предлагали пиво на выбор, а братки на "Мерседесах" ехали как на выставке и скупали, что нравилось. На вырученные доллары Макаров в Покровке построил коттедж с множеством амбразур. Жена и сыновья с пулеметами в руках держали круговую оборону, а сам мастер творил под их надежной защитой. Художник развил невероятную плодовитость, и множество безработных ходило по улице Мира с его картинами на груди. Среди них ходил председатель Голубев со своей женой Поль Гете, а может это был муж. Поль Гете была широка в плечах и носила косу до пят. Шведская семья носила на груди картины Макарова с мудрыми названиями "Интеллигентная семья познакомится с девушкой с физическими недостатками". На другой картине, что висела на спине, была такая же разъяснительная подпись "Сватовство горбатого майора". Увидев Качинского, бывший председатель пожаловался: "Запрет на профессию!" На какую профессию, Голубев не разъяснил.

Навстречу Качинскому резко свернул мужчина в телогрейке и сапогах.

- Ты совсем не помнишь меня. Мы с тобой учились в первой школе. Ты сидел с Васей Суриковым на одной парте – мужчина обнял Качинского и заплакал. – Ты узнал меня. Я твоя Слава.

- Я помню вас, – солгал Качинский в упор, не узнавая Мастера, с которым он не виделся много лет.

Мастер сильно похудел, и короткая бородка казалась приклеенной на интеллигентном лице. Качинский и сам немало настрадался в Чечне, но Мастер постарел по сравнению с ним вдвое. Мастер совершенно поседел и выглядел как дед Мороз, вернувшийся из заключения.

Мастер как бывший летчик имел неплохую пенсию, но друзей у городского сумасшедшего было больше чем денег. В итоге мастер заболел туберкулезом, лечился в диспансере, но по настоящему его лечила Богородица, у которой он работал, восстанавливая храм ее имени на углу улиц Сурикова и Мира. Мастер совместно с такими же алкашами и сумасшедшими восстанавливал старинные фрески, стоя на высоких лесах. Именно за этот труд Богородица и излечивала не только Мастера, но и всех болящих, проходящих к ней. Богородица даже совершала малые чудеса, превращая бодягу, купленную в подпольном шинке в качественную водку "Смирнофф". Смирнофка улучшала зрение и слух. Мастер видел будущее, а поэт Качинский слышал голоса с неба.

- Десять рублей! Мне нужно десять рублей! – кричал из-под самого купола храма поэт Ваня-казачок, только что принятый вместе с Качинским в

Союз Писарчуков. – Мы моментами были приятелями. Ты думал – я хуже. Черный человек, а черный, дай десятку долларов.

Качинский пошарил в карманах, нашел ассигнацию в сотню долларов и сделал из нее голубок. Затем пустил этот голубок ввысь, и зеленый голубок по спирали поднялся и лег прямо в руки Ванечки.

- Стой! – крикнул снизу Мастер. – погоди дружок, не падай!

Мастер скинул фуфайку, затем, несмотря на холод, снял тельняшку и сполоснул ее под краном. Ваня-казачок нагнулся за голубком из долларовой сотенки, поскользнулся и упал из-под купола на бетон. Следом слетел голубок и лег на разбитую голову Ванечки.

- Убился, убился! – кричали алкаши, торопливо спускаясь с лесов.

Мастер накрыл мертвого Ваню чистой тельняшкой.

- Богородица знак дала, успел постирать.

- Нет, пусть живет мой друг! – сказал бард Шепилов, спускаясь вместе со всеми по шатким лестницам.

Николай-Чудотворец вошел в царские врата, куда смертному ходу нет, взял святую воду и полил Ваню. Тотчас кровь перестала течь, но Ваня еще был ни жив, ни мертв. Тогда стала мироточить икона Богородицы, и капли жидкости, пахнувшей ладаном, упали на Ванечку. Ваня встал без единой царапины, но все еще с закрытыми глазами. Ваня на вид был совершенно цел, только полностью облысел. Пока Ваня падал из-под купола, волосы осыпались как после облучения.

Ваню обмыли и дали понюхать бодягу на святой воде. Ваня выпил, и его ноги сами пошли, хотя глаза были по-прежнему закрыты. Мастер и Коля Шепилов взяли Ваню с двух сторон, и повели в ресторан "Енисей", где гуляла широкая масленица. Доллар был приравнен к шести рублям и на зеленую сотню ели уху и расстегаи. Затем блины с припеком. За ними заливное, опять блины уже с двойным припеком. За ними осетрина паровая и опять блины, но уже с подпеком. Навага с грибочками, политыми грибной сметаной. Разумеется, ни в одном доме столы не ломались от подобной снеди. Старички и старушки питались сухарями, но за доллары масленица сияла заново, правда только в ресторане. Поэты поглощали блины и готовились к великому посту покаяния и подвига постничества. Правда, большинство россиян внимательно заглядывало ни к себе в душу, а в телеэкраны, где первые воры России обжирались за счет православных людей, покорно несущих службы в храмах и читающих покаянные молитвы святого Ефрема Сирина "Господи и Владыко живота моего". Воры ели блины с икрой и со смешком вспоминали грехопадение Адама и Евы, происшедшее из-за невоздержания. А большинство русского народа в последнее воскресение масленицы, названное "Прощеным", прощали друзьям и семье грехи, и совершали в храмах чин прощения за вольные и невольные обиды и грехи свои и власти имущей. В этот день воры и простые обыватели складывали как бы в копилку свои грехи, но у воров все монеты золотые, а у мирян все медные да мелкие...

На Великий пост собрались у Николая Шепилова. В крохотной комнатке из мебели был лишь детский матрасик да натюрморт Макарова. На-

тюрморт изображал бокал белого вина, в котором плавала подробно выписанная луна с кратерами, да еще на гвоздиках висели художественно вышитые платки молодой художницы, нынешней жены Николая. В углу висела икона Божьей матери с ликом первой жены барда. Все гости молча перекрестились перед иконой.

Качинский с грустью оглядел комнатушку Николая. За все двадцать лет ничего не добавилось и не убавилось.

Ну, да Николай не страдал, и только басовитым шмелем гудел под аккомпонимент шести струнной гитары.

- На кровать наплевать -
Было б что целовать!

Шепилову наплевать, а вот гостям не на чем сидеть, и всей компанией двинулись в ближайший комиссионный магазин, непременно скинуться на кресло одно на всех. Но, увы. За то время пока Качинский черт знает, где пропадал, реформы таки дошли до Красноярска, и все дешевенькие магазины враз обратились в музеи с великолепными западными товарами и соответственно заоблачными ценами. Можно часами ходить, глядеть, не наглядеться на все эти мраморные унитазаы с золотыми ручками и домашними водопадами из нефрита, но купить благолепье не по силам и банкирше Марьям.

И только в дальнем углу как осколок советской торговли продавец рекламировала товар и себя, сидя в глубоком кресле и выставив на продажу стройные ножки. Киса по имени Валя не сводила глаз с Качинского как с потенциального покупателя. А тот в свою очередь кружил вокруг Валентины Петровны, надеясь увести девушку куда-нибудь бесплатно. Но, к сожалению, жили они в разных параллельных мирах, и встреча на территории данного романа у них так и не состоялась. Должно быть, у них все позади или все впереди на страницах другого не менее состоятельного произведения. Автор надеется, что Валечка и Юрий Николаевич непременно встретятся в произведении, посвященном любви необычной, хрустально чистой как водопад.

Кресло торжественно внесли в комнату молодоженов, и отныне в кресле спали незваные гости, в то время как молодая семья продолжала медовый месяц на полу на детском матрасике, накрываясь кружевными платками. Впрочем, молодость вещь условная, Шепилов уже в группе риска с язвой желудка, но главное, что у молодых совпадала группа души.

А вот у Качинских группы крови в последнее время стали стремительно расходиться, и супруги спали не то чтобы в разных комнатах, а вообще в разных домах. У Качинского была первая универсальная группа крови, и почетный донор готов был поделиться со всеми женщинами, но Бог строг, и крещен ты, не крещен, а пост соблюдай.

Но, слава Богу, пришла Пасха. И однажды в кресле, где в гостях у Шепилова обычно возлегал Качинский, обнаружили юношу, одетого в блистающие одежды. Это был Ангел, возвестивший о воскрешении Христа.

Иисус Христос не раз до своей крестной смерти говорил ученикам о своем воскресении. И вот Христос является своим ученикам неоднократно по воскрешению из мертвых: Луке и Клеопе в Эммаусе, апостолу Николаю в

Красноярске. И, если в Великий пост из конурки Шепилова лились божественные песнопения "На реках Енисейских", то отныне денно и ночью слухом овладевали песнопения «На горе Покровской». Именно на Покровке, как на земле Святой, обосновался ныне вернувшийся Святой Николай.

Накануне Светлого Воскресения Ангел, явившись в чертоги Шепилова, сменил синюю великопостную лампаду у образа Богоматери с ликом Веры на красную пасхальную. Всем общежитием пекли куличи и делали особые сырые творожные пасхи, красили яйца, а заодно и лысины мужей. В двенадцать ночи шли встречать воскресшего Христа и святить куличи. После заутрени христосовались друг с другом, троекратно целуясь и обмениваясь пасхальными яйцами. Затем дружно разговлялись в холле общежития за богато накрытыми столами.

Торжества продолжались целую неделю, называемую красной. Впрочем, у богемы красным был весь год. Вместе с воскрешением Христа возродилась и Демократия, а вместе с ней и веротерпение. Вокруг православного храма восставали иные. В двухэтажной деревянной мечети на улице Фрунзе один сварщик Рудик Набиулин бил поклоны Аллаху в послеобеденном Намазе. Все заводы закрылись, и ныне Набиулин варил железные двери и фигурные решетки на окнах. В иудейской синагоге председатель совета директоров АТБ господин Триван привел сына на обряд совершеннолетия для мальчиков. Бар-мицва совершался в первую субботу после тринадцати лет. Соломона Тривана впервые вызвали к чтению Торы. К сожалению, количества мальчиков тринадцати лет не хватало для кворума коллективной молитвы – большинство евреев Красноярска вели своих детей в первую очередь в католический костел, который воздвигли ссыльные поляки еще в прошлом веке.

После избрания Сусанина на второй срок демократия обрела полный размах. И вот уже напротив православного храма прямо через дорогу открылась церковь Сатаны! Внутри церкви на кресте распят крылатый дракон Аль Христос, копия Змея-Горыныча, три головы которого представляли адову троицу: Сатана, Антихрист, Лжепророк. Между христовой дружиной православного храма Богородицы и сатанистами происходили нешуточные сражения, что тоже было в духе демократии – каждый отстаивал свою свободу.

Кинотеатр "Совкино" переделали под Соломонов храм, где денно и ночью молились его бедные рыцари с мечами отнюдь не бутафорскими. На сцене, где прежде был экран, тамплиеры поклонялись Бамофету – черному козлу с трехликой человеческой головой. Наиболее резвыми рыцарями Соломонова храма были идеолух Резник, одноногий повестушник Валера Черный и бывший председатель Голубев.

Идеолух Резник надел маску Бузора – инкуба, переселяющегося из века в век, из одной оболочки в другую. Ныне идеолух Резник вошел в личину Нестора, недавно убитого и похороненного с большим размахом на старинном центральном кладбище. После похорон Резник – Нестор пришел к покровским авторитетам и на сходке объявил себя вором в законе. Прежний Нестор был мужчина грубого характера и сложения, а нынешний Резник –

Бузор был с виду свой парень, готовый снять последнюю рубашку. Если драконоид Бузор был центральным ликом Бамофета, то демоны Трезор и Азазель глядели в стороны, как бы обозревая тылы справа и слева. Лик демона Трезора взял себе повестушник Валера Черный, что каждый раз показывал клыки своим апонентам. "Мы продолжим реформы" - загробным голосом обещал Валера Черный, размахивая акциями МММ. Тем самым Валера давал знать, что данный банк скоро сольется с банком АТБ, где он имел десять процентов капитала. Другой демон Азазель обрел лик бывшего председателя Голубева, что в свою очередь активно скупал акции "Нефть-алмаз-инвест". Тройка демонов постепенно захватывала влияние в совете директоров АТБ и попутно скупала акции других крупных банков. Нестор Резник руководил охраной АТБ, а следственно руководил и председателем совета директоров господином Триваном.

Богема мало понимала в устройстве многих банков, как грибы расплодившихся в Красноярске, и готова была ноги мыть и воду пить новым русским, несущим на плечах крышу бывшей великой державы. Богему не интересовало, что крыша была криминальной, что банки сплошь демонические. Лишь бы в каждом ресторанчике да магазинчике наливали халяву. И вообще времена круто изменились. Вчера вокруг редких магазинов насмерть бились мужики, как на войне, отрывая друг другу голову, а водка считалась ценной валютой, за которую можно было купить любой продукт, в том числе и любовь. Сегодня любовь можно было купить только за доллар, а доллар ходил не по одному, а пачками, так что редко кто его видел. Но зато было много пива с особыми пробками, скачущими день и ночь. Если исхитриться и поймать пробку, то на ней увидишь колесо, на другой пробке руль, на третьей надпись Цой. Из всех пробок можно сложить игрушечный автомобиль марки "Виктор". И вообще жизнь пошла малина. Из рук в руки переходили жуткие суммы и в руки поэтов иногда падали от самого потолка, кружась и играя цветные зеленые бумажки. На одну бумажку можно было цедить через соломинку вкусную бодягу целый месяц. Словом, пришел долгожданный коммунизм, обещанный Хрущевым еще двадцать лет назад.

ГЛАВА 43

Лет десять назад дорога в библиотеку, где работала Марьям, шла мимо пивного ресторана. Вокруг пива, что дороже золота, завивалась очередь, раскаленная как спираль электроплитки. Попасть в пивной бар было труднее, чем в Кремль, и мужики брали пиво штурмом, как советские войска фашисткий Берлин. Марьям с той же решимостью пробивалась через пивное войско, броском преодолевая кучкующийся народ, как спирали Бруно. Оборона противника больно цеплялась и отщипывала кусочки мягкой плоти, заедая ей окаянное пиво...

И надо же, много лет спустя в бывшей библиотеке стараниями бывшего идеолуха Резника открылся филиал АТБ. И вновь Марьям дефилировала

мимо пивбара, что уцелел, несмотря на все перестройки, а вот библиотека погибла. Марьям сделала вывод, что у русских мужиков мозги атрофировались, а мочевого пузыря напротив окреп. Целыми сутками под зонтами с рекламой кока-колы сидели одни и те же типы, ни в ком случае, не желая оторвать тяжелый зад от пластмассовых сидений – может, у них там шланги прямо в водостоки сброшены? Марьям уже знала всех в лицо, и мордастые парни, приветствуя ее, вставляли с пенистой кружкой в руке, делая легкий поклон головой. И ведь ни один из них не ущипнет за грудь, не хлопнет по попе – заелись! Кругом столько порнухи и проституток, что тестостерон перестал вырабатываться.

За что любит кролик морковку? За цвет и форму! Но, если морковки много, то кролик отдыхает, закрыв глаза. Начальник охраны Резник рассказал, подсев на банкете, как однажды вызвал по сотовому двух студенток. Те выпили с ним, взяв под руки с двух сторон, посадили в такси, привезли куда-то и напоили клофелином. Взяли всю зарплату в долларах и пропали. Теперь Резник поумнел, кладет валюту на счет.

Словом, нынешний мужчина, ничем себя не утруждая, получает удовольствие без всякого напряжения. Спрашивается, зачем ему жениться, если есть проститутки? А с кем жить нормальной женщине? Тоже податься в проституцию?

И вдруг как привет из далекой юности, чья-то грубая лапа легла на грудь Марьям. Марьям без раздумья хлопнула по роже бомжа, затем, лишь оглянувшись, с трудом узнала Героя соцтруда Берлинского.

- Ты же, говорят, умер? – поразила Марьям, во все глаза, разглядывая бородатого медведя с красным лицом и темными глазами.

- Теперь буду долго жить, – отвечал Берлинский, поправляя штопаный пиджак с золотой звездой Героя.

Марьям поразила – не потерял, не пропил. Уже за одно это можно было пожалеть русского гиганта, поверженного в грязь. Долгие годы государство на таких людях везло огромный груз, не под силу другим народам, а затем бросило на дороге, как загнанного коня, забыв пристрелить, чтобы не мучался.

Марьям тотчас повела бывшего Героя в пивной ресторан, но охрана не пропустила бомжа. И тогда Марьям повела его в фирменный магазин "Богатырь", где передела его в сносный костюм, а хламиду бросила в мусорный ящик. Марьям вылила на Берлинского целый флакон французской воды. Велела ему купить цветы у бабушек, и затем они неспешно сели в ресторане "Енисей". Столиков было больше, чем клиентов, и Марьям это устраивало. Берлинский молчал, а Марьям думала: "зачем она сидит со своим насильником?" Едва она так подумала, как один из гладиолусов вдруг надломился и упал на стол, словно подрубленный. Марьям содрогнулась – плохой знак. Марьям было заметалась, думая непременно покинуть несчастный столик, затем мысленно сплонула и отдалась музыке и игре света. Оркестр играл "Старинные часы", в зеркалах отражались немолодые пары, одетые в ретро, и скоро Марьям стало хорошо. Молодую красивую женщину наперебой при-

глашали мужчины с жесткими глазами и спортивными прическами. Все они хорошо танцевали, хорошо говорили и предлагали хорошие деньги за хорошую ночь, совершенно при этом игнорируя сидящего за одним столом с ней Героя соцтруда. Спустя десять лет Золотая Звезда совершенно потеряла свою значимость, во всяком случае, в ресторанном мире, где жили крутые мены с жесткими глазами.

- Меня пригласили кататься всю ночь на "Мерседесе", - со смехом сказала Марьям, садясь в кресло и глядя в глаза вежливого мужчины.

Мужчина слегка скосил глаза на Берлинского, на бороду, давно не знавшую бритвы, на спутанные волосы, густо падающие на плечи, и спросил Марьям:

- Это ваш отец? Надеюсь, ваш папа не будет против нашего randevu? Мы его поместим в лучший номер, а завтра мы его посадим на поезд и отправим отца домой. Судя по загару, вы откуда-то с Дудинки?

- Я из зоны, корешок, – просто ответил Берлинский. – Вчера освобо-дился, а это моя мамка.

Спортивный мужчина молча вернулся в свою компанию, и компания несколько раз выразительно глянула в сторону Марьям.

- Маша – спрашивал по окончанию вечера Берлинский – Кто вы по национальности? Персиянка?

- Отец из Уфы, мама из Киева, а сама я чалдонка.

- А я испанец, – грустно сказал Берлинский, заглядывая в золотые глаза Марьям. – Маму эвакуировали перед самой войной из Испании, она до сих пор с акцентом говорит.

- Понятно, почему у дна Берлинского испанская грусть в глазах.

- Мать хочет вернуться на родину, – сказал Берлинский. – А я уже русский. Ума не приложу, как я буду жениться на испанке. Мама говорит, что была в Мадриде и отыскала свой дом с каменными коврами на фасаде и венецианскими окнами. И вроде бы испанское правительство готово вернуть частную собственность, даже документы какие-то нашлись.

- Ого, какой поворот, – сказала Марьям.

- Ты уж прости за грубость...

- ... Но иначе меня не остановить! – воскликнула Марьям. – Ты, где живешь-то?

- Где-то здесь, но, если всерьез, то есть квартира в Москве. Поехали, – пригласил Берлинский. – Я здесь только из-за тебя! Хожу по твоим следам, заглядываю в окна

- Это как?!

- В твоём небоскребе много всяких лестниц. Мало кто из жильцов подозревает о них, удобных для воров.

- Вот как! Воры на тридцатом этаже!

Марьям и Берлинский шли по улице Мира в темное время, когда улицу освещали редкие рекламы. Большинство магазинов по распоряжению мэрии отключались от электроэнергии. Время было позднее, но улица была полна людей, большей частью подозрительных. Иные были вооружены. Черт знает,

что за люди и чью сторону держали. В городе десяток партий и у каждой вооруженное ядро. Перестрелки порой возникали без всяческой причины. Такси было поймать невозможно, машины пролетали на бешеной скорости, боясь быть расстрелянными или захваченными. Марьям все тревожней крутила головой и не напрасно. С тротуара к ним свернула группа людей с какими-то палками в руках.

Мужчина, что приглашал Марьям на ночное randevu, замахнулся на Берлинского обрезком трубы.

- Против лома нет приема!

- Если нет другого лома! – Берлинский отбилась вовремя подхваченной железной трубой, коих немало валялось на тротуарах ввиду постоянного ремонта старых зданий, разрушающихся в перестрелках и танковых обстрелах.

Плохо пришлось бы Марьям и Берлинскому, но Марьям нажала тревожный вызов по сотовому. И вот уже через минуту милицейский броневик с воем развернулся посреди проспекта. Единственное, что хорошо работало при демократии, так это милиция, причем за мизерную оплату. Правда, богатые жертвы криминала щедро оплачивали свою жизнь. Не пожалела денег и Марьям.

- Уезжай! – приказала Марьям, кладя доллары не только милиции, но и Берлинскому в карман. Попросила экипаж ПМГ отвезти человека до вокзала, естественно за отдельную плату.

- Только с тобой, – упирался Берлинский, в то время как два милиционера пытались втолкнуть его в броневичок. Менты уже были готовы применить электрошоковые дубинки.

- Не знаю. Когда-нибудь, может быть. А пока исчезни, – Марьям дала отмашку, и менты силой закинули Берлинского в машину и повезли на вокзал.

На вокзале вежливые менты купили Берлинскому билет до Москвы и посадили в поезд.

Марьям поторопилась домой, надеясь застать семью, досматривающую десятый сон, но, увы. Борис и Алла, исполняющие роль ночных нянь спали, а детишки знай, себе играли, устроив в квартире бардак. Любимый папочка, конечно в доме не ночевал. Мальчики, завидев маму, заволновались, да так сильно, что принялись говорить уличным жаргоном, словно родились в Покровке:

- Вась, угадай, в каком ухе звенит?

- Петь, угадай, какая рука чешется?

- Ну, вот, что, друзья, – Марьям достала сто долларов, естественно фальшивых, годных только для игры. – Держите рэкетеры.

Ребятишки обнюхали ассигнацию, посмотрели на просвет и подняли вой.

- Хорошо, завтра пойдем в магазин, – пообещала Марьям.

- В кино хочу, – заныл Васька.

- Да вот же домашний кинотеатр.

- Нет, мама! Кинотеатр за окошком, смотри.

С тридцатого этажа небоскреба "Главуголь" хорошо просматривался ночной Красноярск, погруженный в египетскую тьму. И только редкие вспышки сигнальных ракет да разноцветные трассеры несколько украшали тьму. Хорошо хоть кто-то стреляет, а то совсем тоска. Вот над Покровкой вспыхнули прожектора. Это тяжелый "Боинг" рискнул подняться с городского аэродрома. И напрасно рискнул. Тотчас цветные трассеры ударили в небо и прошили самолет. Рукотворная молния разодрала тьму. "Боинг-747" задел колесами ЛЭП-500 и упал на Енисей. Потеряв крылья, громадный самолет поплыл обычным теплоходом, а стюардесса на хорошем английском языке говорила, указывая в иллюминатор:

- Господа, мы проплываем мимо деревни, где живет великий русский писатель Виктор Астафьев. Как раз его бабушка Катерина Петровна справляет в своем доме очередные именины.

- Так она же давно умерла, – хором сказала делегация "Красноярских костров", в полном составе улетающая на воскресный отдых в Египет.

- Да вы послушайте – поют!

"Раз полоску Маша жала,
Золотую мудь вязала".

- Да это ж Мишка Паршуков! – воскликнул старший редактор Чесноков – Полста лет прошла, а все тот же, не изменился. Они все еще при советской власти живут!

- Хороша Советка власть, да горьковата, – подтвердил Мишка Коршуков, пробежал по пуговицам гармошки проворными пальцами, и тут же загнул ее в крендель немислимый.

"Боинг-747" с ходу вылетел на каменистый берег и по инерции, давя изгороди и огороды, прибыл точно на бабушкин праздник. Редакция журнала стала прыгать с самолета на землю, слава богу, еще не схваченную морозом и от того мягкую. Вслед за ними на копны соломы попрыгали и зарубежные пассажиры. В свою очередь пьяная компания покинула избу через окна, и началось повальное целование и объяснение в вечной любви, заглушаемое шмыганьем потылицыных носов, зацепившись за который и большой ветер остановится.

- С Ангелом, Катерина Петровна, с праздничком!

- Кушайте гости, кушайте дорогие.

Бабушка налила гостям сразу по полному стакану, поскольку рюмки и прочая подобная посуда для них никакая не тара. Поэт Качинский, оказавшийся в самолете по недоразумению, братался с Виктором Петровичем.

- Наконец- то свиделись, – плакал Виктор Петрович. – Я уж думал, умру, не свидимся.

Хорошо гуляли, хорошо пели, хорошо плясали. Гармошка со скрипом, надрывом и шипом выдавала из дыроватых мехов отчаянную плясовую. Бабенки в свете огней "Боинга-747" тряслись по всей улице под "Барыню". Гулянка пошла в самый накал, и народ распаялся от пляски, прибавляя шуму, визгу и топоту. Барыню сменил бесноватый рок-н-ролл, что вовсе не выглядел иностранцем, а уже как бы ассимилировавшись, гулял по деревне нарав-

не с барыней. Но видимо, что-то такое едкое таилось в прищельце. И вел он себя некультурно, разухабисто, отчего дядя Левонтий стал безутешен и принялся катать лохматую голову по столу среди тарелок. Дядю Левонтия окружили иностранные гости, что уже не гости были на пиру, но хозяева.

- Я вор, меня трудно любить... - дядя Левонтий стучал кулачищем в грудь, давая всем понять, что он и есть вор и бандит, и преступник всего мира.

Американские гости согласно кивали головами:

- Вся Россия – вор. Кавказ! Война!

Дядя Левонтий пуше расходился.

- Меня каторжанца могила исправит!

- Йес! Йес! – радостно кивали головами американцы – Могила. Вся Россия будет могила.

И здесь дядя Левонтий перестал катать лохматую голову, поднял лицо и спросил у американцев:

- Что такое жисть?!

- Тошно мне! – заголосили бабы и почесали, каждая в свою сторону.

Дядя Левонтий схватил жердь, которой был огорожен огород и принялся потреблять ее как орудие битвы.

- Перестреляю, всех уложу.

Дядя Левонтий ударил жердью по столу, где все было крупно, нарядно, ядрено, зажарено, запечено с красотой, большим старанием и умением. Студень – гордость бабушкина, чуть жирком подернутый, разлетелся как от взрыва гранаты и обмазал американцев с ног до головы. Главный американец миллиардер Шорош был украшен капустой в пластах. На плечи легли огурцы ломтиками. Петух отварной, махнув остатками крылышек, взлетел на голову Шороша и прокукарекал. Следом стакан, полный водки влетел в раскрытый от изумления рот. Шорош мигом проглотил, и вот уже рыжик с луком, радужно улыбаясь, прилип к красным губам американца. Тонкая и стройная академик Лала, что летела из Москвы в Токио через Россию, от удара оглобли взлетела, аж на плоскую крышу баньки и ходила там, крутясь на месте, как балерина в новой форме от Юдашкина, блестя шутовскими погонами. Словом, даже у академика Лалы нервы сгорели, и она ходила по крыше бани, ставя ноги в линию, как ходят манекенщицы на подиуме. Деревенские мужики сняли манекенщицу с крыши, и в этой же бане академик Лала демонстрировала мужчинам такую гимнастику, что у Мишки Коршунова глаза на лоб полезли. И пропал бы деревенский гармонист, провалившись в ад, да спасли его бабы, что сами взяли колья в руки и принялись гонять нечистый дух по всем огородам.

- Я те покажу гинерал! – махала колышком Августа. – Будешь знать, как царев смущать!

Тонкая и стройная академик Лала демонстрировала мировые рекорды в беге с препятствиями, каждый раз теряя очередную гипнограмму, что подобно змеям клубились в остатках картофельной ботвы. Тетка Мария, Апроня и Августа – просмешницы, зубоскалки всю ночь гоняли нечистый дух. А му-

жики тем временем выбивали дух из богатеньких Буратино, что прибыли хоронить Россию, поддавшись уверениям российских демократов о вырождении русского народа. Скоро все огороды были усеяны зелеными долларами, которые мужики по незнанию пустили на самокрутки – с бумагой в довоенной деревне всегда было напряженка. Словом, били русского мужика и, наконец, разбудили. Спустя пятьдесят лет проснулся и встал на ноги. А вставши на ноги, вооружился орясиной и принялся крушить все вокруг себя. Пообещав добраться и до пьяного президента Сусанина.

Президент Сусанин хватался за сердце и глотал водку фужерами. Ему донесли, что где-то под Красноярском народ взбунтовался и взял в плен миллиардера Шороша и академика Лалу.

Вот ведь как в России случается: только что каждый, кто имел большую деньгу, подобно ребенку, играющему с паровозиками, играл Историей России, такой же пьяной, как и сам игрок. И кто только не вставал к штурвалу корабля! И сам Сусанин, и его жена, и его дочери, и полюбовники ихние прикипали к рычагам власти. Трезвонили Благовест о невероятно сладком случае, когда с Россией можно делать что хошь. И бедная Россия то на правый борт ложилась, то на левый, то киль показывала, а то и вовсе на месте крутилась, как старинная пластинка под иглой патефона.

И вдруг пьяный мужик вышел на железную дорогу и бесконечной колонной потопал на Москву. Президент Сусанин в свою очередь тоже топал ногами, да так шумно, что Кремль качался, а маршалы падали в обморок. Президент срывал с разьевшихся генералов мужские погоны и взамен надевал на их головы соломенные шляпки. Выпнув одних, президент пальцем подманивал следующих в очереди, и те ползали у ног, целуя сапоги. Новенькие генералы играли в теннис под руководством Тарпищева, а президент, сложив сжатые кулаки меж колен, наблюдал игру и самых ловких отбирал в свою команду. Неудачники вслед за другими направлялись писать мемуары в стихах.

Конкуренция среди генералов усиливалась, и с каждым таймбреком качество игры улучшалось. Скоро министра обороны можно было в Англию направлять на первенство мира.

По дороге на турнир в Уилблонтоне Сусанин сам управлял машиной. Мелькали города и страны, менялись флаги, а президент то и дело спрашивал у жены:

- Зина, подай рюмочку и рыбку.
- За рулем не пьют – отвечала Зина.
- А, где тот гаишник, что царскую машину остановит?

Рюмка за рюмкой и президентский кортеж вместо Англии заехал в Гималаи, где заехали на величайшую вершину и остановились, не зная, что делать: либо здесь замерзнуть, либо сходить пешком вниз. Но с другой стороны Сусанин – царь сверх державы, а значит, в силах управлять Гималаями. И президент приказал Гималаям сделаться ниже.

Гималаи не слушались. Слушался только Эльдар Рязанов, который снял хороший кинофильм "Ирония судьбы". Кино сие было с подтекстом: если

украсть счастье у Ипполита, то у Евгения непременно встанет счастливый конец. Сусанин пролил слезу – фильм про его жизнь. Пьяного президента то и дело перевозили из города в город и подбрасывали в постель разных незнакомцев, будь то британская королева или там индийский магараджа. То Сусанин дирижирует оркестром, то мочится в овальном зале Белого дома. И все кончалось счастливо, не давали ему пропасть и заблудиться. Для него ставили оперы, организовывали королевскую охоту. И нигде ни разу он не промахнулся.

- Все танцуют, - командует Сусанин, и все танцевали под его дудку.

Танцевали все, бросив скучную работу. Остановились заводы, стояли поезда – все танцевали, обмениваясь между собой мудрыми речами.

- Он короче типа такой думает, что я типа такой.

Словарь Бевиса и Батхеда сменил собой язык Кирилла и Мефодия, язык мультяшек побил язык святых.

Мультяшки овладели Москвой. Из открытых дверей кинотеатров вылетали пустышки, крытые золотой краской. Фантомы с визгом разбежались по Тверской и по Арбату, и солнечный луч порой высвечивал яркие губы, порхающие двумя бабочками – верхние, крытые помадой и нижние срамные, истекающие похотью и соком.

Скоро Москва вся разделась. Голые супер модели ходили по Москве столь зажигательно, что от них то и дело случался пожар, пламя перекидывалось на публичные дома, коих стало больше чем театров, и голые проститутки выпрыгивали в окна. Пожарные поливали обнаженных женщин, тотчас тающих в сильных струях. Увы, это тоже были мультяшки.

Пьяный народ из далекой Сибири шел брать Москву, не подозревая, что вся она уже мультяшная. В столице жили люди, полые внутри. На мыльные пузыри были надеты костюмы от Кардена. В карманах звенели сотовые телефоны. По улицам бегали сплошь дорогие иномарки. Оставалось только сдуть пену и самому влезть в мультяшкины одежды. Но, увы, если все дороги ведут в Рим, то все российские дороги выходят из Москвы. И напротив не Россия в Москву, а Москва расходилась по России на волнах уже десятка телевизионных каналов.

ГЛАВА 44

Образно говоря Российскую империю в середине девяностых годов можно было представить как атомный авианосец невероятной конфигурации, весь обросший льдом и плывущий маловодным морем – малейшая неточность и гигант на мели. Где-то на горизонте маячили другие авианосцы до поры без особой враждебности – у каждого своя зона влияния.

Грубо сшитый из малопригодной земли с палубой, равной шестой части земли, на которой где пусто, где густо стояли ветхие города, засыпанные снегом. Станный авианосец претендовал на роль сверх державы. В жуткую метель и страшный мороз команда сверлила палубу, чтобы добыть бензин,

отмеренного Богом на сотню лет при скромном потреблении. Но все хотели жить сейчас, а не потом, к чему долго призывали коммунисты, и следственно бензина оставалось всего лет на десять. Лет через десять-двадцать авианосец встанет окончательно. Самолеты перестанут летать или же просто перелетят на другие авианосцы. Но даже и этот мизерный запас топлива, то и дело воровали всевозможные пираты, просверливая в бортах свои дырки. Иногда подходили корабли покрупнее. Скоро уж несчастный дрендоут, что едва держался на воде, окружили десятки кораблей, что намеревались и вовсе оставить его без нефти.

Девяносто процентов экипажа пили по черному и вырезали бы друг друга до последнего, когда бы не демократы, что отвлекали пропойц пустяжными рекламами, выдавая их за подлинную культуру. В капитанской рубке кричали день и ночь, хорошо одетые господа, что очень пеклись о правах человека, иначе сказать о правах пиратов, снующих вдоль бортов. Тысячи автогенов резали неуклюжий авианосец, меняя на стекляшки современное оружие.

Фарватер незрим, постоянно меняется. Перспектива затянута туманом и никакой локатор не способен прощупать время более чем на год-два, тем более что новый капитан президент Сусанин ничего не понимал в картах, кроме игральных. Кто-то убедил Сусанина, что управлять авианосцем можно без офицерского состава и мичманов – дескать, на корабле сами собой включаются и выключаются рычаги. К немалой радости пиратов президент запретил КПСС, тем самым, убрав командный состав авианосца. Со всех сторон поступало множество предложений: главный двигатель разбить минимум на десять частей, и каждой части дать отдельный штурвал. Иные предлагали вообще выбросить механизмы и поставить паруса – раньше плавали и ничаво. Третьи, наконец, предложили поделить сам авианосец на много-много корабликов, и пусть плавают с отдельным капитаном. Впрочем, это было бы уже второе деление. Первое произошло довольно бескровно: исчертили мелом палубу, ударили ломиками, и лишняя земля, по принципу баба с воза, сама отпала. Оказалось, что зря. Борта вовсе не отпали, а напротив присосались еще прочнее. Но рухнул многолетний порядок, и восстановилась анархия. Капитанский мостик поделили на десять частей, корабельные винты установили по всему периметру авианосца и даже в носовой части. Отныне авианосец крутился на месте как карусель с лошаdkами. На каждой лошадке свой джигит и машет сабелькой – не подходи, зарублю! Старая команда выброшена за борт, новая не сформировалась. И вот штурманом стал колбасник, а главным электриком – продавец цветов. А, говорят, что кухарка не может управлять государством. Может, если она дочь президента, а президент бывший строитель. В бывшем СССР строители, почему-то входили только в анекдоты. В то время как в Америке строитель – самая почетная профессия. Если бы Сусанину дали орден Героя соцтруда, а генералу Дудаеву дали бы Героя Советского Союза то ясно, что никакой бы войны не было, и Советский Союз не проиграл бы Третью Мировую. Словом, человеку надо давать то, что он просит, если он конечно заслужил. Вот ведь Брежневу дали пять

Героев, и двадцать лет был покой. А многие, в том числе и поэт Качинский покой приняли за застой и принялись раскачивать авианосец. Может, поэту Качинскому надо было выпустить книгу – вот и одним демократом стало бы меньше. Пожалели господа писарчуки денег на поэта и принялись шуметь, дудеть, собак натравливать. Народ собрался, возмущение пошло, зачем он стихи пишет. Тем временем богатенький кот Березин и лиса Гусин принялись дурачить народного Буратино, что зарыл денежки на Поле Чудес в бесчисленных стеклянных банках. Пока травили поэта, профессор Кайдар раздаривал оружие в детских домах Кавказа...

И вот из глубинных недр авианосца где-то с шестой или седьмой палубы вышел гуляющий народ и повел по транссибирской магистрали взятых в плен американца Шороша и академика Лалу. Катерина Петровна зорко оглядывалась и мелко крестилась: "Рассея какая, кругом электричество, молния рукотворная".

Жители села Фокины, Шахматовы, Бетехтины шли по дороге, останавливая попутные поезда, и предлагали машинистам: "Может, с устатку, выпьешь?" Народ из окрестных сел подходил к дороге, вливался в колонну чалдонов. Катерина Петровна спрашивала постоянно: "Эй, новожильцы, а какой ноне год?" "Девяносто пятый!" - восклицали новообращенные партизаны. Катерина Петровна кривила рот, смеялась и страшно пугалась – над головой то и дело с грохотом пролетали фронтовые бомбардировщики "СУ-25".

"Сушки" свечкой уходили в небо, небо раскалывалось и падало на толпу. Все падали на гравий, кривоногий Тишка Бетехтин стрелял вслед из восьмикалиберного дробовика, а его сын немой Кирилл плакал и изображал, как отец палит по летящему черту.

- Па-па пу-ух! Мам-ма ой! Я у-у-у!

Бабушка кинулась вперед колонны, где мужики, отряхнув дорожную грязь, сели на рельсы, осторожно глядя на небо.

- Мужики! Какого дьявола сидите, табак переводите? Пошли к Сталину, покаемся в грехах. Скажем, поймали врагов народа. Может, царь батюшка пайку добавит.

- Аха, добавит! – скис дядя Вася.

- Возьмем Москву! – кричала тетка Августа. – Я всем расскажу, как Катерина Петровна спасла Рассею!

Поэт Качинский шел впереди колонны чалдонов и нес в руках плакат "Долой запрет на профессию!". Рядом с поэтом шел критик Пирогов и старший редактор Чесноков. На носилках с балдахином несли главного редактора "Красноярских костров" Валерия Ивановича Черного. Валерий Иванович потерял на Чеченской войне ногу и ходить самостоятельно по рельсам не мог. Валерий Иванович пил "Бренди" и, выглядывая в окошко, ругался с чалдонами. Иногда к Валерию Ивановичу подсаживался вдрызг пьяный критик, и чалдоны, сменяя друг друга, несли на носилках двух инвалидов. Иногда на носилки, выбившись из сил, залезал весь руководящий состав "Красноярских костров". Старший редактор Чесноков с подобострастием обращался к главному редактору:

- Валерий Иванович, вы обещали спеть. Говорили, вот эту рюмочку допью и спою. Рюмка пуста, а песен мы что-то не слышим.

- Я потом как-нибудь спою, – отвечал главный редактор Черный. – В рабочее время, по селектору.

Чесноков вновь с подобострастием:

- Раньше как было. Приезжаем в деревню, а большой динамик на столбе поет песню. В любую деревню приезжаем, всюду вашу песню вами сочиненную поют.

- Какую песню?

Критик Пирогов начинает петь:

- Клен ты мой опавший...

- Да, это моя песня! – главный редактор начинает дирижировать. – Все поют!

Песня долгая и дорога долгая. В день делали несколько верст. Долго идут чалдоны до Москвы. Может, и дошли бы к концу романа, да вдруг зазвенел телефон. Вся редакция в ужасе – допелись до зеленых чертиков, слуховые галлюцинации. Вдруг Пирогов достает из кармана сотовый телефон:

- Кто говорит? Шапочников? Привет, старик! Слушай, бери такси и приезжай прямо сюда.

Трубка спросила:

- Куда сюда?

Пирогов выглянул в окошко пешей кареты:

- Сейчас выясню! Станция Березай – кто хочет, вылезай!

Чалдоны бросили носилки и принялись разглядывать из-под руки название станции.

- Э, это же Базаиха! Вот как! Шли, шли, все руки оттянули. А мы еще все в Красноярске. Будь он проклят!

Качинский тоже плюнул, сел в грязный трамвай и пыльной улицей поехал домой. Лучше ехать на "Джипе", но у Качинского нет прав. Есть жена, но нет любви. Есть поэзия, но нет ни одной книги. И вообще много чего есть, но не для Качинского. Качинский целый день, как говорится, по колено в детях, а с женой встречается только раз в месяц, да и то ночью – Марьям приходит затемно, приходит чуть светло. Уж забыл, как выглядит родная жена.

А вообще, есть ли у Качинского жена? Каждое утро Качинский просыпался в родовом гнезде, насквозь промороженном. Пар шел изо рта, как из трубы паровоза. Порой приснится знойная Маргарита, порой приходит в сон рассудочная Валентина Петровна, а просыпается Качинский неизбежно один – в одиночку как камера в квартире, и только горячая слеза раскаинья скатывалась по ледяной катушке ледяной подушки.

Когда-то Кто-то за Что-то наказал Поэта, баба Ванга разнесла по свету и уже тем усугубила наказание, окончательно как врач алкоголика, закодировав Качинского. Уж Качинский давно отработал детский проступок, а Некто в хлопотах забыл снять проклятие... Вот отчего Качинский в сильных сомнениях возвращается домой, а где его дом?!

Ехал домой Качинский долго. Все-таки чалдоны увели достаточно далеко. По дороге домой Качинский, выглядывая в окно, увидел знакомое здание бывшего Совнархоза, где на четвертом этаже располагался журнал "Красноярские костры". Э-э, Качинский всплеснул руками, не виделись целых полтора года. Качинский по крутой лестнице побежал наверх, глянул направо на балкон, где курили редакторы и чаще всех критик Пирогов, обожаемый графоманами. Обычно Качинский и Пирогов сталкивались лбами, бычились и братались: "Старик, ты еще жив?" Сначала звенели лбами, затем стаканами с дозой водки на самом доньшке. Два первых стакана старший редактор Чесноков относил высокому начальству. Затем водку на зверобое пробовали редакторы помладше. Иной раз праздник, который приносил с собой Качинский, продолжался до глубокой ночи. Под утро аккуратно расходились через запасной выход, ключ от которого лежал в кармане старшего редактора Чеснокова.

Странно, но сегодня никто не курил, а на балконе стоял пулемет "Максим". Господи, и сюда добралась война!

Качинский присел, нажал гашетку и обстрелял окна домов на другой стороне проспекта. В ответ ударил гранатомет, и Качинский с клубами пыли кубарем залетел в кабинет старшего редактора. Здесь сидели люди в странной форме. Качинский спросил, где главный. Ему в ответ махнули рукой. Качинский вышел и прочитал на дверях главного редактора "Таможня".

- Пирогов? Не встречал, не помню, – отвечал человек с узкими погончиками. – Ах, да в Толмачевской таможне есть такой инспектор.

Качинский пошел коридором. Прошло два года, а какие перемены! Постой, а с кем он виделся сегодня утром на станции Базаиха? Какие-то чалдоны шли брать Москву, а редакторы "Красноярских костров" возглавляли шествие...

Качинский ощупал себя: вроде трезвый, а мыслит как пьяный. Сколько лет Качинский обивал пороги редакции, сколько здесь происходило интересного. Иной раз редакторы, сильно возмущенные настырством графомана по имени Качинский, затевали драку с ним. А Качинский в ответ впустую махал кулаками, словно какая-то сила уводила их в сторону. Наконец, старший редактор Чесноков неизменно ставил подножку, и Качинский улетал вон. Качинский летел долго, нырком с балкона как с трамплина и всегда приземлялся мягко на ноги на цветочную клумбу. Качинский неизменно возвращался и с изумлением спрашивал старшего редактора: "Я опять что-нибудь сотворил гениальное?" "Мы это уже читали!" - отвечали "Красноярские костры", расходясь по-английски, не прощаясь.

О-хо-хо, вспоминал Качинский благословенные времена, вновь поднимаясь по ступеням, но уже другого дома, где на пятом этаже у дверей сорок восьмой квартиры обычно курила теща критика Пирогова. Вместе с тещей курил и большой сиамский кот, что лучше прочих критиков знал и понимал сибирскую литературу. Сиамский кот садился на рукопись, доставленную почтой, и нюхал ее: если запах графомана не нравился - кот Пофнутый мочился на рукопись. Сегодня на звонок вышла седая женщина, в которой Ка-

чинский совершенно не признал Валентину Петровну, красивую умную женщину, жену критика Пирогова.

- Ушел Георгий Иванович – сказала жена, утирая глаза – Ушел на рыбалку и не вернулся. На месте рыбалки нашли удочку и пиджак с удостоверением члена Союза Писарчуков.

- Да хорошо ли искали?! – воскликнул Качинский.

- Вот уже два года пропал без вести, – отвечала совершенно седая жена. – Никаких следов, даже книг не осталось.

Ошеломленный Качинский кинулся в правление Союза Писарчуков, что напротив центрального рынка. Но, что это? У разбитых дверей лежала громадная куча горелого мусора. Ветер трепал почерневшие страницы сибирских классиков. По воздуху летали обгоревшие листы энциклопедии. Качинский с бьющимся сердцем заглянул вовнутрь и увидел среди порушенных стен шнобелевского лауреата Валеру Черного. Валера костью ворошил книги классиков в твердом переплете.

- Сволочи! – рычал главный редактор Черный и бил костью по бильярдному шару, что в одиночестве украшал бильярдный стол, за которым когда-то сходились известные писарчуки. – И я овладел вами.

Глаза гения писарчука горели красным огнем подобно двум лазерам и то место, на которое обращал шнобелевский лауреат, начинало дымиться и вспыхивать. Этому ремеслу его обучила генерал полковник медицинской службы академик Лала. Благодарный писарчук поделился с ней Шнобелевской премией. Книги Черного выпускались миллионными тиражами. На него трудились литературные негры за один доллар в день. Негры писали, а шнобелевский лауреат подписывался и оставлял за собой право названия романов типа "Кровь и вонь", "Хлеб и газы", "Аромат сортира". Иногда Валере Черному надоедало подписываться своим именем, и он брал псевдонимы "Ворон и Душков". В романах орудовали не простые убийцы, а эстеты. Насиловал людей не обычный бухгалтер Чикатило, а непременно художник с тонкими пальцами. Деньги на первый роман Черного дал американский миллиардер Шорош. Скоро Черный стал одним из самых богатых людей и всюду скупал недвижимость и акции. В то же время это был один из самых жадных людей в России. Валера ходил в рваном костюме и пользовался костью. А пользовался костью Черный для того, чтобы просить милостыню в переходах. Люди бросали копейки, в то время как карманы пиджака пучились от пачек сто долларовых купюр, и ездил лауреат только на трамвае, предоставляя кондуктору удостоверение инвалида.

Валера Черный даже проституткам по окончании свидания показывал инвалидскую книжку, за что его постоянно били, и лысая как бильярдный шар голова была вся в шишках, а длинная до пояса борода значительно поредела. За бороду Валеру Черного таскали девицы, с которыми он не желал расплачиваться. Случалось, девицы таскали безногого лауреата по лестницам, и круглая как бильярдный шар голова знаменитого писарчука катилась по ступеням, прыгая как мяч...

Последней покупкой Шнобелевского лауреата стал Алтайско-Тувинский банк, и Валера Черный часто бродил по двум этажам банка, пуская пьяную слюну на белую бороду. Чаше других Валера Черный задерживался в кабинете Марьям. Черный вынашивал план нового романа "Колбасная леди" с необыкновенной концовкой: "И я съел ее".

Новый хозяин банка продолжал ездить на трамвае, и Марьям вынуждена была вести Черного на своем "Джипе", поскольку без его подписи ни одна бумага не действительна. Валера Черный поражался удобству и размерам машины и говорил, что такой ему никогда не купить. У Валеры был большой гараж таких машин, но он не хотел тратиться на бензин, поэтому Валера при случае просил бензин у своих подчиненных. Впрочем, патологическая жадность не позволяла Валере ездить даже на чужом бензине.

Валера был настолько жаден, что не делился даже с рэкетерами. Рэкетеры постоянно били Валеру и однажды едва не оторвали единственную ногу, которую Черный согласно Маяковскому берег как последнюю любовь. И тогда миллионер Валера Черный купил двойников, которых он отыскивал среди бомжей. Бомжи даже согласились отрезать ногу за большие деньги, а какую забыли, поскольку память пропили. И хирурги каждый раз хватались за голову, стоя у койки очередного «Валеры Черного».

- Так какую ампутировать ногу?

- Левую, нет правую. Тьфу, забыл.

- Дело дрянь, придется обе отрезать.

Вот и прыгали на костылях по всему Красноярску двойники Черного. Одни прыгали на левой, другие на правой. Причем били их так жестоко, что двойники были готовы вновь зарыться в теплотрассу, только вот выбраться обратно не смогли бы. Двойники получали тумачи, а вместо зарплаты Валера выдавал им фижи, лишь изредка подкармливая гнилой картошкой да разведенным спиртом. Двойники в свою очередь, желая подработать и как-то подкормиться, занимали у кого попало, даже в банке брали деньги под Валеру, а потом счета приходили на адрес миллионера Черного. Словом, выходило дороже, и лучше было бы платить по доброму всем. Но Валера был непоколебим: по-прежнему отказывался платить рэкетерам и кредиторам. Несколько раз на Валеру наезжали, делали покушение, а вместо него хоронили очередного бродягу. И опять же счет за дорогие похороны приходил на адрес Черного – ну нельзя же хоронить дешево известного банкира! Валера покупал нового двойника. И уж новый двойник делал новые долги, да такие, что на Черного стали охотиться даже чеченцы, а эти никогда не промахиваются...

Однажды Качинский столкнулся с Черным в кабине лифта и подивился его прыткости. Только что пять минут назад Черный сидел в банке и ухаживал за его женой. Черный доехал с Качинским до тридцатого этажа и спросил у Качинского, где здесь живет поэт Качинский. Качинский чуть от смеха не лопнул – ну, борода, шутить научился! Качинский даже в знак одобрения дернул за седую бороду, а тот вдруг начал махать костылем. Благо Качинский не потерял былой прыткости и нырками уходил от костыля, который Валера над собой вращал подобно лопастям пропеллера.

- Сукин сын! – крикнул Качинский. – Ты же снесешь голову великому поэту. История тебя проклянет, как проклял русский народ убийцу Пушкина.
 - Дак, это ты Качинский? – сплюнул лже-Черный. – Где ты живешь?
 - Нет, уж Дантес. Если нужна моя жизнь, бери. А мою семью не тронь.
 - "Моя семья" в холодильнике стоит, а твою я пить не буду. Неизвестно, что за гадость. Может, ты ее красноярским спиртом развел, а мы пьем только бразильский.

Качинский понял намек и сунул "Черному" сто долларовую ассигнацию.

- Купи себе выпивку, но чтоб больше я тебя здесь не видел.

У Качинского настала тяжелая жизнь. Целыми днями Юрий Николаевич сидел по колено в детях, поскольку Марьям нежданно для мужа совершенно незаметно всего за каких-то девять месяцев нарастила брюхо. Качинский отвез жену в больницу с целью прозондировать опухоль. Врачи сделали кесарево сечение и обнаружили здорового малыша, эдак под пять килограммов веса, который никак не мог выбраться самостоятельно на свежий воздух, заблудившись в родовых путях. Врачи сказали, что у Марьям узкий таз, но Качинский не мог с этим согласиться. Бедра у Марьям за последние два года стали в три обхвата. Пока Качинский пропадал то в Чечне, то в Москве, Марьям кто-то так хорошо надул как резиновую куклу. И Качинский целыми ночами занимался постельной гимнастикой со своей куклой Машей. В итоге Качинский так уставал, что спал целыми днями, набирая сил к новой игре с Машкой. Дети как мухи ползали по нему и кормили папу манной кашей. Дети все как на подбор упитанныетолько сильно различаются по весу. Младший Ваня, которого принесла с улицы незнакомая женщина по имени Люда, весил рекордные десять килограммов при двух месяцах жизни. Остальные много легче, и стоило, заигравшись, подкинуть малыша под потолок, так он там и оставался, крутясь как воздушный шарик – что за дети такие?! Врачи объясняли малый вес – первыми успешными разработками генной инженерии: этакие сверхлюди – у них и группа крови шестая, и антигравитация степени пятой... Люди верующие, как один говорили, что это не дети вовсе, но ангелы бесплотные...

Кстати и Марьям стала странно легчать. Здоровья у Качинского никогда не было, но женушку чудесную он постоянно носил на руках, чтобы Марьям не сбежала. И вот уж год Марьям все легче и удобней сидит на шее мужа – никакой тяжести!

Качинский заикнулся, что не плохо бы завести домработницу.

- Тогда сразу и домработника! – зверем глянула на Качинского любимая супруга. – Я на седьмом месяце беременности, работаю в банке по двенадцать часов...

- Когда успела?! – воскликнул Качинский.

- Когда ты успел! Я предохраняюсь всеми средствами. А ты от зари до зари накачиваешь меня. Хочешь - не хочешь, будешь беременной при таком муже.

- Опять плохо, – буркнул Качинский и отправился в магазин, что находился на третьем этаже, сразу же после банка.

Очень удобно: взял деньги в банке и зашел в магазин, в котором как в Греции все есть, были бы деньги. Но деньги, почему-то не каждому дают, а только по рекомендации и почему-то требуют вернуть с большими процентами. А, где их взять эти проценты, разве что в другом банке. Опять же под поручительство первого банка. Словом, замкнутый круг. А вот владелец банка Валера Черный может взять деньги в любом банке, поскольку банки все его, и он единственный в городе банкир. Валера только тем и занимается, что перекладывает деньги из банка в банк, и они у него растут как на дрожжах, поливать не надо.

По магазину как по музею ходил поэт Денис. На спине и на груди поэта висели плакаты с цитатами стихов и суммой гонорара, которые поэт просил за прочтение гениальных виршей. Качинский дал сто долларов другу, и Денис по лестнице поднялся к фонтану, откуда и читал стихи:

- Как заплачу я в синие ленты,
Заплетенные в косы студенток.

Студентки бурно хлопали, визжали и носили поэта на руках. С поэтом на руках опустились вниз в банк, где Качинский надумал взять займы под ходатайство своей жены. В стеклянном холле банка стояли копии знаменитых ваз из Портленда, висели хорошие картины известных русских художников Макарова и еще раз Макарова. Офисы банка разделяли стеклянные стены огромных аквариумов, где среди водорослей плавали райские гурии и охрана из меченосцев. Золотые рыбки под музыку вальса цветов как солдаты в строю разворачивались одновременно и плавали из стороны в сторону. Певичие дрозды привели Дениса в восторг. Денис слез с девичьих плеч, зажег глаза и принялся подсвистывать птичкам – поэт вырос в деревне, был птицелов и ходил в ночное с лошадьми и колхозницами.

- Говорят, Шаляпин и Горький заходили в трактир затем, чтобы послушать дроздов, – сказал Денис, закрывая глаза от счастья.

- Почему не щеглов или канареек? – спрашивал Качинский, плохо разбираясь в птицах.

- Есть у нас и кенари, – отвечал служащий, провожая девушек и поэтов к хозяину банка шнобелевскому лауреату Валере Черному.

Действительно, в кабинете с итальянской мебелью висела клетка с желто-зелеными кенарями. В кабинете Черного как в лавке антиквара: старинные хронометры, барометры, патефон "Колумбия" с коллекцией пластинок мастеров Бельканто. На стенах афиши "Популярная пьсенки въ исполнении Вертинскаго", и сам певец в маске Пьеро и с воротником жабо.

"Я устал от белил и румян
И от вечной трагической маски".

У огромной клетки с желто-зелеными кенарями сидели два сотрудника и обучали птиц на свистках и дудочках, иначе сказать подвешивали. Поэт Денис вновь упал в восторг и по грудь в счастье слушал дрозда по кличке Велимир:

- Деньги есть! – выдавал клювастый глазастый кенор, тезка великого поэта Велимира Хлебникова.

Велимир при жизни открыл закон "Качели власти": "Время носить обувь левую, время носить обувь правую". Закон качелей пришел в действие после смерти поэта, и ныне все носили обувь правую. Ту самую обувь, которую на единственной правой ноге, носил шнобелевский лауреат Валера Черный. Сам Валера Черный вместе со своими сотрудниками обедал у шведского стола. Поэт и их девушки то же было взяли гамбургеры с огромными ломтями ветчины. Но тут дрозды, наблюдавшие за пиршеством, дружно запели: "Пропуск, пропуск!"

Пропуск потребовали охранники банка.

Качинский достал сто долларов и отдал хозяину.

- Зачем пришли? – спросил Валера Черный, кладя пропуск с портретом президента во внутренний карман.

- Да вот хотели у вас занять денег на выпуск книжки, – бодро сказал Денис Заречный.

- Ну, если наши сотрудники скинутся, я не буду против, – Валера Черный пристально поглядел на девушек.

- У нас с собой нет денег, – девушки развели руками.

- Ну, что ж, – Черный подтянул костыль и выпрямился. - Тогда мы идем к вам и посмотрим, где лежат деньги.

ГЛАВА 45

Два великих поэта Юрий Качинский и Денис шли по фронтовому Красноярску, где всевозможные оборонительные сооружения в виде дотов и танков, вкопанных в землю, перемешивались с яркими зонтиками всевозможных кафе и бистро. В танках сидели чумазы танкисты и выпрашивали у прохожих пиво.

- Я тоже хочу пива – возмутился Денис – Это что за жизнь без праздников.

Денис совершил жизненный подвиг. Сам, не зная как, поднял на ноги троих пацанов: один уже строил мост на БАМе, второго забрали в армию, третьему какой-то отморозок в школе сломал позвонок и теперь он ходил в корсете. При этом, не смотря ни на что, Денис выдавал на-гора хорошие стихи.

- Ладно, – сказал Качинский. – Завалилась в кармане мелочишка, детишкам на коньячишка.

Марьям каждый день выдавала мужу на обед сто долларов, которые Юрий Николаевич отдавал друзьям. В итоге богема не просыхала и как стая мух вилась вокруг мецената. Вот и сегодня едва Качинский и Заречный сели за столик, как тотчас присели Ваня Казачок и Валера Черный, который держал все городские банки, но из-за своей патологической жадности пил только на халяву. Валера нигде никогда ни за что не платил, но поскольку в его кар-

манах долларов, как у дурака махорки, то валюта постоянно, перенасыщаясь, сыпалась на тротуар, и за Валерой всегда ходил след людей, зорких к чужому богатству.

Скоро в знаменитом кафе "Веселый заяц", что на углу улиц Вейнбаума и Горбаня, стоял такой женский визг, что перекрывал рев, пролетающих над городом бомбардировщиков.

- Что за улица такая Горбаня? – спрашивал Валера Черный у многочисленных поклонниц, изучающих его карманы. – Городская баня, что ли? Не пора ли переименовать ее и назвать Черной!

- Ой, совсем будет темно, – морщилась натурщица Люся-Мюзета, как всегда сидящая в мужской компании налегке в одних туфельках и платочке, накинутом на плечи.

Люся сидела на коленях Качинского и гладила у него горб.

- Милый, что это у тебя?

- Жизнь прошла по мне.

В супермаркете, лучшем в Сибири, купили лучших вин из Испании, и с этим приятным грузом поднялись на тридцатый этаж, где жил Качинский. В квартире богема принялась изучать огромные импортные холодильники, до отказа набитые всякой снедью. Девушки тотчас соорудили шведский стол. Богема умела делать отличный закусон из хлеба с огурцом, а уж тут простор для творчества был неограничен.

Выпили за Марьям, закусили охотничьими колбасками, разогретыми в микроволновой печи, и отпали в громадных кожаных креслах от фирмы "Пей до дна". Спели любимую украинскую песню Дениса, затем тарабарскую Юрия Николаевича. Особенность народных песен в том, что их можно исполнять без инструмента.

- Жизнь пошла веселее, – сказал Денис после того, как Качинский включил японский домашний кинотеатр с экраном столь огромным, что наблюдался полный эффект присутствия.

На спортивном канале транслировали матч "Спартак" - "Динамо". И вот на пятьдесят пятой минуте Владимир Скоков принял мяч на грудь после навеса с правого фланга и, не дав ему опуститься на траву, с левой ноги пробил в левый же угол ворот "Спартака". Вратарь Филимонов как птица взвился над вратарской площадкой, но опоздал на сотую долю секунды. Вся богема вскочила на ноги и проревела: "Ура!". И только Валера Черный, болеющий за "Спартак" смачно выругался и метнул костыль в сторону домашнего кинотеатра. Но хитрые японцы предусмотрели и такую реакцию телезрителей. Телеэкран слегка прогнулся и отбросил костыль прямо в морду Валеры. Поверженный Валера лег в гостиной среди детишек, ползающих по толстому персидскому ковру.

- Я этого Скокова куплю за тридцать три миллиона и отправлю в "Бешикташ" до конца жизни.

- Лучше бы, Валерий Иванович, купили бы нам Герда Мюллера и Боби Мура и укрепили бы тем самым наш "Чкаловец", - просил Денис Заречный.

Внезапно на экране домашнего кинотеатра возникла очаровательная Маргарита и прелестным хорошо поставленным голосом известного в стране теледиктора спросила у Валеры Черного:

- А сколько вы бы, Валерий Иванович, дали бы за меня?

При этом Маргарита ловко обернулась вокруг оси, взмахнула теннисной ракеткой, и на богему обрушилась очередь теннисных мячей, летящих со скоростью двести километров в час. Теннисные мячи, к счастью в никого не попав, пробили насквозь кожаные кресла. Впрочем, импортная фирма предусмотрела и этот вариант: дырки в креслах тотчас затянулись после дозы жидкого полиутирана. Это необычное свойство самовосстановления годилось не в первый раз: дети постоянно протыкали кожаные кресла кухонными ножами из особо прочной стали, отрабатывая на коже уроки самообороны для детей младшего возраста. Меж тем домашний кинотеатр представил чудесную объемную картинку вечно молодого Уимблдона. Сто двадцати летний новорожденный принимал на зеленой груди, поросшей травкой высотой 4,7 миллиметра, двух лучших теннисистов мира Сафина и Кафельникова. Игра была столь стремительной, что мячи летали со сверхзвуковой скоростью. И многие боллбои, бегающие по периметру корта не смогли поймать ни один мяч – все они ушли за пределы огромного стадиона, заполненного публикой столь богатой, что даже Валера Черный не был бы принят в их клуб. Один из мячей влетел прямо на престол Господа Бога, наблюдающего в данный момент сразу за всеми соревнованиями, происходящими на Земле.

- Смотрите, Боже, бесы их топчат, а они играют! – воскликнул преподобный Сергей Радонежский, сидящий слева.

- Великий русский народ, – сказал Мухаммед, сидящий справа. – Терпение его от Аллаха! Как пророк Муса водил сорок лет по пустыне людей Писания, чтобы исправить грехи и воспитание, полученное от Фирауна, так и Аллах ведет Россию к новой жизни.

- Сорок лет, – это много – сказал Господь Бог. – Пока Россия будет блуждать сорок лет во тьме и невежестве, народ вымрет, и другие народы займут их землю. Другое время, другие темпы жизни! И кто сказал, что советская власть так уж плоха. Я в своих знамениях ничего плохого о коммунистах не говорил. Просто просил их не развешивать уши, чтобы на них лапшу не вешала западная пропаганда. Но, что-то все-таки не доработано в их системе, а времени так мало осталось!

- И скажи тем, кому даровано Писание, и простецам русским – предали ли вы? – обратился к Аллаху Мухаммед. – И, если предали, то по какому пути пошли? Они отвернулись от тебя Аллах, вот им и наказание, но Аллах видит своих рабов!

- Не понимают они таких речей, – насупился Господь Бог. – Слово "раб" у них вызывает протест. Но с другой стороны, слишком стерильна была их жизнь: бесплатное обучение, бесплатная медицина, бесплатные курорты – рай на земле, да и только, что в принципе уже не хорошо, ибо, куда стремиться человеку? Уж не на небо глядит мое дитя, а на Президиум. А Президиум тоже не господь, проглядел дары данайские. И принесли враги русских

подарки: виноград от виноградной лозы Содомской из полей Гоморрских. Ягоды их ядовитые, грозды их горькие, вино их яд драконов и гибельная отрада аспидов.

- Помоги им, Господи! – усиленно крестился преподобный Сергей Радонежский.

- Ума не приложу, чем помочь большим детям, объевшимся ядовитых плодов. Объевшись вина ядовитого, просыпаются и вновь едят его. Кто их научил этой гадости?

- Иблис! – воскликнул пророк Мухаммед. – Будь он проклят! С тех пор, как был изгнан из Рая, он накопил огромный опыт обмана и оболъщения!

- Спаси их, Господи! – твердил свое преподобный Сергей Радонежский.

К Сергию присоединился хор других апостолов. И вот уже небо, словно колокольным звоном наполнилось молением сотен святых, проявленных на земле русской.

- Да, что я могу сделать? – разводил руками Господь Бог. – Сами себя связали, сами себя и развяжут.

- Боже! – молились святые – Ты же прошлый раз обещал послать на Землю царя русского, мудрого как Ленин и волевого как Сталин!

- Где такого взять в одном лице? – возмутился Господь Бог. – Если и есть Нечто подобного плана, так это же я сам, никем не рожденный, единый во всех сферах! Вот сижу тут в вакууме, руковожу, а ведь не устал нисколько – Слава мне!

- Аллах, – скромно потупил глаза Мухаммед. – Может, ты пошлешь кого-нибудь из нас вторично??

- Отдыхайте, – ответил Господь Бог. – Я предлагаю посмотреть хоккей – мужской спорт. А пророк, мной посланный, уже созрел и скоро проявит себя...

За ближайшей тучей слышались громовые аплодисменты. Господь Бог удивленно обернулся.

- Кто это хлопает Мне без Моего разрешения?

Хлопал словам Господа Бога сам Юрий Петрович Громов, что наблюдал за Высоким Собранием каким-то ветром занесенный на Небесный Престол Пророком, посланным на Землю. Юрий Петрович уже с детства считал самого себя Пророком. И с детства Юрий Петрович писал письма вождям. Писал с первого класса, едва овладев божьей грамотой – врожденная борьба с тиранами сидела в его крови. Писал Сталину, Хрущеву, Брежневу и, наконец, дожид до встречи с самим Господом Богом. Все письма доходили до адреса: «Москва, Кремль», и возвращались обратно с пометкой: «Адресат выбыл». Письма шли долго, годами – может, потому и был Юрий Петрович вечно живым памятником. Юрий Петрович стал узником Совести и полюбил жить в камерах, в то время как растущая семья вкалывала без сна на своем огороде и носила по пятницам морковку по всем тюрьмам России.

Когда Юрий Петрович был свободен, то сочинял книжки по орфографии – скоро, уже в этом году бывший учитель обязан был защитить докторскую диссертацию: «Божественная транскрипция Тамбовского края».

Диссертация требовала рецензии, и Громов тайно как из пушки прибыл на небеса, где его встретила ангельская стража, кинула вместе с одеждой в жаропрочную камеру. И вот Юрий Петрович розовый и ароматный в парадном костюме сочинял очередное письмо очередному тирану, то бишь Господину Богу от одного из выдающихся сочинителей Всея России... В письме Громов требовал орден Первого Пророка...

- Орден – это хорошо! - сказал преподобный Сергей Радонежский. – Мы с медведями часто ходили. Бывало ни сухарика в котомке, а все идешь по глубокому снегу только не на лыжах, а на ступоничах и не пятнадцать километров, а сто пятьдесят верст. Такой был марафон у меня и у моего друга Мишки-Топтыгина. А вот награды никакой! Нельзя без медали! Плохо Пророку без ордена Героя Всех Героев!

- Орден можно и купить! – возразил Мухаммед. – Березин не участвовал в соревнованиях верблюдов, а приз взял! Целых три миллиарда! Вот Качинский бежит свой марафон, а никто результат не засчитывает!

- Засчитают, не засчитают, а бежать надо, – сказал Господь Бог. – Это мы сидим, а им надо бежать. Время летит быстрее света.

- Русских всегда обижали, – вздохнул Сергей Радонежский. – Сначала татарва, потом немчура. Сейчас американцы придумали бесовские игры...

- А по мне нет круче "Формулы 1", - сказал пророк Мухаммед – Я и сам любил на верблюдах скакать. А недавно я пробовал посидеть на месте Себастьяна Анжольра. На мне комбинезон, маска, шлем и перчатки. Температура в кабине под шестьдесят градусов, и я выхожу на прямой участок под названием "Индианаполис". Акселератор в пол, шестая передача, скорость триста тридцать километров в час. На повороте "Арнаж" скорость падает до шестидесяти и вновь стремится к тремстам. И так круглые сутки: стресс, визг моторов, ослепительный свет и непрерывная суeta в боксах! Прыгнув за руль как-то спросонок, мы с пилотом Себостьеном врезались в ближайший отбойник на скорости двести семьдесят километров в час. И вот мы опять на небе у твоего престола Аллах! Прими душу Себостьена.

- Смелый юноша – сказал Господь Бог – Пусть сидит рядом со мной вечно!..

Глава 46

В Красноярске большой праздник. Тетушка Пу привезла из Москвы американский мужской хор нетрадиционной ориентации.

Солист хора Боря Моисеев сладко запевал:

- Знаю милый, знаю что с тобой!

Потерял себя ты потерял!

Над сценой поднимался голубой дымок, на пол сыпался золотой песок. Публика совками собирала дары. Чтобы не потерять себя, на концерт пришли покровские пацаны с раскаленными паяльниками.

ОМОН разогнал пацанов, а педики бежали в аэропорт.

По городу бегал сумасшедший Мастер вот с большими глазами:

- На город напали инопланетяне!

Устами юродивого говорила истина: на Красноярск действительно напали инопланетяне, в качестве базы захватившие Красноярский оперный театр. Навстречу Мастеру попался Валера Черный, один из спонсоров инопланетного десанта. Мастер отобрал у Валеры костыль и, прицелившись, выстрелил вслед улетающему «ТУ – 154». Послышался загробный вой сотни бесов. За городом ударил взрыв – это накрылся американский хор.

- Ну, все! Не будет никому пощады! – крикнул Валера Черный и кинулся почему-то в поисках квартиры поэта Качинского.

- Скомкает Бог мою душу и бросит

В бездну Веленной как свой черновик.

Лифт с музыкальным звоном остановился на тридцатом этаже как раз напротив бронированной двери, за которой слышались странные крики и вопли. Вдруг дверь распахнулась, и с квартиры принялись вылетать всякие бомжи с грязными стаканами в черных лапах – это Марьям, вернувшись домой, выметала метлой богему, что прижилась в квартире Качинского с его согласия.

Богема с воплями бежала, дверь с грохотом захлопнулась, а растерянный Валера поднял с кафельного пола пластмассовый стакан, из которого пили десятки людей, никак не связанные между собой. Пили бомжи, пила богема, пили воры. Пили коньяк, пили и спирт, выливая в полосатую пасть жуткую смесь, настоящую на палочках Коха, и с бледными сифилисными спирохетами. Пили, умирали и вновь пили. Выпил и Валера, налив себе из потайного карманчика бодягу, купленную даром у теплотрассы – на дорогой коньяк не хватило какого-то доллара, который у него вывернули с карманами. Спирт, завезенный из Бразилии, разгруженный в Сухуми из танкеров в спиртовозы, и лично доставленный богатейшему в России банкиру дал в ногах такую слабость, что Валера Черный не успел дойти до туалета. Моча потекла через гнилую дыру на месте бывшего детородного органа и обильно орошила волосатые как у обезьяны ноги. Валера Черный уже не способен был навредить ни одной женщине в мире, но он мечтал поставить точку в своем блестящем романе: "И Марьям овладела мною!"

Черный постучал костылем в железную дверь, никто не отозвался. Тогда Валера, приставив костыль к замку, выстрелил. Образовалась дыра размером с голову. Дверь тихо открылась, Валера зашел в помещение, густо затянутое дымом, и тотчас ему в грудь по рукоятку вошли три ножа – это дети Качинских принялись тренироваться на манекене.

Обычному смертному хватило бы одного ножа. Но Валера был бессмертен, как само зло, как бессмертно черное небо, на черном бархате которого блестят алмазы звезд.

С ножами в груди Валера Черный принялся шарить костью в густом дыму, намереваясь найти детей Качинского и выбросить их с тридцатого этажа. Меж тем дети все как один были бойцовского качества и длинными пиками доставали Черного, сами, находясь в относительной безопасности. Валера Черный, взывая от боли, выстрелил из второго гранатомета. Стекло, вывалившись целиком, разбилась на глазах прохожих на миллионы самодельных алмазов.

Люди в недоумении собрались вокруг большой кучи стекла, упавшей из-под самой крыши. У многих стекло было не только в карманах и волосах, но и даже под нижним бельем. Страхивая стеклянную пыль, люди из-под руки следили за исходом битвы на тридцатом этаже, откуда доносились истошные крики.

Меж тем сам поэт Качинский на пару с Денисом Заречным ходили по базару, единственному мирному месту в Красноярске. Только здесь мирно уживались десятки национальностей бывшего СССР. Правда, знакомый азербайджанец жаловался:

- Мы стали иностранцами как китайцы!

Дядька с Украины, что продавал яблоки из-под Чернобыля, тоже жаловался, но уже на кавказцев:

- Сначала съедают сами, а то, что выходит из задницы, продают на десять рублей дороже!

К своему изумлению Качинский обнаружил на базаре листовки со своим портретом. Такие листовки клеились раньше у отделения милиции под объявлением о розыске. Это Валера Черный, обычно жадный до патологии, не пожалел денег на дискредитацию поэта. Акция дала результат, и вот уже бабушки, несущие домой любимому внуку единственное яблочко, купленное на пенсию, плевались вслед Качинскому: "Коммуняка".

Безработный Качинский срывал листовки с портретом в анфас и профиль, а над головой пролетал последний Змей-Горыныч, каркая разом в три мегафона: "Демократия, реформа, понимаешь!" Базар задирает голову, и кавказцы сочувственно кивали большими кепками:

- Бэдняка, президента съел, однако!

Но кавказский юмор не нравился закаменским вора в законе. Коренные чалдоны страшно противились обилию беженцев со всех фронтов – свой брат исхудал настолько, что ни в одном кармане не звенит. Словом, скоро мир покинул и базар, последний кусочек рая в сибирском аду. Ухнуло в одном конце базара, отозвалось в другом. И вот уже всюду затрещали помповые ружья, чей заряд пробивал насквозь автомобильный мотор.

Панический страх вот с такими большими глазами поднял всех на ноги и взрывной волной понес толпу сквозь торговые ряды. Могучие кавказцы несли на широких плечах деревянные лотки и бетонные заборы.

- Е-мое – только и смог сказать поэт Денис, грустными глазами провожая взбешенную толпу, что подобно стаду быков, неслась через Каменку в гору. И вот уже вся Караульная сопка покрылась кожаными куртками. Куртками и шапками, всевозможными игрушками и фруктами был усеян и сам ба-

зар – не ленись, подбирай. Но уже отряд омовцев в касках и бронежилетах принялся добивать то, что не успели разрушить сами кавказцы, разнося базар в щепки.

Качинский, несмотря на годы, вспомнил молодость, ловко катнулся по асфальту, сгруппировавшись и защищая голову руками. Таким образом, пролетев сквозь строй железных ребят, Качинский смотался сам и успел прихватить товарища. Правда, Денису досталось по спине и ягодицам, но гораздо круче пришлось закаменским ворами, что корчились под ударами дубинок, никак не желая покинуть райский уголок, где можно прокормиться. Некоторые прыгали в зловонную Каменку, и скоро народу в речке стало больше чем воды.

Поэты, втянув головы, скачками неслись мимо бронированных омовцев, и носки кованых ботинок со свистом пролетали над их головами – один удар разворотил горб Качинского. Качинский со слезами на глазах кинулся домой под защиту любимой жены, что и умоет его и перевяжет, и напоследок и грудь даст пососать, лишь бы дитя не плакало. Под конец досталось все-таки и Денису. Денис со сломанным ребром улетел в подвал брошенного дома.

- Сволочь – плюнул вслед омоновец, ненавидя христосика с грустными глазами – Такие вот и продали Рассею.

В доме поэта тоже шла война. Маленькие мальчики, с такой же первой группы крови как у Качинского, во главе с матерью с трудом отбивались от озверевшего шнобелевского лауреата. Чем яростнее шла битва, тем больше зрителей стекалось к дому Качинского. Можно сказать у известного в городе небоскреба собрались все герои романа. Вот сварщик Рудик Набиулин и Александр Федорович Керенский, друг детства Качинского растягивали с помощниками батут, предназначенный для гимнастов. Доктора Корабельников и Булочкин подготовили носилки и перевязочные средства. Борис и Алла Кокаревы организовали прохожих на собирание картонных коробок. И вот уже на асфальте выросла целая гора подобно тем, что организуют для каскадеров во время съемок. Медсестры Маргарита, Клавдия и военврач Валентина Петровна развернули походный госпиталь с палатками для реанимации. Вся редакция "Красноярских костров" в составе критика Пирогова и старшего редактора Чеснокова суежилась по сбору макулатуры, которую также обильно сваливали вокруг небоскреба. Жители ближайших домов несли старые книги и надо сказать, что все это сработало очень здорово.

Злобный повестушник Валера Черный, объявленный Человеком года, исхитрился таки, прыгая на одной ноге, поймать мальчиков за шиворот и подтащить их к краю пропасти. Мальчики не в пример отцу все как один бойцовского качества отчаянно кусались и дрались. Но слишком малы были юные дошкольники. Вот уж они висели в воздухе, отчаянно цепляясь за край стены с рваными стеклянными осколками, изрезав пальчики в кровь. Тем временем Черный вытащил из норы последнего детеныша и кинул в пропасть. Обезумевшая от горя мать бросилась на Валеру Черного и, прихватив его с собой, тоже взмыла в воздух вслед за детьми.

Марьям взмыла в воздух, но не упала! Произошло нечто странное. Вдруг и Марьям, и ее дети стали легче воздуха, и подобно связке воздушных шаров поплыли в небе, гонимые ветром.

От страшных криков матери проснулось вечно сонное небо. Многоцветные лучи приклеились к спинам детей, и только один из них богатырь Ваня начал падать, но не так быстро, чтобы разбиться. Ванечка упал на брезент, растянутый пожарниками. С брезента рикошетом упал на книги, а тут уже и сам Качинский поймал в воздухе неуклюжего медвежонка, будущего чемпиона по борьбе без правил.

С тяжелым грузом на руках Качинский наблюдал за плывущей в воздухе Марьям в окружении четырех воздушных детей. Скоро святая семейка скрылась в облаках, и Качинский. Немой от горя. С единственным сыном на руках, обливаясь слезами, поплелся доиой. Какие-то дальние родственники забрали Ваню.

Поэт пытался проникнуть в квартиру, но лифт был отключен, как и весь дом из-за долгов за электричество. Все же по окружной лестнице Качинский поднялся наверх, где разрыдался при виде страшного погрома. Он уже и сам был готов прыгнуть в страшную пропасть без дна, но тут чья-то мягкая рука легла на его плечо. Качинский резко обернулся и в слабом свете дрожащей свечи увидел Иисуса Христа. И лишь секунду спустя понял, что это Денис Заречный.

- Напугал – сказал, тяжело дыша Качинский – Ну, вылитый пророк.

- Пойдем, брат мой – сказал Денис и, освещая немеркнувшей свечой, повел Качинского по ночному Красноярску, необыкновенно страшному и красивому одновременно.

Красочная картина ждала Качинского и в родовом гнезде поэта, куда он вернулся в скорби и отчаянии.

Подобно большой люстре висел над двором Млечный путь. Звездную иллюминацию украшал парад планет. Низко висел Марс с красными пыльными бурями. Следом плыла кипящая от переизбытка любви Венера.

Сам великий двор родового гнезда был плотно забит молчавшим народом, что со свечами в руках напряженно следил за одноногим оратором, что-то вещающим с белой скалы, как с трибуны. Качинский спрашивал у людей, что за митинг, и ему отвечали тихо как на похоронах, что сегодня, дескать, день памяти великого гражданина, проживавшего здесь когда-то сотню лет назад. Качинский протискивался сквозь ряды хорошо одетых людей и с удивлением открывал, что все в этом месте необычное. И сам дом Качинского, стоящий на скале, и флигелек в глубине двора были странным образом отшлифованы, покрыты лаком настолько, что не за что было зацепиться. Качинский заглядывал во все углы – все на месте, но все заново выделано, и каждая вещь служила не хозяину, а вечности. Вот толпа разом обернула головы в сторону дверей, где жил сам Качинский – двери открылись и вышли родители Качинского необыкновенно молодые и красивые, словно ожившие с довоенных фотографий. Следом вышли дети, внуки, правнуки...

И тут ноги Качинского задрожали, подкосились, он едва не упал от страшной боли в спине. Денис подхватил вовремя, и они двинулись краем горы Караульной со стороны часовни.

Часовня была ярко освещена, стояла большая толпа числом не менее, чем во дворе Качинского. Шла странная служба сразу на нескольких языках с непонятным текстом, а сама часовня переливалась меж тем как алмазная, словно сделана была из сплошного драгоценного камня..

Боль в спине нарастала, казалось он лежит на операционном столе и бригада хирургов полосует его без наркоза, производя непонятную операцию.

- Не могу! – сказал Качинский сопровождающему Денису.

Невыносимая боль погнала Качинского вниз к городу, внезапно запестрешему множеством огней. Каждое здание, каждое дерево было расцвечено множеством гирлянд из необыкновенно лучистых лампочек. Качинский бежал вниз под гору и чувствовал, что с каждым шагом кровь все сильнее течет по спине. Горб разрывает страшная боль, и что-то необыкновенное разворачивается за его спиной.

Внезапно за спиной послышался хлопок как от купола парашюта. Качинский изумленно повернул голову и увидел два гигантских крыла. Крылья помимо его воли уже на самом краю пропасти подняли его в воздух...

Конец 1 части.